

СИАСЕТ-НАМЭ

КНИГА О ПРАВЛЕНИИ
ВАЗИРА XI СТОЛЕТИЯ
НИЗАМ АЛ-МУЛЬКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СИАСЕТ-НАМЭ

КНИГА О ПРАВЛЕНИИ

ВАЗИРА XI СТОЛЕТИЯ

НИЗАМ АЛ-МУЛЬКА

П Е Р Е В О Д,
ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА
И
ПРИМЕЧАНИЯ
ПРОФЕССОРА
Б. Н. ЗАХОДЕРА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 4 9

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы и серии
„Итоги и проблемы современной науки“

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
С. И. ВАВИЛОВ

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

член-корр. АН СССР
Е. Э. БЕРТЕЛЬС

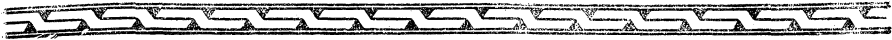
СИАСЕТ ~ НАМЭ

П Е Р Е В О Д

Во имя бога, милосердного и всепрощающего! Хвала богу преславному и всемогущему, творцу земли и неба, познающему явное и тайное, прощающему грехи. Слава Мухаммеду, превосходнейшему из пророков, избраннику бога мира, принесшему священное писание, предстателю за народы, сподвижникам его и всему его семейству!¹

Причина составления сочинения. Говорит переписчик книг хранилища:² причина составления этого сочинения такова: счастливый султан Абу-л-Фатх Малик-шах сын Мухаммеда, доверенный повелителя правоверных, — да озарит бог его могилу!³ — приказал в четверста восемьдесят четвертом году⁴ некоторым лицам из вельмож, старцев и мудрецов: „Пусть каждый поразмыслит о нашем государстве; посмотрите, что есть в наш век такого, что нехорошо, и что тем не менее выполняется при нашем дворе, в диване, на государевых приемах и собраниях. Напишите все, что от нас скрыто, какие обязанности и как выполняли государи до нас, а мы не совершаем, также все, что было в обычае и правилах прежних царей, все, что может иметь касательство к державе и царству сельджуков, и представьте на благоусмотрение, дабы мы поразмыслили и приказали, чтобы впредь духовные и светские дела совершались по своим² правилам, чтобы исполнялась каждая обязанность и удалилось бы все, что нехорошо. Бог, преславный и всемогущий, удостоил нас владеть этим миром, обратив на нас полноту благодеяний, покорив врагов. Не надлежит, чтобы что-либо имело недостаток в нашем государстве, недостойно выполнялись обязанности или что-либо было скрыто от нас“. Это указание он сделал Низам ал-мульку, Шараф ал-мульку,⁵ Тадж ал-мульку,⁶ Маджид ал-мульку⁷ и другим лицам подобного сана. Они написали, что каждому довелось

относительно этого и представили на высочайшее благоусмотрение. Ни одно писание не было так одобрено как Низам ал-мулька. Он сказал: „Эти все главы написаны так, как хотело мое сердце; к этому нечего добавить. Я делаю эту книгу своим руководством, буду по ней действовать“. Эту книгу я переписал для хранилища и преподнес, — даст бог, станет одобренной! Любому государю, любому властителю неизбежно следует иметь и знать эту тетрадь, особенно в наше время. Чем более ее будут читать, тем более проявится бдительности в мирских делах, шире откроется путь правильных мероприятий, станут яснее порядок и правила двора, государева приема, дивана, собрания, ристалища, дел и поступков старшин войска и народа. Ничто, даст бог, не останется скрытым в государстве, ни малое, ни большое, ни далекое, ни близкое. Эта книга составлена в пятидесяти главах, в таком порядке.

- 3 Список глав.⁸ Глава первая: об обстоятельствах, круговращении времен, восхваление владыки мира, да укрепит бог его царство! Глава вторая: о благодарности государей за благодеяния всевышнего. Глава третья: о разборе государем обид, правосудности и упражнении в добром житии. Глава четвертая: об амилях, постоянном разузнавании о делах вазира, гулямов и других. Глава пятая: о мукта, о разузнавании, как они обращаются с народом, об их положении. Глава шестая: о казиях, хатибах, мухтасибах, об обстоятельствах успешности их дела и об обидах от них. Глава седьмая: о разузнавании о делах амиля, казия, шихнэ, раиса, об условии начальствования. Глава восьмая: об исследовании и разведывании дел веры, шариата и подобного этому. Глава девятая: о мушрифтах державы и ответственности их, без обиды. Глава десятая: о сахибхарах, фискалах и о соблюдении ими государственных предначертаний. Глава одиннадцатая: о почтении к высочайшим фирманам и приказам, которые пишут со двора. Глава двенадцатая: о посылке гулямов со двора по важным обстоятельствам и большим делам. Глава тринадцатая: о посылке лазутчиков и мероприятиях ко благу государства и народа. Глава четырнадцатая: о постоянной посылке курьеров и летунов. Глава пятнадцатая: об осторожности при отдаче приказов в состоянии опьянения и трезвости. Глава шестнадцатая: о придворном вакиле и успешности его дела. Глава семнадцатая:

о надимах и ближних у справедливого государя. Глава восемнадцатая: о совещаниях государя в делах с учеными и мудрецами. Глава девятнадцатая: о муфридах, их снаряжении, порядке их дел и обстоятельств. Глава двадцатая: о распорядке в отношении оружия, украшенного драгоценными камнями, о государевом приеме. Глава двадцать первая: об обстоятельствах, касающихся послов, и о том, как следует устраивать их дело. Глава двадцать вторая: о приг⁴отовлении на остановках. Глава двадцать третья: о ясности во всем имущественном состоянии войска. Глава двадцать четвертая: о содержании войска разного рода. Глава двадцать пятая: о вызове заложников и пребывании их при дворе. Глава двадцать шестая: о содержании на службе туркменов на том же основании, как содержатся гулямы, турки и другие. Глава двадцать седьмая: о неутруждении рабов во время службы и распорядке их дня. Глава двадцать восьмая: относительно государевых приемов для приближенных и для всех. Глава двадцать девятая: о распорядке собраний для винопития и правилах их устройства. Глава тридцатая: о порядке стояния рабов и низших во время службы. Глава тридцать первая: о приготовлении убранства, оружия и снаряжения во время войны и похода. Глава тридцать вторая: о нуждах и требованиях войска, слуг и свиты. Глава тридцать третья: о выговорах лицам, поставленным на высокие должности, в случае их ошибок и проступков. Глава тридцать четвертая: о стражах, часовых и привратниках. Глава тридцать пятая: об убранстве доброго стола и распорядке его у государя. Глава тридцать шестая: о вознаграждении достойных слуг и рабов. Глава тридцать седьмая: о мерах предосторожности по отношению к владельцам икта. Глава тридцать восьмая: о неторопливости государя в делах. Глава тридцать девятая: об амир-и-харас, чубдарах и об орудиях наказания. Глава сороковая: о милосердии государя к людям и о следовании во всяком деле и обычае правилам. Глава сорок первая: о том, чтобы не приказывать двух должностей одному человеку, не имеющему же дела поручать должность, а не оставлять их без должности, и должность поручать людям чистой веры, достойным, а не поручать должности плоховедам, еретикам. Глава сорок вторая: о носящих покрывало, о соблюдении порядка чинов командиров войска. Глава сорок

третья: об обнаружении дел еретиков этого царства, они же враги ислама. Глава сорок четвертая: о появлении Маздака, его учении и как погубил его Нуширван. Глава сорок пятая: о восстании Сумбада Габра и появлении хуррамдинцев. Глава сорок шестая: о выступлениях карматов и батинитов в Кухистане, Ираке, Сирии, Хорасане, Хузистане, Бахрейне, Ляхсе, Магрибе; о разрухе и убийствах, которые они учинили. Глава сорок восьмая: о восстаниях хуррамдинцев в областях Исфахана и Азербайджана. Глава сорок восьмая: о владении казнохранилищем и о соблюдении правил по распорядку. Глава сорок девятая: о даче ответов, проведении дел челобитчиков, и о совершении правосудия. Глава пятидесятая: о наблюдении за расчетом и налогами, о порядке этого.

Сначала Низам ал-мульк разом выразил тридцать девять глав в кратком виде, после того поразмыслил и по причине горя, которое было на его сердце из-за супротивников державы, прибавил еще одиннадцать глав.⁹ К каждой главе он добавил то, что было подобающим для той главы и во время своей поездки дал мне. Когда затем с ним этакое случилось в пути,¹⁰ я не осмелился объявить об этой книге до настоящего времени, пока справедливость и ислам не упрочили пребывание владыки мира. Да продлит всевышний эту державу до дня восстания из мертвых в своей благости и великодушии!

Глава первая.

О делах людей и времен; хвала владыке мира Гис ад-дуниа ва-д-дин,¹¹ да святится тайна его!¹²

Всевышний в каждую эпоху избирает одного из людей, прославляет и украшает его достоинствами государя. Он связывает с ним благо вселенной и спокойствие рабов; от него же зависят разруха, смуты, мятежи. Страх и трепет перед ним распространяет он пред сердцами и очами тварей, дабы люди проводили дни в его правосудности, были бы спокойны и жаждали бы продления его державы. Если же среди рабов проявится мятежность, небрежение к шариату или преступление в отношении повиновения всевышнему и он захочет послать им наказание, дать им вкусить возмездие за их деяния, — да не даст бог, преславный и всемогущий, нам такого удела, да удалит от нас этакое несчастье! — то таким людям всевышний пошлет невзгоды всякого рода: злосчастье мятежа, гнев, оставление без помощи; они лишатся доброго государя, друг на друга обнажатся мечи, польется кровь; тот, у кого сильнее длань, будет действовать, как захочет, так что грешные люди погибнут в этих несчастиях и кровопролитиях, подобно тому, как огонь, падая в заросль тростника, сжигает начисто не только то, что сухо, но и то из сырого, что соседствует с сухим. Затем при божественной помощи одному из рабов достанется счастье и удача, всевышний бог ему пожалует по его достоинству преуспевание, даст разум и знание,¹³ дабы он в силу этого разума и знания содержал каждого из своих подручных сообразно их достоинствам, каждому положил по его силе чин и место, избрал бы среди

людей слуг и челядинцев, дал бы каждому из них положение и степень, доверяясь им в отношении духовных и мирских важных дел. Народ же, который идет по пути повиновения и занят своим делом, он освобождает от невзгод и да проводит он свои дни в спокойствии под сенью его правосудия. И опять-таки когда обнаружится со стороны кого-либо из слуг и чинов недостойность и своеволие, а они через наставление, совет и порицание исправятся, очнутя от сна невежества, — то пусть такового возьмет на то же дело; если же не очнется, — пусть не оставляет, а заменит его кем-либо, кто достойнее. Тех же из людей, кто, не цenia милости, не разумеет благ безопасности и спокойствия, в душе замышляет измену, проявляет непослушание и дерзает, следует наказать сообразно их прегрешениям, спросить с них по размеру их преступления, затем простить. Еще к нему имеет отношение все, что связано с благоустройством мира: проведение каризов, откапывание каналов,¹⁴ построение мостов над великими токами вод, устройство селений, пашен, построение крепостей, новых городов. И пусть он устраивает возвышенные строения, прекрасные местопребывания и приказывает строить рибаты на больших дорогах, от таких трудов имя его останется навсегда, он получит достойное вознаграждение за это на том свете, за него будут постоянно добрые молитвы. Так как предопределение всевышнего восхотело, чтобы в это время 7 возобновилась история прошедших времен и пошла бы согласно образу деяний прежних царей, а людям было бы пожаловано счастье, о котором до того и не помышляли, то он произвел владыку мира, величайшего султана¹⁵ от двух великих корней, так что царственность и предводительство в их семействе от отца к сыну до великого Афраснаба. Он украсил его чудодейственностью, величественностью, которых не доставало владыкам мира, он пожаловал ему все, что подобает царям: красивую наружность, добрый нрав, справедливость, мужество и храбрость, мастерство верховой езды, знание, умение владеть всякого рода оружием, понимание искусств, благоволение и милосердие к народу, верность в исполнении обетов и обещаний, правильную веру, любовь к доброму образу мыслей, послушание богу, исполнительность по части ночных молитв и продолжительности постов, почтение к людям возвышенного знания,

уважение к подвижникам, благочестивым и мудрым людям, постоянную благотворительность, хорошее отношение к нищим, добронравие и обходительность с подручными и слугами, умение оберегать народ от угнетателей. Поэтому всевышний в меру достоинств и правой веры подчинил ему державу и власть одновременно над двумя мирами, державность и благоговейный трепет перед ним он распространил на все климаты, дабы миряне, являясь плательщиками хараджа, пользовались бы спокойствием под сенью его меча, благодаря этому жертвоприношению. И во времена некоторых халифов происходило также расширение и увеличение царства, и также никогда не обходилось без тревог, не было свободно от беспокойств и выступлений отступников. Ныне слава богу, в это благословенное время нет никого во всем мире, кто замышлял бы смуту или чья бы голова высывалась из ошейника послушания. Да хранит постоянно всевышний эту державу до дня восстания из мертвых! Да удалится от этого государства „дурной глаз“ и „аин-ал-кимал“!¹⁶ Да живет народ в справедливости и правлении владыки мира, воссылая добрые молитвы. А когда обстоятельства державы таковы, как только что было указано, то и мера знания и понимание добрых обычаев соответственны державе. Знание его подобно светочу, от которого зажжется много света, а люди благодаря этому свету найдут дорогу и выйдут из тьмы. И нет ему нужды ни в каком советнике, ни в проводнике. Однако у государя бывают мысли, которых рабы не понимают, так как не постигают меры обстоятельств, разума его и знаний. И вот он приказал сему рабу: „опиши добрые качества, без которых невозможно быть государям, все то, что применяли прежние государи и теперь не исполняется, как похвальное, так и не похвальное“, сему рабу пришло на память то, что он слышал, знал, читал, он и написал согласно высочайшей воле в кратком виде эти несколько глав, приведя в каждой из них в ясных выражениях то, что приличествует каждой главе,¹⁷ с помощью бога, преславного и всемогущего.

Глава вторая.

О благодарности государей за благодеяния всевышнего.

Государям надлежит блюсти божье благоволение, да возвеличится его достоинство, а благоволение господа, да восславится его имя, в милостях, оказываемых людям, и достаточной справедливости, распространяемой среди них. Когда молитвы народа — во благо государя, когда государство — крепко, со дня на день увеличивается, тому царю благоприятствует счастье и судьба, он приобретает в сем мире доброе имя, а в том — спасение. И спрос с него легче. Ведь сказано: царство существует и при неверии, но не существует при насилии; значение этого таково:* царство держится при неверии и не держится при притеснении и насилии.

Рассказ относительно этого: в преданиях приведено, что Иосиф — мир над ним! — завещал, уходя из мира: „Похороните меня вблизи деда моего Ибрахима, мир над ним!“ Когда принесли гроб Иосифа к ограде, появился Гавриил — мир над ним! — и сказал: „Это — не его место, ибо в день страшного суда, ему придется держать ответ за свое царствование“. Так было поступлено с Иосифом, посмотри, каково будет с другими!

- 9 Предание. В предании от посланника — мир над ним! — приведено: на страшном суде у тех, кто имел власть над народом, руки будут связаны на шее; если был справедлив, правосудие развяжет его руки и он отправится в рай; если был несправедлив — со связанными руками бросят в ад.

---

* арабское выражение, переведено затем по-персидски.

Предание. Также сказано в предании: в день страшного суда спросится со всякого, кто имел власть или над народом, или над живущими во дворце, или над подручными. Также спросят ответ с пастуха за овец, которые он пас.

Предание. Говорят, что Абдаллах сын Омара ал-Хаттаба — да будет над ними обоими божье благословение! — спросил у своего отца, уходящего из этого мира: „Когда я увижу тебя, отец?“ Сказал: „На том свете“. Сказал: „Хочу скорее“. Сказал: „В первую, во вторую или в третью ночь увидишь меня во сне“. Прошло двенадцать лет, и он его не видел во сне. Через двенадцать лет он увидел его во сне и сказал: „О отец! Не говорил ли ты, что я увижу тебя через три ночи“. Сказал: „Я был занят. В окрестностях Багдада¹⁸ разрушился мост; мои зрители не обратили внимания на это; у одного барана нога провалилась в дыру и сломалась — до сего времени я держал за это ответ“.¹⁹

По истине владыка мира — да увековечит бог его царство! — должен знать, что в тот великий день от него потребуют ответа за всех тварей, бывших под его приказом; если он будет слагать вину на другого, — не послушают. А если так это, то царь не должен препоручать сего важного дела другому, пусть не будет беспечен к своему делу и народу, чтобы он мог [в тайне и въяве расследовать их обстоятельства, укорачивать длинные руки и обуздывать насилия насильников, — тогда, с помощью единого бога будут благословенны его время и держава.

---

*О разборе государем обид, правосудности и упражнении
в добром житии.*

Неизбежно государю раза два в неделю разбирать жалобы на несправедливости, наказывать обидчиков, лелеять беспристрастие и, творя правосудие, выслушивать народ самолично, без посредника; заявления, которые поважнее, пусть доложат, а он на каждое даст приказ. Когда распространится по государству этаким слух, что владыка мира созывает к себе челобитчиков и жалобщиков два раза в неделю и выслушивает их речи, все обидчики устроятся, прекратят насилия и никто не осмелится из-за страха наказания совершать обиды и своеволия.

Рассказ: прочитал я в книгах предшественников, что по большей части цари Аджамы²⁰ устраивали высокий помост, въезжали на него верхом на коне, дабы видать всех челобитчиков, собиравшихся вокруг поля, и каждому творили суд. Причина этого обычая такова: когда государь сядет в таком месте, как дворец, где преграды, сени, завеса, то корыстные люди и притеснители задерживают того человека, не подпускают к государю.

Рассказ. Я слышал, что один из царей был туговат на ухо. А он подозревал, что те лица, что пересказывают, не передают ему правильно речей челобитчиков, потому он, не понимая сути, приказывает несоответственное делам. Вот он и распорядился, чтобы челобитчики надевали красные одежды, никто же другой чтоб их не надевал, — дабы мне узнавать их! Этот царь садился на слона и останавливался в поле: увидав одетых в красное, он

приказывал, чтобы их собирали вокруг, затем он сел в уединенном месте, подзывал их по одному, чтобы они рассказывали о своем деле громким голосом, и творил им беспристрастный суд. 11 Все эти предосторожности совершались из страха ответственности на том свете, дабы ничего не было скрыто!²¹

Рассказ. Был один из саманидов справедливый эмир; звали его Исмаил сын Ахмеда. Он был чрезвычайно справедлив и наделен многими добродетелями: обладал чистой верой в бога, преславного и всемогущего, был благодетелем бедняков, что показано в его жизнеописании. Этот Исмаил был тем эмиром, что сидел в Бухаре, а его предки владели Хорасаном, Ираком, Мавераннахром.²² Якуб сын Лейса выступил из Систана, захватил весь Систан. Его соблазнили миссионеры; он стал поступать по закону исмаилитов. Замыслив плохое против багдадского халифа, он вознамерился пойти на Багдад, чтобы погубить халифа, истребить дом Аббаса. Халиф получив известие, что Якуб собрался на Багдад, отправил посла: „у тебя в Багдаде нет никакого дела. Лучше держи и блюди Кухистан, Ирак, Хорасан, дабы не возникло беспокойство. Возвращайся!“ Якуб не подчинился. Он отвечал: „У меня такое желание, — непременно прибыть к твоему двору, чтобы установить условия моей службы и возобновить присягу. Пока это не исполню, обратно не вернусь“. Сколько ни посылал халиф послов, Якуб давал тот же самый ответ, затем он собрал войско и направился на Багдад. Халиф обеспокоился, созвал знать столицы и сказал: „Вижу, что Якуб сын Лейса вышел из повиновения; он идет сюда с предательскими намерениями; ведь мы его не звали, я ему приказываю — возвращайся! — не возвращается. По всему видно, что кроет измену в сердце. Полагаю, что он присягнул батинитам. Но это он не откроет, пока не прибудет сюда. Не следует нам быть беспечными по отношению к нему. Как надо поступить в этом деле?“ Положили на том: халифу не находиться в городе, а выйти в поле и там расположить стан и лагерь; всем же приближенным и знатым Багдада быть с халифом. Когда Якуб появится и увидит халифа в поле с войском, замысел его окажется ошибочным, а его мятежность станет повелителю правоверных очевидной. Люди же в лагерях будут сноситься одни с другими; если он питает

враждебные замыслы, то ведь не все эмиры Ирака и Хорасана единомышленны и согласны с ним в том, что он замышляет. „Когда Якуб проявит мятежность, мы сможем хитростью смутить его войско, а в случае если попадем в трудное положение — перед нами открытая дорога, мы не окажемся в положении пленных, запертых в четырех стенах, и сможем уйти в другое место“. Повелитель правоверных одобрил этот план. Так и сделали. Халифом 12 тогда был ал-Мутамид алилахи Ахмед. Когда Якуб сын Лейса прибыл, он расположился против халифатского лагеря и оба войска перемешались. Якуб сын Лейса обнаружил свою мятежность, послал к халифу сказать: „Покинь Багдад, а сам ступай, куда хочешь“. Халиф потребовал отсрочки на два месяца; Якуб не дал отсрочки. Ночью халиф отправил тайно одно лицо к войсковым начальникам Якуба. „Он открыто проявил мятежность, стоит заодно с еретиками, — да проклянет их бог! — пришел лишь затем, чтобы искоренить нашу семью, посадить врагов на наше место. Будете вы ему помогать или нет?“ Одни отвечали: „Мы от него получаем хлеб, это благосостояние получили на его службе, что он сделал — мы сделали“. Но большинство отвечало: „Нам ничего не было известно об этом деле, полагаем, что Якуб, никогда не будет враждовать с повелителем правоверных; если открыто обнаружится вражда, мы на то не согласимся; в день встречи будем с тобою и во время битвы перейдем на твою сторону, тебе поможем“. Так отвечавшие были эмиры Хорасана. Когда халиф убедился, что войсковые начальники Якуба таковы, он обрадовался; на другой день, укрепившись сердцем, он послал сказать Якубу: „Ты проявил неблагодарность за благодеяния. Меч между мной и тобой. Я не страшусь, хотя мое войско мало, а твое — велико“. Он приказал войску взять оружие, бить в барабаны войны, трубить в горны мщениия и выстроиться в поле. Когда Якуб сын Лейса это увидел, он произнес: „Я достиг своей цели“. Он также приказал бить в барабаны; его войско село на коней и в боевом порядке двинулось в поле, установив ряды против войска халифа. Прибыл халиф, встал в центре на одной стороне, на другой — Якуб сын Лейса. Затем халиф приказал одному человеку, обладавшему зычным голосом, выйти между двух рядов и громко прокричать: „О воин-

ство мусульман! знайте, что Якуб стал бунтовщиком. Он прибыл затем, чтобы искоренить дом Аббаса, привести врага из Махдиэ,²³ посадить его на место халифа, отменить сунну,²⁴ открыто провозгласить ересь. Всякий, кто пойдет против наместника посланника божьего, будет подобен тому, кто вышел из послушания всевышнему и удалился из общины мусульман. Ведь всевышний неоспоримо приказывает в своей книге: „Повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику сему и тем из вас, которые имеют власть“.²⁵ Итак, кто из вас отдает предпочтение раю перед адом, пусть окажет помощь праву, пусть отвратит лицо от лжи, пусть будет с нами, а не против нас“. Когда войско Якуба услышало эти слова, эмиры Хорасана сразу отступили и перешли на сторону халифа, заявляя: „Мы полагали, что он идет согласно приказа, повиновения и службы. Теперь, когда он выявил свою враждебность и мятежность, мы — с тобою, пока живы. Обнажим мечи за тебя“. Как только халиф получил подкрепление, он приказал войску произвести общее нападение. Якуб сын Лейса был разбит при первом нападении и бежал в Хузистан;²⁶ было захвачено целиком его казнохранилище, и войско обогатилось от имущества. Достигнув Хузистана, Якуб разослал повсюду людей, привел войска, принялся созывать служилых людей, распорядился, чтобы привезли динары и дирхемы из казнохранилищ Ирака и Хорасана. Когда халиф узнал, что Якуб остановился в Хузистане, он немедленно послал ему послание с гондом. „Нам известно, что ты человек простодушный, обманулся словами врагов и не предвидел последствий поступков. Теперь ты видел, как проявил всевышний себя в отношении тебя; он поразил тебя твоим же войском. Это была оплошность с твоей стороны. Я знаю, что ты сейчас очнулся и раскаиваешься. Никого нет достойнее тебя на эмирство в Ираке и Хорасане, у тебя перед нами много прав на милость. Эту одну ошибку мы простили тебе за те заслуги, положили содеянное считать за несодеянное“. „Надо, чтобы он²⁷ позабыл о происшедшем, как мы позабыли об этом ужасе. Пусть скорее идет в Ирак и Хорасан блюсти владения“. Прочитав послание халифа, Якуб несколько не смягчился сердцем, не раскаялся в совершенном. Он приказал принести ему деревянное блюдо, положить на него зелень, рыбу, несколько луковиц, затем

14 распорядился ввести посла халифа, усадил его и, обратившись к нему, сказал: „Пойди и скажи халифу, что я — сын медника, от отца обучился делу медника; моей пищей были ячменный хлеб, рыба, зелень и лук. Эту власть государя, оружие, сокровища, добро я добыл удальским путем, львинным мужеством, — не от отца унаследовал, не от тебя получил.²⁸ Не успокоюсь, пока не отправлю твою голову в Махдию, пока не разрушу твой дом. Как сказал, так и сделаю, а не то вернусь к ячменному хлебу, рыбе и зелени. Я растворил двери сокровищниц, созвал войска и с таким намерением пришел“. Он отпустил посланца халифа, и как халиф ни ласкал его посланиями и гонцами, как ни ублажал дарами, все же он не отправился обратно, а, собирая войска, питал намерение пойти на Багдад. У него была болезнь колик в животе. Эта болезнь его охватила; дошло до того, что он понял — не освободиться ему от этой болезни; он сделал наследником своего брата, Амра сына Лейса, отписал на его имя все сокровища и умер.²⁹ Амр сын Лейса двинулся обратно. Он пошел в Кухистан, немного пробыл там, затем пошел в Хорасан. Он был государем и имел послушание. Войско и народ любили Амра более, чем Якуба, так как этот Амр был большого нравственного величия, щедрый, бдительный, правивший умело; его великодушие и щедрость были таковы, что одну кухню везли четырехста верблюдов,³⁰ — о другом можно заключить по этому. Однако у халифа все-таки существовало сомнение, не пойдет ли Амр также по пути брата, не предпримет ли завтра то же самое, что и брат. Хотя Амр не питал этих намерений, все же халиф подумывал об этом, постоянно тайно посылал в Бухару к Исмаилу сыну Ахмеда. „Встань на Амра сына Лейса, двинь войска, отними у него царство. Ты имеешь больше прав на эмирство в Ираке и Хорасане, так как это царство принадлежало твоим предкам, а он владеет, как захватчик. За тобою — право, это — одно, другое — у тебя похвальные качества, и третье — с тобою мои молитвы. Не сомневаюсь, что в силу этих трех данных всевышний окажет тебе поддержку против Амра. Не смотри, что у тебя немного войска, а прислушайся к тому, что говорит всевышний: „Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению божию. Бог с терпеливым“.³¹ Вот слова халифа подействовали на его сердце; он

решил сразиться с Амром сыном Лейса, собрал имевшиеся войска, перешел через Джейхун на эту сторону, пересчитал кончиком кнута, оказалось, что у него две тысячи всадников, причем из двоих лишь один имел щит, из двадцати один — кольчугу, из пятидесяти один — пику и был человек, который из-за отсутствия вьючного животного прикрутил кольчугу к седельным ремням.³² Двинувшись от Аму,³³ он подошел к Мерву. Когда Амру сыну Лейса сообщили, что Исмаил сын Ахмеда, перейдя через Джейхун, подошел к Мерву, а начальник Мерва бежал, и что Исмаил ищет власти, он засмеялся. Амр был в Нишапуре; он произвел смотр семидесяти тысячам всадников — у всех кони в панцырях, оружие и снаряжение в полной готовности — и двинулся на Балх. Когда оба войска сошлись и сразились, случилось так, что Амр сын Лейса был разбит у ворот Балха, а семьдесят тысяч его всадников обратились в бегство, причем ни один из них не был ранен, ни один не взят в плен, кроме самого Амра сына Лейса. Его привели к Исмаилу, и тот приказал поручить его охрану сторожам гепардов.³⁴ И вот одно из удивительнейших происшествий в мире. Когда совершили дневной намаз, по лагерю бродил один из бывших у Амра сына Лейса фаррашей. Он увидел Амра сына Лейса, весьма пожалел его. Амр подошел к нему и сказал: „Побудь сегодня вечером со мною, я остался совершенно один, — и прибавил, — пока я в живых, не обойтись без пищи. Приготовь мне что-нибудь поесть“. Фарраш достал ман мяса, попросил взаимы у воинов железный котелок, походил вокруг, собрал³⁵ немного сухого навозу, сложил вместе два-три булыжника, чтобы изготовить жаркое, положил мясо в котелок и отлучился попросить соли. День подходил к концу. Пришел пес, сунул морду в котелок, схватил кость, которая обожгла ему пасть, пес отдернул морду, дужка котелка³⁶ упала на его шею; от ожога пес бросился бежать и уволок кастрюлю. Увидав это Амр сын Лейса обернулся к войску и сторожам и сказал: „Вот вам пример: я — тот человек, кухню 16 которого утром везли четыреста верблюдов, а вечером уволок один пес“. Еще он сказал: „Утро провел я эмиром, а вечер окончил асиром“, что значит (в переводе с арабского): „утром я был эмиром, а вечером стал пленником“. Это происшествие одно из поразительных в мире! Но еще удивительнее, чем эти два случая, касающиеся

эмира Исмаила и Амра сына Лейса было следующее: когда Амр был пленен, эмир Исмаил сказал, обращаясь к вельможам и своим войсковым начальникам: „Эту победу мне даровал всемогущий бог, я никому не обязан этой милостью, кроме господа, да будет возведено его имя“. И еще сказал: „Знайте, что этот Амр сын Лейса был человеком большого великодушия и щедрости, владел оружием и большим войском, рассуждением, правильностью и неусыпностью в делах, он был хлебосолен и справедлив. Мое желание таково: постараюсь, чтобы он не претерпел никакого бедствия, провел остаток своей жизни в благополучии“.³⁷ Когда Амр сын Лейса услышал это, он сказал: „Я знаю, что мне никогда не освободиться от ига. Пришли же ко мне, о Исмаил! доверенное лицо, мне надо кое-что сказать. Пусть это лицо передаст тебе то, что услышит от меня“. Человек пошел и передал. Исмаил тотчас прислал к нему своего доверенного. Амр сын Лейса сказал присланному: „Передай Исмаилу: меня разбил не ты, но твои благочестие, праведность, добродетельная жизнь, а также недовольство повелителя, правоверных. Бог, преславный и всемогущий, отнял у меня это государство и вручил тебе. Ты удостоился этого блага, более заслуживаешь этой милости, я согласился с волей бога, преславного и всемогущего, и ничего тебе не желаю, кроме добра. Ты захватил теперь новое царство, а подмоги не имеешь; у меня же и брата моего имеются многие казнохранилища, сокровища, клады. Список всего этого находится со мною. Дарю все это тебе, да будет тебе это подмогой, чтобы ты стал сильным, собрал бы оружие, множество войска и наполнил свое казнохранилище“. Затем он достал список сокровищ³⁸ и вручил через того доверенного эмиру Исмаилу. Когда доверенный пришел, пересказал то, что слышал и положил перед Исмаилом список, он сказал, обратившись к вельможам: „Этот Амр сын Лейса по присущей ему догадливости желает выскользнуть из рук догадливых, а догадливых привести в тенета, предать их вечным мукам“,¹⁷ и, взяв список сокровищ, он бросил его доверенному, говоря: „Возврати ему этот список и скажи: ты хочешь многим своим хитроумием от всего отделаться. Откуда пришли эти сокровища к тебе и твоему брату? Ведь ваш отец был медником и вас обучил ремеслу медника. По небесному соизволению вы захватили царство, ваше

дело удалось благодаря отваге. А эти богатства твои в динарах и дирхемах, они ведь те самые, что ты силою отнимал у людей, они те, что произошли от цены пряжи старух, от припасов чужезмцев и путешественников, от имущества слабых и сирот. Ответ, который завтра вам придется держать перед богом, преславным и всемогущим, ты хочешь ловко переложить на мою шею; завтра вы скажете на страшном суде, когда вас схватят враги и потребуют вернуть то, что вы захватили неправдой, „все, что взяли от вас, мы препоручили Исмаилу, от него требуйте“. Вы передаете все это мне, а у меня нет сил ответить перед врагами, гневом и вопросами бога, преславного и всемогущего“. Из-за страха перед богом, преславным и всемогущим, и по благочестию, ему присутствующему, он отказался принять список сокровищ, отослал обратно, не поддавшись мирскому обману. Походит ли это на эмиров нашего времени, которые ради одного незаконного динара десять незаконностей превращают в законность и отменяют, не думая о последствиях?

Рассказ. У того же Исмаила сына Ахмеда был такой обычай: в дни, когда холод был особенно сильный, а снегу много, он в одиночестве садился верхом на коня, выезжал на площадь и, сидя верхом на коне, был там до полуденного намаза. Он говорил: „Может, кто из челобитчиков идет ко двору, имея нужду, а у него нет ни пропитания, ни места, где остановиться; по причине снега и ветра он не сможет нас увидеть, затруднительным покажется ему добраться до нас, а когда узнает, что мы находимся здесь, подойдет, представит свое дело и уйдет с миром“.³⁹ Многие рассказывают подобного этому о тех предосторожностях, что предпринимали 18 ради того света.

Глава четвертая.

*Об амилях, о постоянном разузнавании дел вазиров и гулямов.*⁴⁰

Амилям, которым дают должность, следует внушать, чтобы они хорошо обращались с людьми бога, преславного и всемогущего, не брали бы сверх законного налога, предъявляли бы свои требования учтиво, в хорошем виде, и пока у них рука не достигнет до урожая, пусть ничего у них не требуют; так как если потребуют прежде времени, создадут народу невзгоды и если придут во время сбора урожая,⁴¹ то по необходимости они будут продавать за полдирхема, из-за этого станут лишенными всего, бродягами. Если кто из народа окажется в затруднении, будет нуждаться в воде или семенах, надо ему дать в долг, облегчить его бремя, чтобы он остался на месте, не ушел бы из своего дома в скитания.⁴²

Рассказ по этому поводу. Я слышал такое: во времена Кубада, царя, был в мире в течение семи лет голод, прекратилось изобилие,⁴³ ниспосылаемое небесами. Кубад приказал амилям, чтобы они продавали имеющийся в наличии хлеб и зерно, частью же раздавали бы в виде милостыни, помогали бы беднякам через бейт ал-мал и казнохранилища. Таким образом во всем его государстве за эти семь лет не умерло ни одного человека от голода.⁴⁴ А все потому, что он налагал взыскания на чиновников.

Надо постоянно разузнавать о делах амилей.⁴⁵ Если у них все идет так, как мы упоминали, пусть должность будет сохранена за ними, если нет, следует замещать их достойными лицами. Если он возьмет у людей что-либо лишнее, следует это у него отнять и возратить обратно людям, а если у него есть что-либо из имущества, пусть возьмут для примера другим, дабы не чинили свое-

воля. Другой раздел:⁴⁶ следует также разузнавать о делах вазиров, ведут ли они дела подобающим образом или нет, так как благо и злополучие государя и его государства связано с вазиром. Вазир 19 хорошего поведения и рассудительности — государство благополучно, войско и народ довольны, спокойны, зажиточны, а сам государь — со спокойным сердцем; а когда плохого поведения, в государстве порождается такая разруха, что нельзя сказать; государь всегда в смятении, встревожен, владения — в смуте.

Рассказ. Рассказывают этакое: был у Бахрам Гура вазир, звали его Раст Равиш. Бахрам Гур препоручил ему все государство, ему доверился, и чтобы о нем ни говорили — никого не слушал, а сам занимался день и ночь увеселениями, охотой и вином. Этот Раст Равиш сказал человеку, который был наместником ⁴⁷ Бахрам Гура: „Народ от великой нашей справедливости стал невежа, обнаглел. Если их не наказывать, боюсь, не проявилась бы разруха, а государь занят вином, неосведомлен о делах людей и народа. Ты примени к ним суровое обращение прежде чем проявится разруха! знай, что наказания должны быть двух родов: злых уменьшать в числе, у добрых же хватать достояние; всякого на кого я скажу «забирай», ты бери“. Итак, у всякого, кого наместник хватал и сажал, Раст Равиш брал взятку, а затем приказывал наместнику: „освободи его!“ Хватали всюду и всякого, у кого было имущество, лошадь, гулям, красивая рабыня, поместье или хорошая деревня. Народ обнищал, разбрелись все именитые, ничего не собиралось в казнохранилище. А когда таким образом прошло некоторое время, у Бахрам Гура объявился враг. Бахрам Гур хотел было одарить свое войско, снарядить и послать на врага, — пришел в казнохранилище, ничего не увидал. Спросил об именитых людях, начальниках города. Сказали: „Уж столько-то лет, как такие-то и такие-то разорились, ушли в такую-то страну“. Сказал: „Почему?“ Отвечали: „Не знаем“. Никто страха ради не мог вымолвить слова о вазире. Бахрам Гур раздумывал весь тот день и всю ту ночь, не уяснялось ему, откуда это разорение. Огорченный, он сел ранней зарей на другой день на коня и отправился один в пустыню. Так он ехал задумавшись, пока солнце не поднялось высоко. Проехал семь фарсангов и не заметил. Было знойно, он почувствовал жажду, захотел напиться.

воды, поглядел в поле, увидел, что идет дымок. Сказал: „Наверное там люди“, и направился к тому дымку. Приблизившись, он увидел стадо отдыхающих овец, раскинутую палатку и повешенную собаку. Удивился, подъехал к палатке. Вышел человек, приветствовал его, помог сойти с лошади, принес ему кое-что поесть, а не догадался, что перед ним Бахрам. Бахрам сказал: „Ну-ка, сперва поведай нам, что произошло с собакой. Пусть мы узнаем об этом прежде, чем вкусим хлеб“. Молодец сказал: „Этот пес пользовался моим полным доверием в отношении овец. Я ценил его качества: он мог схватиться с десятью волками. Боясь этого пса, волки не ходили вокруг овец. Неоднократно мне приходилось по делам уходить в город, возвращаться на другой день, пес водил овец на пастбища и благополучно приводил обратно. Так было некоторое время. Однажды, пересчитывая овец, я заметил недостачу; так в течение нескольких дней я замечал, что число овец убывало. Воров здесь никогда не было. Никак не могу сообразить, отчего овец становится меньше? Стадо мое стало таким малочисленным, что когда пришел амир, что собирает садакэ⁴⁸ и потребовал у меня по прежнему обычаю садакэ, я был вынужден отдать на уплату садакэ всех оставшихся в моем стаде овец. Теперь я пастушествую для того амирия. А пес-то слюбился с волчицей, стал ее дружкой, а я и не предполагал такое дело! Однажды мне случилось пойти в поле за топливом. На возвратном пути поднялся на возвышенность, вижу: пасется овечье стадо, по направлению к нему трусит волк. Я присел за кустом и, притаившись, наблюдал. Пес увидел волчицу, подбежал, замахал хвостом; волчица спокойно остановилась, пес забежал сзади, слюбился, затем отошел в сторону и заснул; волчица же, вскочив в середину стада, схватила одну овцу, разорвала ее, сожрала, — а пес и голоса не подал. Когда я понял, что все мое разоренье произошло от собачьего беспутства, я схватил пса и повесил его за вероломство, которое от него обнаружилось“. Это происшествие поразило Бахрам Гура. Возвращаясь, он всю дорогу думал об этом случае, пока не запало ему в мысль: „народ — наше стадо, вазир — наше доверенное лицо; вижу, дела государства и народа в сильном разорении и расстройстве, — у кого ни спрашиваю, никто не говорит правды, скрывают. Самое правильное — это

разузнать об обстоятельствах народа и вазира“. Вернувшись в свое место пребывания, Бахрам Гур потребовал тюремные списки; стало очевидным мерзкое от начала до конца; он ясно увидел и понял, что Раст Равиш неправильно обращался с народом, творил несправедливость. Бахрам Гур сказал: „Это не правильное поведение, а ложь и кривда; верно утверждают мудрецы — вспомнил он притчу, — всякий кто соблазнится славой, будет испытывать нужду в хлебе, а кто изменит ради хлеба, будет нуждаться в одежде. Я сделал этого вазира всесильным, дабы все видели его в великолепии и пышности, и вот никто не осмеливается из-за страха вымолвить правдивого слова. Я должен поступить так: завтра, когда он придет ко двору, я лишу его перед людьми почета, заключу в темницу, прикажу, чтобы надели на его ноги тяжелые оковы, тогда позову к себе узников и спрошу о делах. Также прикажу, чтобы провозгласили всенародно, что мы сместили Раст Равиша с должности вазира, заключили в тюрьму и больше не будем поручать ему дел. Пусть придет всякий, кто претерпел обиду и имеет жалобу, пусть каждый самолично изложит свое дело, ознакомит нас. Если окажется, что он обращался с народом хорошо, не отбирал несправедливо имущества, если о нем будут говорить с благодарностью, мы его обласкаем, возвратим к исполнению обязанностей; если же он действовал не так, как полагается, прикажем наказать“. На другой день царь Бахрам Гур устроил прием; пришли вельможи, вошел вазир и сел на свое место. Бахрам Гур сказал, обратившись к нему: „Что это за расстройство произошло в нашем государстве из-за тебя? почему ты оставил войска без средств к существованию, разорил наш народ? Мы тебе приказывали, чтобы ты своевременно доставлял людям пропитание, чтобы ты не уклонялся от забот по процветанию владений, чтобы не брал у народа ничего, кроме законного хараджа, чтобы наполнял казнохранилище запасами. Сейчас ни в казнохранилищах ничего не вижу, ни войско не имеет 22 средств к существованию, и народ не сидит на своем месте. Ты полагаешь, что я, занявшись охотой и вином, небрежен к делу государства и делам народа?“ Он приказал, чтобы его ссадили без всякого почтения с места, отвели в особое помещение, наложили ему на ноги тяжелые оковы, а у дворцовых ворот объявили: „Царь

сместил Раст Равиша с должности вазира, разгневался на него, больше не будет поручать ему дел. Пусть каждый, кто претерпел от него обиду и имеет жалобу, явится ко двору без страха и трепета, пусть изложит обстоятельства своего дела, чтобы царь оказал вам правосудие“. Одновременно Бахрам Гур приказал открыть двери темницы и привести к нему узников. Он расспросил каждого в отдельности: „за какую провинность тебя посадили в темницу?“ Один сказал: „у меня был брат богатый, имел много имущества и добра. Раст Равиш его схватил и, отобрав у него все имущество, погубил пытками. Я спросил: „почему ты убил моего брата?“ Он сказал: „он переписывается с врагами царя“, и послал меня в темницу, чтобы я не принес жалобу царю и это дело осталось бы в тайне“. Другой сказал: „У меня был прекрасный благоустроенный сад, достался он мне в наследство от отца. У Раст Равиша было владение поблизости от моего сада. Однажды он посетил меня, сад пришелся ему по сердцу, он захотел его приобрести. Я не продал. Тогда он меня схватил, посадил в темницу, заявляя: «ты любишь дочь такого-то, тебе это вменяется в вину. Откажись от этого сада, напиши расписку, что мне, дескать, надоел этот сад,⁴⁹ не имею никаких претензий, он является законной собственностью Раст Равиша». Я не пошел на это и теперь уже пять лет, как нахожусь в темнице“. Еще один сказал: „Я — торговый гость.⁵⁰ Мое дело таково. Скитаюсь по суше и морю,⁵¹ имею немного капитала, куплю в одном городе редкие вещи, привезу в другой, продам, довольствуясь небольшой прибылью. Вот приехал в этот город, а у меня было жемчужное ожерелье, я назначил цену за него. Об этом стало известно вазиру царя. Он прислал ко мне кого-то, позвал меня, взял у меня то жемчужное ожерелье, не заплатил и отослал в свое казнохранилище. Несколько дней я ходил кланяться ему, но он и не уплачивал мне стоимость жемчужного ожерелья, и не отдавал его обратно. А у меня терпения не стало, так как я собирался в дорогу. Однажды пришел я к нему и сказал: «Если тебе подходит это ожерелье, прикажи, чтобы уплатили, если не подходит, пусть его мне вернут, так как я собираюсь в дорогу». Он даже не ответил мне. Когда же я возвратился в свою палатку, увидел сарханга с четырьмя пехотинцами. Они вошли в мою палатку

и сказали: «Встань, вазир тебя зовет». Обрадовавшись, я сказал: «Он собирается заплатить стоимость жемчуга». Я встал и отправился с этими сбирами.⁵² Они привели меня к дверям темницы и сказали тюремщику: «Приказ таков: посади этого человека в темницу и надень на него тяжелые оковы». Вот уже полтора года теперь как я в темнице, в оковах“. Еще один сказал: „Я—раис⁵³ такой-то округи. Мой дом был всегда открыт для гостей, странников, ученых и образованных. Я уважал людей, помогал несчастным, постоянно творил милостыню и благотворительность заслуживающим того по своим достоинствам; этому я научился у предков. Все, что досталось мне в наследство из владений и поместий, я расходовал на добрые дела и гостеприимство. Вазир царя схватил меня «ты, мол, нашел клад», подвергнул допросу, пыткам, бросил в темницу. Я был вынужден продать за полцены все владения и поместья, что были у меня, отдал ему. Теперь вот четыре года, как нахожусь в темнице в оковах и не имею более ни одного дирхема“. Еще один сказал: „Я—сын такого-то заима.⁵⁴ Вазир царя все конфисковал у моего отца, его самого убил батогами, а меня бросил в темницу. Вот уже семь лет, как я претерпеваю мучения в темнице“. Еще один сказал: „Я—воин. Много лет я служил отцу царя, вместе с ним бывал в походах, много лет, как служу царю; от дивана я имею небольшое содержание. В прошлом году я ничего не получил, в этом году я обратился к вазирю и сказал: «У меня семья, в прошлом году содержание не дошло до меня. Отпусти в этом году, часть я отдам тебе, другую часть потрачу на необходимые расходы». Сказал: «Царю не предстоит ничего важного, чтобы ему нуждаться в войске. Все одно, будут ли состоять на службе или не будут такие, как ты и тебе подобные; если тебе нужен хлеб, займись «глиняным делом».⁵⁵ Я сказал: „Мне, у которого 24 столько заслуг перед этой державой, не надлежит заниматься «глиняным делом». А тебе следует понять в качестве кадхуда государя, что в битвах я жертвую жизнью за государя, послушен его приказу, а ты жалеешь для нас прокормления, не исполняешь приказа государя. Разве не понимаешь, что мое и твое услужение одинаковы перед государем? тебе он поручил этакое дело, а мне этакое; мы отличаемся с тобой только в одном: я подчиняюсь приказу, а ты—

нет. Если такой, как я, не нужен государю, то и ты также не нужен. Если ты имеешь указ о том, что государь вычеркнул мое имя из дивана, — покажи, а не то доставь нам то, что государь нам пожаловал“. Сказал: «Уходи, я охраняю и вас и государя, не будь меня, уже давно ястреба сожрали бы ваши мозги». Прошло два дня и он послал меня в тюрьму. Теперь вот уже четыре месяца, как я нахожусь в темнице“. Из более чем семисот узников оказалось менее двадцати кровников, воров и преступников; все остальные были из числа тех, кого утеснил вазир по своему корыстолюбию и бросил в темницу. Когда люди города и округи услышали публичное объявление, которое приказал государь, на другой день ко двору пришло столько челобитчиков, что им не было предела и числа. Когда Бахрам Гур узнал таким путем о делах людей, о беззаконии и несправедливостях, чинимых вазиром, он сказал самому себе: „Я вижу, что разруха в государстве от этого человека более, чем можно то выразить словами. Наглость, которую он проявил по отношению к богу, божьему люду и ко мне более того, что можно помыслить. Надо вникнуть глубже в это дело“. Он приказал, чтобы отправились во дворец Раст Равиша, принесли бы его свитки бумаг, опечатали все двери помещения. Доверенные отправились, все сделали согласно указанному, принесли свитки; их просмотрели, среди них нашли один с дружескими письмами к Раст Равишу от того государя, который восстал и намеревался напасть⁵⁶ на царство Бахрам Гура; 25 нашли письмо Раст Равиша, где он писал „Чего вы медлите? Мудрецы говорят, что беспечность может погубить удачу. В благожелании и стремлении услужить я сделал все, что возможно: я совратил несколько войсковых начальников, привел их к присяге, оставил большую часть войска без средств к существованию и без снаряжения, полностью послал все то, что приобрел во все время, сделал народ немощным, слабым, разоренным, собрал для тебя такое казнохранилище, которого нет сейчас ни у одного царя, приготовил тебе корону, пояс и маджлис,⁵⁷ украшенный драгоценными камнями, подобных которым никто не видел. Я спокоен относительно этого человека и поприще — свободно, противник беспечен; спешите, как можно скорее, прежде чем этот человек проснется от сна беспечности“. Увидав эти писания, Бахрам Гур сказал: „Славно! он направил

на меня врага; тот идет в своей гордыне. У меня нет никакого сомнения в его гнусности и измене". Он приказал, чтобы доставили в казнохранилище все, что у него было, раздобыли его рабов и животных, все, что он получал от людей в качестве взятки и насилия. Бахрам распорядился, чтобы продали его имения и поместья, роздали бы людям, сравняли бы с землей его дворец и все его обзаведение. Затем он приказал воздвигнуть у дверей дворца высокую виселицу, перед которой поставить тридцать других деревьев; первым повесили Раст Равиша, подобно тому как ту собаку, затем его сообщников и тех, кто подчинился ему, всех их также повесили. Также Бахрам Гур приказал, чтобы объявляли в течение семи дней: „Такое наказание постигнет всякого, кто злоумышляет против царя, входит в соглашение с его врагами, измену предпочитает верности, притесняет людей, оказывает непослушание богу и своему господину“. ⁵⁸ Когда Бахрам Гур совершил это наказание, устрашились все смутьяны перед царем. Бахрам Гур сместил всех, кого Раст Равиш приставил к делу; он заменил всех дабиров и всех мутасаррифов. ⁵⁹ Когда об этом узнал тот государь, что намеревался напасть на государство Бахрам Гура, он возвратился, устыдился содеянного, послал много имущества, редкостных 26. вещей, попросил прощения, заявил о покорности, сказал: „Никогда я не буду замышлять мятеж против царя, вазир толкнул меня на этот путь многими своими письмами и посланиями, мое же раздумье мне подсказывало, что он преступник и ищет спасения“. Царь Бахрам принял его извинение, простил его. Затем он вручил должность вазира одному мужу доброго поведения, богобоязненному; дела войска и народа пришли в порядок, мир обратился к преуспеванию; людей он освободил от насилий и притеснений. А тому человеку, что повесил собаку, царь Бахрам Гур, когда выходил из его палатки, собираясь возвращаться, бросил стрелу, вытащив из колчана, и сказал: „Я ел твой хлеб-соль, а мне стало известно о твоих невзгодах и убытках, что тебя постигли, и я обязан тебе воздать должным. Знай, что я хаджиб хаджибов ⁶⁰ царя Бахрам Гура, со мною дружат, хорошо меня знают все вельможи и хаджибы его двора. Надлежит тебе собраться и отправиться с этой стрелой ко двору царя Бахрама, всякий, кто увидит тебя с ней, приведет тебя ко мне,

дабы я мог воздать тебе должное за кое-какие твои убытки“. Он уехал. Несколько дней спустя жена сказала тому человеку: „Собирайся и ступай в город, возьми с собой стрелу, так как тот разукрашенный всадник несомненно должен быть могущественным и влиятельным человеком. Если даже он окажет тебе небольшую милость, для нас сейчас и этого будет много. Не ленись, — слова такого человека не могут быть пустыми“. Человек собрался и отправился в город. Ночь он переспал, а на другой день отправился ко двору царя Бахрама. А Бахрам Гур предупредил хаджибов и людей двора: „если придет такой-то человек и вы увидите в его руках мою стрелу, скорее приведите его ко мне“. Когда хаджибы увидели того со стрелою, они его позвали: „О благородный человек!⁶¹ где ты был? Вот уже несколько дней как мы поджидаем тебя! Присядь, пока мы тебя не отведем к владельцу стрелы“. Прошло некоторое время. Вышел Бахрам Гур, сел на трон, открыл прием. Хаджибы взяли этого человека за руки, ввели в приемный зал. Как только этот человек поглядел на Бахрама, узнал и сказал: „Ох, тот всадник был царем Бахрамом! Я же не услужил ему как подобает и непочтительно разговаривал с ним. Да не придет в его сердце
27 отвращение ко мне!“⁶². Когда хаджибы подвели его перед трон, он распростерся перед царем. Бахрам Гур сказал, обратившись к вельможам: „Этот человек — причина пробуждения моего внимания к делам государства“. Он рассказал вельможам случай с собакой: „Я этого человека счел знамением“. Затем он приказал, чтобы его одели в богатый халат, подарил ему семьсот овец из стада, согласно его выбору,⁶³ приказал, пока жив Бахрам Гур, с него не требовать садакэ.⁶³

А причина победы Александра над Дарием не та ли, что вазир Дария втайне объединился с Александром. Когда Дарий был убит, Александр сказал: „Небрежение эмира и вероломство вазира погубили царство“.

Никогда не следует государю быть небрежным к делам своих чиновников; всегда следует разузнавать об их поведении и жизни. Как только проявилась какая-нибудь неправомерность и вероломство с их стороны, не должно так оставлять, следует смещать таких, наказав, сообразно с проступком, чтобы это послужило примером

для других, и никто из-за страха наказания не осмелился бы умышлить против государя. К каждому, кому вручается большая должность, следует тайно приставить мушрифа,⁶⁴ чтобы тот об этом не знал, он будет постоянно сообщать об его делах и обстоятельствах.

Аристотель так говорил царю Александру: „Если ты обидел кого-либо из людей, чье перо влиятельно в твоём государстве, не поручай больше ему должности, — не то объединится он с твоими врагами, будет стремиться к твоей гибели“. Царь пусть так приказывает вазиру: благо царства требует не отпускать вины четырем разрядам людей: во-первых, тем, кто умышляет на государство, во-вторых, тем, кто умышляет на гарем, в-третьих, тем, кто на словах с царем, а втайне подготавливает мероприятия с врагами царя.⁶⁵ Поступки человека дают тебе возможность уяснить его тайну. Когда царь неусыпен в делах, то при помощи всевышнего ничто от него не будет скрыто.

Глава пятая.

О мукта, о разузнавании, как они обращаются с народом.

Мукта, у которых икта,⁶⁶ пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручена; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жены и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет мукта к ним никакого пути. Если кто из народа захочет отправиться ко двору, чтобы открыть свои обстоятельства, пусть к тому не чинят помехи; любому, кто сделает иначе, пусть укоротят руки, пусть от него отберут икта, и накажут, чтобы показать пример другим. Им следует знать, что царство и народ принадлежат султану. Мукта над ним, как и правители вроде шихнэ,⁶⁷ они с народом, как государь с другими, чтобы народ был доволен и чтобы избавиться от мучений и пыток в загробной жизни.

Рассказ о справедливом царе. Рассказывают, что когда Кубад, царь, умер, на его место сел Нуширван Справедливый, его сын; ему было восемнадцать лет, когда он начал царствовать. Он был человеком, природе которого постоянно и с младенческих лет была присуща справедливость. Он считал зло за зло и доброе за добро. Он постоянно говорил: „Отец мой — со слабым разумом, простодушный, быстро поддающийся обману. Он доверяет владения служилым людям, а те, что хотят, то и делают; владения разрушаются, казнохранилище пустеет, серебро⁶⁸ расхищают. Вот прошла о нем дурная слава, осталась на нем ответственность за несправедливости, разом был он обманут коварством Маздака, еще речами такого-то правителя, такого-то амиля, а тот разрушал владения несправедли-

выми поборами, народ делал нищим. По своему сребролюбию он удовлетворялся мешками динаров, что ему приносили, не рассуждая ²⁹ откуда они, не разузнавая о них. «Ты, мол, правитель и эмир такого-то владения. Я тебе препоручил это владение, чтобы тебе было жалованье и достаток, содержание тебе и войску. Знаю, тот излишек, что принес мне, ты взял от них, знаю, что не от отца получил в наследство, а все неправдою взял у народа». Также следовало бы сказать амилю: «Налоги, владения таковы, вот ты часть истратил, часть сдал в каздохранилище, откуда эти излишки, что я вижу у тебя. Не добыл ли ты их несправедливо?» Он не разузнавал так, дабы заставить других поступать добропорядочно. Прошло таким образом три-четыре года; мукта и чиновники продолжали своевольничать. Когда они собрались, Нуширван воссел на трон и, воздав сначала хвалу богу, преславному и всемогущему, сказал „Я эту власть получил от бога, преславного и всемогущего во-вторых, она досталась мне в наследство от отца; на меня восстал мой дядя,⁶⁹ я с ним сразился и победил его, следовательно, в-третьих, я сам добыл себе мечом царство. Как бог, преславный и всемогущий, удостоил меня, я также вас удостоиваю, — каждому из вас я дал владение, я не оставил своей милостью ни одного из тех, кому при этой державе я был чем-либо обязан. Вельможам, получившим свое величие и властвование от моего отца, я оставил их место и степени, я не уменьшил ни их сан, ни их содержание. Вот я настойчиво говорю вам: обращайтесь хорошо с народом, не берите с него ничего, кроме законного налога. Я вас почитаю, а вы меня нет. Вы не слушаетесь моих слов, бога не боитесь, народа не стыдитесь. Я же боюсь возмездия Иездана.⁷⁰ Ваши нечестности и несправедливости не должны повлиять на судьбу моей державы. Мир очищен от врагов, а вы обладаете достатком и спокойствием. Возблагодарите всевышнего за те блага, которыми он удостоил вас и нас; это — пристойнее, чем беззаконие и неблагодарности, приносящие государству несчастье и уносящие благополучие. Надо, чтобы вы впредь обращались хорошо с людьми бога, ³⁰ преславного и всемогущего: облегчайте бремя народа! не обижайте слабых! уважайте мудрых! беседуйте с добрыми! удалитесь от худых! добродетельных не трогайте! Я клянусь вам именем бога

и ангелов: если кто пойдет по иному пути, я не оставляю этого". Сказали: „Будем действовать так, повинемся!“ Прошло несколько дней. Они вернулись к своим делам, снова принялись за свое, взялись за беззакония и своевольства, считая царя Нуширвана малолетним. Каждый спесивец полагал, что это именно он посадил его на трон, захочет — оставит государем, а если не захочет — не оставит. Нуширван не подал виду о своем неудовольствии, все время был с ними милостив. Так прошло пять лет. Случилось, что некий сипах-салар, которому не было равного по могуществу, и по богатству и которого Нуширван Справедливый назначил правителем Азербайджана, и не было во всем государстве большего, чем он, эмира, и не было ни у кого такого оружия, отрядов и всяческого великолепного снаряжения, как у него, и вот, тот сипах-салар возымел желание построить в окрестностях города, где он пребывал, дворец и сад. А в том месте оказался у одной старухи кусок земли, такого размера, что ежегодный доход с нее хватал на уплату государственной доли⁷¹ и земледелец⁷² получал свою часть: столько оставалось у старухи, что из года в год, каждый день, у нее были четыре хлеба: один она отдавала за приправу к хлебу, другой за масло для светильника, два остальных она ела, один за завтраком, другой за ужином, а одежду ей давали из жалости. Она никогда не выходила из дому, проводя жизнь в бедности и уединении. Сипах-салар нашел удобным взять этот кусок земли под сад и дворец. Он послал к старухе одно лицо: „Продай кусок земли, он мне нужен“. Старуха сказала: „Не продам, он мне самой нужнее, у меня во всем свете только и есть, что эта земля. Она — мое пропитание, никто не продает свое пропитание“. Сказал: „Я заплачу или дам другую землю взамен этой, с которой будет столько же

31 доходу“. Старуха сказала: „Земля — мое законное достояние, я обладаю ею по наследству от матери и отца; и питьевая вода — рядом, и соседи — подходящие, относятся ко мне с уважением. На той же земле, что ты мне предоставишь, всего этого не будет. Убери руки от моей земли“. Сипах-салар не послушал старухи, захватил землю несправедливостью, силой, устроил на ней стену сада. Старуха очутилась в тяжком положении, впала в нужду; уж она теперь соглашалась, чтобы он заплатил или обменял. Обратилась к нему, сказала: „Или запла-

ти, или обменей". Наместник не поглядел даже на нее, не обратил на нее внимания. Старуха ушла от него в отчаянии, в его дворце ее также не оставили. И вот когда сипах-салар выезжал верхом, отправляясь на увеселения или охоту, она садилась на дороге, и при его приближении поднимала крик, требуя уплаты за землю. Сипах-салар не отвечал, объезжал ее стороной. Принималась она разговаривать с приближенными, надимами, хаджибами, те отвечали: „хорошо, скажем“, но ни один из них не говорил с ним. Так прошло два года. Положение старухи оставалось таким, не нашла она ни малейшей справедливости и перестала надеяться, промолвив: „До каких же пор мне долбить холодное железо, ведь над каждой дланью всевышний сотворил другую длань! как ни силен сипах-салар — все же он слуга и раб Нуширвана Справедливого. Во что бы то ни стало надо мне взять на себя труд и отсюда добраться до Мадаина, обратиться к Нуширвану, изложить ему мое дело, авось, получу от него правосудие!“ Не сказавши никому ни слова, она неожиданно собралась и сколько ни было трудностей и мучений, добралась из Азербайгана до Мадаина. Увидев ворота и двор Нуширвана, сказала сама себе: „Разве меня пустят войти туда? Ведь меня не допускали во дворец правителя Азербайгана, он же только слуга этого государя, а здесь сам владыка мира. Как проникнуть во дворец? Как увидеть его? Остается мне одно — устроиться поблизости от дворца, узнаю, когда он поедет на увеселение, тогда может в поле удастся обратиться к нему, представить ему свое заявление“. И случилось, что тот самый сипах-салар, который отнял у нее землю, прибыл ко двору, а царь Нуширван решил устроить охоту. Старуха узнала, в каком охотничьем загоне будет царь на охоте; в тот самый день старуха с трудом, еле-еле, 32 расспрашивая, добралась до того охотничьего загона, поместилась за кучей валежника и ночь проспала. На другой день прибыл Нуширван; его войско рассыпалось по сторонам, занятое охотой, так что Нуширван оказался едущим одиноко по охотничьему загону в сопровождении лишь оруженосца. Увидев царя в одиночестве, старуха вышла из-за куска, подошла к царю, вынула заявление и сказала. „О, царь! если ты владыка мира, окажи справедливость этой несчастной, прочти ее заявление, ознакомься с ее делом“.

Увидав старуху и услышав ее слова, Нуширван понял, если бы у нее не было крайней необходимости, она не пришла бы в охотничий загон. Он тронул к ней своего коня, взял ее заявление, прочел, затем выслушал рассказ старухи. Слезы навернулись на его глазах и он сказал старухе: „Не печалься! До сегодня это дело касалось только тебя, теперь, когда мы узнали его, оно касается нас. Я исполню твое желание. Теперь же мы посылаем тебя в город, побудь там несколько деньков, ведь ты пришла с дальней дороги“. Оглянувшись, он увидел одного своего фарраша, сидевшего на муле; когда тот подъехал, он сказал: „Сойди и посади на мула эту женщину, пойди с ней в такое-то селение, поручи ее деревенскому старшине, а сам возвращайся. Когда мы вернемся с охоты, ты приведи ее из деревни в город к себе в дом и до того времени, пока мы ее не потребуем, бери из казнохранилища на ее долю каждый день два мана хлеба, один ман мяса и ежемесячно пять динар“. Фарраш так и сделал. Возвратившись с охоты, царь Нуширван раздумывал весь день, как проверить правильность заявления старухи, чтобы об этом не узнал ни один из вельмож. После полудня, когда все отдыхали и дворец опустел, он приказал одному слуге: „Сходи в такую-то палатку, приведи такого-то гуляма“. Слуга пошел, привел того гуляма. Царь сказал: „О, гулям! ты знаешь, что у меня много достойных гулямов, но изо всех я выбрал тебя и решил доверить тебе одно дело. Надлежит тебе взять из казнохранилища необходимые средства и отправиться в Азербайган. Доезжай до такого-то города и места, остановись там дней на двадцать, представившись тамошним людям: „я, дескать, прибыл в поиски за бежавшим гулямом“, завяжи сношения с людьми всякого рода, выспроси и среди пьяного и среди трезвого разговору, была ли в этом месте старуха, такая-то по имени, куда делась, что о ней ничего не слышно? что она сделала с тем куском земли? Запомни хорошенько, что будут говорить тебе и передай мне в точности. Именно за этим я тебя и посылаю. А завтра я тебя вызову во время приема перед вельможами и скажу громким голосом, чтобы всем было слышно: „Ступай, возьми из казнохранилища необходимые средства, поезжай в Азербайган, посмотри в каждом городе и каждой округе, где будешь, каково положение в этом году

с зерном и плодами, постигло ли какое-нибудь место небесное бедствие или нет? Также узнай каково положение с пастбищами и местами для охоты? Итак, как только ты узнаешь, сейчас же возвращайся и меня уведоми, и чтобы никто не узнал, зачем я тебя посылаю". Гулям сказал: „Повинуюсь". На другой день Нуширван так и сделал. Гулям отправился, остановился в том городе, пробыл двадцать дней. И у каждого, с кем сходил, выспрашивал о делах; все говорили то же самое, что и сказала старуха. „Старуха была скромной женщиной, благородного происхождения. Мы ее знавали, когда у нее были муж и дети; когда умерли муж и дети, окончилось ее благополучие, она осталась одна и кусок наследственной земли дала земледельцу, чтобы он обрабатывал; то, что она получала от той земли, было таково, что она могла отдать и государеву часть и долю земледельца, причем у нее самой еще оставалась такая доля, что до нового урожая у нее было ежедневно четыре хлеба на пропитание, один она отдавала за приправу к хлебу, другой — за масло для светильника, один ела за завтраком, другой — за ужином. Да вот наместнику захотелось выстроить терем, беседку и сад; он силой захватил ее землишку, включил ее в состав сада, ни денег не дал за это, ни замены. Целый год ходила старуха к воротам его двора, вопила, требовала денег. Никто ее не послушал. Теперь вот уже давно, как никто не видит ее в городе. Не знаем ушла ли куда, мертва ли, жива ли". Гулям вернулся и прибыл ко двору, за Нуширван Справедливый в то время давал прием. Гулям вышел вперед, поклонился. Нуширван спросил: „Ну, говори, как все нашел?" Сказал: „В державе владыки на этот год повсюду хорошее зерно, нет никаких бедствий, пастбища — благодатные, места для охоты — изобильные". Сказал: „Слава богу, ты привез хорошие вести". Когда же люди разошлись и дворец очистился от посторонних, гулям пересказал все, что слышал по делу старухи. В тот день и в ту ночь Нуширван не мог заснуть от раздумий. На другой день утром он позвал великого хаджиба и приказал: „когда вельможи начнут собираться и появится имя рек, усадите его в преддверии; далее скажу, как следует поступить". Когда в зале для приема появились все вельможи и мубады, хаджиб сделал так, как приказал Нуширван. Нуширван вышел, открыл прием; некоторое время

спустя он обернулся к вельможам и мубадам и сказал: „Я хочу кое-что спросить у вас, отвечайте мне рассудительно и правдиво“.⁷³ Сказали: „Повинуемся“. Спросил: „У того имя рек, кто является эмиром Азербайгана, каково состояние его богатства в наличном золоте?“ Сказали: „Быть может два раза тысяча-тысяч динар, в которых у него нет нужды“. Спросил: „В вазах и вещах?“ Сказали: „Он обладает пятьюстами тысяч динар в золотых и серебряных изделиях“. Спросил: „В драгоценных камнях?“ Сказали: „Шестьсот тысяч динар“.⁷⁴ Спросил: „А в имениях,⁷⁴ производящих хлеб, владениях и недвижимостях?“ Сказали: „Нет ни одной округи, нет ни одного города, в Хорасане, Ираке, Парсе, Азербайгане, где бы у него не было дворцов, караван-сараяв, доходных статей и житниц“. Спросил: „Лошадей и мулов?“ Сказали: „Тридцать тысяч“. Спросил: „Рабов, пленных и купленных?“⁷⁵ Сказали: „Он имеет одну тысячу семьсот гулямов, турков, румийцев, абисинцев, четыреста невольниц“.⁷⁶ Спросил: „Итак, человек обладает таким благополучием, вкушает ежедневно двадцать сортов снеди, барашков, сладостей, жирных и сладких блюд. Чего он заслуживает, если он у подобного ему человеческого существа, раба и поклонника бога, немощного, без близких, несчастного, у которого только и есть, 35 что два сухих хлебца во всем мире, отнимает это последнее?“ Все сказали: „Этот человек должен быть подвергнут всяческим пыткам; нет того самого ужасного, чего бы он ни заслужил“. Нуширван сказал: „Итак, приказываю: отделите кожу от его тела, бросьте мясо собакам, набейте кожу соломой и повесьте над воротами дворца и объявляйте всенародно в течение семи дней: если впредь, кто учинит тиранство или отнимет несправедливо хотя бы торбу соломы, курицу, или горсть зелени, то при появлении во дворце челобитчика, с таким человеком поступят так, как с этим, произойдет то же, что произошло“. Так и сделали. Потом он приказал фаррашу: „Приведи эту старуху“. Сказал вельможам: „Она — потерпевшая от тиранства, а притеснитель тот, кто получил возмездие. Зачем я посылал того гуляма в Азербайган?“⁷⁷ Гулям сказал: „Затем, чтобы я узнал о деле этой старухи, о несправедливости по отношению к ней, точно и правдиво уведомил царя“. Затем он сказал вельможам: „Так знайте, что я не преувеличил расправу.

В дальнейшем я не буду разговаривать с притеснителями иначе, как мечом. Я буду охранять от волков овец и ягнят. Я укорочу заgreбистые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи. Если бы было надлежащим, чтобы люди делали все, что хотели, бог, преславный и всемогущий, не сотворил бы государя, не поставил бы его над их головами. Отныне старайтесь так действовать, чтобы не совершать дела, из-за которого с вами могло бы произойти то же самое, что произошло с этим“. Всех, кто был в собрании, охватил такой страх перед проявлением державности Нуширвана, что разрывался желчный пузырь. Он сказал старухе: „Он учинил над тобой тиранство, а я воздал ему карой. Я дарю тебе тот дворец и сад, внутри которого находится твоя земля. Я пожаловал тебе тот скот и средства, чтобы ты могла благополучно возвратиться с моей грамотой в свой город, на свою родину. Поминай нас добрыми молитвами!“⁷⁸ Затем он сказал: „Почему ворота дворца должны быть открыты перед притеснителями и закрыты перед потерпевшими притеснение? Ведь войско и народ, оба — наши подручные и работники; народ дает, воины берут. Среди неправильностей, что происходят, среди несправедливостей, что делаются, так же как среди приказов существует такой, по которому не допускают челобитчика, идущего ко двору, чтобы он перед мною изложил мне свое дело. Если бы старуха нашла сюда доступ, ей не было бы нужды отправляться в охотничий загон“. Вот он и приказал устроить цепь, привесив к ней колокольцы таким образом, чтобы до цепи могла достать рука семилетнего ребенка и чтобы каждый челобитчик, направляющийся ко двору, не нуждался бы в хаджиге, — дернет за цепь, раздастся звон колокольцев, Нуширван услышит и рассудит дело. Так и сделали. Когда все возвратились в свои дворцы, то созвали своих подручных, полномочных лиц и сказали им: „Посмотрите, не взяли ли что в течение этих двух лет неправильно у кого-нибудь, не пролили ли чью-либо кровь? Не оскорбили ли вы кого, в опьянении или в трезвом состоянии? Надо все исправить, удовлетворить всех противников прежде, чем те направятся ко двору и пожалуются на нас“. Все так и сделали; созывали всех врагов добрым образом, ходили к воротам их домов.

каждого удовлетворяли, принесся извинение или давая имущество; у каждого взяли подписку, что такой-то доволен таким-то и не имеет к нему никаких притязаний. Таким образом одной этой надлежащей расправой, которую учинил царь Нуширван Справедливый, установилась правда во всем его государстве, превратились своевольства. Народ успокоился повсюду до такой степени, что прошло семь лет и никто не пришел с жалобой ко двору.

Рассказ. Через семь с половиной лет однажды, когда дворец был пуст, люди разошлись, а все дежурные заснули, раздался звон колоколов. Нуширван услышал, сейчас же послал двух слуг, сказав им: „Посмотрите, кто это пришел жаловаться?“ Подойдя к воротам дворца, они увидели старого тощего осла, изъеденного чесоткой, который стоял у ворот и чесался спиной и шеей о ту цепь, отчего и происходил звон. Оба слуги возвратились и сказали: „Нет никого из жалобщиков, там только осел, изъеденный чесоткой, трется о цепь“. Нуширван сказал: „Не так это, как вы полагаете. Вникните получше! этот осел также пришел с жалобой. Прошу вас обоих отправиться, отвести этого осла на базар, порасспросить 37 и уведомить меня“. Слуги отправились, повели осла по городу, выспрашивая у людей, не может ли кто что-нибудь рассказать об осле. Все говорили. „Ей богу, мало найдется в городе, кто не знал бы этого осла“. Спросили: „Что знаете?“ Сказали: „Этот осел принадлежит такому-то прачечнику. Уже двадцать лет, как мы видим у него этого осла; ежедневно, погрузив на осла одежду людей, он отвозил ее в прачечную, а вечером привозил обратно. Пока осел был молод и мог справляться со своей работой, прачечник давал ему сено, теперь же, когда осел одряхлел, он отпустил его, выгнал из дому. Вот уже полтора года как он скитается, кто даст ему в виде милостыни сена, а теперь должно быть двое суток, как он ничего не получал“. Услышавши об этом, слуги вернулись и доложили царю. Нуширван сказал: „Не говорил ли я вам, что этот осел тоже пришел за правосудием? На этот вечер приютите осла, а завтра приведите ко мне прачечника и четырех старост из его квартала⁷⁹, чтобы я мог приказать то, что надлежит. Слуги так и сделали на другой день. Нуширван сказал прачечнику: „Пока этот осел был молод и мог справляться с работой, ты ему давал

сена, заботился о нем. Теперь, когда он состарился, не может работать, ты его лишил пропитания. Так вот, он, прачечник, обязан давать пропитание, пока ослик жив. Если же прачечник нарушит наше распоряжение, пусть его проучат".⁸⁰ Так знай, что государи обязаны иметь попечение о немощных и принимать меры предосторожности относительно действий чиновников ради доброй славы на этом свете и спасения в будущей жизни.⁸¹

Следует каждые два-три года сменять амилей и мукта, чтобы они не могли укрепиться, создать себе прочность и доставить беспокойство, чтобы они хорошо обращались с народом, и да процветают владения.

О казиях, хатибах, мухтасибе и успешности их дел.

Следует знать дела казиев государства каждого в отдельности. Надо беречь при деле каждого из них, кто учен, воздержан, наиболее честен, кто же не таков, следует смещать и сажать более достойного. Каждого из них пусть обеспечат в достаточной степени ежемесячным вознаграждением, дабы не было причины для него совершать вероломство. Это дело — важное и тонкое, ибо они властвуют над кровью и имуществом мусульман. Если кто вынесет приговор и даст решение по невежеству, алчности или лицепрятию, другим судьям не следует тот плохой приговор подписывать, а уведомить о сем государя; то лицо следует сместить и наказать. Чиновникам же следует заботиться о силе казия, поддерживать его авторитет. Если кто, будь он самым могущественным, покажет высокомерие, не явится на суд, его следует заставить присутствовать силой и неволей. Сподвижники пророка, да будет над ними благословение и мир божий! отправляли правосудие в свое время лично, никому другому не поручали, чтобы проистекло из этого одна правда, никто не мог бы уклониться от правосудия. Во все времена, от времени Адама и до наших дней, у всякого народа, во всяком царстве существовало правосудие, действовала справедливость, пеклись о правильности дел, чтобы сохранить государство.

Рассказ относительно этого. Передают, что был такой обычай у царей Аджама: в дни Михрджана и Науруза⁸² государь делал общий прием, никому не было запрещения. За несколько дней он приказывал всенародно провозглашать: „приготовьтесь к такому-то дню“; каждый успел устроить свои дела.⁸³ Когда приходил назна-

ченый день царский глашатай вставал за воротами базара и кричал: „Если кто помешает в этот день нуждающемуся, царь не станет печься о крови того человека“. Затем царь брал заявления от людей, 39 складывал их около себя, проглядывая по одному. Если случалось, что было заявление, в котором заключалась жалоба на самого царя, царь вставал, сходил с трона и, требуя правосудия, опускался на колени перед главным мубадом,⁸⁴ что значит на их языке судья судей, и говорил: „Прежде всех решений разреши дело этого человека со мною, не проявляя ни лицепрития, ни предпочтения“. Тогда объявлялось: „У кого существует тяжба к царю, все садитесь на одну сторону, ибо ваши дела будут первыми“. Потом царь говорил мубаду: „Нет большего греха перед всевышним, чем прегрешения государей; за благодеяния, оказанные им всевышним, они обязаны оберегать народ, творить справедливость, укрощать притеснителей. Если шах несправедлив, то и все войско будет несправедливо; люди забудут бога, окажутся неблагодарными за благодеяния; их постигнут забвение и гнев божий; не пройдет много дней, как мир разрушится, а они за злосчастие своих преступлений все будут убиты, переведутся цари в том доме. О, мубад, знающий бога! берегись пристрастия ко мне, чего бы всевышний не потребовал с меня, с тебя спрошу, это — на твоей ответственности“. После мубад судил; если в споре между царем и истцом, последний оказывался правым, он давал ему удовлетворение; если кто предъявлял ложные притязания к царю и не имел доказательств, то мубад приказывал подвергнуть его суровым наказаниям, каким должен подвергаться всякий, кто выискивает пороки в царе и государстве, проявляя свою дерзость. Когда царь оканчивал с тяжбой, он снова возвращался на трон, возлагал на голову корону и обращался к благородным и приближенным: „Я начал с самого себя, дабы у вас прекратилась страсть к притеснению кого-либо. Итак, удовлетворите теперь всякого, кто обижен вами“. В этот день тот, кто был ближе к царю, становился дальше; кто был сильнее, становился слабее. Так было от времени Ардашира до дней Иездеждерда.⁸⁵ Иездеждерд изменил обычаи предков, ввел правило чинить 40 в мире несправедливость, положил плохие законы. Люди впали в нечестие, распространились ненависть и проклятие. Вот в его

ставку вбежал неожиданно неоседланный конь; конь был таких статей, что находившиеся там благородные признали его превосходным; все старались схватить его, но никто не мог схватить, пока конь не подошел к Иездеджерду и не встал тихо у дверей ставки. Иездеджерд сказал: „Встаньте поодаль! это — подарок, который посылает мне всевышний“. Затем он поднялся, тихонько подошел к коню, схватил его за гриву, погладил рукой по морде, а потом точно так же ниже, по спине. Конь не двигался, был совершенно спокоен. Иездеджерд, потребовав седло и узду, взнуздal его, положил седло, туго затянул подпругу и только что собирався перекинуть подхвостник, как конь вдруг лягнулся, ударил его в сердце, убил на месте и умчался вон. Никто не мог его схватить, никто не знал откуда он пришел и куда делся. Люди сошлись на том, что это был посланный всевышним ангел, чтобы освободить их от притеснений.⁸⁶

Рассказ в том же смысле. Рассказывали, что Умара сын Хамзы сидел в собрании халифа Васика в день разбора жалоб на обиды. Один человек поднялся и сказал, что он потерпел притеснения от Умара, пожаловался на него: „Он захватил мой земельный участок насилуем“. Повелитель правоверных приказал Умара: „Встань против истца и предъяви свои доказательства“. Умара ответил: „Я — не противник ему. Если его земельный участок находится у меня, я отдаю ему. Я не встану с того места, которым удостоил меня халиф, посадив на него, и не могу нанести урона своему сану и чину из-за какого-то земельного участка“. Все вельможи одобрили его высокое великодушие.⁸⁷

Да будет известно государю, что следует творить суд лично, выслушивая обе стороны. Когда государем является тюрк, тазик, или лицо, которое не знает арабского, не читает постановлений шариата, волей-неволей является нужда в замещительстве, дабы вести дела вместо него; потому все казии являются заместителями 41 государя. Надо, чтобы государь создавал казиям авторитет, надо, чтобы у них было в совершенстве содержание и сан, потому что они заместители, от него имеют знаки достоинства, они — чины 41 государя, вершат его дело. То же самое относительно хативов, которые совершают молитву в соборных мечетях. Следует выби-

рать людей богобоязненных, знающих наизусть коран, так как молитва — дело важное. Молитва мусульман зависит от молитвы предстоятеля; когда порочен намаз имама, порочен намаз тех людей. Также следует назначать в каждый город мухтасиба,⁸⁸ чтобы он проверял точность весов и установленные цены, наблюдал за торговлей, чтобы все было правильно. Пусть мухтасиб надзирает за всем, откуда бы что ни привозили и ни продавали на базарах, чтобы не происходило подделки, чтобы были точны гири; пусть мухтасиб применит разрешение на дозволенное и запрещение на недозволенное. Государь и государевы чины должны содействовать тому, чтобы он пользовался значением, это является одним из правил господства, показателем благоразумия, а если бедняки впадут в несчастье, люди базаров будут покупать и продавать как хотят, одолеет роскошество, станет явным разврат, потеряют значение предписания шариата. Это дело всегда приказывали исполнять одному из приближенных, то ли государеву слуге, то ли старому тюрку;⁸⁹ он не делал снисхождения и его боялись равно как знать, так и простой народ. Все дела шли согласно справедливости, законы ислама были крепки, как вот приведено в этом рассказе.

Рассказ относительно этого. Рассказывают: султан Махмуд всю ночь пил вино с приближенными и надимами, опохмелялся. Али Нуштегин и Мухаммед Араби,⁹⁰ которые были сипах-саларами⁹¹ Махмуда, присутствовали на этом собрании, пили вино всю ночь, бодрствовали.⁹² Когда день уже подошел ко времени завтрака, Али Нуштегин захмелел, бодрствование и излишество в вине произвели на него свое действие. Он попросил разрешения у Махмуда отправиться к себе домой. Махмуд сказал: „Неудобно ехать тебе при ясном дне в таком виде. Отдохни здесь до дневного намаза, потом протрезвеешь и отправишься. А не то мухтасиб увидит тебя в таком состоянии и накажет, твое достоинство потерпит поношение, я буду печалиться, а сказать ничего не смогу“. Али Нуштегин был сипах-саларом над пятьюдесятью тысячами человек; он был отважен, герой своего времени, его оценивали как тысячу человек, он и не допускал, что мухтасиб может подумать о чем-нибудь таком. Он сделал гордый вид⁹³ и сказал: „А я все-таки поеду“. Махмуд сказал: „Тебе виднее; пустите, чтобы он ушел“. Али

Нуштегин сел верхом, отправился в свой дом в сопровождении великого поезда из конницы гулямов и слуг. Мухтасиб его увидал. Он был с сотней всадников и пехотинцев.⁹⁴ Увидав Али Нуштегина этаким пьяным, он приказал, чтобы его сняли с лошади, спешился сам и побил его собственной рукой без всякого снисхождения, так что тот землю кусал. Свита и войско смотрели на это и никто не осмелился даже двинуть языком. Этот мухтасиб был из государевых слуг, старый тюрок, имевший большие заслуги. Когда он удалился, Али Нуштегина отнесли домой; он твердил всю дорогу: „Со всяким, кто ослушается султана, будет то же самое, что со мной“. На другой день Али Нуштегин, обнажив спину, показал ее Махмуду, — она была вся в ссадинах. Махмуд засмеялся и сказал: „Сделай зарок никогда не выходить из дому пьяным. Когда порядок царства и законы управления заложены крепко, дело правосудия идет таким образом, как было упомянуто.

Рассказ. Я слышал, что в Газнине хлебопеки позакрывали двери лавок и не стало хлеба. Пришельцы и бедняки попали в тяжелое положение, пришли с челобитной ко двору и пожаловались султану Ибрахиму. Тот приказал позвать всех, сказал: „Почему вы задерживаете хлеб?“ Сказали: „Всякий раз как в этот город привозят пшеницу и муку, их покупают твои хлебники и кладут в амбар. Говорят, таков приказ“. Они не допускают, чтобы мы купили хоть один ман муки“. Султан приказал привести придворного хлебопека и бросить его под ноги слона; когда он умер, его прикрепили к клыкам слона и пронесли по городу, всенародно провозглашая: „Сделаем так со всяким из хлебников, кто не откроет двери у лавки“; затем пустили в оборот его склад. К вечернему намазу в каждой лавке оставалось еще пятьдесят ман хлеба, а никто не покупал.⁹⁵

*О разузнавании о делах амиля, казия, шихнэ, раиса
и условиях управления.*⁹⁶

Пусть посмотрят в каждом городе, нет ли там кого усердного в вере, богобоязненного, не корыстолюбивого, пусть скажут ему: „Благополучие этого города и округи возложили на твою ответственность. То, что всевышний спросит с нас, мы с тебя спросим. Надо, чтобы ты знал дела амиля, казия, мухтасиба и народа, малого и великого, чтобы расспрашивал, доводил до нашего сведения, указывал бы тайно и явно, дабы мы приказали, что будет необходимо. Так мы приказываем“. Если лица, соответствующие своими качествами, откажутся, не примут этого доверия, необходимо их вынудить, приказать неволей.

Рассказ. Говорят, что эмир Абдаллах сын Тахира⁹⁷ был справедливым эмиром. Его могила в Нишапуре — место поклонения; всякий, кто что-нибудь попросит у его могилы, получит. Он всегда поручал выполнение должностей людям набожным, подвижникам, не занимался своекорыстием, а только заботился, чтобы были собраны законные налоги и народ не претерпел бы мучений.⁹⁸

Рассказ. Однажды Абу-Али ад-Даккак вошел к эмиру Абу-Али Илиасу, который был сипах-саларом и заместителем Хорасана.⁹⁹ Этот Абу-Али Даккак опустился перед ним на колени. Абу-Али Илиас попросил: „Дай мне совет“. Сказал: „О, эмир! я спрошу у тебя кое-что, ответишь ли без притворства?“ Сказал: „Отвечу“. Спросил: „Скажи мне, что ты более любишь, золото или врага?“

Ответил: „Золото“. Сказал: „В таком случае, почему ты оставляешь здесь то, что больше любишь, а врага, которого не любишь, захватываешь с собою на тот свет“. Абу-Али Илиас прослезился; он сказал: „Добрый совет ты мне дал! вся мудрость и польза двух миров получилась для меня в этой речи. Ты пробудил меня от сна беспечности“.

44 Рассказ в том же смысле. Говорят, что у султана Махмуда Гази было некрасивое лицо; оно было желтое.¹⁰⁰ Когда опочил его отец Себуктегин, он начал царствовать и ему подчинился Хиндустан; однажды ранним утром он сидел в отдельных покоях на молитвенном коврике и совершал намаз, — а перед ним были положены зеркало, гребень и стояли два придворных гуляма, а в покои вошел его вазир Шамс ал-Куфат, Ахмед сын Хасана, приветствовал его в дверях покоя. Махмуд сделал знак головой, чтобы тот присел. Освободившись от чтения молитв,¹⁰¹ Махмуд облачился в каба, надел на голову кулах, взглянул в зеркало, поглядел на свое лицо, улыбнулся и спросил Ахмеда сына Хасана: „Знаешь, о чем я сейчас думаю?“ Ответил: „Владыка лучше знает“. Сказал: „Опасаясь, что люди не любят меня из-за того, что мое лицо некрасиво. Обычно народ более любит государя с красивым лицом“. Ахмед сын Хасана сказал: „О владыка! соверши одно дело и тогда тебя полюбят более, чем жену и ребенка, более, чем свою душу и по твоему приказу пойдут в огонь и в воду“. Спросил: „Что надо сделать?“ Сказал: „Сочти золото за врага и тотчас народ сочтет тебя за друга“. Махмуду понравилось и он сказал: „В этих словах тысяча смыслов и полезностей“. Потом он отверз свои руки для даров и благодеяний, миряне полюбили, стали превозносить его, он совершил великие деяния, одержал большие победы; он пошел в Сумнат, захватил его, двинулся на Самарканд, пришел в Ирак. Однажды он сказал Ахмеду сыну Хасана: „С тех пор, как я отнял руки от золота и тот и этот мир достались мне в руки“. До него не было наименования султан. Махмуд был первым лицом, который во времена ислама назвал себя султаном,¹⁰² а уж после него это стало обычаем. Он был справедливым государем, любил науку, был щедрым, неусыпным, с чистой верой, воителем. Время — прекрасно, когда существует правосудный государь.

Предание. В предании говорится, что пророк — да будет над ним божье благословение! — сказал: „правосудность — слава мира и сила султана, в ней — благоденствие простого народа и знати, войска и народа; она — мерило всех добрых дел. Поистине, сам бог ниспослал это «писание и в нем равновесие».¹⁰³ Наиболее достойным является тот, чье сердце — вместилище справедливости и чье жилище — место успокоения верующих, разумных, опытных, искренних и мусульман“.

Рассказ. Фузейл сын Иаза¹⁰⁴ сказал: „Если бы мои молитвы были угодны, ни о чем не молил бы как за справедливого султана, ибо его благо — благо рабов и процветание мира“.

Предание. В предании имеется от посланника — да будет над ним божье благословение и мир! — „справедливые на этом свете во имя бога, преславного и всемогущего, в день страшного суда будут на жемчужных кафедрах.¹⁰⁵

Государи всегда назначали на такие должности, ради справедливости и благополучия народа, людей воздержанных, богобоязненных, не корыстолюбивых, чтобы всегда они представляли дела в истинном свете, как вот сделал в Багдаде повелитель правоверных Мутасим.

Рассказ относительно этого. Это было так. Ни у кого из халифов, потомков Аббаса, не было такого правления, грозной мощи, столько снаряжения и припасов, как у Мутасима.¹⁰⁶ Он имел столько рабов-тюрок, сколько никто не имел. Говорят, что он имел семьдесят тысяч рабов-тюрок. Многих из своих гулямов он возвысил, возвел в чины эмиров. Он постоянно говорил: „Нет лучшего слуги, чем тюрок“. И вот случилось: один эмир позвал своего управляющего и сказал: „Не знаешь ли в Багдаде кого из людей города или базара, кто бы мог одолжить мне динаров пятьсот для одного важного дела. А после сбора урожая я возвращу обратно“. Управляющий пораздумал, вспомнил об одном своем знакомце, который вел на базаре мелкую торговлю и обладал шестьюстами халифатских динаров, приобретенными им в течение долгого времени. Сказал: „У меня есть один знакомый человек, он держит лавку на таком-то базаре и располагает такими деньгами. Быть может, пошлешь к нему кого-нибудь, позови его, посади на хорошее, почетное место,

обласкай, а затем поговори о деле, возможно, он и не откажет". Эмир так и сделал. Он послал к нему: „Потрудись на короткое время, имею к тебе некое неотложное дело. Этот человек собрался и отправился во дворец эмира, а у него с ним не было знакомства.

46 Когда он к нему пришел и приветствовал, эмир ответил на привет и, обернувшись к своим, спросил: „Это — такой-то имя рек?“ Ответили: „Да“. Эмир встал, усадил его на лучшее место, затем сказал: „Я много слышал от людей о твоей доблести, добродетелях, честности и религиозности. Заглазно я очаровался тобою. Говорят, что на базарах Багдада нет честнее и добропорядочнее тебя. Надо, чтобы ты с нами чувствовал себя теперь непринужденно, вступил с нами в деловые отношения, считал наш дом своим домом, вошел бы с нами в дружбу и братство“. Эмир говорил, тот человек все кланялся, а управляющий приговаривал: „Точно так“. Затем через некоторое время принесли стол. Эмир усадил торговца вблизи себя, беспрестанно предлагал ему что-нибудь от себя, оказывал всякие любезности. Унесли стол, вымыли руки, народ разошелся, эмир сказал, обратившись к тому человеку: „Знаешь ты, зачем я тебя потревожил?“ Ответил: „Эмир лучше знает“. Сказал: „Имей в виду, у меня в городе множество друзей, они не преминут выполнить любое указание, какое я ни дам им. Попрошу пятьдесят тысяч динар, — дадут, не пожалеют ни в каком случае; а все потому, что у них со мной было много всяческих дел и никогда никто не потерпел урона от общения со мною. Теперь же мне припало такое желание, чтобы между мною и тобой была дружба и братство, были бы установлены непринужденные отношения. И хотя у меня много готовых оказать кредит, следует, чтобы именно ты совершил со мною сделку динаров этак на тысячу на срок в четыре или пять месяцев. После урожая я все возвращу тебе и подарю еще набор одеяний. Мне известно, у тебя имеется столько и даже вдвое больше этого, ты не пожалеешь ради меня“. Человек по присущей ему стеснительности и добронравию сказал: „Эмиру — приказывать. Однако я не из тех лавочников, чтобы у меня случалось залеживаться тысяче — двум тысячам динаров, но так как высокопоставленным следует говорить только правду, то вот: весь мой капитал — шестьсот динаров, с которыми я оборачиваюсь на базаре, торгую,

да и это сколотил с трудностями, за долгое время". Эмир сказал: „У меня в казнохранилище много полноценного золота, но все это не соответствует делу, что я имею в виду; я преследую этой сделкой цель дружбы. И к чему столько торговаться! Дай мне эти 47 шестьсот динар, получи расписку на семьсот динар со справедливым свидетельством, что после урожая я доставляю их тебе вместе с хорошим почетным платьем". Управляющий сказал: „Ты еще не знаешь эмира, никого нет добропорядочнее среди столпов державы". Человек ответил: „Повинуюсь, не жалею того, что имеется". Взяли у человека золото. Когда пришел срок, указанный в обязательстве, дней десять спустя, этот человек пришел приветствовать эмира, но ничего не потребовал, а побыл с час и ушел. Так от срока прошло уже два месяца; более десяти раз он виделся с эмиром, но тот и вида не показал, что, дескать, он пришел ко мне просить или что мне следовало бы сделать что-нибудь. Когда этот человек убедился, что эмир уклоняется, он написал заявление и вручил в руки эмира: „Я нуждаюсь в том ничтожном золоте, от срока же прошло два месяца; если заблагорассудит, пусть укажет управляющему, чтобы тот вручил деньги сему слуге". Эмир сказал: „Ты полагаешь, что я небрежен к твоему делу. Не беспокойся, потерпи несколько деньков, так как я думаю о твоём золоте; запечатаю и пришлю тебе через своих доверенных". Этот человек подождал еще два месяца, но не увидел снова никакого признака золота. Опять пошел во дворец эмира, подал заявление и снова никакой пользы. А от срока прошло уже восемь месяцев. Человек попал в беду, стал просить о ходатайстве людей города; не осталось ни одного вельможи, ни одного знатного, который бы не говорил с эмиром, не ходатайствовал; пятьдесят человек он привел от казия, но не мог доставить эмира к правосудию, тот и по ходатайству не дал ни одного дирхема. Так от срока прошло полтора года. Человек обессилел, уже соглашался отказаться от пользы, получить на сто динаров меньше причитающейся ему суммы. Ничто не помогало. Отчаявшись в высокопоставленных, пресытившись беготней, он обратился сердцем к всевышнему и отправился в мечеть. Совершив там несколько рикатов намаза, он пожаловался всевышнему, принялся плакать и умолять, говоря:

„Отче, помоги, удовлетвори меня правдой“. В этой же мечети находился один дервиш; он услышал его плач и рыдания, сжалился над ним. Когда тот перестал молиться, дервиш спросил: „О, шейх! что случилось с тобою. Что ты так плачешь? Скажи мне“. Ответил:

48 „Какая польза говорить с людьми о том, что произошло со мной? Разве один бог, преславный и всемогущий, мне помощник“. Попросил: „Скажи же, так как ведь существуют средства“.¹⁰⁷ Сказал „О, дервиш! остался один лишь халиф, с которым я еще не говорил; я обращался ко всем эмирам, господам, казиям, — ничего не вышло; говорить с тобой совсем бесполезно“. Дервиш сказал: „Если не будет пользы, то и вреда тоже не будет. Не слышал ты, что мудрецы советовали: «тому, кто болен, надлежит говорить со всяким; может случиться, что он получит лекарство от самого ничтожного человека». Расскажи мне свое дело, может случиться, что придет успокоение“. Человек сказал: „Правильно говоришь, пожалуй будет хорошо, если я скажу тебе“. Затем он поведал ему все, что с ним случилось. Выслушав, дервиш сказал: „О, благородный человек!¹⁰⁸ Вот и нашлось облегчение твоему горю! а если не найдется — брани меня, что зря говорил со мной. Успокойся! Если поступишь так, как я скажу, получишь сегодня же свои деньги, — сказал, — отправляйся сейчас же в такой-то квартал, к мечети, что с минаретом, сбоку мечети имеется дверь, а за той дверью лавка, в той лавке сидит старик-портной, одетый в заплатанное, и портняжничает; перед ним сидят два мальчика и тоже кое-что шьют.¹⁰⁹ Ты подойди к старику, приветствуй его и расскажи свое дело; а когда добьешься своего, помяни меня в своей молитве. А в том, что я тебе сказал, ничуть не мешкай“. Человек вышел из мечети, раздумался сам с собой: „Удивительно! Вот я просил о ходатайстве эмиров и вельмож, чтоб они поговорили с моим врагом и не вышло никакой пользы, несмотря на всю их настойчивость, а теперь он мне указал дорогу к старому беспомощному портному и говорит, что через него я достигну своей цели. Мне представляется все это чепухой,¹¹⁰ однако, что делать? как бы то ни было, пойду, если выйдет хотя бы что-либо, не будет хуже того, что сейчас“. Вот он отправился, пришел к двери мечети, в ту лавку, поклонился старику, присел перед ним, немного подожд.

Старик что-то шил, отложил работу, спросил у человека: „По какому делу ты пришел?“ Человек рассказал ему свое дело с начала до конца. Когда портной узнал его дело, он сказал: „Всевышний нашими руками устраивает дела рабов своих. Мы поговорим о тебе с твоим супротивником. Надеемся, что всевышний все устроит и ты достигнешь своей цели. Прислонись к этой стене, посиди немного“. Затем он сказал одному из учеников: „Отложи иглу, встань и отправляйся во дворец этого эмира; когда придешь во дворец, присядь у дверей отдельных покоев, скажи любому, кто туда пойдет или кто выйдет оттуда, пусть передадут эмиру: «Здесь находится ученик такого-то портного, у него к тебе поручение». Когда тебя позовут внутрь, поклонись и скажи: „Мой мастер приветствует тебя и просит сказать, что такой-то человек приходил к тебе жаловаться; он имеет на руках твое обязательство на сумму в семьсот динаров, от срока уплаты прошло уже полтора года. Хочу, чтобы ты возвратил этому человеку его золото целиком и полностью, удовлетворил его без всякого упущения. Быстро принеси мне ответ“. Мальчуган сейчас же поднялся и отправился во дворец эмира, а я остался в изумлении; ни один владыка не дает поручения своему рабу таким образом, как он послал эмиру через посредство слов мальчугана. Некоторое время спустя мальчуган возвратился и сказал мастеру: „Все сделал, исполнил поручение. Эмир поднялся с своего места и произнес: «передай мой поклон и привет хаджэ, скажи, что благодарю и сделаю так, как ты приказываешь: приду с поклоном, принесу с собой золото, попрошу извинения за поступок и при тебе передам золото тому человеку»“, Не прошло и часа, как прибывает эмир в сопровождении одного стремянного и двух слуг; вот он сошел с лошади, сказал приветствие, поцеловал руку у старика-портного, сел против него, взял от одного из слуг мешок с деньгами, передал мне и промолвил: „Вот твои деньги! Не подумай, что я хотел присвоить твое золото. Упущение произошло не по моей воле, а из-за управляющих“. Он усиленно просил прощения, затем приказал слуге: „Пойди и приведи с базара пробирщика с весами“. Тот отправился, привел пробирщика; тот проверил золото, взвесил его, оказалось пятьсот халифатских динар. Эмир сказал: „Завтра как только вернусь

со двора, позову его, вручу остальные двести динаров, извинюсь
50 за происшедшее и удовлетворю; все так устрою, что завтра еще
до полуденного намаза придет к тебе с благодарностью“. Старик
сказал: „Эти пятьсот динар передай ему, сделай так, чтобы от своих
слов не отказываться, завтра же доставь ему остальные“. Сказал:
„Сделаю“, отдал золото, вторично поцеловал руку у портного
и уехал. Я от удивления и радости не знал, что делать, протянул
руку, схватил весы, отвесил сто динар, положил перед стариком
и сказал: „Я ведь согласился получить от причитающейся мне суммы
на сто динар менее; теперь по твоей милости получаю все целиком;
я дарю тебе эти сто динар от чистого сердца“. Портной помрачнел
лицом, нахмурился, вспыхнул от негодования и сказал: „Когда кто-
либо из мусульман обретает спокойствие благодаря моим словам,
освобождается от горя, я тоже чувствую себя удовлетворенным.
Если бы я дозволил себе взять хоть одну крупницу из этого золота,
я бы действовал по откошению к тебе еще более несправедливо,
чем этот тюрок. Вставай и с полученными деньгами иди с миром.
Если завтра не получишь двухсот динар, сообщи мне. А впредь,
прежде чем вступать с кем-либо в деловые сношения, сначала узнай
своего соучастника“. Я очень настаивал, но он так ничего и не взял.
Я поднялся и, радостный, направился к себе домой. Ночь проспал
со спокойным сердцем. На другой день, когда я сидел дома около по-
лудня за мною пришел один человек от эмира и сказал: „Эмир просит
чтобы ты побеспокоил себя на один часок“. Я встал и отправился.
Увидев меня, эмир приподнялся, принял с почетом, усадил на лучшее
место; затем, сильно побранил своего управляющего за проступок
и приказал казначею: „Принеси мешок с деньгами и весы“; отве-
сив двести динар, он передал их мне. Я взял их, поклонился и встал,
чтобы уйти. Он сказал мне: „Посиди немного“. Принесли стол.
Когда мы поели, эмир сказал что-то на ухо одному из слуг, тот
ушел, скоро вернулся и облачил меня в драгоценную одежду из диба,
возложил на голову чалму из тканого золотом касаб¹¹¹. Эмир
спросил: „Ублагодворен ли ты полностью?“ Я сказал: „Да!“ Сказал:
Тогда возврати мне расписку, затем отправься к тому старику
и сообщи: «я добился своего права, ублагодворен и его оправдал».
Я сказал: „Так и сделаю, ведь он сам мне сказал: «повидай меня

завтра». Я встал, вышел от него, пошел к портному и рассказал ему о случившемся. „Прими ты от меня теперь двести динар“, — но сколько я ни уговаривал, он не согласился. Я встал и отправился в лавку. На другой день я изжарил ягненокча, несколько курочек и понес старику портному вместе с блюдом сладостей и сдобным хлебом: „О, шейх, — сказал я, — если ты не хочешь взять золото, то прими в благодарность хоть эту еду, как приобретенную мною законным образом и тем порадууй меня“. Он ответил: „Согласен“, отверз руки, поел из моих кушаний, похвалил и дал ученикам. Затем я сказал старику: „У меня есть к тебе одно дело; если согласишься ответить, я изложу тебе“. Сказал: „Говори“. Я сказал: „Все вельможи и эмиры говорили с этим эмиром и ничего не добились. Как же случилось, что он послушался твоего слова и уступил, сейчас же сделал все, что ты сказал? Откуда к тебе такое почтение?“ Он сказал: „Тебе неизвестно, что произошло между мною и повелителем правоверных“. Ответил: „Нет“. Сказал: „Так слушай, я расскажу“.

Рассказ. Сказал: „Вот уже тридцать лет, как я совершаю призыв правоверных к молитве с минарета этой мечети и занимаюсь ремеслом портного. Никогда я не пил вина, не занимался ни блудом, ни садомией. На этой улице есть дворец одного эмира. Однажды, совершив второй намаз, я вышел из мечети, направляясь в эту лавку и увидел: идет пьяный эмир и тащит силком молодую женщину, ухватив за чадру. Женщина кричала: «Помогите, мусульмане, я не какая-нибудь, я — дочь такого-то, жена такого-то. Все знают мою стыдливость и порядочность. Этот тюрок тащит меня силой, чтобы пораспутничать. Мой муж поклялся разводом, если я буду отсутствовать,¹¹² то я его лишусь». Она рыдала, а никто не спешил ей на помощь, ибо этот тюрок был очень силен. Я закричал, но это было бесполезно, тюрок уволок женщину в свой дом. Под влиянием этого оскорбительного насилия я загорелся ревностью к вере и, потеряв терпение, пошел, собрал стариков квартала;¹¹³ мы отправились к воротам дворца эмира, дабы совершить благое дело,¹¹⁴ закричали: «Нет более мусульманства, если в городе Багдаде, рядом с халифом, берут прямо с дороги силком любую женщину, тащат ее в свой дом, чтобы обесчестить. Выпускайте».

эту женщину, а не то мы сейчас пойдем ко двору Мутасима и пожалуемся». Услышав наши возгласы, тюрок выскочил из ворот своего дворца в сопровождении гулямов; те крепко нас побили, поломали нам руки и ноги. Увидав такое, мы побежали и рассеялись. Было время вечернего намаза. Совершили намаз. Наступила пора облачиться в ночные одежды. Сон не приходит ко мне от горести и негодования. Уже прошла половина ночи, а я все размышляю: «если должно произойти обесчещение, то оно уже произошло и помочь невозможно; хуже всего, что муж женщины поклялся развестись с ней, если она не будет находиться дома. Я же слышал о пьяницах, что когда они пьянеют, то засыпают, а протрезвившись, не знают, сколько времени прошло от ночи. Мне следует так сделать: пойти на минарет и кричать: тюрок услышит, подумает, что уже день, оставит ту женщину, выпустит ее наружу; она же непременно должна пройти мимо двери мечети; я как прокричу намаз, скорей опущусь вниз, встану около двери мечети; когда она подойдет, я провожу ее до дома мужа, чтобы по крайней мере она не лишилась супруга». Так я и сделал; взошел на минарет, прокричал. А Мутасим в это время еще бодрствовал. Услышав не во-время возглас, призывающий к намазу, он сильно разгневался и сказал: «Всякий, кто не во-время призывает к намазу — смутьян; ведь, кто услышит, подумает, что уже наступил день, а как выйдет из дому, его схватит ночной дозор и он попадет в беду». Затем он приказал слуге: «Пойди и скажи хаджибу ворот¹¹⁵ от меня следующее: немедленно отправляйся и приведи ко мне этого муэдзина». Я стоял у ворот мечети, поджидая женщину, и вижу — хаджиб ворот идет с факелом. Заметив меня, стоявшего у ворот мечети, он спросил: «Это ты кричал, призывая к намазу?» Сказал: „Да“. Спросил: «А зачем ты кричишь, призывая не во-время на намаз; вот повелитель правоверных пришел в сильное недовольство, он разгневался на тебя и послал меня за тобою, чтобы проучить“. Я сказал: «Приказ его обязателен для всех людей на свете, причиной же моего несвоевременного призыва на намаз был один наглец». Спросил: «Кто этот наглец?» Я ответил: «А это такое дело, о котором я не могу говорить ни с кем, кроме как с повелителем правоверных. Если окажется, что я кричал зря, призывая

к намазу, то я готов претерпеть всякое наказание, какое наложит на меня халиф». Сказал: «Ну, отправимся к воротам дворца халифа». Дошли до ворот дворца; там нас ждал слуга. Что я сказал хаджибу ворот, то сказал слуге. Тот отправился и передал халифу. Мутасим приказал ему: «Пойди и приведи его ко мне». Меня привели к Мутасиму. Он спросил: «Почему ты призывал не во-время к намазу?» Я рассказал происшествие. Выслушав, он сказал слуге: «Скажи хаджибу ворот, пусть он пойдет в сопровождении ста человек ко дворцу эмира имярек, приведет его ко мне, выпустит женщину и отправит ее в свой дом¹¹⁶. Позови к воротам ее мужа и скажи: «Мутасим шлет тебе привет и предстательствует за эту женщину». Быстро привести ко мне этого эмира». Мне он сказал: «А ты побудь здесь некоторое время». Через час эмира привели к Мутасиму. Только взглянув на него, он произнес: «Ах, ты такой-то и такой-то, разве ты видел с моей стороны какое-либо небрежение к мусульманской вере? Какой изъян проявился в мусульманстве в мое время правления? Я ли не тот, кто из-за мусульман попал пленником в Рум, снова выступил из Багдада, разбил румское войско, обратил в бегство кесаря, шесть лет разорял Рум, пока не разрушил и не сжег Константинополя; я до тех пор не вернулся, пока не основал мечети и не вывел тысячу людей из плена. Теперь благодаря моему правосудию, страху передо мной, волк и овца могут пить воду в одном месте. А у тебя хватает смелости силою схватить женщину, обесчестить ее, а когда люди пытаются совершать доброе дело, ты их избиваешь». Он приказал: «Принесите мешок». Эмира посадили в мешок, крепко увязали. Затем Мутасим распорядился, чтобы принесли палки для разбивания гяча и били бы ими, пока не измолотили его. Сказали: «О, повелитель правоверных! измолочены все его кости». Он приказал бросить мешок в Тигр. Затем сказал мне: «О, шейх! знай, всякому, кто не боится бога, как не совершить дела, из-за коего он потерпит на том и на этом свете? Этот получил наказание, потому что совершил негодное. Тебе же отныне я приказываю: когда узнаешь о ком-либо, кто совершил притеснение, поступил несправедливо или оказал пренебрежение к шариату, следует таким же образом не во-время призвать к намазу; я услышу,

позову тебя, расспрошу и поступлю с тем таким же образом, как с этой собакой, будь то мой сын или брат». Затем он меня наградил и отпустил. Об этом случае знают все вельможи и придворные. Этот эмир отдал твои деньги не из уважения ко мне, а из-за страха перед палками и Тигром; если бы он опять совершил неправильность, я сделал бы призыв на намаз и с ним случилось бы то же самое, что с тем тюрком".¹¹⁷

Множество рассказов, подобных этому! Я вспомнил это количество затем, чтобы владыка мира знал, каковы всегда были государи, как они охраняли овец от волков, как оберегались от смутьянов, какую мощь они предоставляли вере, как дорожили ею и уважали ее.

Глава восьмая.

О разузнавании и осведомлении о делах веры шариата и тому подобном.

Государю следует изучать дела веры, исполнять обычаи веры, сунну и повеления всевышнего, применять их на деле, чтить вероучителей, доставлять им их прожиток из бейт ал-мал, уважать и ценить отшельников и подвижников. Государю также подобает один или два раза в неделю допускать к себе вероучителей, выслушивать от них то, что относится к выполнению божьей воли, слушать толкования к Корану, предания о посланнике, да будет над ним божье благословение и мир! — рассказы о правосудных государях. Пусть будет сердце свободным от мирского дела, пусть прикажет, чтобы, образовав две стороны, они вступали бы в прения, пусть переспросит все, что ему неизвестно, а когда узнал, пусть сохранит в сердце. Если так будет в течение некоторого времени, то войдет в обычай; не пройдет много времени, как государь будет знать большинство законов шариата, толкований к Корану и преданий о посланнике, мир над ним! Они сохраняются у него в памяти. Откроется путь религиозных и мирских 55 дел. Он будет знать, что предпринимать и как отвечать, не собьет его с пути ни плоховер, ни еретик; он укрепится мнением и будет приказывать по правосудию и справедливости; пороки, прихоти и ересь исчезнут из его государства, его дланью будут выполнены великие деяния; в его время пресечется основа зла, порок и смуты, укрепится положение правильных людей, не останется смутьянов; в этом мире государь получит добрую славу, а в том и спасение, высокую степень и неисчислимое вознаграждение. И люди во время его правления будут больше стремиться к знанию.

Предание. Ибн Омар — да будет доволен им господь! — говорит, что пророк — да будет мир над ним! — сказал: „У справедливых будут в раю дворцы из света. Они будут там со своими людьми и с теми, кто был под их рукой“.

Наилучшее, что может совершить государь, это — хранить истинную веру, так как государство, власть государя и вера подобны двум братьям; всякий раз, как в государстве происходят смуты, происходит также и порча веры, появляются еретики, смутьяны; а когда терпит ущерб дело веры, то колеблется и государство, смутьяны забирают силу, у государей теряется авторитет, появляется ересь, отступники приобретают силу.

Суфиан Саури¹¹⁸ говорит: „Наилучший из султанов тот, кто часто общается с людьми знания и наихудший из людей знания тот, кто общается часто с султаном“.¹¹⁹

Мудрец Лукман сказал: „Нет лучшего друга в мире для человека, чем возвышенное знание. Возвышенное знание лучше сокровищ, ибо сокровища следует беречь, а знание само тебя бережет.“

Хасан Басри¹²⁰ — да будет над ним милость божия! — говорит: „Не тот мудрый, кто больше знает по-арабски и владеет большим числом изящных выражений и слов арабского языка; мудрец тот, кто сведущ в каждом знании“.

Для сего годится всякий язык, который знаком. Если кто-либо будет знать все предписания шариата и толкование к Корану на языке тюркском, персидском или румийском,¹²¹ а арабского не знает, все равно он является человеком возвышенного знания. Конечно, лучше, если он знает арабский! Всевышний ниспослал Коран на арабском, и Мухаммед Мустафа — будь над ним благословение 56 и мир божий! — был арабоязычек. А если у государя будет блеск небесного величия, державность и вместе с тем возвышенные знания, то он приобретает счастье двух миров, ибо он не совершит ни одного поступка без знания, ни в чем не уступит неведению. Взгляни на государей, бывших мудрыми, как возвеличено их имя в свете, какие великие деяния они совершили! Их имена будут поминать добром до дня страшного суда! Таковы Афаридун, Александр, Ардашир, Нуширван Справедливый, повелитель правоверных Омар, — да будет доволен им господь! — Омар сын Абд

ал-Азиза, — да озарит бог его могилу! — Харун, Мамун, Мугасим, Исмаил сын Ахмеда Саманид, султан Махмуд, — да будет милостив господь над ними! Дела и подвиги каждого из них очевидны; о них пишут и читают истории, книги, молятся за них, славят их.

Предание. Рассказывают, что во время правления Омара сына Абд ал-Азиза,¹²² — да будет над ним милость божия! — случился голод, народ впал в несчастье. К нему пришло одно из арабских племен. Они жаловались и говорили: „О повелитель правоверных! во время этой голодовки мы съели свою плоть и кровь, отощали от отсутствия еды, цвет нашей кожи пожелтел. То же, что нам необходимо, находится в твоём бейт ал-мал. Находящееся там имущество принадлежит тебе, богу, преславному и всемогущему, или рабам его? Если оно рабов божьих, то оно — наше, если оно богово, то бог в нем не нуждается, если же оно — твое, отдай нам в виде милостыни, ибо господь вознаграждает дающих милостыню; освободи нас от этого несчастья, что иссушило кожу на наших телах!“ Омар сын Абд ал-Азиза пожалел их, заплакал и сказал: „Сделаю так, как вы сказали“. Он сейчас же приказал, чтобы устроили их дело и удовлетворили их желание. Когда они собрались встать, чтобы уйти, Омар сын Абд ал-Азиза, — милость божия над ним! сказал: „О, люди! Куда вы идете? Ведь вы говорили со мною как рабы божьи, скажите же теперь обо мне всевышнему, то есть помолитесь обо мне“. Обратив лицо к небу, арабы произнесли: „О господи! во имя твоего величия соверши по отношению к Омару сыну Абд ал-Азиза то же самое, что он совершил по отношению к твоим рабам“. Когда они окончили молитву, сейчас же показалось темное облако и пошел сильный дождь; одна из градин упала на жженый кирпич двора Омара, разбила его и оттуда выпала бумага. Прочли; на ней было написано по-арабски: „Это — указ от великого бога Омару сыну Абд ал-Азиза во спасение от огня“, по-персидски же так: „Это — искупление от великого бога Омару сыну Абд ал-Азиза от адава огня“.¹²³ Много суще ствует таких рассказов, но довольно и того, что приведено.

Глава девятая.

*О мушрифах и достатке их.*¹²⁴

Пусть уполномачивают на ишраф¹²⁵ того, на кого можно вполне положиться, так как это лицо знает о происходящем при дворе и сообщает, когда захочет и когда случится нужда. Он же должен от себя направить в каждый город, в каждую округу, своих заместителей, благоразумных и добросовестных, дабы им было известно все, что происходит из незначительного и значительного. Не следует, однако, чтобы на народ падала тяжесть по их ежемесячному содержанию и оплате, чтобы это становилось новым бременем. Пусть то, что им следует за труды, выдают из бейт ал-мал, чтобы они не чувствовали необходимости в вероломстве и взяточничестве. Польза, которая произойдет от их верности в десять, в сто раз окупит то имущество, которое им дадут в свое время.

Глава десятая.

*О сахиб-хабарах и о совершении мероприятий по делу царства.*¹²⁶

Государю необходимо ведать все о народе и о войске, вдали и вблизи от себя, узнавать о малом и великом, обо всем, что происходит. А если он не будет так поступать, произойдет вред; все будет отнесено на счет небрежения и насилия. Скажут: „Знает или не знает государь о разрухе и своевольстве, происходящих в государстве? Если знает и не ставит тому никаких препятствий, значит он сам подобно им несправедливец, потворствует несправедливостям; а если не знает, то, значит, он — беспечен и несведущ, нехорошо и то, и другое“. Волей-неволей появляется необходимость в сахиб-бариде. Все государи и до ислама, и при исламе получали свежие новости через сахиб-баридов, через их посредство они были осведомлены о хорошем и плохом; так, например, если кто, хоть за пятьсот фарсангов отсюда, отнял несправедливо у кого-либо торбу сена или курицу, государь все равно узнавал и на то лицо накладывал взыскание, дабы знали все остальные, что государь — неусыплен, что он всюду назначил лиц, осведомляющих его. Тогда обидчики остерегутся делать несправедливость, люди под сенью справедливости будут в спокойствии заниматься работою для поддержания своего существования и благоустройства. Но это дело — тонкое, подверженное тайной ненависти, а потому следует, чтобы оно выполнялось руками, языком и пером тех, о которых никто не помыслит плохого, которые не были бы заняты своими личными корыстными побуждениями, ведь от них зависит благоустройство и разруха государства; и они должны назначаться только от государя

а не от кого другого. Следует уготовлять им плату и ежемесячное содержание из казнохранилища, чтобы они действовали в душевном спокойствии и государь узнавал бы о всяком событии, как только оно случилось, тогда он предпримет необходимое, а то или другое лицо постигнет неожиданно возмездие, взыскание или ласка. Если государь будет действовать именно так, люди будут ревностны к послушанию, будут бояться государева наставления, ни у кого не появится желания возмутиться против власти государя или помыслить плохое. Назначение сахибхабаров и фискалов свидетельствует о правосудности, неусыпности и попечении государя в отношении благополучия государства.

Рассказ. Когда султан Махмуд захватил страну Ирак,¹²⁷ случилось, что одна женщина находилась с караваем в рибате Дейр-Гячин¹²⁸ и воры похитили ее пожитки. Эти воры были из куджей и белуджей, а страна находится в соседстве с Кирманом. Женщина направилась к султану Махмуду и пожаловалась: „Грабители похитили мои пожитки в Дейр-Гячине, возврати их мне или возмести 59 убыток“. Султан Махмуд спросил: „Где находится Дейр-Гячин?“ Женщина сказала: „А ты захватывай столько владений, чтобы смог их знать, ими управлять и охранять их“. Сказал: „Правильно говоришь, но ты-то сама знаешь какого рода были грабители и откуда пришли?“ Сказала: „Они из куджей и белуджей, неподалеку от Кирмана“. Сказал: „Эта местность далекая, она вне моего владения. Я ничего не могу с ними поделать“. Женщина сказала: „Какой же ты хозяин мира, если не можешь управлять в своем хозяйстве; какой же ты пастух, если не можешь убереечь овцу от волка. Значит одинаковы — что я в своей слабости и одиночестве, что ты — с таким могуществом и войском“. Махмуд прослезился и сказал: „Верно говоришь. Сделаю так, чтобы вернуть твои пожитки, все предприиму, что в моих силах“. Затем он распорядился, чтобы женщине дали золота из казнохранилища, и написал письмо Бу-Али Илиасу эмиру Кирмана: „Целью моего прихода в Ирак был не сам Ирак, ведь я все время был занят войной за веру в Индии, причиной похода были многочисленные письма, приходившие ко мне одно за другим о том, что дейлемцы открыто

проявили в Ираке смуту, насилия и ересь; они устраивают «сабат»¹²⁹ на проезжих дорогах, насильно затаскивают в свои дома жен и детей мусульман, чтобы развратничать с ними, поступают с ними как хотят, освобождая по своему желанию. Они называют вернейшую Айшу — да будет доволен ею господь! — блудницей, ругают сподвижников пророка, — да будет мир над ним! — их мукта требуют и получают от народа харадж по два, по три раза и совершают насилем все, что хотят. Их государь, зовут его Маджд ад-даулэ, соглашается, чтобы его именовали «шахиншах»; он имеет девять жен в законном браке. Народ открыто исповедует по городам и округам веру зиндиков и батинитов, говорит неподобающее о боге и пророке, они открыто отрицают создателя, отказываются от намаза, хаджжа и зякята. Мукта им не ставят помехи в этом и нет такого мукта, кто бы мог сказать: «Почему вы говорите несправедливое о сподвижниках пророка, да будет мир над ним! почему совершаете насилие и непотребство?» Оба разряда людей действуют согласно друг с другом. Когда эти дела мне стали как 60 следует известны, я предпочел сие важное дело священной войне в Индии и направился в Ирак, послал против дейлемцев, зиндиков и батинитов тюркское войско, являющееся мусульманским с чистою верою, и ханифитским, чтобы оно вырвало семя их с корнем. Многие из них были порублены мечом, многие посажены в темницы, закованы в оковы, многие рассеялись по свету. Выполнение государственных обязанностей я поручил хадже из Хорасана, чистым верою, ханифитам или шафиитам, а эти оба толка — враги отступникам и батинитам. Я не потерпел, чтобы хоть один иракский дабир мог положить перо на бумагу, ведь знал, что большинство иракских дабиров с ними заодно и что они тюркам все дело испортят. Я с помощью бога в короткое время очистил землю Ирака от еретиков. Ведь всевышний для того меня создал и назначил над народом, чтобы я стирал смутьянов с лица земли, оберегал бы правильных людей, правосудием и щедростью содействовал бы процветанию мира. Ныне мне стало известным, что племена из смутьянов куджей и белуджей напали здесь на рибат Дейр-Гячин, унесли пожитки. Теперь я требую, чтобы ты их схватил, то имущество возвратил, их повесил или же со связанными руками вместе

с тем имуществом, которое они унесли, прислал бы в город Рей,¹³⁰ чтобы у них не появлялось намерения приходить из Кирмана в мои владения и разбойничать. Если же ты так не сделаешь, то Кирман не дальше чем Сумнат, я поведу войска на Кирман и сотру их с лица кирманского края". Гонец доставил султанское послание Бу-Али, тот сильно утрашился, обласкал гонца, послал в качестве подношения разные богатые украшения, редкости моря, мешок золота и серебра, сказав: „Я—раб и повинуюсь приказу. Однако султану неведомы обстоятельства, в которых находится сей раб и страна Кирман. Сей раб не потакает ни одному смутьяну, народ же в Кирмане сунниты, добромыслящие, с чистой верой. А горы куджей и белуджей отрезаны от Кирмана потоками, недоступными горами, дороги тяжелы. Я сам доведен ими до крайности, так как большая часть их грабители и смутьяны. На расстоянии двухсот фарсангов пути от них нет спокойствия. Они приходят 61 для грабежей. Народ—многочисленный. Я не могу им противиться. Султан мира более могущественен, во всем мире только султан может с ними управиться, сей раб же готов на все, что султан прикажет". Получив ответное послание и подношение Бу-Али, Махмуд признал правильным то, что тот утверждал. Он пожаловал его посланцу почетную одежду и, отпуская, сказал: „Передай Бу-Али: надо, чтобы ты собрал кирманское войско, обойди кирманскую страну и к началу такого-то месяца подойди к границе Кирмана, на ту сторону, где куджи и белуджи. Там останись. Когда придет наш гонец с таким-то указанием, тотчас тронься в поход, пойди в их страну, убивай всякого молодого, которого найдешь, не давая пощады, а у стариков и женщин отними их имущество, пришли сюда, чтобы я мог разделить его между потерпевшими, которые были ограблены. Затем учини с ними договор и соглашение и возвращайся обратно". Когда гонец отправился, он приказал объявить публично: „Купцы, намеревающиеся отправиться в Иезд¹³¹ и Кирман, должны устроить свои дела, уложить грузы. Я дам в сопровождение конвой, и обещаюсь выдать из казны возмещение всякому, у кого грабители куджи и белуджи отберут имущество". Как только распространилось это извещение, в городе Рее собралось столько купцов, что не сосчитать: Махмуд в опре-

деленное время отправил купцов, дав им в качестве конвоя эмира со ста пятьюдесятью всадниками, сказав: „Вы не беспокойтесь, вслед за вами я посылаю войско“, это для того, чтобы они не падали духом. Когда же конвой готов был к отправлению, он позвал к себе того эмира — начальника отряда, дал ему стеклянный сосуд со смертельным ядом и сказал: „Когда дойдешь до Исфахана, остановись там на десять дней, чтобы тамошние купцы устроили свои дела и присоединились к тебе. Ты же за это время купи десять харваров исфаханских яблок, погрузи их на десять верблюдов и, когда будете отправляться, расположи этих верблюдов между верблюдами торговцев и поезжай. Доехав до остановки, откуда день езды до грабителей, сделай так, чтобы в ту ночь тюки с яблоками принесли в палатку, высыпь их, каждое яблоко уколи мешечной иглой, выстругай палочку острее иглы, обмакни в сосуд с ядом и воткни в сделанное в яблоке отверстие, пока таким образом не напиташь ядом все яблоки. Затем точно так же уложи их среди хлопка в ящики, расставь так же как раньше верблюдов с грузом яблок среди других верблюдов и поезжай. Когда грабители появятся и нападут на караван, ты не принимай сражения, ведь их много, а вы — малочисленны, отступи на полфарсанга от каравана вместе со всеми, у кого есть оружие, подожди с добрый час, а затем двигайся на грабителей. Не сомневаюсь, что большинство должно погибнуть от вкушения яблок, а ты действуй мечом и убивай, сколько можешь. Освободившись от них, отправь десять всадников о дву-конь к Бу-Али с моим перстнем и дай ему знать, что сделали с грабителями, скажи: — «а теперь поспеши в этот край, так как он лишился молодых людей, удалцов и зачинщиков». Итак, сделай то, что тебе приказываю; ты доведешь благополучно до пределов Кирмана караван и тебе будет удобно соединиться с Бу-Али“. Эмир ответил: „Так поступаю! сердце чувствует, что это дело ко счастью царя удастся и пути станут открыты для мусульман до дня восстания из мертвых“. Расставшись с Махмудом, он взял караван, повел на Исфахан, нагрузил яблоками десять верблюдов и отправился на Кирман. Грабители, пославшие лазутчиков в Исфахан, узнали, что идет караван из нескольких тысяч четвероногих со столькими богатствами и пожитками, что один

всевышний может знать их количество, за тысячу лет такого каравана никто не видывал, конвой же его состоит из ста пятидесяти тюркских всадников. Они обрадовались, объявили об этом повсюду среди куджей и белуджей, где находился хоть один человек, способный к войне, удалец или обладавший оружием, всех позвали; на дорогу вышло четыре тысячи людей в полном вооружении и засели в ожидании каравана. Когда эмир добрался с караваном до одного привала, жители, бывшие там, поведали ему: „Несколько тысяч грабителей перехватили вашу дорогу. Уже несколько дней как ждут вас“. Эмир отряда спросил: „Отсюда до того места, где они, сколько фарсангов?“ Ответили: „Пять фарсангов“. Когда караванщики услышали об этом, они очень расстроились и спешили в этом месте. Во время дневного намаза эмир позвал всех бар-саларов и караван-саларов,¹²² ободрил их и спросил. „Отвечайте мне, что дороже, жизнь или имущество?“. Ответили: „Чего стоит имущество? Жизнь — лучше“. Эмир сказал: „У вас имущество, а мы за вас будем жертвовать жизнью и не огорчаемся. Почему же вы так огорчаетесь из-за пожитков, которые будут возмещены вам? В конце концов ведь Махмуд мне доверил все это дело, а он ни на вас не имеет гнева, ни на меня, чтобы погубить вас и меня. Он намерен получить с грабителей пожитки, которых лишилась та женщина в Дейр-Гячине, а вы полагаете, что отдадите им свое имущество. Успокойтесь! Махмуд не забыл о вас, он со мной кое о чем переговорил. Завтра, как поднимется солнце, к нам присоединится кое-кто и, даст бог, мы добьемся своего. Вам же всем надлежит делать то, что я скажу, в этом ваше благо. Выслушав, они обрадовались, окрепли духом и сказали: „Все, что прикажешь, исполним“. Сказал: „Кто из вас владеет оружием и может сражаться, подойдите ко мне“. Подошли к нему. Он пересчитал, оказалось вместе с его отрядом триста семьдесят человек, всадников и пехотинцев. Он сказал: „Когда тронемся сегодня вечером, всадники пусть будут со мной впереди каравана, пехотинцы позади каравана; у этих грабителей в обычае захватывать имущество, а не убивать кого-нибудь, кроме тех, кто им сопротивляется и погибает в бою. Мы завтра как взойдет солнце дойдем до них; когда они нападут на караван, я обращусь в бегство; вы же, когда увидите, что я отсту-

пил, также бегите назад; я же с ними поведу игру, то отступая, то наступая, пока вы не уйдете от них на полфарсанга. Затем я поспешу соединиться с вами, на часок остановимся, а там сразу вернемся, ударим на них и вы увидите чудеса. Таково было дано мне распоряжение, я знаю кое-что, чего вы не знаете и что увидите воочию только завтра. Уверен, всем станет очевидной забота Махмуда“. Все отвечали: „Сделаем так“ и возвратились. Пришла ночь, эмир вскрыл тюки с яблоками, все яблоки напитал ядом, 64
обратно положил в ящики, назначил десять человек к десяти верблюжьим вьюкам яблок и сказал: „Когда я поскачу назад, а грабители нападут на караван и начнут потрошить вьюки, вы разорвите ремни, связывающие яблоки, оторвите верхушки ящиков, опрокиньте их, потом спасайтесь“. Когда ночь миновала на половину, эмир приказал выступать. Шли в том же порядке, пока не наступил день и не поднялось высоко солнце. Грабители показались с трех сторон, бросились на караван с обнаженными мечами. Эмир два-три раза ходил в наступление, выпустил несколько стрел, затем обратился в бегство. Пехотинцы, как увидели грабителей, побежали назад. Эмир охранял пехотинцев на несколько полуфарсанговых переходов, всех сохранил. Грабители, увидав, что конвой малочисленен и отступил, а караванщики, ища спасения, побежали, возликовали, спокойно распорол вьюки и занялись товарами. Как только добрались до харваров яблок, набросились, все разобрали, алчно и охотно тащили, жрали, делясь с теми, кому не досталось. Мало осталось, кто не попробовал яблок. Через некоторое время начали падать и умирать. Часа через два эмир поднялся на возвышенность, окинул взглядом караван: всюду на поле он увидал упавших людей. „Спят“, произнес он, спустился вниз и сказал: „Эй, люди! счастливое известие. Пришла подмога султана, убила всех воров, немного¹³³ осталось в живых. Подымайтесь, эй, храбрецы! поспешите, перебьем остальных“. Вместе со своим отрядом он поскакал к каравану, пехотинцы же поспешили бегом за ним вслед. Достигнув каравана, они увидали на поле мертвых людей, бросивших свои мечи, щиты, стрелы, луки, дротики. Те, кто был жив, пустились бежать. Эмир и отряд караванщиков погнались за ними, всех перебили. Возвратились. Никто не остался

в живых, чтобы оповестить о случившемся в своем краю. Эмир приказал собрать оружие, снялся с этого места и привел караванщиков к привалу; никто не потерпел ни малейшего урона; все от радости не вмещались в коже. До того места, где находился 65 Бу-Али Илиас, было десять фарсангов. Эмир поспешно отрядил к нему десять гулямов с перстнем султана и сообщил о том, что произошло. Получив перстень, он устремился со свежим и вооруженным войском в страну куджей и белуджей. Эмир также с ним соединился. Они убили свыше десяти тысяч людей, взяли у них несколько тысяч динар и захватили столько пожитков, богатства, оружия и четвероногих, что не перечислить. Все это Бу-Али отослал султану в сопровождении того эмира. Махмуд велел объявить: „Пусть придут ко мне все те, у кого грабители куджи и белуджи унесли что-нибудь до моего прибытия в Ирак, они получают от меня возмещение“. Все потерпевшие приходили и удовлетворенные возвращались. В течение пятидесяти лет куджам в голову не приходило о какой-либо дерзости. Затем Махмуд назначил повсюду сахиб-хабаров и фискалов, если кто незаконно захватил курицу или в стране кто кого побил кулаком, он узнавал и приказывал дать возмездие.¹³⁴

Со старины государи сохраняли этот обычай до династии сельджуков, они же к этому не прилежали и мало приказывали.

Рассказ. Однажды Абу-л-Фазл Сагзи¹³⁵ спросил погибшего за веру султана Алп-Арслана:¹³⁶ „Почему ты не имеешь сахиб-хабара“. Тот сказал: „Ты хочешь пустить мое царство на ветер,¹³⁷ отвратить от меня моих приверженцев“. Спросил: „Каким образом?“ Ответил: „Если я назначу сахиб-хабара, для того, кто со мной искренен и дружен это не будет иметь значения, он не даст ему взятки, а тот, кто мне противник и враг, будет дружить с ним, дарить имущество. Волей-неволей сахиб-хабар будет сообщать мне плохие сведения о моих друзьях и хорошие — о врагах. Хорошее и плохое слово, как стрелы, выпустишь несколько стрел, в конце концов одна попадет в цель: с каждым днем мое сердце будет озлобляться на друзей, становиться лучше к врагам. Через короткое время друзья удалятся, а враги приблизятся: пока не займут

места друзей. Нельзя представить то, что породится от такой сумятицы!

Однако все-таки предпочтительнее, чтобы существовал сахиб-хабар. Существование должности сахиб-хабара — одна из основ царства. Если будет соответствующая уверенность, как мы говорили, то беспокойства не будет.

Глава одиннадцатая.

О почтении к приказам его величества — да возвеличит его бог! — и указам, что пишут со двора.

Послания, которые пишут с государева двора — многочисленны, а все, что становится многочисленным, теряет свое значение. Надо, чтобы не писали ничего от высокого собрания, пока не наступит какое-нибудь важное обстоятельство. А если написали, то уже надо, чтобы содержание послания было таково, чтобы ни у кого не поселялось намерения что-нибудь не выполнить из приказа. Если окажется, что кто-либо поглядит пренебрежительно на приказ или замедлит в ревности к слушанию и повиновению, пусть назначат суровое наказание, даже будь он из близких. В этом состоит разница между писанием государя и других лиц.

Рассказ. Рассказывают, что одна женщина из Нишапура отправилась в Газнин с жалобой на несправедливость. Она пожаловалась Махмуду, говоря: „Амил Нишапура отобрал у меня земельное владение, завладел им“. Дали послание: „Верни этой женщине ее земельное владение“. У этого же амиля имелось очевидное доказательство на то земельное владение. Он сказал: „Это не ее земельное владение. Я это докажу двору“. Женщина пошла второй раз жаловаться. Послали гуляма, амиля привели из Нишапура в Газнин. Когда он явился ко двору султана, тот приказал, чтобы ему дали тысячу палочных ударов у ворот дворца. Амил и предъявлял доказательство, и приводил пятьсот ходатаев и покупал эту тысячу палочных ударов за тысячу нишапурских динар, все было бесполезно: он принял тысячу палочных ударов. Сказали: „Если это земельное владение принадлежит тебе правильно, почему ты

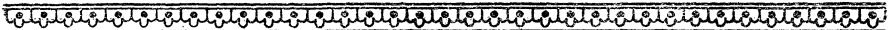
не действовал согласно приказу, а после сообщил бы об обстоятельствах дела, дабы затем приказали, что следовало“.

Так поступили затем, что когда другие услышат об этом деле, ни у кого не будет охоты к высокомерию, непослушанию и нарушению в отношении приказа. Все, что имеет отношение к государю, ему и подобает совершать или приказывать, как-то: накладывать наказание, рубить головы, отрезать руки и ноги, делать евнухом и подобно этому, если кто-либо учинит такое без приказа государя со своим слугой или рабом, — не надо соглашаться, а надо наказать его самого, дабы другие знали свое место, взяли бы то за пример.

Рассказ. Этакое рассказывают: царь Рума Парвиз¹³⁸ по началу весьма уважал вазира¹³⁹ Бахрама Чубина, так что и одного часу не бывал без него, не разлучался с ним ни на охоте, ни во время питья вина, ни в уединении. Этот Бахрам Чубин был бесподобный всадник и несравненный герой. Однажды амили Герата и Серакса привели царю Парвизу триста красношерстных верблюдов, на каждом из которых был груз в харвар из необходимых и ценных вещей. Он распорядился отвести все это во дворец Бахрама Чубина, чтобы было обильное продовольствие на кухне. На другой день Парвизу донесли, что вчера Бахрам разложил своего гуляма, дал ему двадцать палочных ударов. Парвиз разгневался и приказал позвать Бахрама. Когда Бахрам пришел, он распорядился принести из оружейной пятьсот клинков, затем сказал: „Отдели, Бахрам, лучшие из этих клинков“. Бахрам выбрал сто пятьдесят. Затем он сказал: „Из этих выбранных, отбери десятков тех, что поотменнее“. Бахрам отобрал десять клинков. Сказал: „Выбери из этого десятка два клинка“. Бахрам отобрал два клинка. Сказал: „Теперь прикажи, чтобы эти два клинка вложили в одни ножны“. Бахрам сказал. „О царь! два клинка не войдут хорошо в одни ножны“. „А подходят ли для одного города два дающих приказы?“ Услышав эти слова, Бахрам распростерся ниц, признался, что сделал ошибку. Парвиз сказал: „Если бы у тебя не было передо мной права заслуг, а вознесенного мною не хочу сбрасывать вниз, я не простил бы твоего преступления. Оставь за нами это дело, так как бог сделал нас судьей на земле, а не тебя. Нам надлежит иметь дело со вся-

ким, у кого имеется нужда в правосудии, приказывать надлежащее согласно истине. Если впредь произойдет какой-либо проступок со стороны подручного или раба, надлежит сначала уведомить нас, чтобы мы приказали необходимое наказание и чтобы никого не постигло что-либо не по заслугам. На этот раз я тебя простил". Бахрам Чубин был сипах-саларом, а ему был сделан такой выговор.¹⁴⁰

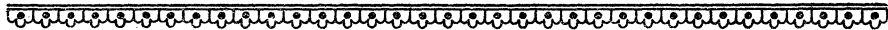

Глава двенадцатая.

О посылке гулямов со двора по важным делам.

Много гулямов отъезжают с государева двора, иные с приказом, другие без приказа; а для людей от этого беспокойство, так как они отбирают имущество. Имеются тяжбы, стоимость которых двести динар, а отправится гулям и потребуется пятьсот динар вознаграждения;¹⁴¹ люди беднеют и нищают. Не следует посылать гулямов иначе, как по важным делам, а если уж послали, то только с высочайшим приказом. Гуляму же пусть накажут: „Эта тяжба на столько-то, больше этого вознаграждения не бери. Чтобы сделано было надлежащим образом“.

Глава тринадцатая.

О посылке лазутчиков и о мероприятиях ко благу государства и народа.

Надо отправлять лазутчиков постоянно во все места под видом купцов, странников, суфиев, продавцов целительных средств, нищих; пусть они сообщают обо всем, что услышат, чтобы ничто из дел никоим образом не оставалось скрытым, а если произойдет какое событие, будет что нового, чтобы своевременно принять соответствующие меры. Часто бывало, что наместники, мукта, чиновники и эмиры питали непокорство, враждебность, злоумышляли против государя, а прибыл лазутчик, во-время сообщил государю, вот государь сел на коня, пошел в поход, врасплох обрушился на них, захватил,¹⁴² сделал все их намерения тщетными. Или если какой-нибудь государь с иноземным войском движется походом на страну, государь успеет подготовиться, отразит его. Равным образом, ⁶⁹ вот сообщили они о положении народа, о благом и несчастном, государи и отнеслись с заботой. Так в свое время делал Азуд ад-дауля.

Рассказ. Не было из государей Дейлема и других государей ни одного более неусыпного, пронизательного, предусмотрительного, чем Азуд ад-дауля; у него была любовь к строительству, великодушие, он был образован, искусен в правлении. Однажды один фискал написал ему: „Когда я вышел из ворот города по тому делу, за которым ты послал своего раба, и прошел двести шагов, как увидел юношу, стоявшего на обочине дороги, лицо его было бледное, на голове и шее были следы ударов. Увидев меня, он поклонился. Я ответил и спросил: „Зачем ты стоишь?“ Ответил: „Дожидаюсь попутчика, чтобы отправиться в город, где был бы

правосудный царь и справедливый судья". Я сказал: „Понимаешь ли ты, что говоришь? Ты мечтаешь о государе правосуднее Азуд ад-даула и судье более сведущем, чем городской казий". Он сказал: „Если бы у государя была правосудность, он был бы бдителен в делах, а судья был бы правилен. Если же судья неправилен, то как может быть государь справедлив? — скорее он нерадив". Я спросил: „Что ты видел из нерадивости государя и глухоты¹⁴³ казия?" Он сказал: „Рассказ мой длинен, но он стал коротким как только я вышел из этого города". Я сказал: „Надо обязательно рассказать его мне". Он ответил: „Пойдем и сократим путь рассказом". Когда мы вышли на дорогу, он начал: „Узнай, что я сын такого-то человека, купца, дом моего отца в этом городе, в таком-то квартале. Все знают моего отца, что он был за человек, и каким он обладал имуществом. Когда мой отец скончался, я в течение нескольких лет предавался влечениям сердца, удовольствиям и винопитию, затем на меня напал сильный недуг, так что я потерял надежду на жизнь. Во время этой болезни я дал обет богу, если спасусь от этого недуга, совершу хаджж и направлюсь на священную войну. Бог мне дал исцеление, я выздоровел и приступил к осуществлению намерения сначала совершить хаджж, а потом отправиться на священную войну. Я освободил всех бывших у меня невольниц и гулямов, роздал им золото, земельные владения, дома, пережил их, распродал домашние вещи и торговые помещения, получил пятьдесят тысяч динар наличными деньгами. Тогда мне и пришло на ум, что оба предпринимаемые мною путешествия полны опасностей, нецелесообразно вести с собой столько золота. Итак я решил взять с собой тридцать тысяч динар, а остаток сохранить. Пришел я и купил два медных афтаба,¹⁴⁴ положил в каждый из них по десяти тысяч динар и сказал: «Теперь надо кому-нибудь их отдать». Из всего города более всего мое сердце прилежало к главному казию. «Он — судья и ученый, — рассуждал я, — царь ему вручил кровь и имущество мусульман. Доверюсь я ему, он ни в коем случае не совершит вероломства». Я отправился и тихонько переговорил с ним. Он согласился. Я обрадовался, встал на рассвете, отнес к нему в дом, вручил, и отправился в путь. Совершил я хаджж ислама, пошел из Мекки в Медину, а оттуда направился

в пределы Рума, присоединился к газиям, несколько лет был на священной войне, в одном сражении был окружен неверными и, раненый во многих местах тела и лица, попал в руки румийцев. Четыре года я провел в неволе и темнице. Вот заболел кесарь Рума, отпустили на свободу всех пленных, и я освободился. Опять я пришел к корабельщикам,¹⁴⁵ служил им для приобретения средств к жизни. Но я крепко уповал, что положил двадцать тысяч динар у казия Багдада. В надежде на них я собрался в путь. После десяти лет, с пустыми руками, в изношенном платье, с отощавшим от невзгод и недостатков телом я пришел к судье, поклонился, присел и сейчас же встал. Два дня я ходил к нему таким образом, он ничего мне не говорил, на третий день я пришел, сел перед ним, и, улучив удобный случай, приблизился к нему, и сказал тихо: «Я — такой-то, сын такого-то, совершил хаджж, был на священной войне, много перенес невзгод, все, что захватил с собой, ушло из рук, я очутился в этакоем состоянии, не располагаю ни одной крупницей золота и нуждаюсь в том, что доверил тебе». Казий не дал мне никакого ответа, не попытался узнать, дескать, «о чем ты говоришь?», встал направился в покои, а я ушел со стесненным сердцем. Из-за своего плохого вида и наготы я стыдился отправиться в свой дом или в дом своих близких и друзей. Ночь я спал в мечети, а днем прятался по углам. Что долго рассказывать, два-три раза я говорил ему относительно этого дела, он не давал никакого ответа. На седьмой день я стал настойчивее. Он ответил мне: «Ты страдаешь умопомешательством, твой мозг пересох от дорожной пыли и невзгод. Ты говоришь много пустого. Я не знаю тебя и не имею представления, о чем ты говоришь. Ведь тот, имя которого ты упоминаешь, был красавцем, состоятельным, одетым». Я отвечал: «О, казий! я — тот самый; я отощал от невзгод и ранений, лицо мое стало безобразным». «Вставай, — сказал он, — не причиняй мне головной боли. Уходи по-добру по-здорову». Я ответил: «Постой, побойся бога, ведь после этого мира придет другой мир, за всякий поступок следует награда и возмездие. Пусть будут твоими пять тысяч из этих двадцати тысяч динар». Он ничего не ответил. «Пусть будет, — воскликнул я, — из этих двух афтабэ один твоим, законно и правильно, один же возврати мне,

ибо я нахожусь в очень затруднительном положении; я закреплю это своей подписью на расписке, в свидетельство и в отказ от каких-либо требований с моей стороны». Он ответил: «Тебя мучит безумие, ты, очевидно, добиваешься, чтобы я вынес решение о твоём безумии и приказал запереть тебя в больницу, наложить оковы, от которых ты не освободишься, пока жив». Я испугался, понял, что он решил ничего мне не возвращать; а ведь какое бы он ни сделал приказание, люди так и поступят; тихонько-тихонько поднялся и вышел от него, рассудив сам с собой: «Когда мясо портится, его посыпают солью, но что делать, когда портится сама соль? Все судебные дела подлежат судье, а когда судья совершает несправедливость, кто на него подаст жалобу? Если бы Азуд ад-дауле был правосуден, мои двадцать тысяч динар не остались бы в руках судьи и я, голодный и лишенный средств к существованию, не отчаивался бы в своем имуществе, царе, городе и родине». И вот я ушел». Когда фискал выслушал все, что произошло, сердце его воспылало и он сказал: „О, благородный человек! всегда надежды следуют за безнадежностью. Прилепись душой к богу, который устроит дела своих рабов“, затем фискал добавил: „у меня в этой деревне есть один друг, благородный человек, гостеприимец. Я направляюсь к нему в гости. Ты мне весьма понравился. Сделай милость, проведем день и ночь в доме этого друга, а завтра видно будет“. И он его повел к дому этого друга. Им принесли то, что имелось, они поели и направились в комнаты. Фискал же описал все это дело на бумаге и передал одному поселянину:¹⁴⁶ „Отправляйся к воротам дворца Азуд ад-дауле, позови такого-то слугу, отдай ему письмо, чтобы оно сейчас же дошло до Азуд ад-дауле“. Когда Азуд ад-дауле прочел, он поразился и сейчас же послал кого-то сказать фискалу: „Приведи ко мне в этот же вечер того человека“. Узнав об этом, фискал сказал: „Собирайся, пойдем в город. Азуд ад-дауле призывает меня и тебя. Он прислал гонца“. Тот человек спросил: „Это к добру?“ „Ничего не должно быть, — отвечал фискал, — кроме хорошего. Возможно, что до его слуха довели то, что ты мне рассказывал дорогой. Питаю надежду, что ты добьешься своей цели и освободишься от этого горя“. Он встал и отвел его к Азуд ад-дауле. Азуд ад-дауле приказал, чтобы все ушли из

собрания, расспросил у того человека о его деле. Тот снова рассказал все, как было, с начала и до конца. Азуд ад-даулэ почувствовал к нему жалость и сказал: „Будь спокоен. Это дело со мной случилось, а не с тобой. Он мною поставлен и мне надлежит принять меры по этому делу. Всевышний сотворил меня для того, чтобы я заботился о людях, не допускал, чтобы кого-либо постигло несчастье, хотя бы и от судьи, ведь это я его поставил над имуществом и состоянием мусульман; я ему даю содержание и ежемесячную плату, чтобы он устраивал дела мусульман по правде, не делал бы пристрастия и лицепрятия, не брал бы взятки. Если же в моей столице происходит этакое от человека старого и ученого, какое же должно происходить вероломство от опрометчивых молодых судей. По началу этот судья был человеком бедным, семейным, тот размер ежемесячной платы, что я ему положил, должен быть только достаточен ему. Теперь же у него в Багдаде и по округам столько земельных владений, пальмовых рощ,¹⁴⁷ садов, огородов, домов, торговых помещений, предметов роскоши и ценных вещей, что всему этому нет границ. Он не мог все это добыть от своей ежемесячной платы. Следовательно, он все это добыл от имущества мусульман“. Затем он обратился к тому человеку и сказал: „Не буду как следует спать и есть, пока не удовлетворю тебя в твоём праве. Возьми от меня необходимые издержки, уезжай из этого города в Исфакан, побудь у такого-то человека, а мы напишем ему, чтобы он хорошенько тебя содержал до тех пор, пока мы не потребуем тебя от него“. Итак, он вручил ему двести золотых динар, пять одеяний и отправил его тою же ночью в Исфакан. Всю ночь до наступления дня раздумывал Азуд ад-даулэ, что сделать, чтобы это имущество вытащить из рук судьи. „Если я схвачу казая,—раздумывал он сам с собой,—силою и султанской властью, буду пытаться, он, конечно, не сознается, не откроет своего вероломства. Это имущество погибнет, а люди будут упрекать меня, дескать, Азуд ад-даулэ мучит человека старого, ученого из жадности и корыстолюбия; они повсюду разнесут обо мне дурную славу. Мне надо подстроить так, чтобы казий сам отдал имущество тому человеку“. Таким образом прошел один-два месяца. Не видя более никакого следа хозяина денег,

казий так рассуждал сам с собою: „Двадцать тысяч динар — мои, однако, потерплю год, может услышу от кого-нибудь известие о его смерти; ведь в таком виде, как я его видал, он скоро умрет“. Так прошло два месяца. Однажды, во время, предназначенное для полуденного сна, Азуд ад-даулэ послал позвать судью, уединился с ним и спросил: „О, судья! знаешь ли ты ради чего я потревожил тебя?“ Судья ответил: „Царь лучше знает“. „Задумался я о будущем, — сказал Азуд ад-даулэ, — и от этих мыслей сон убежал у меня; нет определенности в этом мире и государстве, нет уверенности в длительности существования. Одно из двух, или поднимется из какого-нибудь уголка соперник, вырвет из наших рук царство, так же как мы отобрали его из рук других, — глянь, сколько было невзгод, прежде чем я смог открыто сесть на престол, или же придет божий приказ и, хотя бы мы и не желали, разъединит нас с этим государством; ведь ни у кого нет средств против смерти. Итак, в оставшееся для жизни время, будем добрыми, будем делать добро божьим рабам, чтобы были довольны мир и люди, — тогда нас хорошо вспомнят, в день восстания из мертвых мы удостоимся спасения, войдем в рай, а если же будем плохими, плохо обращаться с народом, тогда до дня восстания из мертвых будут носить наше имя, всякий, кто вспомнит о нас, будет проклинать нас и в день восстания из мертвых с нас будет взыскано, а нашим местопребыванием будет ад. Надо стремиться, насколько возможно, делать добро, творить справедливость народу, совершать благодеяния. А цель моего разговора с тобой следующая: в моем дворце находится некоторое количество женщин и детей; дело мальчиков легче; они как перелетные птицы могут двигаться из одной страны в другую; дело женщин хуже — они слабые и беспомощные. Хочу теперь позаботиться о них, не откладывая до завтра, а не то вдруг застигнет смерть или переменится счастье, хочу им сделать добро. Полагаю я, что во всем государстве нет никого набожнее, богобоязненнее, бескорыстнее, честнее и надежнее тебя, и желаю, положить у тебя на сохранение два раза тысячу тысяч золотых динар, в личности и в сокровищах, но чтобы знали об этом только ты, я и всевышний; если завтра случится что-либо со мной и положение их станет таким, что они будут нуждаться в дневном пропитании,

созови их тайно, чтобы никто не знал, раздели между ними это имущество, выдай каждую из них замуж, чтобы не случилось им бесчестия и чтобы они не стали нахлебницами людей. И вот как надо поступить в этом деле: в своем дворце выбери внутренние покои и там под землей сделай крепкую стройку из обожженных кирпичей, когда будет окончено, дай мне знать, я прикажу тогда привести ночью из тюрьмы двадцать кровников, должствующих быть казненными, это имущество положат на их спины, они отнесут во дворец, сложат в том подвале, замуруют двери погребца, а потом их приведут обратно, я прикажу, чтобы их всех казнили, таким образом, все это дело останется скрытым". Судья ответил: „Повинуюсь приказу, сделаю все, что возможно для исполнения этого поручения". Затем царь сказал тихонько слуге: „Встань и пойди незаметно в казначейство, принеси двести магрибских динар и положи в мешок". Слуга отправился, принес деньги. Азуд ад-даулэ взял их, положил перед судьей и сказал: „Эти двести динар истратишь на тот подвал. Если не хватит, еще прикажу". Судья отвечал: „Ей-богу, ей-богу, это поручение я исполню на свои деньги". Азуд ад-даулэ сказал: „Я тебе запрещаю тратить свои деньги ради моих насущных дел; твои деньги законные, на это дело не годятся, их не следует тратить на это дело. Постарайся, 75 чтобы исполнить то, что тебе доверено, и совершить все порученное". Судья отвечал: „Царю — приказ". Он положил двести динар в рукав и вышел радостный, рассуждая сам с собой: „На старости лет со мной сдружился удача и счастье; наш дом будет заполнен золотом. Если с царем что приключится, ведь ни у кого не будет расписки на меня или доказательства; все достанется мне и моим детям. Владелец того золота и двух афтабэ — жив, и то не может ничего взять у меня, а если царь умрет, кто у меня возьмет?" Он направился домой и принялся за устройство погребца. Построив в течение одного месяца очень крепкий погреб, он собрался и пошел к Азуд ад-даулэ во время ночного намаза. Азуд ад-даулэ остался с ним с глазу на глаз и спросил: „По какому делу ты пришел в это время?" Ответил: „Хочу довести до сведения царя, что погреб, о котором он распорядился, готов". „Очень хорошо, — сказал Азуд ад-даулэ, — я знал, что ты старателен в делах. Слава

богу, что я не ошибся в тебе. Ты освободил мое сердце от этой важной заботы. Как я тебе уже говорил, я приготовил тысячу тысяч и пятьсот тысяч динар в золоте и в сокровищах. Следует к этому добавить еще пятьсот, да еще много одежд, алоэ, мускуса, камфары. Я полагаю, через некоторое время придут продавцы и продадут;¹⁴⁸ все будет кончено на этой неделе; тогда сразу все доставят туда, а я завтра вечером приду в твой дом, дабы убедиться своими глазами, как все устроено. Я не хочу, чтобы ты как-нибудь тратился, ведь я тотчас же возвращусь". Отпустив казия, он сейчас же послал в Исфахан гонца за хозяином того золота. На другой день вечером он отправился во дворец судьи, осмотрел тот погреб, одобрил и сказал судье: "Тебе следует прийти во вторник, посмотреть, что приготовлено". Тот ответил: "Повинуюсь". Возвратившись из дворца судьи, он приказал казначею поставить в казнохранилище сто сорок афтабэ с золотом, три куррабэ с жемчугом, золотую чашу, наполненную алыми яхонтами, чашу с лалами, чашу с бирюзой, все это положить перед афтабэ. Когда казначей исполнил все это и наступил вторник, Азуд ад-даулэ позвал судью и, взяв его за руку, отвел в то помещение, 76 где находилось имущество. Судья удивился этому имуществу и сокровищам. Азуд ад-даулэ сказал: "На этой неделе как-нибудь в полночь жди моего извещения относительно переноски имущества". Они вышли из того помещения. Судья пошел обратно домой; радость заставляла его сердце трепетать в груди. А на другой день случилось, что прибыл владелец афтабэ. Азуд ад-даулэ сказал ему: "Пойди сейчас же к судье и скажи: «Уже долго, как я терпел и сохранял уважение к тебе, больше не будут переносить; весь город знает, какое было имущество у меня и моего отца, удостоверяет мои слова; если отдашь мои деньги, — ладно, а не то я сейчас же отправлюсь к Азуд ад-даулэ, пожалуюсь на тебя, навлеку позор на твою голову, так что мирянам будет пример». Посмотри, какой ответ даст тебе судья. Если он возвратит твои деньги, — значит все хорошо устроилось, а иначе извести меня о том, что произойдет". Человек отправился к судье, подсел к нему и таким образом с ним поговорил. Судья пораздумал: "Если этот человек устроит мне неприятность, отправится к Азуд ад-даулэ, а у того

закрадется сомнение относительно меня, то он не пошлет имущества в мой дом; целесообразнее отдать человеку его имущество, в конце концов сто пятьдесят афтабэ с золотом и столько сокровищ лучше, нежели два афтабэ“. Он сказал человеку: „Немного погоди, ведь я всюду навожу справки о тебе“. Он встал, пошел в покои, позвал его туда, обнял и сказал: „Ты — мой друг, ты для меня вместо сына. Ведь это все я делал ради предосторожности. С того дня я навожу о тебе справки. Слава богу, что снова увидел тебя и освободился от этой ответственности. Твое золото — в сохранности“. Он встал, принес два афтабэ человеку и сказал: „Эти деньги — твои, возьми их теперь и иди куда хочешь“. Человек вышел, привел в дом судьи двух носильщиков, положил оба афтабэ на их шеи, таким образом тащил их до дворца Азуд ад-даулэ. Когда тот увидел афтабэ с золотом, засмеялся и сказал: „Слава богу, ты добился справедливости. Вероломство судьи очевидно. Если бы ты знал, как я добился того, что ты получил свои деньги“. Вельможи начали расспрашивать, как было дело. Азуд ад-даулэ рассказал все как было. Все удивились. Затем он приказал великому хаджибу: „Отправляйся, обнажи судье голову и ноги, повяжи чалму вокруг шеи и приведи ко мне“. Хаджиб отправился и привел судью в том виде, как было приказано. Судью ввели, он поглядел, увидел, тот человек стоит и держит два афтабэ, сказал: „Я сгорел“, так как понял, что все, о чем с ним говорил, все, что Азуд ад-даулэ ему показывал, было ради этих двух афтабэ. Затем Азуд ад-даулэ на него закричал: „Ты старый человек, ученый и судья, уже на краю могилы, а совершаешь вероломство, нарушаешь доверие. Чего можно ожидать от других? Ясно, все, что есть у тебя, это — из имущества мусульман, за счет взяток. На этом свете я дам тебе наказание, на том — ты сам получишь возмездие. Так как ты человек старый и ученый, я дарю тебе жизнь, но все твое имущество и собственность принадлежат казнохранилищу“. От него отобрали все имущество и собственность, которыми он владел, после того никогда ему не приказывали должность. А два афтабэ возвратили тому благородному человеку.¹⁴⁹

Рассказ. Подобное этому случилось с султаном Махмудом сыном Себуктегина: пришел один человек, дал султану прошение и сказал:

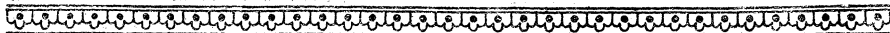
„Две тысячи динар я вручил на хранение городскому судье в хорошо закрытом кошелье, а сам отправился путешествовать. То, что взял с собою, у меня отняли грабители по дороге в Индию, то, что вручил судье, получил обратно. Но когда я принес домой и раскрыл кошель, нашел там медные дирхемы. Пошел обратно к судье. „Я тебе отдал кошель с золотом, а теперь получаю наполненным медью, как это случилось?“ Он ответил: „Ты не показывал мне, что передавал. Разве ты не принес мне закрытый кошель с наложенной на него печатью? Таким же я тебе его и отдал. Я спросил у тебя: «Этот кошель твой?» Ты ответил: «Мой». А теперь хочешь обмануть меня“. „Боже, боже, — воскликнул я, — о господин наш! приди на помощь твоему рабу! я не имею средств на один хлебец“. Султан опечалился и сказал: „Будь спокоен. Мне следует принять меры относительно твоего золота. Принеси ко мне тот кошель“. Человек отправился, принес кошель. Махмуд осмотрел кругом кошель, не нашел и следа отверстия, сказал: „Оставь кошель у меня, получай ежедневно три мана хлеба, один ман мяса и ежемесячно один динар от моего управляющего, пока я не приму меры относительно твоего золота“. В полдень, во время, назначенное для полуденного отдыха, Махмуд положил перед собой тот кошель и принялся раздумывать, как могло все это случиться. Наконец, он решил, что, возможно, было так: этот кошель распороли, золото вытащили, и снова заштопали. У него было золототканое покрывало,¹⁵⁰ очень красивое, брошенное на тюфяк. Он поднялся в полночь, вытащил нож, разрезал приблизительно один гяз этого покрывала и возвратился на свое место. На другой день утром он отправился на охоту, пробыл три дня. Приближенный фарраш, который прислуживал, пришел утром, чтобы почистить тюфяк, увидел изрезанное покрывало, опечалился, испугался, заплакал. А в фаррашхане был старик-фарраш. Он увидел того фарраша и спросил: „Что случилось с тобой?“ Тот ответил: „Не осмеливаюсь сказать“. „Не тревожься, — сказал, — сообщи мне“. „Кто то, питая ко мне вражду, — рассказал фарраш, — вошел в летнюю опочивальню¹⁵¹ и разрезал покрывало султана приблизительно на один гяз; если султан увидит, он убьет меня“. Тот спросил: „Видел, кроме тебя, кто-нибудь еще?“ Ответил: „Нет“.

Сказал: „Итак, будь спокоен, я знаю как помочь, научу тебя: султан уехал на охоту, а в городе имеется один штопальщик, пожилого возраста, у него в таком-то месте лавка, имя его Ахмед, большой мастер в штопальном деле, все штопальщики в этом городе его ученики. Отнеси к нему покрывало, заплати ему столько, сколько он потребует. Самый лучший мастер не найдет места, которое он заштопал“. Фарраш взял сейчас же покрывало, отнес в лавку Ахмеда-штопальщика и сказал: „Мастер, сколько ты хочешь за то, чтобы заштопать это, но заштопать так, чтобы никто не заметил?“ Тот сказал: „Половину динара“. Сказал: „Возьми целый динар, но примени все умение, что у тебя есть“. Тот сказал: „Благодарю, будь спокоен“. Фарраш дал ему один динар и сказал: „Сделай только скоро“. Сказал: „Приходи завтра во время дневного намаза и забирай“. Тот пришел днем в назначенное время. Мастер разложил перед фаррашем покрывало и тот не мог отыскать места, где заштопано. Фарраш обрадовался, отнес домой, 79 расстелил так, как оно было на тюфяке. Султан Махмуд возвратился с охоты, пошел в полдень в летнюю опочивальню, чтобы предаться полуденному отдыху, посмотрел, увидел исправное покрывало, сказал: „Позовите фарраша“. Когда фарраш пришел, он сказал: „Это покрывало было разрезано, кто исправил?“ Сказал: „О господин! оно никогда не было разорвано, лгут“. Сказал: „Эй, дурак, не бойся! Разрезал его я. У меня был кое-какой умысел. Скажи же, какой штопальщик исправил это покрывало, кто так прекрасно работает?“ Сказал: „О господин, такой-то штопальщик; твой раб чуть заметил, испугался; такой-то фарраш мне посоветовал“. Султан Махмуд сказал: „Приведи его сейчас же ко мне, скажи: тебя султан зовет. Когда придет, доставь его сюда“. Фарраш отправился, привел штопальщика. Увидев один-на-один султана, штопальщик сильно испугался. Султан спросил его: „Эй, мастер, не бойся, подойди, это покрывало ты заштопал?“ Сказал: „Да“. Сказал: „Очень умело ты сделал“. Сказал: „Хорошо устроилось благодаря счастью владыки“. Спросил: „В этом городе нет другого мастера, кроме тебя?“ Ответил: „Нет“. Сказал: „Мы у тебя кое-что спросим, отвечай по правде“. Ответил: „Чего лучше того, чтобы говорить государю правду“. Спросил: „В течение этого года

не штопал ли ты в доме кого-либо знатного кошель из зеленой дыбы". Ответил: „Штопал“. Спросил: „У кого?“ Ответил: „В доме городского судьи. Он дал мне два динара платы“. Спросил: „Если этот кошель увидишь, узнаешь?“ Ответил: „Узнаю“. Махмуд сунул руку под тюфяк, вытащил кошель, дал штопальщику и спросил: „Этот кошель?“ Ответил: „Да“. Спросил: „В каком месте ты заштопал?“ Тот показал пальцем и ответил: „Здесь штопал“. Махмуд поразился добротности штопки и спросил: „Если понадобится, можешь ли дать показание перед судьей?“ Ответил: „Почему не дать?“. Махмуд сейчас же велел кому-то позвать судью и послал за хозяином кошеля. Судья явился, поздоровался и по обычаю присел. Махмуд обратился к нему и сказал: „Ты — человек старый, ученый, я дал тебе судейство, вручил тебе имущество и кровь мусульман, оказал тебе доверие, а ведь в этом городе и стране имеется две тысячи людей более ученых, чем ты, и все они пропадают втуне. Допустимо ли, чтобы ты совершал вероломство, нарушал оказанное доверие, захватывал достояние мусульман, обез- 80 доливал их. Судья сказал: „О, господин! Что это за слова. Кто говорит, что я так сделал?“ Сказал: „Это ты сделал, лицемерный пес“. Затем он показал ему кошель и сказал: „Вот то, что тебе было доверено, а ты распорол, вынул золото, положил медь вместо золота, кошель же отдал заштопать и передал хозяину денег закрытым и запечатанным. Таковы твоё поведение и честность!“ Судья сказал: „Никакого кошеля я никогда не видал, ни о деле этом ничего не знаю“. Махмуд приказал: „Приведите этих обоих людей“. Один из слуг отправился, привел хозяина кошеля и штопальщика. Махмуд сказал: „Эй, лгун, вот хозяин золота, а вот — штопальщик. Он этот кошель заштопал вот здесь“. Судья смутился, так задрожал от страха, что не мог вымолвить ни слова. Махмуд сказал: „Возьмите этого пса и смотрите за ним, пусть он отдаст сейчас же деньги этому человеку, а не то порублю ему шею“. Полумертвого судью увели от султана, поместили в караульне, потребовали денег. Судья сказал: „Позовите моего управляющего“. Управляющий пришел. Судья дал ему указания; тот принес две тысячи полновесных золотых нишапурских динар. Их передали хозяину золота. На другой день Махмуд во время разбора жалоб всенародно огласил

вероломство судьи. Потом приказал привести судью и повесить вверх ногами на зубце дворцовой стены. Вельможи заступились, человек, дескать, старый, ученый. Судья предложил выкупить себя за пятьдесят тысяч динар. Это имущество с него взяли и сместили с должности.¹⁵²

Подобно этому много рассказов. Это количество приведено для того, чтобы владыка мира знал, каким образом старались государи о правосудии и справедливости, какие меры они принимали, чтобы удалить злодеев с лица земли. Сильный разум для государя лучше сильного войска. Слава богу, у господина есть и то и другое. Эта глава относительно лазутчиков и доверенных: надо, чтобы люди, выполняющие это дело, были этакими и надо их посылать повсюду.

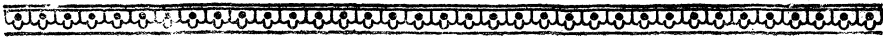
Глава четырнадцатая.

81

*О постоянном рассылании скороходов и птиц.*¹⁵³

Следует устанавливать скороходов на нескольких известных путях; им следует определять ежемесячную плату и жалование. Когда все будет устроено, то в одни сутки дойдет известие о происшествии, что произойдет за пятьдесят фарсангов пути. По прежнему обычаю у них должны быть накибы, которые должны заботиться, чтобы не уклонялись от работы.¹⁵⁴

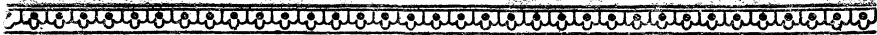

Глава пятнадцатая:

*О проявлении внимания к приказам в опьянении
и в трезвом состоянии.*

Приказы идут в диван и казнохранилище. Они касаются важных дел правления, икта и даров. По некоторым из этих указов требуется иногда немедленное решение. Это дело тонкое. В этом деле надо проявлять всю внимательность. Бывает так, что скажут, а в том случится противоречие или не будет должным образом расслышано. Следует, чтобы эти поручения совершались кем-нибудь одним, и это лицо говорило бы само, а не через заместителя. Необходимое условие таково: всякий раз как доставят указ, пусть он не идет к подписи, пока о нем в другой раз из дивана не доложат до высочайшего сведения, и тогда уже исполняют, если захочет всевышний.

Глава шестнадцатая.

О приближенном вакиле и успешности его дела.

В наше время должность вакиля¹⁵⁵ сильно упала. Всегда на этом деле был человек доверенный и известный. Тому лицу, до которого касаются дела кухни, винного погреба, конюшни, дворцов государя и его детей, а также лиц, принадлежавших ко двору, следует еже- 82
месячно, а то, пожалуй, и ежедневно бывать в высоком собрании государя, говорить с ним, являться во всякое время, сообщать о делах, осведомляться о мнении, о том, что случается, извещать и доводить до высокого сведения, что отдает и что получает. Ему должно оказывать полное уважение и почет, чтобы он мог выполнять свою обязанность и дела его преуспевали.

Глава семнадцатая.

О надимах, о приближенных и о порядке их дел.

Государю нельзя обойтись без того, чтобы иметь достойных надимов и с ними откровенно и непринужденно обходиться, так как частые сидения с вельможами, эмирами и сипах-саларами войска наносят ущерб величию и достоинству государя, они делаются слишком смелыми. И вообще кому приказали государственную службу, тому не следует приказывать должность надима, тому же, кому приказали быть надимом, не следует приказывать должность, ввиду близости к государю он может проявить своевольство, причинить несчастье людям. Амиль должен быть всегда боящимся государя, а надим должен быть непринужденным в обращении с государем, чтобы государь от него получал удовольствие, и природа государя была открыта перед надимом. Их время — определенное: когда государь дал прием и все вельможи разошлись, наступает их очередь службы. От надима несколько польз: одна та, что он бывает близким другом государя, другая та, что, находясь с государем день и ночь, он бывает вместо телохранителя и в случае необходимости еще та польза, — удали ее господь! — если предстоит какая-нибудь опасность, он жертвует своим телом, заменяет своим телом щит против той опасности, четвертая та, что тысячу родов слов можно сказать с надимом, ибо они суть владельцы должностей и работники государя,¹⁵⁶ пятая та, что они сообщают ему о делах царей, как и лазутчики, шестая та, что они ведут всякого рода разговоры без принуждения о добром и плохом, в пьяном и в трезвом виде, в чем много полезного и целесообразного. Надо, чтобы надим был от природы даровит, добродетелен, пригож, чист верой, хранитель

тайн, благонравен, он должен быть рассказчиком, чтецом веселого и серьезного, помнить много преданий, всегда быть добрословом, сообщителем приятных новостей, игроком в нарды и шахматы, если он может играть на каком-либо музыкальном инструменте и владеть оружием — еще лучше. Надим должен быть согласным с государем. На все, что произойдет или скажет государь, он должен отвечать: „Отлично, прекрасно“; он не должен поучать государя: „Сделай это, не делай того; почему поступил так?“; он не должен так говорить, а то государю станет тягостно и произойдет отвращение. Надимам приличествует устраивать все, что имеет отношение к вину, развлечением, зрелищам, дружеским собраниям, охоте, игре в човган и тому подобному, так как они для того и нужны. Все же, что имеет касательство до царства, сражения, нападения, начальствования, запасов, даров, походов, остановок, войска, народа и тому подобного, предпочтительно устраивать с вазиром, вельможами и выдавшими виды старцами, чтобы дела шли надлежащим образом. Многие из государей делали своими надимами врачей и астрологов, чтобы знать, каково мнение каждого из них, что следует государю что надо делать, они берегли природу и здоровье государя. Астрологи же наблюдают за временем и часом; во всяком деле, которое будет предпринято, они дают уведомление и выбирают благоприятный час. Многие из государей отказываются от этих обоих, заявляя: „Врач запрещает нам прекрасные кушанья и любимые удовольствия, когда мы не больны, он дает нам беспричинно лекарства, стесняет нас. Астролог также ставит препятствия к совершению всякого дела, отвращает нас от важных дел, докучает. Целесообразнее призывать этих обоих во время надобности“. Надим тем ценнее, чем он более опытен житейски, чем более он побывал всюду, чем более услуживал вельможам. Когда люди хотят узнать о характере и нраве государя, они судят по его надиму. Если надимы государя с хорошим характером, приятные, даровитые, скромные и терпеливые, можно заключить то же самое и о государе, становится известным, что государь не славится ни плохим характером, ни злонравием, ни неучтивостью, ни скупостью. Еще следует, чтобы у каждого из 84 надимов были свои сан и чин; одним уместно сидеть, другим уместно стоять; таков обычай был с древности в собраниях царей

и у халифов; этот обычай остался и до наших дней в старинном роде халифов. Всегда у халифа столько надимов, сколько было у его предков. У газнинского султана постоянно было двадцать надимов, десять сидели, а десять стояли; этот обычай и устройство они, газнинские султаны, переняли у саманидов. Следует, чтобы надимам государя был предоставлен достаток и полное уважение среди всей свиты; они должны быть благоразумными, искренними, любящими государя.

Глава восемнадцатая.

*О совещаниях государя о делах с учеными и мудрецами.*¹⁵⁷

Устройство совещаний доказывает рассудительность, полноту разума и предусмотрительность. У всякого ведь имеется какое-либо знание; всякий что-то знает, один больше, другой меньше, один знает, но никогда не применял и не испытывал на деле, а другой обладает теми же знаниями, а вместе с тем и применял их на деле и испытывал.

Притча. Это вот на что похоже: один прочитал в лекарских книгах о течении болезни, о ее причинах, выучил на память названия лекарств и все, а другой знает те же самые лекарства, лечит, имеет большой опыт, — никогда один не сойдется с другим. Или вот так: один путешествовал, повидал большую часть света, вкусил горячего и холодного, опытен в делах, — такого нельзя сравнить с тем, кто никогда не выходил из дома. В этом смысле ведь сказано, что все мероприятия нужно совершать совместно с мудрыми, старейшими, опытными в мирских делах. Также еще: у одного мысль — острее, он способен быстро разбираться в делах, другой — медлительнее в понимании, поздно входит в существо дела. Мудрые сказали: „Рассуждение одного, как сила одного человека, рассуждение десяти, как сила десяти“. Все миряне согласны в том, что не было 85 среди людей никого сильнее разумом, чем пророки, — мир над ними! По мудрости, бывшей у повелителя, он разумел как в прошлом, так и в будущем. У него были в обозрении небеса и земля, рай и ад, скрижаль и перо, трон и весь небесный свод,¹⁵⁸ все, что в них. Гавриил — мир над ним! — приходил ежечасно, вещал ему, приносил благость, извещал о бывшем и долженствующем быть. Несмотря на

такую мудрость и чудодейственность, присущие ему, всевышний приказал ему: „Советуйся с ними о делах, о, Мухаммед“.¹⁵⁹ „Когда предстоит тебе какое-либо дело, совершай мероприятие совместно с твоими друзьями.“* Ему было предписано совещаться! Он не был избавлен от необходимости моления и совещания! А кто в этом нуждался менее, чем он. Поэтому, когда государь соберется на какое-либо дело, или что-нибудь ему предстоит, надлежит ему совещаться со старейшими и близкими, пусть каждый выскажет то, что считает настоящим и нужным. Государь сравнит свое мнение со словами каждого; каждый услышит и взвесит слова и мнения другого; таким образом образуется решение и благоусмотрение в деле. Решение, устроение и благоусмотрение бывают тогда, когда умы всех соглашаются в одном. Отказ от совещания в делах — признак нерассудительности, такое лицо называют своевольным. Как нельзя совершить ни один поступок без желания государя, точно так же не будет хорошо ни одно дело без совещания. Слава богу, когда и владыка мира благоразумен, и его люди обладают опытом и рассуждением. Этак-то согласно условий книги упомянуто.

---

* Толкование по-персидски к предыдущему выражению.

Глава девятнадцатая.

О муфридах, об их содержании, снаряжении, порядке дсл и обстоятельствах.

Всегда при дворе должны быть двести человек, которых называют муфридами,¹⁶⁰ — людей отборных как по приятной внешности, хорошему росту, так и по мужеству и полной храбрости. Сотня из них — хорасанцы, а сотня — дейлемцы. Они должны неотлучно находиться как в пути, так и во время пребывания на одном месте: жить им при дворе; одеяния их должны быть красивыми, оружие — хорошо прилаженным, его дают им во время надобности, а потом отбирают. Из этого оружия двадцать перевязей и щитов — золотые, сто восемьдесят перевязей и щитов — серебряные, а пики — хаттийские.¹⁶¹ У них должно быть постоянное пропитание и содержание. У каждых пятидесяти человек должен быть накиб, который знает их обстоятельства и приказывает им службу. Они должны быть все всадниками и в полном снаряжении, чтобы они не оказались в затруднении, когда наступит время какого-либо важного дела, до них относящегося. Равным образом должны быть четыре тысячи людей от каждого разряда — пехотинцев, имена их находятся в диване; тысяча отборных человек пусть составят особое войско государя; три тысячи людей пусть служат до нужного времени в отрядах эмиров и сипах-саларов.

Глава двадцатая.

О распорядке в отношении оружия, украшенного драгоценными камнями, во время государева приема.

Надлежит, чтобы постоянно имелось двадцать наборов особого оружия, целиком изукрашенного драгоценными камнями, и иного. Оно должно быть положено в казнохранилище; когда прибывают из окружных стран послы, двадцать гулямов в хороших одеяниях возьмут то оружие и встанут вокруг трона. Хотя господин наш достиг, слава богу, до такого положения, что может пренебрегать этими условностями, однако величию царя должны соответствовать красота державы и царский распорядок. А ныне во всем свете нет государя более величественного, чем владыка мира, да увековечит господь его царство! Ни у кого нет царства большего, чем его царство. Необходимо, чтобы так было: если какие-либо государи обладают одним, владыка владел бы десятью, если они имеют десять, владыка должен иметь сто, а снаряжение, готовность, великодушие, величие державности, рассудительность и все, что нужно, — налицо.

Глава двадцать первая.

87

Относительно послов и их дела.

О послах, прибывающих из окружающих стран, пока они не достигнут государева двора, пусть не будет ни у кого известия; в отношении прихода и ухода никто о них не заботится и не извещает — это отнести к невниманию и плохому содержанию дел.¹⁶² Надлежит сказать пограничным чиновникам: как только кто-либо доберется до них, чтобы тотчас посылали всадников и сообщали, кто это, откуда идет, сколько всадников и пехотинцев, каково снаряжение и убранство, по какому делу: пусть назначат какое-либо доверенное лицо, чтобы их доставить в определенный город, там их препоручить, а оттуда пусть прикажут доверенному лицу, чтобы шел с ними до другого города или округа, до какого дойдут, и таким образом до двора. На каждой остановке пусть им доставят угощение, хорошо примут и отпустят в довольстве.¹⁶³ При возвращении делают таким же образом. Все, что ни сделают с ними из хорошего и плохого, является таким же, как будто это делают по отношению к государю; государи же всегда питали один к другому большое уважение, дорожили послами, так как таким образом увеличивался их сан и почет. Когда между государями бывала вражда и послы приехали согласно времени,¹⁶¹ и посольство, как им приказано, выполнили, все равно их никогда не обижали, ни в чем не уменьшали обычного хорошего обращения, ибо этакое — неодобрительно; как сказано в Коране: „На посланнике же только одна обязанность — верная передача“.¹⁶⁵

Другой раздел.¹⁶⁶ Следует знать, что государи, отправляя послов друг другу, преследуют цели, не только заключающиеся в послании

и извещении, которые делают открыто; но они имеют в виду тайно
 38 сотни мелочей и целей; так они хотят знать, каково положение
 дорог, проходов, рек, рвов, питьевых вод, может ли пройти войско,
 или нет, где имеется фураж, где его нет, кто из чинов в том или
 другом месте, каково войско того царя, и какого количества,
 снаряжения и численности, каковы его угощения и собрания,
 каковы распорядок чина, сидения и вставания, игры човган,¹⁶⁷
 охоты, каков нрав, жизнь его, благотворительность, очи и уши,
 повадка и поступок, пожалования, неправосудие и правосудие.
 Стар ли он или молод? учен или невежественен? Разрушаются
 или процветают его владения? Его войско довольно или нет?
 Народ его богатый или бедный? Бдителен он в делах или бес-
 печен? Вазир у него достойный или нет? религиозен ли? добро-
 детельного ли жития? Его сипах-салары являются опытными
 и искушенными в делах или нет? Его надимы учены, даровиты или
 нет? Что они ненавидят и что любят? Во время питья вина царь
 общителен и весел или нет? Соучастлив он или безучастен?
 Склоняется более к серьезному или веселому? Предпочитает нахо-
 диться среди гулямов или женщин? Если они захотят завладеть,
 затеять против него враждебные действия или охулить, то, будучи
 осведомлены о его обстоятельствах, умышлят мероприятия отно-
 сительно его дел, узнают о хорошем и плохом и предпримут то,
 что необходимо. Вот что случилось с сим рабом в правление
 счастливого султана Алп-Арслана, да святится дух его!

Во всем мире существуют два толка, которые хороши, один
 толк Бу-Ханифе, другой толк Шафии. Счастливый султан — милость
 божия над ним! — был так крепок и тверд в своем толке, что много
 раз срывалось с его языка: „О, какая жалость! если бы мой вазир
 не был шафитом!“ Он был тверд в правлении, внушал трепет,
 и я постоянно из-за того, что он был ревностен к своей вере
 и шафитское вероисповедание считал за недостаток, всегда его
 опасался, не покорялся иначе, как страшась.¹⁶⁸ Случилось, что
 умерший за веру султан решил двинуться на Мавераннахр,¹⁶⁹ где
 Шамс ал-мульк не оказывал повинования и не покорялся. Он
 созвал войска и направил посла к Шамс ал-мульку Насру сыну
 Ибрахима,¹⁷⁰ а я от себя послал вместе с султанским послом уче-

ного¹⁷¹ Аштара, чтобы он уведомил меня о происходящем. Посол султана прибыл, передал письмо и устное сообщение, а хан отправил⁸⁹ вместе с послом султана сюда нам своего посла. По существующему обычаю послы по всякому поводу идут к вазирам и им высказывают свои желания и просьбы, чтобы вазир передал их султану. Они сохраняют этот обычай до времени своего отбытия в обратный путь. Однажды случилось так, что сей раб находился в своей палатке с несколькими собеседниками и играл в шахматы; кто-то выиграл,¹⁷² я взял в виде залога его перстень и, так как он был велик для пальца левой руки, я надел его на палец правой руки. Доложили, что посол хана Самарканда находится у дверей. Я сказал: „Введите его“, и приказал убрать шахматы. Он вошел, сел и в то время как он говорил, что ему надо, я вертел тот перстень вокруг пальца. Посол поглядел на перстень и, освободившись от беседы, ушел. Затем султан приказал отпустить посла хана и назначить другого посла, чтобы отвезти ответ. И опять я отправил вместе с послом ученого Аштара, который был человеком ловким. Когда послы прибыли в Самарканд, пришли к Шамс ал-мульку, он между прочим спросил своего посла: „Как ты нашел султана в отношении мнений, мероприятий, внешнего вида? сколько у него войск? каково их оружие и снаряжение? каковы распорядок чина? службы дивана? правила их государства?“ Посол сказал: „О, владыка! Султану ничего большего не требуется в отношении внешнего вида, выражения, мужественности, правосудности, трепета, приказательности. Бог лишь знает численность его войск. Их сила, снаряжение и убранство — несравненны. Хороши распорядки дивана, приемов, собрания двора. В их государстве нет нужды ни в чем. Вот только у них есть один недостаток, не будь у них этого недостатка, никакой бунтовщик не имел бы успеха“. Шамс ал-мульк спросил: „Что за недостаток?“ Ответил: „Вазир султана — рафизит“. Спросил: „Откуда знаешь?“ Ответил: „Вот однажды, совершив полуденный намаз, я подошел к двери его шатра, чтобы поговорить с ним, и увидел, что у него на правой руке надет перстень; пока он говорил со мной, он все время его вертел“. Ученый Аштар сейчас же мне отписал: „Здесь, у Шамс ал-мулька в отношении тебя говорилось такое-то, да будет тебе известно“. Я очень опечалился из-за страха перед

султаном. Говорил: „Он и к шафиитскому толку питает отвращение, всякий раз меня попрекает. Если же услышит каким-нибудь образом, что чикили¹⁷³ отметили меня, как рафизита, что этак говорили у хана в Самарканде, то он не пощадит моей жизни“. Я истратил тридцать тысяч золотых динар, не говоря уже о просьбах и мольбах и широкой раздаче даров и пособий, чтобы этот разговор не дошел до слуха султана.

Это я вспомнил к тому, что послы по большей части стремятся найти недостаток; они обращают внимание на все, что имеется в государе и его государстве по части недостатков или достоинств, чтобы затем охулить государя. Вот почему проникательные и заботливые государи старались о чистоте своего нрава, вели прекрасную жизнь и сохраняли на должностях людей достойных, правильных, вменив себе в закон, чтобы никто их не хулил. Для посольства годится тот человек, который находился бы в услужении государей, был бы смел в беседе, но не многоречив, который совершал бы много путешествий, знал что-либо во всякой науке, был бы человеком памятливым, предусмотрительным, обладал бы достоинством и хорошим внешним видом. Если же к тому он — учен и почтенного возраста, тем лучше. Если послать надима, то в этом деле будет больше доверия. Если послать человека смелого, мужественного, который бы хорошо знал всадническое искусство и был бы боец, — это очень целесообразно, так как будет показано, что все наши люди таковы, как этот. Если посол из потомков пророка — тоже хорошо, по своей чести и происхождению он будет пользоваться большим уважением.¹⁷⁴ Государи часто посылают посла с подарками, многими редкостями, оружием и добром. Они представляли себя слабыми, мягкими и вслед за лестью собирали войска, производили нападения с боевыми людьми и разбивали врага. Посол является показателем поведения и разума государя.

Глава двадцать вторая.

О заготовлении фуража на остановках.

Если высочайший поезд изволит трогаться и на каждой остановке, где он совершает привал, не подготовлен фураж и продовольствие и каждодневный фураж следует добывать тщанием и старанием, или брать частями у народа, то это нужно взимать на всех путях, где будет проезд, и во всякой деревне, являющейся местом остановки, и в окрестностях ее, будет ли она в икта или в особой государевой собственности, а также там, где нет ни рибата, ни селения, но по близости той дороги будет селение, опять нужно взимать; с тех пор как полностью соберут урожай,¹⁷⁵ и если в том выпадет нужда, пусть истратят, а если в том нужды не будет, то пусть продадут зерно, а деньги принесут в казнохранилище, подобно другим денежным налогам, дабы подданные освободились от забот и не было бы недостачи в отношении фуража и в том важном деле, на которое намерился государь, — он не задержался.¹⁷⁶

Глава двадцать третья.

О ясности в имущественном состоянии всего войска.

Следует точно выяснить состояние войска; что касается людей икта, надо чтобы икта находились в их руках безусловным и определенным образом; что касается гулямов, не владеющих икта, их имущественное состояние должно определить. Когда выяснится количество войска, следует приготовить деньги и своевременно им выдать, а не так, чтобы выдавать перевод на казну или брать оттуда, не повидав государя, предпочтительно, чтобы государь своей рукой клал в руки и полы их, благодаря этому в их сердцах будет 92 расположение и любовь, во время службы и сражений они будут более преданы и проявят стойкость. У древних царей был такой порядок: они не давали икта, а каждому соответственно выдавали из казнохранилища наличными его плату четыре раза в год. И те всегда были в довольстве и благоденствии. Амили собирали налоги и сносили в казнохранилище; из казнохранилища же выдавали таким способом каждые три месяца один раз; называли это бистгани.¹⁷⁷ Этот обычай и распорядок еще остается до настоящего времени в роде Махмуда. Пусть скажут держателям икта, чтобы незамедлительно объявляли и не скрывали о всяком, кто будет отсутствовать из отряда по причине ли смерти или по другой какой причине. Пусть скажут начальникам отрядов: когда они получили свои деньги, пусть будут готовы в полном составе на всякое важное дело, которое представится. Если кто предъявит уважительную причину, чтобы сейчас же сказали, дабы была проявлена забота о приказе относительно этого. Если же кто сделает иначе, его наказать и штрафовать.

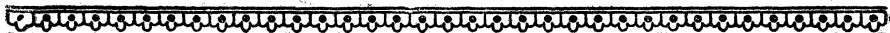
Глава двадцать четвертая.
О содержании войска всякого рода.

Когда все войско одного рода, возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племен; так, при дворе должны пребывать две тысячи человек дейлемцев и хорасанцев; пусть сохраняют тех, кто в наличии, а остальных добавят. Если будет некоторое число гурджи или шабанкарэ из Парса — неплохо, ибо это — все люди добрые.

Рассказ. У султана Махмуда был обычай составлять войска из нескольких племен, как-то: тюрок, хорасанцев, арабов, индусов, дейлемитов, гуридов. В походе каждую ночь определяли, чтобы несколько человек из каждого племени отправлялись на стражу; место же стоянки каждого племени было определенное; ни одно племя до наступления дня не осмеливалось двигаться из-за страха перед другим; а когда наступал день битвы — все племена сражались, ревнуя к своему имени и доброй славе, чтобы никто не сказал: „Такое-то племя проявило слабость в битве.“ Все стремились превзойти один другого.

Когда таков обычай среди военных людей, то все они будут весьма ревностны, будут искать славы. И, конечно, когда уже возьмутся за оружие, не отступятся, пока не разобьют войско противника. А когда войско стало победоносным, один-два раза добилось победы над врагом, после этого сотня его всадников не ставит ни во что тысячу всадников противника, никто не сможет оказать этому победоносному войску сопротивления, все войска окрестных стран будут бояться войска этого государя, окажут повиновение.

Глава двадцать пятая.

О пребывании заложников и содержании войска разных племен при дворе.

Следует сказать эмирам арабов, курдов, дейлемцев, румийцев, а также всем, которые находятся в повиновении, пусть пребывает от каждого из них при дворе то ли сын, то ли брат, чтобы никогда не было менее пятисот человек. Когда прошел год, пусть пришлют замену им, а эти пусть отправляются обратно к себе; но пока замена их не прибудет, они пусть не возвращаются; тогда, благодаря заложникам, никто не сможет восстать против государя. Дейлемцы, кухистанцы, люди Табаристана, шабанкаре и подобные им владеют икта и содержанием, точно так же пятьсот человек из них пусть находятся при дворе, чтобы в то время, когда что понадобилось, двор не был бы лишен боевых людей.

Глава двадцать шестая.

*О необходимости иметь на службе туркмен на положении 94
гулямов, тюрок и тому подобных.*

Хотя от туркмен и получилась доука и велика их численность, но за ними при этой державе установилось право, так как в начале державы они оказали много услуг, претерпели невзгоды; они — из родственников. Следует занести в списки поименно с тысячу лиц из их сыновей и иметь их в качестве гулямов дворца. Когда достаточно они будут находиться в услужении, то научатся искусству оружия и службе, обживутся среди людей, станут подданными и будут служить как гулямы, а та дикость, которая создалась в их природе, устранилась. Как только окажется необходимым, сядут на коней пять или десять тысяч для службы, которая им будет назначена, в таком строю и с такими оружием и снаряжением, как гулямы. Да не будут они обездолены этой державой, царю получится слава, а они будут довольны.

Глава двадцать седьмая:

*О неутруждении рабов во время службы и распорядке их дел.*¹⁷⁸

Пусть не утруждают рабов, которые стоят на службе,¹⁷⁹ пока не явится к тому надобность. Да не будет метания стрел во всякое время. Как одновременно разбегутся, так одновременно и возвращаются. Когда дается окончательный приказ, пусть вторично им скажут, как следует им быть, чтобы они соответственно этому и поступали. Нет необходимости в таком излишестве, чтобы по приказу являлись каждый день из гулямов все кравчи, оруженосцы, виночерпии, хранители одежд и подобные им, как и те из гулямов, кто с эмиром хаджибом и великим эмиром. Пусть прикажут, чтобы каждый день от каждой палатки являлись на службу в таком-то числе, также от приближенных вельмож, чтобы не было затруднения. Ведь в старое время у гулямов существовал распорядок в отношении воспитания и чинов, начиная с того дня, когда они были куплены, кончая тем днем, когда они старились. Порядок был добрый, в наши же дни те обычаи и правила исчезли. Кое-что припомнилось согласно задачам нашей книги.

Распорядок дворцовых гулямов.¹⁸⁰ Еще во времена Саманидов выполнялось такое правило: гулямам увеличивали чин постепенно, по размеру службы, заслуг, достоинств; вот покупали гуляма, приказывали ему один год службу пехотинца и он ходил в свите, одетый в каба из зинданиджи.¹⁸¹ Этим гулямам не было разрешения втайне или въяве садиться на лошадь в течение этого года. Если узнавали, наказывали. Когда они прослужили так один год, висак-баши говорил с хаджибсом; хаджиб предписывал, чтобы дали тюркскую лошадь с уздой¹⁸² и простой ремень. Когда он прослужил

один год с лошадьё и арапником, на другой год ему давали караджур,¹⁸³ дабы он им подпоясывался. На пятый год¹⁸⁴ ему давали лучшее седло, узду со звездами, каба из даран¹⁸⁵ и булаву, которую он вешал на кольцо. На шестой год он получал одежду анван,¹⁸⁶ на седьмой¹⁸⁷ — палатку с одной верхушкой и шестнадцатью клиньями, в свой отряд он получал трех гулямов, его именовали висак-баши, он надевал черный войлочный головной убор, расшитый серебром, и гянджийскую каба.¹⁸⁸ С каждым годом увеличивали почтение, украшение, отряд, чины, пока он не становился хейль-баши, затем — хаджибом; хотя становились всюду известны его достоинства и заслуги, хотя он совершил большие дела, был обходителен с людьми и любил господина, все же пока он не достиг тридцати семи лет — эмирства ему не давали и владения не назначали. Алптегин, раб и воспитанник Саманидов, в тридцать пять лет получил сипак-саларство в Хорасане. Он был весьма исполнительным, верным, мужественным, благоразумным, обязательным, любящим отряд, великодушным, большим хлебосолом, богобоязненным, обладал всеми свойствами Саманидов. Он был многие годы наместником⁹⁰ Хорасана, обладал двумя тысячами семьястами гулямов, рабов и тюрков.¹⁸⁹ Однажды он купил тридцать тюркских гулямов, среди которых был Себуктегин,¹⁹⁰ отец Махмуда. Три дня спустя, как его купили, он стоял перед Алптегином среди гулямов. Подошел хаджиб и сказал Алптегину: „Такой-то гулям, бывший висак-баши, умер. Какого гуляма ты удостоишь, чтобы он обладал той палаткой, имуществом, отрядом и его наследством?“ Взгляд Алптегина упал на Себуктегина, и он произнес: „Я жалею этому гуляму“. Хаджиб сказал: „О, господин, нет еще трех дней, как ты купил этого гулямчѐнка. Он еще не прошел одногодичной службы, а должен пройти семилетнюю службу,¹⁹¹ чтобы достичь до такого чина. Как можно это ему отдавать“. Алптегин ответил: „Я сказал“, а гулямчѐнок услышал и распростерся ниц, — „Того, что подарил, я обратно не беру“. Итак, ему дали имущество того висак-баши. Затем Алптегин раздумывал сам с собой: „Как могло случиться, что чин, даваемый за семилетнюю службу, отдан молодому гуляму, только что купленному. Возможно, что он благородного происхождения по своим предкам в Туркестане¹⁹² или он будет счастливецом, дело-

его возвысится“. Вот он и принялся его испытывать. Он ему давал всяческие поручения, затем спрашивал: „Что я сказал? повтори“. Он все повторял безошибочно. Затем Алптегин приказывал: „Иди и принеси ответ“. Тот приносил ответ во-время и в более существенном виде, чем ему было поручено. Так как Алптегин находил его с каждым днем испытания все лучше, его сердце проявило к нему расположение, и он ему поручил должность служащего водою, приказал служить при себе, поставил в его отряд десять гулямов, возвышал его с каждым днем. Когда Себуктегину стало восемнадцать лет, он уже имел в своем отряде двести мужественных гулямов. Он усвоил все качества Алптегина. Однажды Алптегин приказал двумстам гулямам отправиться к халаджам¹⁸³ и туркменам, чтобы получить с них налоги, которые с них надо было получить. Себуктегин был в числе этих гулямов. Когда они пришли туда, холоджи и туркмены не отдали налога целиком. Гулямы разгневались, схватились за оружие, хотели вступить в бой, чтобы получить налоги силою. Себуктегин сказал: „Я во всяком случае 97 биться не буду и вам не буду сотоварищем“. Сотоварищи спросили: „Почему?“ Ответил: „Господин нас не посылал воевать, а только сказал: «идите и привезите налоги». Если вступим в сражение и нас разобьют, это будет признаком слабости и великим позором, потерпит ущерб блеск славы нашего господина. Кроме того, господин спросит, зачем начали сражение без приказа? Мы не освободимся от этого позора до самой смерти; у нас не достанет терпения на упреки“. Когда Себуктегин сказал этак, большинство воскликнуло: „Правильнее то, что он говорит“. Между гулямами проявилась рознь. В конце концов они отказались от сражения, возвратились обратно и пришли к Алптегину, сказав: „Те проявили мятежность и не дали налогов“. Алптегин спросил: „Почему не взяли за оружие и не взяли боем у них налоги?“ Ответили: „Мы были готовы к бою, Себуктегин воспротивился; так как мы разделились на две части, то и возвратились обратно“. Алптегин спросил у Себуктегина: „Почему ты не бился и не позволил биться гулямам?“ Себуктегин сказал: „Потому что так не приказывал наш господин. Если бы мы вступили в бой без приказа, каждый из нас был бы господином, а не рабом. Признак рабства состоит в том, чтобы делать то, что

прикажет господин. Если бы случилось, что мы были разбиты, непременно господин сказал бы: кто вам приказывал сражаться?" Мы не смогли бы снести упрека господина. Если прикажет сражение — отправимся, будем сражаться, получим налоги, или отдадим свою жизнь". Алптегину это понравилось и он сказал: „Ты говоришь правильно". Потом он так его возвышал, что он достиг чина, когда в его отряде было уже триста гулямов. Эмир Хорасана Нух сын Насра умер,¹⁹⁴ когда Алптегин был в Нишапуре. Приближенные эмира писали Алптегину из стольного города Бухары: „Случилось так: эмир Хорасана умер, после него остался брат тридцати лет и сын шестнадцати. Из этих двух мы поставим на государево место того, кого ты найдешь достойнее, ведь ты — средоточие государства". Алптегин быстро отпустил гонца, написав: „Оба они достойны престола и царства, оба — дети наших владык, но брат — зрелый муж, искушенный в делах, он всех знает хорошо, ведает мощь и место каждого из нас, соблюдает уважение. Сын же — ребенок, неопытен. Боюсь, что он не сумеет обходиться с людьми,¹⁹⁵ не сможет давать приказов надлежащим образом. Соизвольте посадить на трон брата". Он послал и другое послание по этому поводу еще с одним человеком, а через пять дней прибыл гонец и известил, что на власть государя посадили сына царя. Он весьма смутился из-за отправления этих двух посланий и сказал: „Когда благородные собирались делать по-своему, зачем они советовались со мной? Для меня эти два царевича, как свет двух глаз. Теперь же у меня забота, ведь я указывал на брата. Когда мое послание придет туда, оно не понравится сыну царя. Он подумает, что я более склонен к брату, рассердится на меня, в его сердце падет ненависть, лукавые люди будут говорить непотребное, возбудят в нем злобу против меня". Он сейчас же отправил пять быстроходных верблюдов, приказав: „Перехватите тех двух гонцов, прежде чем они перейдут через Джейхун, верните их обратно". Погонщики верблюдов поторопились, нашли из тех двух гонцов одного в пустыне Амуйэ,¹⁹⁶ другой успел уже переправиться через Джейхун. Когда послание Алптегина прибыло в Бухару, оно не понравилось приверженцам царя. „Он не хорошо сделал, — сказали ози, — что указал на брата". Они говорили: „Наследство переходит к сыну, а не

к брату". Они столько говорили по этому поводу, что с каждым днем сердце сына ожесточалось против Алптегина.¹⁹⁷ Алптегин просил извинения, присылал подношения, никак тот осадок не покидал сердца царского сына. Корыстные люди подбавляли, с каждым днем царевич становился хуже; его злоба и ненависть увеличивались. Алптегин был куплен Ахмедом сыном Исмаила под конец жизни. Потом¹⁹⁸ он служил много лет Насру сыну Ахмеда, а сипах-саларство над Хорасаном он получил в дни Нуха.¹⁹⁹ Когда Нух умер, на царствование посадили этого Мансура сына Нуха. Протекло шесть лет из его царствования. Алптегин щедро одаривал, всячески старался, но не сумел отвлечь сердце Мансура сына Нуха от смутьянства корыстных людей. А все, что происходило в столице Бухаре, ему отписывал уполномоченный им человек. В конце концов Мансуру сказали: „Пока ты не покончишь с Алптегином, не станешь государем. Твой приказ недействителен. Вот уже пять-
99 десят лет, как он в Хорасане пользуется властью государя. Войско повинуется ему. Если ты его схватишь, твои казнохранилища наполнятся его имуществом, а твое сердце успокоится. Сделай так: призови его ко двору в таких выражениях: «С тех пор, мол, как мы сели на царский престол, ты не приходил ко двору, не возобновлял клятвы; мы желаем тебя видеть, ибо ты нам вместо деда; хотя устои царства и державы нашей украшены тобой и ты — средоточие государства, все же о тебе кое-что говорят, а это проистекает от того, что ты ко мне не идешь. Как можно скорее прибывай ко двору, приведи в устройство все, что пришло в беспорядок, в нашем дворе и дворцовом приеме, чтобы увеличилось наше доверие, укоротились и пресекались языки противников». Когда он прибудет сюда, ты позови его в уединенный покой и прикажи снести голову“. Эмир Мансур так и сделал, он вызвал его ко двору. Осведомители написали Алптегину: „Вот они зачем тебя зовут“. Алптегин распространил слух: „Собирайтесь, отправляемся в Бухару“ и, выступив из Нишапура, прибыл в Сарахс; с ним было приблизительно тридцать тысяч всадников, все эмиры Хорасана были с ним. Через три дня пребывания он позвал эмиров войска и сказал им: „Я имею кое-что сообщить вам. Когда сообщу, отвечайте мне так, как заблагорассудите, чтобы знать, в чем наше

и ваше благо". Ответили: „Повинуемся“. Спросил: „Знаете ли вы, для чего призывает меня эмир Мансур?“ Ответили: „Чтобы увидеться с тобой, заново принять нашу присягу.²⁰⁰ Ты ведь для него и для предков его вместо отца“. Сказал: „Нет, не так, как вы полагаете. Этот царь меня призывает, чтобы отделить голову от тела. Он — ребенок, он не знает цены людям. Но вы знаете, что уже шестьдесят лет как я охраняю царство Саманидов. Я разбил ханов Туркестана, которые пошли на них; также я победил повсюду мятежников и никогда ни на одно мгновение я не проявлял непокорности. Я охранял царство при его деде и отце. А вот в конце концов мое вознаграждение! он желает снять с меня голову! Он не понимает того, что его царство — тело, а я — голова того тела. Как только голова свалится, разве тело останется? Итак, что вы 100 считаете за благо? Каково средство к защите от этой несправедливости?“. Эмиры сказали: „Средство — меч. Когда против тебя замышляют этакое, чего же нам от него ждать? Если бы на твоём месте был кто-нибудь другой, уже пятьдесят лет тому назад как он вырвал бы царство из их рук. Мы все тебя знаем. Все имеют от тебя содержание, сан, почет, блага, владения и должность. Нет никого достойнее тебя. Мы все под твоим приказом. Хорезм, Хорасан, Нимруз преданы тебе. Оставь Мансура сына Нуха, садись сам на царствование. Хочешь, пожалуй ему Бухару и Самарканд, а не хочешь, захвати также и их“. Когда эмиры высказались этак, в полном расположении, Алтегин сказал: „Да простит меня бог за то, что я хотел вас испытать. Знаю, все что вы говорили — говорили искренне и убежденно. Это самое от вас и жду, да вознаградит вас господь, преславный и всемогущий, за это добро. Теперь разойдитесь. Посмотрим, что обнаружится завтра“. В это время с Алтегином было тридцать тысяч боевых всадников, если бы он захотел, он мог бы посадить на коней сто тысяч всадников. На другой день все эмиры пришли на прием. Алтегин вышел наружу, воссел, обернулся к эмирам и сказал: „Я хотел вас испытать тем разговором, чтобы узнать, единодушны ли вы со мной или нет, если случится какое-либо дело, будете ли вы со мной за одно или нет. Теперь я от всех вас услышал, что вы верны своему слову и мне благодарны. Я вами доволен. Однако, знайте, будьте

уведомлены, что я отныне не буду отстранять от себя зло этого мальчика иначе, как мечом. Он — ребенок, не знает цены человеку. Он слушает нескольких злодеев и негодяев. Он не различает правильного от гибельного; он хочет освободиться от меня, человека, поддерживающего их династию, а не может избавиться от кучки негодяев, желающих ему зла, сеющих разруху, что происходит в царстве, даже в малейшем месте его государства,²⁰¹ считает их за друзей и покушается на мою жизнь. Я могу взять у него царство, посадить на его место его дядю или сам захватить его власть.²⁰²

101 Однако я боюсь того, что миряне скажут, вот Алптегин шестьдесят лет охранял династию Саманидов, бывших его господами, а под конец, когда жизнь его подошла к восьмидесяти, пошел против сыновей своих господ, отнял у них царство, сел на место своего владыки, проявил неблагодарность. Я всю жизнь прожил с добрым именем и благими намерениями. Не надлежит, чтобы меня хулили теперь, когда я стою у края могилы. Хотя известно, что вина с его стороны, однако все люди не поймут, одни скажут: „виноват эмир“, а другие скажут: „погрешил Алптегин“. Хотя я не жажду их царства и не желаю их ненависти, все же пока я останусь в Хорасане, эти разговоры не убавятся, с каждым днем эмир все более будет настраиваться против меня. Если же оставлю Хорасан, покину его царство, у корыстных людей не останется никаких поводов к разговорам. Кроме того, если мне впредь придется обнажить меч, чтобы добыть кусок хлеба и прожить остаток жизни, то по крайней мере обнажу меч на неверных, чтобы снять вознаграждение на том свете. Итак, о, войско! — знайте, что Хорасан, Хорезм, Нимруз, Мавераннахар принадлежат эмиру Мансуру. Все вы должны повиноваться ему. Я охранял все это для него. Встаньте, отправляйтесь к его двору, повидайте царя, возобновите грамоты, оставайтесь на службе. Я отправляюсь в Индию, займусь священной войной. Если буду убит, стану мучеником за веру, если бог мне окажет помощь, обитель неверия превращу в обитель ислама, в надежде на рай от бога и посланника. Если же буду благополучен и эмир Хорасана успокоится относительно меня, разговоры прекратятся, то тогда он лучше поймет что делать“. Так он сказал войску и народу Хорасана, поднялся, приказал эми-

рам: „Подойдите по одному ко мне, чтобы мне попроситься с вами“. Все, что эмиры ни отвечали, было бесполезно: они начали плакать и, плача, подходили к нему, прощались с ним и возвращались. Алптегин ушел в палатку. И все-таки никто не поверил, что он оставит Хорасан и уйдет в Индию, потому что у него в Хорасане и Мавераннахре было имение с пятьсот деревень и не было города, ¹⁰² где бы он не владел дворцом, садом, караван-сараям, баней, он имел многочисленные склады зерна, в царстве Саманидов владел тысячью тысяч баранов и овец, ста тысячью лошадей, верблюдов и мулов. Но однажды они услышали, как поднялся треск боевых барабанов; то Алптегин выступил в сопровождении своих гулямов, свиты, оставив все. Эмиры Хорасана отправились в Бухару. Прибыв в Балх, Алптегин вознамерился остановиться там на один-два месяца, чтобы могли собраться все, кто желал отправиться на священную войну из Мавераннахра, Хутталаяна и пределов Балха.²⁰³ Злословы-противники говорили Мансуру: „Алптегин — старый волк, ты не будешь от него в безопасности, пока не погубишь его. Надо послать вслед ему войско, чтобы его схватили и привели к тебе“. Вот он послал одного эмира с шестнадцатью тысяч человек ²⁰⁴ из Бухары в Балх, чтобы его схватить. Когда войско прибыло в Термез и перешло через Джейхун, Алптегин отошел, ушел в сторону Хульма. Между Хульмом и Балхом имеется узкое ущелье, протяжением в четыре фарсанга. Это ущелье называют хульмским.²⁰⁵ Алптегин расположился в ущелье; с ним было двести всадников гулямов-рабов, все — люди добрые, присоединилось для похода на священную войну еще восемьсот человек. Войско эмира Хорасана подошло, расположилось в поле, но не могло войти благодаря узости того прохода. Два месяца они пробыли таким образом. В конце этих двух месяцев пришла очередь дозору Себуктегина. Подойдя к проходу теснины, он увидел все поле под лагерем и расставленные дозоры. Он сказал: „О, господин! свой достаток и состояние ты отдал эмиру Хорасана, сам направился на священную войну, а они посягают на твою жизнь. Мой господин из-за соблюдения верности проявляет к ним уважение, боюсь, что он погубит себя и нас. Это дело не разрешить иначе, как мечом. Если мы будем безответны, они не отстанут от нас. Всевышний —

друг угнетенных“. Затем, обернувшись к гулямам, бывшим в его отряде, он сказал: „Это дело, которое выпало нам. Если они возьмут верх над нами, пусть из нас никто не останется в живых. Сегодня же я нападу на них, что бы ни произошло, согласен ли в том со мною наш господин или не согласен. Будь, что будет“. Так 103 сказал, бросился со своими трехстами гулямов на дозор, разбил его, напал на их лагерь и, прежде чем они могли взять оружие и сесть на лошадей, сокрушил свыше тысячи людей. Когда они подвели силу, он быстро отступил и возвратился к началу теснины. Алптегина известили, что Себуктегин совершил такое дело, убил много их людей. Алптегин позвал его и спросил: „Зачем ты поспешил? надо было потерпеть“. Ответил: „О, господин! я столько терпел, что наше терпение истощилось. Нам надо заботиться о своей жизни. Это дело не разрешится терпением, а лишь мечом. Пока мы живы, мы будем биться за господина, а там, что выйдет“. Алптегин сказал: „Теперь, когда ты их потревожил, самое лучшее поступить так: скажи, чтобы убрали палатки, сложили грузы и во время намаза перед сном двинулись в поход. Тогда пусть заберут грузы и обоз выведут из теснины. Надо, чтобы Туган тайком отправился с тысячью людей в такую-то лощину по правую руку, ты отправляйся с тысячью гулямов в такую-то лощину по левую руку. Я же выйду из теснины с обозом в сопровождении тысячи всадников и остановлюсь в поле. Завтра они подойдут к началу теснины, никого не увидят и скажут „Алптегин убежал“. Сразу сядут на коней, поскачут за нами, войдут в ущелье; когда больше половины из них выйдет из теснины и заметит меня, стоящим в поле, вы выходите из засады справа и слева и действуйте мечами. Поднимутся крики войска, что вышло из теснины на меня, многие поспешат назад, что, мол, случилось; те же, что остались в теснине, также побегут назад; многие будут убиты вашими мечами, а я пойду в лобовую атаку. Тогда и вы выбирайтесь из теснины. Тех, кто останется в теснине, мы запрем и будем избивать сопротивляющихся. Когда наступит ночь, откроем им дорогу к отступлению, пусть убегают, а сами пройдем через теснину, нападём на их лагерь и захватим добычу“. Так и поступили, вышли из ущелья. На заре другого дня войско эмира Хорасана вооружилось, по-

строилось для сражения и подошло к началу теснины. Никого не увидав, они предположили бегство. Войску сказали: „Быстро вперед! Двинемся вслед! Когда пройдем через теснину, мы их нагоним 104 в поле, не пройдет часа, как схватим Алптегина“. Они поспешно повели войско, отборные мужи находились впереди; вышли из теснины, увидали стоящим в поле Алптегина с тысячью всадников и немногими пехотинцами. Когда половина войска прошла через теснину, Туган вышел из ущелья с левой стороны, напал в теснине с тысячью всадников, пустил в ход мечи, оттеснил назад подходившее войско, произвел смятение, обратил в бегство, убил значительное число. Себуктегин, напав справа, действовал мечом. Туган также к нему присоединился. Оба вышли из теснины, преследуя войско. Алптегин напал спереди. В короткое время сокрушили множество народа, ударили копьем в живот эмира войска так, что наконецник вышел со спины; тот упал, а войско обратилось в бегство. Разом побежали по любой тропинке, которую могли найти; затем гулямы Алптегина вышли из теснины, напали на лагерь, захватили все, что нашли там: лошадей, мулов, верблюдов, серебряные и золотые вещи, динары; гулямов, палатки, ковры и тому подобное оставили, и возвратились. В течение одного месяца поселения Балха таскали вещи из этого лагеря. Пересчитали тех, кого убили, оказалось четыре тысячи семьсот пятьдесят человек, кроме раненых. Потом Алптегин двинулся и прибыл в Бамиан. Эмир Бамиана сразился с ними, был захвачен в плен. Алптегин его простил, даровал жизнь, почетное платье, назвал своим сыном; этого эмира Бамиана звали Шир²⁰⁶ Барик. Затем Алптегин пошел отсюда в Кабул, разбил эмира Кабула, захватил в плен его сына, также обласкал и отправил к отцу. Сын эмира Кабула был зять Лавика.²⁰⁷ Затем он направился в Газнин. Эмир Газнина убежал, ушел в Серахс. Когда Алптегин прибыл к Газнину, Лавик вышел, дал бой. Сын эмира Кабула был захвачен в плен во второй раз. Эмир Газнина обратился в бегство. Город был осажден; люди Завулистана страшались Алптегина. Он приказал объявить: „Никто не смеет ни у кого брать иначе, как покупая на золото. Если что узнаю, 105 с тем расправлюсь“. Однажды взгляд Алптегина упал на одного гуляма-тюрка, привязавшего к седельным ремням торбу соломы

и одну птицу. Он сказал: „Приведите ко мне того гуляма“. Привели к нему. Он спросил: „Эту птицу ты откуда достал?“ Ответил: „Взял у одного поселянина“. Спросил: „Разве ты не получаешь от меня ежемесячной платы?“ Ответил: „Получаю“. Спросил: „Так почему не покупаешь на золото? почему взял насилем?“ Он сейчас же распорядился, чтобы того гуляма разрубили на двое, здесь же на дороге повесили с той торбой сена. Три дня оповещали: „Со всяким, кто отнимет имущество у мусульманина, поступало так же, как сделал со своим гулямом“. Войско его очень устранилось.²⁰⁸ Народ стал в безопасности; каждый день поселяне округи приносили столько подарков, что невозможно перечислить. Однако он не позволял, чтобы хоть одно яблоко они отнесли в город. Когда люди города увидели эту безопасность и правосудность, они сказали: „Нам нужен государь, который был бы правосуден, через него будут в безопасности наша жизнь, жены и дети, будет в безопасности наш достаток; будь он хоть тюрк, хоть тазик“. Затем они раскрыли ворота города и пошли к Алптегину. Когда Лавик это увидал, он бежал, отправился в крепость; через двадцать дней он спустился к Алптегину. Алптегин ему пожаловал содержание. Алптегин никого не обидел и сделал Газнин своим домом. Оттуда он совершил нападение на Индию и привез добычу. От Газнина до неверных был двенадцатидневный путь. В Хорасане, Мавераннахре, Нимрузе²⁰⁹ распространились известия, что Алптегин захватил горный проход в Индию, добыл многие округи, золото, серебро, животных и рабов, взял богатую добычу. Люди сходились к нему со всех сторон, так что около него собралось шесть тысяч всадников. Он захватил много областей, достиг до самого Бикапура,²¹⁰ закрепил страну за собой. Индийский царь выступил со ста пятьюдесятью тысячами всадников и пехотинцев, с пятьюстами слонов, чтобы изгнать Алптегина из пределов Индии или убить его вместе с войском, а с другой стороны эмир Хорасана, гневаясь, что Алптегин разбил и перебил его войско при Балхе и Хульме, послал сражаться с ним Бу-Джафара²¹¹ с двадцатью пятью тысячами всадников. Алптегин допустил, чтобы Бу-Джафар подошел на расстояние одного фарсанга к Газнину. Тогда он устремился из Газнина с шестью тысячами всадников, напал на его войско,

в короткое время разбил двадцать тысяч всадников в тысячу раз сильнее, чем разбил при Балхе. Бу-Джафар обратился в бегство и произошло так, что его признали поселяне, захватили, отняли его лошадь, сняли одежду. Пешком, переодевшись, он добрался до Балха. Эмир Хорасана не осмелился устроить еще поход против Алптегина. Удаление Алптегина вызвало большую слабость в династии и царстве Саманидов. Ханы Туркестана пошли в поход на них, захватили многие владения. Когда Алптегин покончил с Бу-Джафаром, он обратился к индийскому царю. Он написал в Хорасан и во все округи послание, попросил помощи. Пришло столько в жажде добычи, что им не было счета. Когда он произвел смотр войску, оказалось пятнадцать тысяч всадников и пять тысяч пехотинцев, все — молодые, в полном вооружении. Он направился на индийского царя, неожиданно напал на передовые дозоры, убил много людей, но не увлекся добычей, а отступил обратно. Войско шаха последовало за ним, но не нашло его. Была высокая гора; среди двух гор была долина; путь индийского царя шел через долину. Алптегин занял устье долины. Когда индийский царь туда пришел, он не мог пройти, остановился, так пробыл два месяца. Каждый раз как Алптегин нападал, он убивал множество индийцев. В этих сражениях очень отличился Себуктегин. Им было совершено несколько славных дел. Индийский царь испытывал затруднение в своем деле: ни вперед не мог продвинуться и отступить было невозможно, так как это значило вернуться в безнадежность и беспокойство. В конце концов он решился заявить: „Вы пришли из Хорасана сюда за содержанием, я дам вам содержание, вручу вам крепости, вы будете моим войском, будете кормиться, проводить время по своему желанию“. Они согласились на это, а индийский царь сказал тайно начальникам крепостей: „Когда я отступлю, не сдавайте им крепости“. Когда он ушел, Алптегин подступил к воротам крепостей, их ему не сдавали. Он сказал: „Ныне они разорвали договор со мной“. Он опять повел наступление, начал завоевывать города, эти же крепости осадил. Среди этих дел он умер,²¹² а его войско и гулямы пришли в смятение. Вокруг них ¹⁰⁷ было войско неверных. Тогда они сели и рассудили: „У Алптегина нет сына, которого можно было бы посадить вместо него“,

сказали: в Индии мы — в чести и славе, так как внушили индийцам страх, сколь ни есть великий. Если займемся тем, что один скажет „я — самый почтенный“, другой скажет: „я — самый старший“, наша честь потерпит урон. Враги нас одолеют. Когда между нами проявится рознь, то мечи, которые мы обрушиваем на неверных, должны будем обратить друг против друга; то владение, которое мы заполучили, уйдет из наших рук. Самое лучшее выбрать среди нас кого-либо одного, который был бы достоин, сделаем его командующим над собой. Будем согласны во всем, что он ни прикажет, словно как будто он Алптегин“. Все согласились. Начали перечислять имена гулямов, которые были старшими, и у каждого или находили какой-нибудь недостаток или что-либо нежелательное, пока не дошли до имени Себуктегина. Когда произнесли его имя, все замолкли. Затем один спросил: „Есть ли другой гулям, кроме Себуктегина, которого купили бы раньше и который был бы более заслужен?“ Другой сказал: „Себуктегин превосходит всех по разуму, геройству, великодушию, щедрости, прекраснодушию, богобоязненности, верности своей службы, доброй жизни с друзьями. Его воспитал наш господин; его дела похвальны; он обладает всеми качествами и привычками Алптегина, прекрасно знает силу и место каждого из нас. Я сказал то, что сказал, а вы лучше знаете“. Некоторое время прикидывали, в конце концов согласились на том, чтобы сделать над собой эмиром Себуктегина. Себуктегин уклонялся, пока его не принудили, тогда он сказал: „Если выхода нет, возьмусь за эту обязанность, но с тем, что бы я ни сделал или ни приказал, пусть не будет мне ни в чем возражения. Если кто станет мне противиться, взбунтуется против меня или же проявит нерадение в исполнении моего приказа, все должны проявить единодушие, убить его“. Все на том поклялись, совершили договор и присягу.²¹³ Его отвели, посадили на подушку Алптегина, при-
108 ветствовали, как подобает эмиру; роздали золото и дирхемы. Себуктегин все, что ни делал, выходило на благо. Он взял в жены дочь раиса Завулистана,²¹⁴ по этой причине Махмуда называют Завули; когда он подросток, вместе с отцом бывал в походах, много путешествовал. После того как он совершил великие деяния, разбил огромные военные силы в пределах Индии, багдадский халиф

удостоил его титулом Насир ад-дина. Когда Себуктегин умер, Махмуд воссел на его место.²¹⁵ Он хорошо изучил все искусство царствования, всегда слушал предания о царях, стремился к правдивости и похвальному поведению. Он отправился и завоевал страну Нимруз, захватил Хорасан и так далеко прошел в Индию, что взял Сумнат, привез идола Манат, убил индийского царя. Он довел дело до того, что стал султаном мира.

Цель этого рассказа такова: пусть будет известно господину мира — да увековечит господь его царство! — каков бывает добрый раб.²¹⁶ Не следует обижать сердце того раба, который совершает похвально службу, в ком никогда не видно ни измены, ни неверности, которым укрепляется царство и благоденствует держава; не следует ни от кого выслушивать слова клеветы на него, пусть с каждым днем увеличивается доверие к нему. Династия, царства и города держатся на людях, подобных Алптегину, который был рабом, а им было крепко царство Саманидов. Не уразумели его значения, поход сделали против него. А когда он удалился из Хорасана, ушло и счастье из династии Саманидов. Нужна целая жизнь и благоприятный рок, чтобы заполучить достойного и испытанного раба. Мудрые говорят: „Достойный слуга и раб лучше сына“. Не следует упускать из рук хороших рабов и слуг. Поэт говорит:

С т и х и

Один преданный раб лучше сотни сыновей,²¹⁷

Так как они желают смерти отца, а он жизни господина.

*Относительно государевых приемов для приближенных
и для всех.*²¹⁸

При устройстве государева приема необходим распорядок: пусть войдут сначала родственники, затем именитые и свита, затем других родов люди. Когда все соберутся в одно место, надлежит быть разнице между низкими и благородными. Признак государева приема то, что снимают завесу, признак того, что приема не будет, кроме как для того, кого позовут, является опущенная завеса; пусть вельможи и войсковые начальники кого-либо пошлют ко двору, по этому признаку они будут знать, состоится сегодня прием или нет; если им следует явиться в услужение, пусть приходят, если нет — пусть не приходят. Ведь для вельмож ничего не может быть тяжелее, как отправиться ко двору и вернуться оттуда, не увидав государя. Когда они ходят много раз и не видят государя, становятся подозрительными, начинают злоумышлять. Из-за редкости приемов государя ухудшаются дела людей, смутьяны — наглеют, остаются скрытыми дела знати и простого люда, войско печалится, впадает в тревогу. Нет лучшего порядка для государя, как частые приемы. Если он не дает приема, пусть являются для приветствий окружные правители,²¹⁹ эмиры, сеиды, имамы. Условия приветствования со стороны лиц, не принадлежащих к личному окружению государя, таковы: повидав государя, все вельможи удаляются, уходят лица, их сопровождавшие, остаются только люди дворца. Надо обязательно, чтобы присутствовали гулямы, несущие службу кравчего, отведывателя явств,²²⁰ оруженосца и тому подобные.

Когда этак несколько раз будет приказано, войдет в обычай, исчезнет затруднительность, отпадет необходимость в опускании завесы и запираении дверей. Если будут делать иначе, не будет ладно.

О распоряжке собрания для винопития и правилах его.

В ту неделю, на которую падут непринужденные удовольствия, следует один-два дня устраивать общий прием. Пусть придут те, кому привычно приходить, пусть никому не препятствуют; пусть объявят, что это день их прихода. Пусть также знают, что дни, посвященные знати, приближенным — не время для них и сами не приходят, не будет тогда необходимости одних пропускать, другим отказывать. Надо, чтобы те, кому следует бывать на придворном собрании, не обижались, так как кто суть они(?) И условие таково: каждый приходит не иначе как только с одним гулямом. А чтобы каждый приносил свою бутылку и приводил виночерпия — неприлично, никогда такого обычая не было. Очень неодобрительно, чтобы повседневно еду, закуску и вино носили из дворца царей в свой дом, или из своих домов на царские собрания, ибо султан — хозяин мира, все миряне — его семья и слуги. Не надлежит, чтобы нахлебники уносили еду и вино из дома того, к чьей семье принадлежат. Если кто принесет свое вино по той причине, что придворный виночерпий, мол, ему не дает, следует наказать виночерпия, ведь ему поручают хорошие и плохие вина, — почему же он дает плохие? Пусть будет устранен и этот повод. А государю без достойных надимов не обойтись. Если он чаще проводит время с рабами, его достоинство терпит изъяс, уважение к нему нарушается, получается недостойное, так как рабы этой службы недостойны. Если он чаще проводит время с вельможами, сипах-саларами, амидами, терпит ущерб величье государя, они производят в его приказах послабления, становятся заносчивыми, растаскивают

серебро. А с вазиром следует разговаривать относительно важных дел управления, войска, налоговых поступлений, строительства, мероприятий, направленных против врагов государства и подобно 111* этому. Все эти дела таковы, что от них умножается доука и забота, дух от них бывает в мучении, да и сама сущность дел не позволяет для благополучия царства вести себя непринужденно и шутить с этим разрядом людей. Природа государя не раскроется так ни с кем, как с надимом. Если государь пожелает жить пошире, примешать шутку и острое слово, рассказать рассказы всякого рода и легкомысленные, и серьезные, и возбуждающие смех, и удивительные, то надимы не наносят ущерба достоинству и державности государя, так как их для этого дела и держат, мы раньше относительно этого упомянули в одной главе.

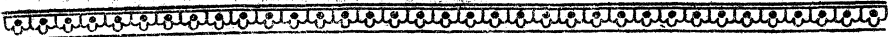

Глава тридцатая.

О порядке стояния рабов во время службы.

Следует, чтобы они были на виду: у каждого должно быть определено место, ибо перед царем стоять или сидеть и то и другое равно: в стоянии надо поддерживать тот же порядок. Те из придворных, кто наиболее известен, стоят близко трона, как-то: оруженосцы, кравчие и им подобные. Если кто-нибудь захотел встать среди них, его удалит хаджиб двора; точно так же, если среди всякого разряда он увидит какого-нибудь несоответствующего человека, он закричит и не позволит, чтобы он там стоял.

Глава тридцать первая.

*О нуждах и требованиях войска, о службе свиты.*²²¹

Какая бы ни была нужда у войска, следует, чтобы она была передана языком начальников отрядов или предводителей; если что-нибудь доброе будет приказано, совершалось бы также через них, благодаря этому к ним создастся уважение. Если же войско станет высказывать само свои желания и в посредничестве не будет необходимости, то будет упущено уважение к начальникам отряда.²²² Если кто из отряда надерзит своему предводителю, не сохранит уважения к нему или перейдет через свой предел, его следует наказать, чтобы старший был отличен от младшего. 112

Глава тридцать вторая.

*Об устройстве убранства, оружия и снаряжения, боевого
и походного.*

Именитым людям, которые располагают значительным содержанием, надо сказать, чтобы они хорошо заботились об убранстве оружия и военного снаряжения, чтобы они покупали гулямов. Ибо их красота, добрые качества, почет состоят в этом, а не в роскоши обстановки и блеске их жилища. Те из них, кто больше успеет в этом отношении, будут наиболее приятны государю; они будут наиболее устроены, почтены со стороны соратников и войска.

Глава тридцать третья.

О выговорах высокопоставленным в случае ошибок и проступков.

Тем, кого удостаивают высоких мест, кого возвеличивают, приходится переносить много невзгод в наше время. Если выговаривать открыто, когда у них случится когда-либо ошибка, — получится им бесчестие, и это не может быть возмещено многими ласками и благоволениями. Предпочтительнее, чтобы было так: когда кто-либо совершит ошибку, то, сперва, как будто не обратив внимания, пусть его позовут и скажут: „Ты сделал так-то. Мы возвышенного нами не унижим и своего ставленника не бросим. Простили тебе это. Но в будущем остерегись, не совершай еще ошибки, не то лишишься степени и почета. Тогда уж от тебя зависит, не от нас“.

Рассказ. Спросили повелителя правозерных Али,²⁸³ — мир над ним! „Кто наиболее добродетелен из людей?“ Он сказал: „Тот, кто во время гнева может соблюдать себя, не сделает ничего, в чем бы он устыдился, когда перестанет гневаться и когда уже будет поздно“. Человек с совершенным рассудком должен быть таковым, чтобы его не охватывал гнев, а если охватит, его разум должен взять верх над гневом, а не гнев над разумом. У всякого, у кого страсть души берет верх над разумом, когда он возмутится, гнев закроет глаза разуму, он совершит все то, что гнев ему прикажет, так что станет, как безумный. Тот же, у кого разум преобладает над страстью, во время гнева его разум захочет покорить чувства и он

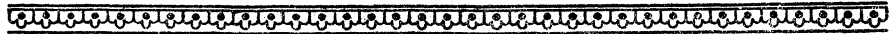
совершит и прикажет все то, что одобряется мудрыми, хотя бы люди и знали, что он находится в гневе.

Рассказ. Хусейн сын Али²²⁴ — да будет им доволен господь! — сидел за трапезой с некоторыми из сподвижников пророка и уважаемыми людьми. Они вкушали пищу. Хусейн был одет в драгоценные одежды, на голове у него была повязана самая прекрасная чалма. Один из гулямов, стоявший для услужения ему, хотел поставить перед ним чашу с кушаньем. Случилось, что чаша выпала из рук гуляма, упала на голову и лицо Хусейна; запачкались и чалма, и одежда его от кушанья. В Хусейне проявилась человеческая сущность, он вспыхнул от огорчения и смущения, поднял голову и посмотрел на гуляма. Увидав, гулям испугался, что его накажут, и сказал: „Укромляющие ярость, прощающие людям! бог любит совершающих благое“. ²²⁵ Лицо Хусейна расцвело и он сказал: „О, гулям! даю тебе свободу, раз навсегда будь в безопасности от гнева и наказания“.

Рассказ. Рассказывают, что Муавиа²²⁶ был человеком очень кротким. Во время приема, когда перед ним сидели вельможи, к нему подошел один молодой человек в изношенной одежде. Приветствуя его, он без стеснения сел перед ним и сказал: „О, повелитель правоверных! сейчас я прихожу к тебе по одному важному делу. Если исполнишь, скажу“. Муавиа сказал: „Все, что возможно, исполню“. Сказал: „Узнай, что я человек чужестранный и не имею 114 жены. Твоя мать не имеет мужа. Отдай мне ее в жены, дабы я был с женой, а она с мужем, а тебе будет вознаграждение“. Муавиа сказал; „Ты человек молодой, она же настолько старая женщина, что во рту ее нет ни одного зуба. Почему ты желаешь ее?“ Сказал: „Потому что я слышал, что сна обладает большим задом, я же люблю большой зад.“ Муавиа сказал: „О, господи! мой отец также взял ее в жены за это качество; другой заслуги она не имела; от этой страсти он и умер. Однако, я передам этот разговор матери; если она пожелает, никто не будет препятствовать ей в этом сватовстве“. Он так сказал, и в нем не обнаружилось ни малейшего раздражения, он не вышел из себя. Все люди признали, что в мире нет человека более сдержанного.²²⁷

Мудрые утверждают: снисходительность — хороша, но она предпочтительнее во время благоденствия, благожелательность — хороша, но при благодарности лучше; послушание — хорошо, но при знании и страхе божьем оно лучше.“

Глава тридцать четвертая.

Относительно дела стражей, часовых и привратников.

Следует принимать все предосторожности в отношении дела придворных ночных стражей, привратников и часовых. Кто имеет за ними надзор, должны знать их всех, быть осведомленными тайно и явно обо всех их делах. Пусть следят каждодневно, так как они по большей части жадны, слабы характером, могут стать соблазненными золотом. Если увидят среди них чужого, пусть справятся о его обстоятельствах. Каждый вечер, когда отправляются на стражу, пусть всех их осмотрят. Нельзя быть нерадивым к этому делу ни ночью, ни днем, ибо это дело тонкое, чреватое опасностями.

О добром устройстве стола и распорядке его у государя.

Государи обязаны всегда с раннего утра заботиться о добром столе.²²⁸ Те лица, которые являются на службу, покушают там чего-нибудь. Если у придворных нет желания угощаться, они не будут бояться съесть в свое время то, что им полагается.²²⁹ Итак нельзя иначе, как готовить угощение с раннего утра.

Султан Тогрул²³⁰ устраивал угощение с раннего утра, он заболтался о разнообразии и хорошем приготовлении кушаний; как можно лучше приказывал, так что, когда садился на коня, отправляясь на увеселение или охоту, приготавливали еду и подавали в поле; столько ее было, что дивились эмиры, турки, придворные и народ.

У ханов Туркестана таков распорядок в царстве, чтобы иметь обильную еду на кухне для слуг, дабы благословляли державу. В то время когда мы отправились в Самарканд и Юзкенд,²³¹ слышали, как сплетники передавали, что чикили²³² и мавараннахры постоянно говорили: „Мы, в то время как султан приехал и уехал, не съели куска хлеба с их стола“.²³³

Каждый должен быть великодушным и щедрым по силе и размеру своего хозяйства. Султан является хозяином мира. Цари времени находятся под его рукой. Необходимо так поступать, чтобы были соответственны его хозяйству великодушные, щедрость угощения, дары; он должен быть могущественнее и лучше всех предшествовавших государей. И в предании указывается, что широкая раздача хлеба божьему люду увеличивает жизнь, царство и благоденствие.

Предание. В рассказах о пророках — мир над ними! — встречается такое: бог, великий и преславный, послал к фараону Моисея —

мир над ним! — со столькими чудесами, благостями и достоинством. Ежедневно состав угощения фараона был: четыре тысячи баранов, четыреста коров, двести верблюдов и в соответствии с тем многие блюда, жаркое, сладости и всякое другое. Весь народ Египта и воины вкушали от его стола. В течение четырехсот лет фараон притязал на божественное достоинство и устраивал свое угощение таким образом. Моисей, — мир над ним! — помолвившись, сказал: „О, господи! погуби фараона“. Всевышний внял молитвам Моисея и сказал: „Я потоплю его в воде, а достаток его, жен, войско, отдам тебе и твоим народам“. Прошло несколько лет после этого обещания, а фараон продолжал существовать в заблуждении и вместе с тем во славе. Моисею — мир над ним! — не терпелось, чтобы всевышний как можно скорее погубил фараона, ему надоело ждать. Он совершил сорокадневный пост, отправился на гору Синай и в молитвах к всевышнему сказал: „О, господи! ты обещал, что погубишь фараона, который не отказывается ни от своего неверия, ни от притязаний. Когда ты его погубишь?“ Раздался голос всевышнего: „О, Моисей! ты хочешь, чтобы я погубил фараона как можно скорее. А я должен его беречь, ибо ежедневно тысяча рабов питается его благотворительностью, находит спокойствие в его правлении. Свидетельствую своей славой, пока он широко распространяет среди народа хлеб и благодеяния, я не погублю его“. Моисей сказал: „Когда же исполнится твое обещание?“ Был ответ: „Когда уменьшит раздачу пищи, тогда наступит срок его“. Однажды случилось так, что фараон сказал Хаману: „Моисей собрал около себя племя Израиля, доставляет нам беспокойство, не знаю, до чего дойдет впоследствии дело его с нами. Надо иметь казнохранилище полным, дабы никогда не быть без поддержки. Надо уменьшить ему из пая половину и складывать в виде запаса“. Так и сделали, каждые два дня уменьшали пай. Моисей, — мир над ним! — понял, что срок приближается, так как бережливость часто бывает признаком упадка и несчастий. Так говорят передатчики преданий: в тот день, когда фараон утонул, на его кухне были заколоты две овцы.

Всевышний хвалил Ибрахима — мир над ним! — за раздачу пищи и гостеприимство; всевышний запретил бросить в адский огонь тело

Хатима Таи²³⁴ за великодушие и гостеприимство его, о великодушии же его будут рассказывать пока существует мир. А повелитель правоверных Али, — да возвеличит его господь! — который отдал во время намаза просящему перстень, питал и убоготворял многих голодных, о его отважности и великодушии будут передавать до дня восстания из мертвых. 117

Нет ни одного дела лучше великодушия, добродейния и кормления. Раздача пищи — основа всякой человечности и всякого великодушия.

Великодушие лучше всех дел,
Великодушие из обычая пророка.
Два мира несомненно будут за великодушным.
Будь великодушным и два мира — твои.

Если кто из богатых пожелает, чтобы его уважила грамота государя, чтобы люди были к нему почтительны, называли „староста“ и „хозяин“, раскидывай ежедневно скатерть для хлеба. Все, кто пользуется славой в мире, по большей части получили ее, раздавая хлеб. Человека — скупца, скрягу попрекают и на том и на этом свете. И в преданиях приведено: „Скупой не войдет в рай“. Во все времена, при неверии и при исламе, не было и нет лучшей добродетели, чем раздача пищи. Да вознаградит всевышний всех великодушных по своей благости и щедрости!

Глава тридцать шестая.

О вознаграждении достойных слуг и рабов.

118 Всякого из слуг, кто совершает свою службу достойным образом, следует во-время обласкать и вознаградить. Всякого, кто совершил проступок без необходимости на то, или по ошибке следует наказывать по размеру его проступка, чтобы увеличить охоту рабов к службе; страх преступников усилится и все дела пойдут надлежащим образом.

Рассказ. Один мальчик-хашимит²³⁵ нанес обиду какому-то собранию людей; те пошли к отцу и пожаловались на него. Отец захотел его наказывать. Мальчик сказал: „О, отец мой! я совершил проступок, но ведь у меня не было рассудка. Ты меня не наказывай, рассудок у тебя.“ Отцу это понравилось и он простил его.²³⁶

Рассказ. Хордадбех²³⁷ рассказывает: царь Парвиз разгневался на одного из своих приближенных, заключил под стражу. Никто не осмеливался приходить к нему за исключением музыканта Базида²³⁸ (Базейда?). Тот каждый день носил ему пищу и питье. Парвизу сообщили. Он сказал Базиду: „Как ты смеешь заботиться о лице, которое находится у нас под стражей? Разве не знаешь, когда мы на кого-нибудь гнуемся и заключаем под стражу, тому не следует иметь средства к существованию“. Сказал: „О, шах! то, что ты оставил ему, больше того, что я делаю для него“. Спросил: „Что я ему оставил?“ Ответил: „Жизнь, а она лучше того, что я посылаю ему“. Царь сказал: „Славно! Прощаю его ради тебя“.²³⁹

Рассказ. Таков был обычай в роде Саманидов:²⁴⁰ когда кто-либо говорил перед ними речь или показывал талант, который им нравился и у них вырывалось восклицание: „Славно!“, немедленно

казначей давал тому лицу тысячу дирхемов, а цари — хосрои превосходили других государей в правосудности, благородстве и великодушии, особенно Нуширван Справедливый.

Рассказ. Передают: однажды Нуширван Справедливый сел на коня и отправился с приближенными на охоту. Проезжая по окраине одной деревни, он увидел девяностолетнего старика, который сажал в землю дерево — грецкий орех. Нуширван удивился, ибо только становясь двадцатилетним грецкий орех приносит плоды. Сказал: „Эй, старик! ты сажаешь грецкий орех?“ Ответил: „Да, владыка“. Спросил: „Сколько же ты думаешь прожить, чтобы поесть плодов?“ Старик ответил: „Они посадили, а мы съели, мы сажаем, а они съедят“. Нуширвану понравилось, он воскликнул: „Славно!“ и немедленно приказал казначею дать старику тысячу дирхемов. Старик сказал: „О, господин! никто быстрее меня не поел плодов этого грецкого ореха“. Спросил: „Как это?“ Старик сказал: „Если бы я не сажал ореха, а владыка не проезжал бы здесь, то сему рабу не досталось бы того, что досталось; если бы сей раб не дал того ответа, откуда бы я достал эту тысячу дирхемов“. Нуширван сказал: „Славно! Славно!“ Казначей немедленно выдал две тысячи дирхемов, потому что Нуширван дважды произнес „славно“.²⁴¹

Рассказ. Мамун однажды занимался разбором жалоб, ему подали заявление по какой-то нужде. Мамун²⁴² отдал это заявление Фазлю сыну Сахля²⁴³ и сказал: „Удовлетвори требование этого, ибо сей небесный круг затем вращается, чтобы горесть не оставалась в одном положении и сей мир скоро пресыщается потому, что ни один друг не бывает постоянен. Сегодня мы можем делать добро, а завтра придет такой день, что и захотим кому-нибудь сделать добро, не сможем из-за бессилия“.

Глава тридцать седьмая:

О мерах предосторожности по отношению к икта у мукта и делах народа.

Если укажут на разруху и рассеяние населения в какой-либо округе и если можно думать, что сообщающие — злонамеренные люди, немедленно надо уполномочить одного из придворных таким образом, чтобы никому не приходило в голову, за каким делом его отправляют. Под каким-нибудь предлогом пусть он пробудет с месяц в той округе, посмотрит на дела города и деревни, процветание и разрушения, пусть выслушает всякого, — что говорят о мукта и амиле? и доставит правильные сведения. Ведь чиновные люди будут приводить всяческие изменения и отговорки: „У нас, мол, враги“. Не следует их слушать! а не то они облагодетельствуют, будут делать все, что хотят; те же, что сообщают о положении дел, и доверенные лица перестанут давать советы из-за опасения, как бы не показалось государю и мукта, что они корыстны. Таким образом в мире будет разруха, народ станет бедным, разбредется и налоги будут братья не по праву.

---

*О неторопливости государя в делах государства.*²⁴⁴

Не следует спешить. Когда государь услышит какое-либо известие или ему что-либо покажется, надо проявить относительно того спокойствие, пока он не узнает истинного положения и не распознает ложь от правды. Когда приходят два соперника и говорят один на другого, надо, чтобы им не было известно, на какую сторону склоняется государь, так как тот, за кем правота, может испугаться, не сумеет держать речь, тот же, на чьей стороне неправда, обнаглеет. И приказ всевышнего таков: „кто бы что не сказал до того времени, пока вы не распознаете истины, не отвечайте“. Сказал всевышний: „Верующий! если кто-либо неправдой принесет вам какое-либо известие: вы постарайтесь узнать достоверность того“.²⁴⁵ Торопиться — значит потом раскаиваться, а уже будет бесполезно.

Рассказ. В городе Герате был почтенный мудрец, тот самый старец, что привел к господину мира Бакрака.²⁴⁶ Случилось, что султан, погибший за веру, — милость божия над ним! — прибыл в Герат на некоторое время; Абд ар-рахман, его дядя по материнской линии, остановился в доме того ученого старца. Однажды во время питья вина он сказал султану: „Этот старец имеет помещение, уходит туда на ночь, всю ночь совершает намаз. Сегодня я открыл дверь того помещения, — добавил он, — увидел кувшин вина и бронзового идола; он всю ночь пьет вино и поклоняется идолу“. Этот Абд ар-рахман принес с собою кувшин с вином и бронзового идола, так как знал, что когда он этак скажет, султан сейчас же распорядится казнить того старца. Вот султан послал одного

гуляма за старцем, а другого гуляма ко мне. „Пошли, мол, кого-нибудь, позови старца“. Я не понял ради чего он зовет, но сейчас же пришел кто-то и сказал: „Не зови его“. На другой день я спросил у султана: „Для чего вчера то звали, то не звали того 121 ученого старца?“ Он сказал: „Из-за наглости Абд ар-рахмана, дяди“; затем он передал мне этот рассказ, а потом сказал Абд ар-рахману: „Ты вот мне это рассказал, принес кувшин вина и бронзового идола, а я не хочу ничего приказывать относительно старца, не узнав истины и правды. Итак, дай мне свою руку и поклянись моей жизнью, что все, что ты говоришь — правда, а не ложь?“ Абд ар-рахман ответил: „Я сказал ложь“. Султан спросил: „О, недостойный, почему ты оболгал этого ученого старца? почему покушался на его кровь?“ Ответил: „Потому, что он обладает прекрасным домом, а я в нем остановился; когда бы ты его убил, ты подарил бы мне его дом“.

И великие веры сказали: „Поспешность от шайтана, а неторопливость от милосердного“. Бузурджмихр²⁴⁷ говорит: „Поспешность от легкомысленности; всякий, кто торопится и не обладает спокойствием, будет постоянно смущенным и печальным, ибо та поспешность губит благополучие. Кто торопится, всегда сам себя попрекнет, всегда будет каяться, просить прощенья, терпеть муку“. Повелитель правоверных — да будет доволен им господь! — говорит: „Спокойствие заслуживает почтения во всех делах“.

Глава тридцать девятая.

Об эмир-и-харас, ликторах и об орудиях наказания.

Должность эмир-и-харас²⁴⁸ во все времена была одной из важнейших должностей, так что если не считать эмира — великого хаджиба, при дворе не было никого больше эмир-и-харас, по той причине, что его должность имеет касательство к расправе. Все страшатся гнева и наказания государя. Когда государь на кого-либо разгневается, он приказывает отрубить голову, отсечь руки и ноги, вздернуть на виселицу, бить палками, отвести в темницу, бросить в яму. Люди не боятся пожертвовать имуществом и благами за свою жизнь! У эмир-и-харас всегда бывают барабан, знамя, наубат.²⁴⁹ Люди даже боялись его больше, чем государя. В наше время эта должность понизилась, отменили блеск этой службы. Надо по крайней мере, чтобы постоянно было при дворе не менее пятидесяти человек ликторов:²⁵⁰ двадцать — с золотыми палицами двадцать — с серебряными, десять — с большими палицами. Надо, чтобы у эмир-и-харас было все необходимое к проживанию и содержанию, что ни на есть лучшее, чтобы он пользовался наибольшим уважением. Если этого нельзя устроить, тогда пусть его заменят другим лицом.

Рассказ. Халиф Мамун однажды говорил со своими надимами: „Я имею двух эмир-и-харас. Оба они с раннего утра до ночи только и рубят шеи, отсекают руки и ноги, бьют палицами, бросают в темницу. Люди постоянно одного из них хвалят и величают, другого же порицают; когда услышат его имя, проклинают, постоянно жалуются на него. Не знаю, что за причина этому? Кто-нибудь должен бы меня уведомить, ведь оба они одинаковы,

почему же люди одного хвалят, а на другого жалуются?“ Один надим сказал „Если дашь мне три дня свободы действий, это дело я выясню для господина“. Сказал: „Даю“. Надим отправился домой и сказал достойному слуге: „Тебе придется сделать одно дело для меня. Сейчас в городе Багдаде находятся два эмир-и-харас, один — старик, другой — пожилой. Тебе следует встать завтра на заре, отправиться в дом старика и, когда этот человек выйдет из покоев своего дома, посмотри, как он сядет, что сделает, что произойдет, — все это посмотри, запомни, приди и доложи. Послезавтра таким же образом отправишься в дом пожилого, все, что произойдет из его разговоров и поведения, заметь от начала до конца и сообщи мне“. На другой день слуга поднялся рано утром, отправился в дом старика эмир-и-хараса. Побыл некоторое время. Пришел фарраш, поставил свечу на возвышение, разослал коврик для молитвы, положил на краю коврика несколько частей из Корана и молитвы. Вышел старик, сделал несколько рикатов намаза, пришли люди, он совершил общую молитву; когда он закончил чтение Корана, пришли еще люди, приветствовали. Взошло солнце. Тогда он спросил: „Не привели ни одного преступника?“ Ответили: „Привели юношу, который кого-то убил.“ Спросил: „Кто-либо свидетельствует о том?“ Сказали: „Нет, сам признает“. Сказал: „Нет силы и нет могущества, кроме как у бога, высокого и великого. Приведите его, чтобы я посмотрел“. Юношу привели. Увидел его старик, спросил: „Этот?“ Ответили: „Да“. Сказал: „По внешнему виду он не походит на преступника, в нем виден свет мусульманства! невероятно, чтобы из его рук произошел грех! Полагаю, что говорят ложь, не хочу слушать ничьих слов против него. Никогда не может этот юноша быть виновным в этом деле, ибо весь его вид свидетельствует, что он — невиновен“. Юноша все это услышал. Кто-то сказал: „Он сам сознается в своем преступлении“. Эмир-и-харас на того прикрикнул и сказал: „Напрасно ты стремишься к пролитию крови мусульманина. Этот юноша слишком разумен, чтобы произнести что-либо, могущее привести к его гибели“. Он говорил с той целью, чтобы юноша начал отпираться. Он обернулся к юноше и спросил: „Что ты скажешь?“ Юноша сказал: „По соизволению всевышнего это греховное дело пало на мои руки.

За этим миром следует другой мир, в том мире я не хочу терпеть наказания всевышнего. Соверши надо мною божий приговор“. Этот эмир-и-харас притворился глухим, обернулся к людям и спросил: „Я не слышу, что он говорит. Создается или нет?“ Ответили: „Да, создается“. Спросил: „Эй, сынок, ты не имеешь внешности преступника. Может, кто из врагов наставил тебя на то, чтобы ты говорил этак, желая твоей гибели? Подумай хорошенько“. Ответил: „О, эмир! никто не наставлял меня. Я — преступник. Исполни надо мною приговор всевышнего“. Когда эмир-и-харас понял, что он не отступится от своего слова, что его увещевания — бесполезны, потому что тот обрек себя на убиение, спросил у юноши: „Значит так, как ты говоришь?“ „Так“. Сказал: „Я совершу над тобой приговор“. Затем, обернувшись к людям, он сказал: „Видели ли вы молодого человека столь богобоязненного, как этот? Я по крайней мере не видал. От него исходит свет благодати, мусульманства, честности. Он приносит сознание из-за страха перед богом, преславным и всемогущим. Зная, что должен умереть, он предпочитает 124 предстать перед богом, преславным и всемогущим, чистым, умершим в вере. Между ним, гуриями и райскими жилищами — один шаг“. Затем он сказал юноше: „Пойди, чисто омой тело, соверши два риката намаза, покайся, тогда я совершу приговор“. Юноша так и сделал. Эмир-и-харас сказал: „Вижу, что этот молодой человек пойдет в рай в этот же час“. Эткими словами он сделал смерть в сердце юноши настолько сладкой, что молодой человек принялся торопиться, чтобы его убили как можно скорее. Эмир-и-харас приказал затем, чтобы его осторожно раздели, завязали ему глаза, а сам продолжал разговаривать с ним таким образом. Пришел палач с мечем, блестящим как капля воды, встал над головой молодого человека так, что тот не заметил. Эмир-и-харас сделал глазами знак. Палач быстро взмахнул мечом и отрубил голову юноше с одного взмаха. Затем он отправил в темницу несколько человек схваченных за всякого рода проступки, чтобы впоследствии правильно поступить с ними, встал и удалился в покои. Слуга пришел к надиму и пересказал все, что видал. На другой день он встал и направился в дом другого эмир-и-хараса. Пришли люди и сбирь. Дом наполнился. Когда взошло солнце, эмир-и-харас вышел из

дома, открыл прием, нахмурился. Перед ним встали сбирь. Через некоторое время он спросил: „Привели ли кого?“ Ответил: „Привели двух-трех пьяных молодых людей“. Приказал: „Введите“. Привели. Поглядел на них, сказал: „Уже давно я разыскиваю этого проклятого смутьяна, равного которому нет во всем Багдаде. Ему следует отрубить голову, так как он не знает другого дела, как сбивать с пути детей. Не проходит ни одного дня, чтобы ко мне не пришло жаловаться на него с десятков человек. Вот уже давно я разыскиваю его“. И столько он наговорил, что этот молодой человек захотел, чтобы ему порубили шею, дабы освободиться от его оскорблений. Затем эмир-и-харас приказал принести арапник, сказав: „Разложите, сядьте на его голову и ноги, всыпьте сорок арапников“. Наказав его, они хотели отвести его в темницу. Пришли
125 свыше пятидесяти почтенных хозяев, свидетельствовали о добропорядочности и воздержанности того молодого человека, ходатайствовали, чтобы он освободил его, предлагали также подношения. Эмир-и-харас не согласился и отправил молодого человека в темницу. Хозяева удалились с опечаленным сердцем, проклиная его. Он же встал и ушел в свои покои. Слуга возвратился и рассказал надиму все, что произошло. На третий день надим отправился к Мамуну и передал ему, что слышал о свойствах и образе действий обоих эмир-и-харас. Повелитель правоверных Мамун изумился, призвал милость божью на старика, послал проклятия на ту собаку и сказал: „Да будет он проклят! если он так безрассудно поступил с благородным человеком, что же он сделает, если ему попадетя кровник?“. Он распорядился отставить его от должности эмир-и-харас, вывести из темницы того молодого человека, а за стариком сохранил его службу и пожаловал ему почетную одежду.²⁵¹

Глава сороковая.

О милостях государя к божьему люду и о следовании правилам во всяком деле и обычае.

Во всякое время проявляются небесные бедствия, на государство падает плохой глаз, держава переменяется, переходит из одного дома в другой, становится смутной по причине мятежей, вражеского меча, насилий. В эти дни мятежа знатные притесняются, смутьяны входят в мощь, становятся сильными, делают, что хотят. Дело праведных ослабевает, становится худым. Нижайшее лицо бывает эмиром, а благородно рожденные испытывают лишения. Любой низкий человек не боится возложить на себя титул вазира и государя, турки возлагают на себя титул хаджэ, а хаджэ присваивают себе титулы, соответствующие тюркам, дают приказы от имени государя. 126 Дело шарията ослабевает; народ становится непослушным, воины своевольными; теряется способность распознавать между добрым и злым; никто не исправляет дел; если тюрк хозяйничает над десятью тазиками — допустимо; если тазик хозяйничает над десятью тюрками — допустимо; дела государства вершатся без правила. Из-за многих походов и войн у государя не бывает досуга покончить с этим, поразмыслить относительно этого. Затем, когда пройдет нехорошее время и наступают дни спокойствия, всевышний ниспосылает государя правосудного, разумного; он дает ему знание, чтобы тот распознал все вещи, расспросил у каждого, каковы были установления государей во все времена, дает ему удачу победить всех врагов, прочесть свитки, устроить весь распорядок и обычай царства, выявить способность каждого лица, каждого посадить на свое место, искоренить неверных, любить веру, уничтожить ересь

по соизволению бога, преславного и всемогущего. И если мы в этом смысле вспомним, чтоб многое охватить взором, то окажется ясным, что отпало от порядка, дабы владыка мира дал относительно всего распоряжение и указ. Из дел, которые оберегали государи, одно таково: они заботились о старинных родах и царских детях, почитали их, во время своего правления давали им долю в меру жизненных потребностей, дабы существовал их дом. И еще: лица заслуженные, ученые, алиды, хранители границ и люди корана не должны быть лишены вспомоществования из казны, чтобы от них произошли молитвы во благо, благодарность и хвала.

Рассказ относительно этого. Рассказывают, что некое собрание заслуженных лиц написало прошение Харун ар-Рашиду: „Мы, рабы бога, дети вельмож, некоторые из нас люди корана, ученые, иные принадлежат к потомкам пророка, другие же из тех, отцы которых имеют заслуги при этой державе, — все мы мусульмане, с чистою верою, наша доля в казне. Ты ежедневно тратишь имущество на свои страсти, а у нас нет хлеба. Или ты выделишь нашу долю, или же мы прибегнем к богу, великому и преславному, восплачем перед ним, чтобы он взял у тебя казну и вручил бы кому другому, кто был бы сострадателем к мусульманам“.²⁵² Когда Харун ар-Рашид прочел это заявление, он смутился, пошел в дворцовые покои, терзался. Увидав его не в духе, Зубейда спросила: „Что случилось?“ Он рассказал Зубейде. Зубейда сказала: „Погляди, как поступали до тебя халифы и вельможи с рабами бога, и ты поступай так же. Нет никакого сомнения в том, что казна принадлежит мусульманам, а ты оттуда тратишь очень много. Позволь себе вольности с имуществом мусульман лишь настолько, насколько они это делают с твоим имуществом. Если они на тебя жалуются, то им простибельно“. И случилось, что они оба увидели во сне день восстания из мертвых; люди пришли в место подсчета грехов, их подводили по одному, Мустафа — благословение божие над ним! — предстательствовал за них, и они шли в райскую сторону. Ангел взял руку их. Они спросили: „Куда ведешь?“ Ответил: „Меня послал Мустафа, — мир над ним! — приказав мне: „пока я нахожусь здесь, не позволяй, чтобы их привели ко мне; мне будет стыдно, ведь я ничего не смогу сказать относительно них, так как они сочли имущество мусульман

своим, обездолили заслуживающих право на помощь, а между тем восседали на моем месте“. Оба проснулись, и когда пришли в себя, Харун спросил Зубейду: „С тобой что было?“ Она сказала: „Я видала во сне то-то и то-то и утрашилась“. Харун сказал: „Я видел то же самое“. Затем они возблагодарили бога, открыли на другой день двери казнохранилиц и велели объявить во всеуслышание: „Пусть явятся все лица, имеющие право на вспомоществование, чтобы мы роздали их долю“. Люди обратились без счета. Он приказал раздать людям на содержание и кормление три раза тысячу тысяч динар. Затем Зубейда сказала: „Казна — в твоих руках, ответ за нее спросят у тебя в день страшного суда; ты, а не я, получив божью помощь, выполнил обязательство по отношению к некоторым; все, что ты дал, было имуществом мусульман. Я же намерена сделать то, что сделаю, из собственного имущества, ради всевышнего и спасения в день страшного суда“. Затем Зубейда 128 раздала из своего имущества несколько раз тысяча тысяч динар. Она приказала на каждой остановке близ Куфы и на мекканской дороге вырыть колодцы, каждый колодец из камня, гипса и обожженного кирпича, как никто не делал. Она сделала много добрых дел, и все же еще оставалось много из ее имущества. Она распорядилась, чтобы на рубежах поставили укрепленные цитадели, купили для газиев оружие и лошадей; распорядилась отдать в вакф многие земельные владения, а на оставшееся имущество на границах Кашгара соорудила укрепленный город, положив ему имя Бадахшан; она построила в тех пределах много крепких рибатов, соорудила цитадель на дороге в Хорезм, устроила цитадель у Александрии и в других местах. И все-таки оставалось еще много имущества; она приказала распределить его между живущими при святынях Медины и Бейт ал-Мукаддас.²⁵³

Рассказ относительно этого. Зейд сын Аслама²⁵⁴ сказал: однажды ночью повелитель правоверных Омар — да будет доволен им господь! — самолично ходил в ночном дозоре. Я был с ним. Мы вышли из Медины, а в поле была разрушенная постройка²⁵⁵ и оттуда виднелся свет. Омар, сын ал-Хаттаба — да будет доволен им господь! — сказал мне: „О, Зейд! давай-ка пойдем туда и посмотрим, кто это“. Пошли. Когда добрались поближе, увидели женщину,

поставившую на огонь котелок, около нее спали два младенца. Она говорила: „Всевышний пусть накажет за меня Омара, он сытно ест, а мы — голодны“. Услышав слова женщины, Омар сказал Зейду: „О, Зейд! из всех людей вот эта женщина одна меня отправляет к богу. Побудь ты здесь, а я пойду к ней и спрошу ее“. Он подошел к женщине и спросил: „Что ты варишь в эту полночь в этом поле?“ Она ответила: „Я — бедная женщина. В Медине нет у меня ни местечка, ни средств что-нибудь приобрести. Стыдясь того, что мои два ребенка плачут и кричат от голода, а у меня нет ничего им дать, я ушла в это поле, чтобы соседи не поняли, почему они плачут. И всякий раз, как они заплачут от голода, захотев есть, я ставлю этот котелок на огонь. Они подумают, что я что-то варю и засыпают в этой надежде. Сегодня — уже два дня, как и я и они не брали в рот ничего, кроме воды“. Омар — да будет доволен им господь! — сказал: „Ты права, если проклинаешь Омара. Подожди немного здесь, пока я не вернусь“. Затем Омар поспешил обратно, побежал, за короткое время был в своем доме взвалил на плечи две сумы, возвратился и сказал мне: „Вставай, пойдём опять к той женщине“. Я сказал: „О, повелитель правоверных! положи груз этих сумок на мою шею, я понесу“. Омар сказал: „О, Зейд! ты хочешь снять с меня, а кто снимет с меня память о дне страшного суда?“ Он побежал, добежал до женщины, положил перед ней то, что нес: одна из сум была с мукой, другая — с рисом и курдючным салом. Сказал мне: „О, Зейд, сходи за топливом“. Я пошел. Омар также отправился, принес воды, поставил перед женщиной. Женщина сделала пресный хлеб, поставила на огонь котелок, плача от радости. Когда сварила, разбудила детей. Малыши сели, поели сытно, начали играть с матерью. Омар отвел ее детей в дом. Он сказал: „Перестань проклинать Омара, прости его, так как он не знал, что ты в таком положении“. Женщина заплакала и спросила: „Клянусь богом, ты — Омар?“ Ответил: „Да“. Несчастная и бедная женщина сказала: „Пусть помилует тебя господь так, как ты нас оживил“²⁵⁶

Предание относительно этого. Передают, что Моисей, — мир над ним! — когда был пастухом и к нему еще не пришло открове-

ние, пас овец. Случилось, что одна овца отделилась от стада. Моисей, желая присоединить ее к стаду, гнался за ней, покуда овца не утомилась и не упала от изнеможения. Моисей сказал: „О, несчастная! зачем ты бежала?“ Он взял ее, положил на плечи, пронес два фарсанга, пока не доставил до стада. Когда овца увидела стадо, она затрепетала и вошла в стадо. Всевышний воззвал, в награду за труд, который Моисей понес, и за то, что овцу не обидел: „Ручаюсь моим величием, я его возвышу и сделаю своим собеседником,²⁵⁷ дам ему дар пророчества“. Он удостоил его этими всеми чудесами.²⁵⁸

Рассказ относительно этого. В городе Мерверруде был человек. Его звали Рашид Хаджи. Он пользовался почетом, обладал многими именьями, не было никого богаче его. Он служил султанам Махмуду и Масуду, был жестоким захватчиком, много творил насилий, а под конец жизни раскаялся, занялся своими делами, построил соборные 130 мечети в разных округах, отправился в хаджж, вернулся из хаджжа и остановился на несколько дней в Багдаде. Однажды, идя по базару, он увидел собаку в чесотке, сильно страдавшую от струпуев. Он сказал слуге: „Возьми эту собаку и приведи ее в дом“. Когда тот привел, он накормил своей рукой, намазал маслом, держал и лечил эту собаку, пока она не выздоровела. После того он совершил еще один хаджж, во время хаджжа сделал много добра, вернулся домой и умер в Мерверруде. Прошло некоторое время и его увидели во сне в счастливом виде. Спросили: „Что сделал бог с тобой?“ Ответил: „Смилостивился надо мной и простил меня. Те всяческие послушания, благодеяния, хаджжи не имели пользы для меня. А вот из-за собаченки, которую я обмазал своей рукой, мне возгласили: „Мы простили тебя из-за той собаки“. Из всех моих благочестивых подвигов — это единственный, который мне помог.“²⁵⁹

Это я рассказал затем, чтобы владыка мира знал: благодеяние есть добро. Вот смилостивились над овцой и собакой, получили эти степени. Следовательно, надо понять, какое достоинство и какую награду получит тот, кто проявит сострадание к мусульманину, ведь у бога значение мусульман величественнее и больше, чем неба и земли. Когда государь времени — богобоязнен, думает

о будущем, он становится справедливым; таким же станет и войско, усвоит его поведение.

Глава относительно этого. У неусыпных государей был такой обычай: уважать старцев, беречь бывалых в делах и бывалых в войне. У каждого из них были свое место и чин. Когда следовало совершить что-либо важное для пользы государства, с кем-либо учинить союз, узнать положение государя, исследовать дело веры и тому подобное, все эти мероприятия совершали совместно с людьми знающими, бывалыми, дабы то дело доходило до желанной цели. Если случалось сражение, на то сражение посылали тех, кто много воевал, побеждал в боях, брал крепости, чье имя было бы известно всему свету. Вместе с тем с ним посылали опытного в делах старца, дабы не впал в ошибку. В этом отношении, если и теперь позаботятся об осторожности, будет лучше и безопаснее.

Глава сорок первая.

О значении титулов.

А вот многочисленны стали титулы, и чем они стали многочисленнее, тем меньше осталось у них значения и цены. Всегда государи были сдержанны в отношении титулов, так как одним из достоинств государства является соблюдение титулов, степени и меры каждого. Когда бы один титул был у человека базара и дихкана,²⁶⁰ не было бы между ними никакой разницы, и положение человека известного и неведомого будет одинаковым, а когда одинаковым будет титул человека ученого и невежды, то не останется различия между хорошим и плохим. Это не годится в государстве. Так титулами эмиров и тюрков были Хусам ад-дин²⁶¹ — „меч веры“, Сейф ад-даулэ — „меч державы“, Амин ад-даулэ — „доверенный державы“ и подобно этому; титулом хаджэ, амидов и правительственных лиц было: „Амид ад-даулэ — „опора державы“, Захир ал-мульк — „пособник царства“, Киввам ал-мульк — „поддержка царства“ и тому подобное. Теперь эти различия уничтожились; тюрки возлагают на себя титулы хаджэ,²⁶² а хаджэ — титулы тюрков и в том не видят греха. Всегда титул уважался.

Рассказ. Когда султан Махмуд сел на султанство, он попросил титул у повелителя правоверных ал-Кадир биллаха;²⁶³ тот прислал 132 ему титул Ямин ад-даулэ — „десница державы“. Когда Махмуд захватил страны Нимруз, Хорасан, Индию до Сумната и захватил целиком Ирак,²⁶⁴ он отправил посла с многочисленными подарками и подношениями к халифу, требуя от него увеличения титулов. Тот не согласился. Говорят, Махмуд десять раз отправлял послов, и все было тщетно. А хакану Самарканда халиф дал три титула:

Захир ад-дауле — „пособник державы“, Муин халифат иллах — „помощник наместника бога“, Малик аш-шарк ва-с-син — „Царь Востока и Китая“. Махмуд стал завидовать. Еще раз он отправил посла: „Я завоевал все страны неверных, во имя бога бьюсь мечом, а ты дал три титула хакану, моему ставленнику, мне же самому за столько заслуг один титул“. Пришел ответ: „Титул является чествованием человека, через которое умножается его честь, и он становится известным; ты сам — почтенен и известен, тебе достаточно одного титула. А хакан — неуч, тюроч, невежда, — поэтому мы согласились удовлетворить его просьбу, ты же осведомлен во всяческих знаниях, близок нам; наши намерения по отношению к тебе лучше, чем ты предполагаешь“.²⁶⁵ Услышав это, Махмуд обиделся. В его доме была одна женщина, тюрчанка по рождению,²⁶⁶ умевшая писать и речистая. Большую часть времени она проводила во дворце Махмуда, разговаривала с ним, шутила и забавляла; она рассказывала и читала рассказы всякого рода. Однажды она села перед Махмудом, увеселяя его. Махмуд сказал: „Сколько не стараюсь, чтобы халиф мне увеличил титул, не получается прока. Хакан, являющийся моим подданным, обладает несколькими титулами. Надо, чтобы кто-нибудь выкрал из дома хакана халифатскую грамоту и доставил бы мне. Дам такому все, что он захочет“. Женщина сказала: „Я отправлюсь и доставлю ту грамоту, а ты дашь мне, что я потребую?“ Махмуд сказал: „Дам“. Затем он дал ей средства, она взяла с собою своего сына и отправилась из Газнина в Кашгар. Накупила тюрков-гулямов и все, что привозят из Хата и владения Чин, как-то: изящные изделия, шелк, молодых рабынь, таргу,²⁶⁷ многое другое, подобно этому, и отправилась вместе с торговыми гостями в Самарканд. Через три дня она пошла приветствовать хатун. Она привела к хатун одну красивую рабыню в многочисленных браслетах и сказала: „У меня был муж — купец, он меня возил с собою и имел намерение направиться в Китай (Хата). Когда он прибыл в Хотан, его постигла смерть. Я вернулась и пришла в Кашгар. Я вручила хану Кашгара подношение и сказала: „Мой муж был один из слуг преславного хакана, а я — рабыня жены хакана. Они меня сделали свободной, дали ему в жены. Этого ребенка я имею от него. Теперь он умер в Хотане;

то, что осталось от него, достояние, данное ему преславным хаканом и хатун. Я надеюсь, что хан прострет руку над головою своей рабыни и этим сиротою, отправит нас в хорошем обществе в сторону Юзкенда и Самарканда, чтобы я могла благодарить и восхвалять тебя пока я жива, быть за тебя молеельщицей". Он сказал много хорошего о хатун, точно так же о хакане, дал нам конвой, приказав, чтобы хан Юзкенда хорошо принял нас, и отпустил в хорошем сопровождении в сторону Самарканда. Вот я и попала в Самарканд благодаря вашему счастью. Мой муж говаривал: „если я доберусь до Самарканда, никогда не уйду оттуда“, он часто мне упоминал о вас. Если вы примете меня в рабство, возложите на мою голову руку попечения, мое сердце прикрепится здесь, я продам украшения, которыми обладаю, приобрету здесь земельное владение, останусь здесь из-за уважения к вам, воспитаю этого сыночка. Надеюсь, что по вашему благословию всевышний сделает его счастливым". Хатун сказала: „Не беспокойся, насколько будет возможно, ничего не пожалею из благ и попечений, дам тебе дом и кусок хлеба; так сделаю, как угодно будет твоей душе; не допущу, чтобы ты отлучалась от меня хотя бы ненадолго. Я скажу хакану, он даст тебе все, что ты захочешь". Женщина распростерлась перед хатун и сказала: „Теперь ты — моя госпожа, я не признаю никого другого. Следует, чтобы ты отвела меня к хакану, дабы я переговорила с ним". Хатун сказала: „Приходи завтра". Женщина пришла на другой день, хатун отвела ее к хакану. Она поклонилась ему, предложила в дар гуляма тюрка и доброго коня, сказала: „Твоя раба немного уже сказала хакану о своем положении. Говоря коротко, когда муж рабыни опочил, то его компаньон сказал относительно всего, что было приготовлено для страны Китая: „Не следует этого везти обратно". Кое-что мы отдали хану Кашгара, остаток в дороге истратили, и вот остались я и этот сирота. Если преславный хакан примет рабыню в царство, так же, как хатун приняла, рабыня проведет остаток жизни в этом услужении". Хакан оказал ей много участия. После этого она каждый день приносила хатун подарки, рассказывала приятные рассказы. Она так повела себя в отношении хатун и хакана, что они не знали веселия без нее, приходили в смущение, но чтобы они не предлагали ей из

деревень и имущества, она отказывалась принимать, а каждые несколько дней садилась на коня и отправлялась из того дома, где остановилась, на три-четыре фарсанга за город: „я, мол, покупаю земельное владение, устраиваю имение“. Там она была три-четыре дня, извинялась и снова оказывалась в их присутствии. Когда хатун и хакан посылали кого-нибудь за ней: „Почему она не идет?“ — отвечали: „имение покупает в такой-то деревне“. Хатун и хакан радовались, говорили: „Она здесь прилепляется душой“. Так прошло шесть месяцев. Много раз, извиняясь перед ней, давали ей имущество, не принимала, говоря: „Для меня в мире нет лучшего блага, как видеть господ, ибо бог, великий и преславный, обеспечил мне ежедневное пропитание; я вижу всякий день, что без господ обойтись нельзя, а когда придет необходимость, осмелюсь и попрошу“. И тем их обманывала. А все, что у нее было из золота, серебра и драгоценных камней, она отдала одному купцу, который постоянно ходил по торговым делам из Самарканда в Газнин, и отправила на дорогу в Балх пять всадников, сказав: „Хочу, чтобы на каждом привале находился всадник, пока я не прибуду“. Затем она отправилась к хатун и хакану, воздала обоим хвалу. „Сейчас случилась у меня нужда, не знаю, говорить или нет?“ Хатун сказала: „Слышу от тебя нечто удивительное. Тебе следовало еще и до этого времени обратиться с сотней просьб. Говори, в чем нужда?“ Сказала: „На всем свете я имею одного сынка, его я обучила корану и адабу в надежде на то, что он будет счастлив при державе господ. После посланий от бога и пророка нет лучшего на земле, чем послания от повелителя правоверных. Тот дабир, что пишет те писания, мудрее всех дабиров. Если бы господа благоусмотрели дать рабыне на два-три дня ту грамоту, 135 чтобы сын почитал ее с учителем“. Хатун и хакан сказали: „Вот так нужда, с которой ты обратилась! Почему ты не попросила какого-нибудь города или владения? У нас валяется пятьдесят таких посланий. Если хочешь, все отдадим тебе“. Женщина сказала: „Мне достаточно одного“. Хакан приказал слуге, чтобы тот пошел в казнохранилище и дал бы ей из посланий все, что она пожелает. Она отправилась в казнохранилище, взяла грамоту и принесла домой. На другой день она приказала, чтобы оседлали всех лоша-

дей, которые были у нее, положили бы груз на верблюдов и распустила слух: „Я отправлюсь в такую-то деревню за покупкой земельного владения, там пробуду с неделю“. Погнала вперед и приехала в ту деревню. А еще ранее этого она получила указ,²⁶⁸ чтобы ее принимали с почтением в любом месте, куда бы она ни прибыла, давали бы угощение. Затем в полночь она выехала, прошла от города три фарсанга, остановилась, и снова оттуда снялась. На пятый день она прибыла в Термез. Там, где требовалось, она предъявляла проходное свидетельство, и, пока не достигла Балха, хатун ничего не знала об ее отъезде. Из Балха она отправилась в Газнин. Привезла грамоту султану Махмуду. Махмуд переслал ту грамоту через посредство одного ученого Кадиру, написал послание, в нем сообщил: „Кто-то из моих слуг проезжал через Самарканд, зашел в какую-то школу, увидел это послание в руках читавших его неразумных малышей, взял его из рук малышей и привез. Да будет известно, что грамоты следует посылать тем, которые их могут оценить, признать их венцом своей головы“. Когда алим, который был послом, дошел до Багдада и доложил эти обстоятельства и грамоты, халиф очень удивился и приказал написать хакану письмо с порицанием. Посол Махмуда оставался шесть месяцев при дворце халифа, представлял прошения, но не получал ясного ответа. Наконец он однажды написал фетву: „Если появится государь и обнажит меч ради величия ислама или будет воевать с неверными и страны неверия обратит в страны ислама, а халиф от него удалится и не сможет разрешить обстоятельств, которые случаются в каждое время, следует ли посадить халифом некоего другого почитаемого аббасида и брать пример с него или нет“. Он отдал эту фетву в руки главного судьи. Судья ответил: „Следует“.²⁶⁹ Посол снял копию с этой фетвы, приложил к заявлению, а в заявлении написал: „Пребывание сего раба затянулось. Махмуд за сотни тысяч заслуг просит о кое-каких титулах, а господин мира скупится на них. Если Махмуд после 136 всего этого будет действовать согласно решения этой фетвы, полученной законно, за подписью главного судьи, то будет это извинительно или нет?“ Как только халиф прочел заявление, он сейчас же послал хаджиба Ворот к вазиру: „Сейчас же позови

посла Махмуда, убоготвори его душу, приготовь все, как мы приказали, почетное платье и титул, отпусти в довольстве“. При наличии такой преданности, похвальных заслуг и стараний Махмуд добился только прибавки титула Амин ал-миллә. И пока Махмуд был жив, у него был титул: Ямин ад-даулэ, Амин ал-миллә — „десница державы, хранитель веры“.²⁷⁰

А теперь и самые-то незначительные лица гневаются и обижаются, если пишут менее, чем десять титулов!

У Саманидов, бывших столько лет государями, у каждого был один титул: у Нуха — шахин шах, у его отца — эмир-и-садид — „эмир, обладающий прямою речью и поступком“, у деда его — эмир-и-хамид — „славный эмир“, у Исмаила сына Ахмеда — эмир-и-адил — „справедливый эмир“.²⁷¹

Титулы казиев, имамов и ученых были таковы: Маджд ад-дин — „слава веры“, Шараф ал-ислам — „честь ислама“, Сейф ас-сунна — „меч сунны“, Зеин аш-шариэ — „украшение шариата“, Фахр ал-улама — „слава ученых“ и другие, подобные этим, поскольку они относятся к шариату. А если кто не является ученым богословом и присвоит эти титулы, то государю следует такого наказывать, не давать ему разрешения. Также сипах-саларов и мукта²⁷² титуловали через „даулэ“ — „держава“, как-то: Сейф ад-даулэ — „меч державы“, Захир ад-даулэ — „пособник державы“ и подобно этому. Амидам и правительственным лицам дают титулы через „мульк“ — „царство“, как-то: Шараф ал-мульк — „честь царства“, Амид ал-мульк — „опора царства“, Низам ал-мульк — „устройство царства“, Камал ал-мульк — „совершенство царства“.

После султана Алп-Арслана — да смилостивится над ним бог! — эти правила изменились, исчезло различие, титулы смешались; мелкое лицо просило титул — давали, пока не унизился сам титул.

...²⁷³ именитее которых не было в Ираке, пользовались титулами Азуд ад-даулэ — „длань державы“, Руки ад-даулэ²⁷⁴ — „столп державы“, их вазирь пользовались титулами: Устад-и-джалил — „прославленный учитель“, Устад-и-хатир²⁷⁵ — „достопочтенный учитель“, мудрее и величественнее всех вазиров был Сахиб-Аббад, титул его был Кафи ал-куфат — „совершенный из совершенных“. Вазир султан Махмуд Гази был Шамс ал-куфат²⁷⁶ — „солнце совершенных“.

До сего в титулах царей не было слов „дуниа“ — вселенная и „дин“ — вера. Повелитель правоверных ал-Муктади би-амриллах ввел в титулы султана Малик-шаха, да смилостивится над ним господь! Муизз ад-дуниа в-д-дин²⁷⁷ — „укрепляющий мир и веру“. 137*
 А после его смерти это стало обычаем: у Баркиарука-Рукн ад-дуниа ва-д-дин — „столп мира и веры“, у Махмуда — Насир ад-дуниа ва-д-дин — „защитник мира и веры“, у Исмаила — Мухьби ад-дуниа ва-д-дин — „живящий мир и веру“, у султана Махмуда — Гияс ад-дуниа ва-д-дин — „помощь миру и вере“, ²⁷⁸ женам царей также пишут этот титул „ад-дуниа ва-д-дин“; этакое украшение и порядок добавляют к титулам царских детей, этот титул им подобает, потому что непосредственно связывает их благо с благом „веры и мира“, как краса царства и державы слитны с продолжительностью жизни государя. Но вот удивительно, что самый ничтожный слуга тюрок или какой-нибудь гулям, плохонернее которого нет, от которого вера и царство терпит тысячи ущербов и изъянов, усвоил себе титул муин ад-дин — „помощник веры“, тадж ад-дин — „венец веры“. Первый вазир, которому титул ввели „ал-мульк“, был Низам ал-мульк,²⁷⁹ титулом которого сделали Кавам ал-мульк — „поддержка царства“. Итак, мы и хотим сказать, что титулы „дин“, „ислам“, „дауля“ подходящи к четырем разрядам людей: во-первых, — государю, во-вторых, — вазиру, в-третьих, — улемам, в-четвертых, — эмиру, который постоянно занят священной войной, способствует победе ислама. Всякого, кроме этих, кто вносит „дин“ и „ислам“ в свой титул, пусть накажут, чтобы это послужило примером другим. Смысл титула в том, чтобы по нему признавали человека. Например, в каком-нибудь собрании или сборище сидит сто человек, и в их числе находится десять человек с именем Мухаммед. Кто-нибудь закричит: „Эй, Мухаммед!“, вот и следует отозваться всем десяти Мухаммедам, сказав: „Я — здесь“; ведь каждый подумает, что произносят его имя. Если же одному дадут титул мухтасс — „избранник“, другому — мувафак — „помощник“, „содействующий“, третьему — камил — „превосходный“, четвертому садид — „прямой“, пятому — рашид — „идущий по правильному пути“ и подобные этому, то позовут его по титулу, он сейчас же и поймет, что зовут именно его. За исключением вазира, туграи, мустауфи, султанского

ариза, амида Багдада и амиля Хорасана,²⁸⁰ никого не следует звать титулом ал-мульк. Титулы без ал-мульк таковы: ходжа, рашид, мухтасс, садид, наджиб, устад-и-амин, устад-и-хатир, тегин и подобно этим, да проявится отличие между чином и степенью старшего и младшего, низкого и великого, придворного и простонародья, чтобы не нарушалось благополучие дел дивана. Если в государстве существует прямота, она и проявится. Правосудные и неусыпные
133 духом государи не совершают дела без разузнавания, они спрашивают о привычках и обычаях предков, читают книги, приказывают дела по хорошему порядку, возвращают титулы к их правилам, уничтожают вредные новшества силою мысли, влиятельным указом, острым мечом.

Глава сорок вторая.

О том, чтобы не приказывать двух должностей одному человеку, а приказывать таковые не имеющим дела, не оставлять их обездоленными, о предоставлении их людям с чистой верой, достойным, а маловерам и плоховерам должностей не давать, от себя удалять.

Государи бдительные и вазирьы осмотрительные никогда не приказывали двух занятий одному лицу, чтобы дело у них было в порядке и преуспевании; когда поручают две должности одному лицу, всегда нарушался от этого порядок; одно из тех двух дел потерпит изъян, произойдет какой-нибудь проступок. Хорошенько вот присмотришься, все равно тот, кто обладает двумя службами, окажется с изъяном, его постигнут упреки, он станет сокрушенным и виноватым. Всякий раз как приказывают два занятия одному человеку, он — ни туда ни сюда; поневоле, дело остается несделанным. И поговорка по этому случаю: „дом не устраивается двумя хозяйками, хозяйство разрушается“. Когда случается, что вазирь неспособен, а государь не радив, верный признак этого, что одному амилю поручают из дивана две должности. Сейчас существуют лица, совершенно неспособные, а занимают десять должностей, если появится еще какое-нибудь другое дело, они и его просят и добиваются. Не задумаются, имеет ли этот человек пригодность к сему или нет, способен ли он или нет, имеет ли знания, потребные для секретаря, правителя, устроителя казны, или нет, справится ли он со столькими делами, сколько взял на себя, или нет. Сколько людей предприимчивых, способных, достойных, пользующихся доверием 139 и известных остаются обойденными, сидят бездеятельно в домах

и ни у кого нет достаточного понимания, зачем нужно, чтобы какой-нибудь неспособный захватил несколько должностей, а известный, пользующийся доверием, не имел бы одной должности, оставался обойденным, особенно же те, кто имеет заслуги при этой державе, чьи достоинства, мужество, верность — известны. Удивительнее же всего то, что во все времена приказывали обязанности тому, кто был чист верою, благородного происхождения, воздержан в жизни, если же он не подчинялся, не слушался и не соглашался, то возлагали на его шею вынуждением и силой. Поневоле доходы не тратились по пустому, государь проводил время в душевном и телесном спокойствии. Теперь это распознавание ушло: если даже иудей живет исполнением должности и хозяйничанием у тюрок, то и это ладно, если христианин или гябр, или кармат — тоже ладно. У них полное равнодушие, нет у них ни ревности к вере, ни бережливости к доходам, ни милосердия к народу. Держава пришла к завершению и сей раб боится плохого глаза, он не знает, куда поведут эти дела. Во времена Махмуда, Масуда,²⁸¹ Тогрула и Алп-Арслана ни один гябр, иудей, христианин или рафизит не осмеливался показаться в поле или пойти к какому-либо вельможе, и все кадхуда тюрок были знающими мутасаррифами²⁸² и честными дабирами, а хуверных слуг иракских они к себе не подпускали, никогда не приказывали им службы, заявляя: „Они — единоверцы с дейлемцами и их сторонниками. Как только они укрепятся, они принесут тюркам ущерб, а мусульманам горести. Врагов лучше в своей среде не иметь. Поэтому-то прежние государи жили без бедствий. Теперь же дело дошло до того, что двор и диван полон ими, у любого тюрка десять — двадцать бегающих перед ним и принимающих все меры к тому, чтобы не позволить хотя бы немногим хорасанцам пройти в эти двери и двор, заработать кусок хлеба. А султан Тогрул и Алп-Арслан, — да озарит бог их могилу! — когда слышали, что какой-нибудь тюрк или эмир допускал к себе рафизита, делали ему выговор.

Рассказ относительно этого. Однажды довели до слуха султана, умершего в вере, Алп-Арслана — боже, освяти его дух! — этакое:
 140 „Ардум²⁸³ хочет сделать своим дабиром дих-худа²⁸⁴ Яхья“. Султан почувствовал отвращение, ведь говорили, что дих-худа — еретик.

Он сказал Ардуму во время приема: „Ты — мой враг и противник царства“. Услыхав это, Ардум упал на землю, спросил: „О, господин! что это за слова? Я — низайший раб. Какой проступок я совершил против господина в служении и приверженности?“ Султан сказал: „Если ты не враг мне, зачем тебе брать на службу моего врага?“ Ардум спросил: „Кого это?“ Султан ответил: „Дих-худа из Абэ,²⁸⁵ дабира“. Сказал: „Кто бы он ни был, пойдите и приведите этого человека“. Привели сейчас же. Султан спросил: „Эй, человечешко! Ты утверждаешь, что багдадский халиф не законен, ты — рафизит?“²⁸⁶ Человечешко сказал: „Я — шиит“. Султан сказал: „Эй, ты! муж блудницы, шиитская вера хороша для того, чтобы прикрыть веру батинитов. Эта — плоха, а та — еще хуже“. Приказал чаушам,²⁸⁷ чтобы они побили его и полумертвым выбросили из дворца;²⁸⁸ затем обратился к тюркам, сказал: „У этого человечешка нет греха; грех на Ардуме за то, что он взял на свою службу неверного. А я несколько раз говорил, что мы — противники этого. Свое владение мы добыли силой, мы все — чистые мусульмане, эти же иракцы — плоховеы, приверженцы Дейлема. В настоящее время всевышний возлюбил тюрков, потому что они чистые мусульмане, не знают блажи и вредных новшеств“. Затем приказал, чтобы принесли конского волоса, дал один волосок Ардуму, сказав: „Разорви“. Ардум взял и разорвал. Потом дал десять волосков, он разорвал, затем ссучил много волос и сказал: „Разорви“. Не смог разорвать. Тогда султан сказал: „Враги — таковы же, их можно разбить по одному, по двое, но когда они во множестве, их нельзя разбить. Это — ответ тебе на слова: „Какое значение имеет этот человечешко и что он может сделать державе?“ Когда ты заодно с врагом, происходит измена, которую ты готовишься совершить по отношению самого себя, и по отношению к государю. Если для тебя допустимо делать с собой все, что ты хочешь, то государю нельзя не принимать мер бдительности и предосторожности, предоставлять жизнь изменникам. Я должен хранить вас, а вы — меня, так как бог, преславный и превеликий, поставил меня 141 зараром над вами, не вас надо мною. Знайте, кто дружит с врагом государя, тем самым враг государя. Всякого, ведь, кто якшается с ворами и смутьянами, также считают за такового“. В то время

когда эти слова произносились султаном, присутствовали хаджэ Мушаттаб и кази-имам Абу-Бекр.²⁸⁹ Султан обратился к ним и спросил: „Что вы скажете относительно моих слов?“ Они сказали: „Ты говоришь то, что говорят бог и пророки“.

Предание. Затем Мушаттаб сказал: „Абдаллах сын Аббаса²⁹⁰ говорит: однажды пророк — над ним благословение и мир! — сказал Али, — будь доволен им бог!: „если ты встретишь людей, которых называют рафизитами за то, что они отказались от ислама, убей их, ибо они безбожники“.

Предание. Кази Абу-Бекр сказал: „рассказывает Абу-Умамэ,²⁹¹ что пророк, — благословение и мир над ним! — сказал: «в конце времен объявится народ, называемый рафизиты, когда их будете встречать, убивайте их»“.

Предание. Затем Мушаттаб сказал: „Суфиан сын Убайдэ,²⁹² называвший рафизитов неверными, приводил этот довод стихом: «Неверные в сердцах своих питают злобу, обращайся сурово с неверными».²⁹³ Он говорил: «В силу этого стиха, кто в отношении друзей пророка — да благословит его бог! — совершит оскорбительное, тот — неверный», и пророк — мир над ним! — сказал: «Всевышний удостоил меня сподвижниками, вазирами, свойственниками, всякий, кто оскорбит их, будет проклят богом, ангелами, всеми людьми. Всевышний ни за что не примирится с этим оскорблением; если будут раскаиваться, раскаяния не примет». Всевышний говорит относительно Абу-Бекра²⁹⁴ — да будет доволен им господь: «Он был второй из двух, когда они были вдвоем в пещере». Пророк ¹⁴²сказал тогда: «Не печалься, так как бог с нами». Кази Абу-Бекр передает через Окба сына Амира,²⁹⁵ что посланник божий — благословение божье над ним и мир! — сказал: «Если после меня должен быть пророк, то, конечно, им был бы Омар сын Хаттаба»“.

Предание. Джабир сын Абдаллаха —²⁹⁶ да будет доволен им господь! — передает: „посланнику принесли гроб с покойником, а он не совершил намаза. Ему сказали: «О, посланник божий! мы не видели до этого, чтобы ты отказывался совершить намаз по какому-либо усопшему». Посланник — благословение божие над ним и мир! — ответил: «Этот человек враждовал с Османом,²⁹⁷ вот всевышний также враждует с ним»“.

Предание. Кази Абу-Бекр сказал: „передает Абу-д-Дарда,²⁸⁸ — божья милость над ним! — что посланник — мир над ним! — сказал, обращаясь к Али, — божья милость над ним!»: «Хариджиты для тебя, как псы геены огненной».

Предание. Мушаттаб сказал: „передает Абдаллах сын Аббаса и Абдаллах сын Омара, — милость божья над ними! — что пророк — мир над ним! — сказал: «Кадариты²⁸⁹ и рафизиты не являются участниками ислама»».

Предание. Кази Абу-Бекр сказал: „передает Исмаил сын Саада — милость божия над ним! — о пророке: пророк — мир над ним! — сказал: «Кадариты — маги моего народа. Когда они заболевают, не ходите их навещать, умрут — не ходите к их гробу». Все рафизиты принадлежат к кадаритскому толку».

Предание. Мушаттаб сказал: „Ум Сальмэ³⁰⁰ передает о посланнике, благословение божье над ним и мир!»: «однажды посланник — мир и довольство божье на нем! — был у меня. К нему подошли Фатима и Али, — да будет доволен ими господь! — чтобы спросить о чем-то. Посланник — мир над ним! — поднял голову¹⁴³ и сказал: «О, Али, ты и семья твоя будете в раю, но после тебя появится народ, его назовут рафизиты; если встретишь их — убивай, так как они — неверные». Али спросил: «О, посланник божий! какой у них признак?» Посланник сказал: «Они не будут присутствовать на пятничном намазе, не будут делать общей молитвы, станут порицать предшественников»».

Многочисленны относительно этого предания и айаты. Если вспомнить все, образовалась бы целая книга. Таково положение рафизитов. А положение батинитов, которые хуже рафизитов, погляди вот каково: как только они объявятся, нет более священной обязанности для государя времени, как удалить их с лица земли, очистить от них свое государство.

Предание относительно этого. Повелитель правоверных Омар, милость божья над ним! сидел в Медине, в мечети, перед ним сидел Абу-Муса Ашари —³⁰¹ да будет доволен им господь! — и докладывал отчетность Исфакхана, написанную прекрасным почерком, правильно сосчитанную. Всем понравилось, спросили у Абу-Муса: „Чей это почерк!“ Он сказал: „Почерк моего дабира“. Сказали: „Пошли

кого-нибудь, пусть придет, чтобы нам поглядеть на него“. Сказал: „Он не может притти в мечеть“. Повелитель правоверных Омар сын Хаттаба — да будет доволен им господь! — спросил: „Почему? он чем-либо осквернил себя?“ Ответил: „Нет, но он — христианин“. Омар так сильно ударил по бедру кулаком Абу-Муса, что тот сказал: „Полагаю, бедро мое сломано“. Омар сказал: „Разве ты не читал слов и приказа великого господа, который повелевает: «Верующие! в друзья себе не берите ни иудеев, ни назарян: они друзья один другому».³⁰² „Я его сместил сейчас же, — рассказывает Абу-Муса, — дал расчет“.

Стихи

Если ты бережешься врагов друга, — так и следует!
Хороша для тебя дружба с друзьями друга.
Не полагайся на два вида людей:
На друзей врага и на врагов друга.

Султан Алп-Арслан не разговаривал с Ардумом в течение целого месяца, дулся на него за то, что он отдал свое хозяйство рафизиту, пока Ардум его не отпустил и вельможи не вступились за Ардума во время одного пиршества. Тогда он снова начал благоволить к Ардуму, предал этот случай забвению.

144 Теперь вернемся к нашему разговору. Всякий раз как приказывают должность людям неведомого происхождения, безвестным, неодаренным, а известных и даровитых оставляют без дела и одному лицу приказывают пять-шесть должностей, а другому не приказывают и одной должности, — это является доказательством невежества и неспособности вазира. Наихудший враг тот, кто приказывает десять должностей одному человеку, а десяти людям не приказывает и одной должности; в таком государстве будет так много лиц обойденных и бездеятельных, что нельзя и представить.

Рассказ. Это вот на что похоже: если кто стремится к разрухе в государстве, а все время внешне проявляет бережливость в расходах и уверяет владыку, что мир — спокоен, что нигде нет врагов и противников, которые могли бы оказать сопротивление, что вот

около четырехсот тысяч всадников состоят на содержании, тогда как было бы достаточно и семидесяти тысяч, а во всякое время при важных обстоятельствах можно назначить и других; кормление и содержание следует придерживать; таким образом получится ежегодно несколько тысяч динар сбережения, и в короткое время казнохранилище станет полным. Когда эту мысль султан выскажет, я буду знать, чьи это слова, и кто желает смуты в царстве! Ведь, если содержат четыреста тысяч людей, то у господина будут все всякого сомнения Хорасан, Мавераннахр, Кашгар, Баласагун, Хорезм, Нимруз, Ирак, Парс, Сирия, Азербайджан, Армения, Антакия, Бейт ал-Мукаддас.³⁰³ Надо, чтобы вместо четырехсот было бы семьсот тысяч всадников, — тогда владений было бы еще более: у господина были бы Синд, Индия, Туркестан, Чин, Мачин, была бы в повиновении даже Абиссиния, Бербер, Рум, Египет, Магриб. Когда же имеют вместо четырехсот тысяч — семьдесят тысяч, должны будут вычеркнуть из дивана имена трехсот тридцати тысяч человек, и во всяком случае еще триста тридцать тысяч человек к тому же числу прибавится, дабы быть живу.³⁰⁴ Когда они потеряют надежду на эту державу и будут сброшены со счета, они добудут „владыку кулаха“, ³⁰⁵ сделают кого-либо саларом над собой, повсюду будут совершать набеги, столько доставлять хлопот, что из-за того дела опустошатся наследственные казнохранилища. Государством можно владеть через людей, а человеком через золото. Если кто-нибудь скажет царю: „бери золото и отпусти человека“, тот поистине враг царю, хочет 145 зла и смуты, ибо золото также приходит через человека. Не надо слушать речей такого лица!³⁰⁶ Также обстоит дело и в отношении амирей, не занятых службой. Тех, кто выполнял в державе большие службы, значительные должности, стал почтенным и славным, получил право на вознаграждение за заслуги, не следует лишать этого права, это — не целесообразно и не по-человечески; надо им приказать должность, чтобы пожаловать содержание по разуму их потребностей, чтобы они не были лишены своей доли, одни через отправление своих обязанностей, другие — от державы. Существует еще группа лиц: улема, даровитые люди возвышенных искусств, потомки пророка,³⁰⁷ они имеют долю в казне, заслуживают внимания и вспомоществования. Никто вот не приказывает им службы, они не получают ни

вспомоществований, ни милостей, остаются лишенными средств к существованию и помощи державы. А может подойти такое время, когда доверенными государя становятся люди недобрые, неблагожелательные, которые не уведомляют государя о положении этих имеющих права на помощь лиц, не приказывают должностей людям, находящимся не у дел, не дают стипендий потомкам пророка и людям знания. Тогда эти лица, потеряв надежду на державу, становятся зложелательными по отношению к державе, порицают руководителей дивана, смущают вельмож государя, оказывают помощь любому лицу, обладающему снаряжением, войском и казнохранилищем, восстают против государя; государство приходит в смятение. Так-то они поступили во времена Фахр ад-даулэ.

Рассказ. В городе Рее, во времена Фахр ад-даулэ,³⁰⁸ вазиром которого был Сахиб-Аббад, жил один богатый гябр, которого звали Бузурджумид. Он построил для себя на горе Табарек³⁰⁹ сутудан, который и сейчас стоит на том месте, теперь его называют Дидэ-и-сипах-салар — „дозор воевод“; он находится выше гробницы Фахр ад-даулэ. Много труда и золота из казнохранилищ истратил Бузурджумид,³¹⁰ чтобы закончить сутудан с двумя покрытиями на вершине той горы. И был человек, исполнявший обязанности Мухтасиба, его звали Ба-Хорасан.³¹¹ В тот день, когда сутудан был окончен, он взобрался туда, под каким-то предлогом, и громко прокричал намаз. Сутудан стал недействительным (?). После этого тот сутудан и назвали Дидэ-и-сипах-салар. И случилось так: под конец 146 правления Фахр ад-даулэ фискалы донесли ему: „каждый день сорок человек отправляются к этому Дидэ-и-сипах-салар; остаются там до захода солнца, затем спускаются вниз и рассеиваются по городу. Если кто у них спрашивает: „За каким делом каждый день вы туда ходите?“ Отвечают: „Для развлечения“. Фахр ад-даулэ приказал: „Приведите их ко мне и принесите все, что увидите у них“. Люди из придворных пошли, отправились на ту гору, но не смогли войти в то место. Они закричали снизу, те услышали, поглядели вниз, увидели хаджиба Фахр ад-даулэ с людьми свиты. Спустили лестницу. Когда хаджиб и другие поднялись, они увидели расставленные шахматы, раложенные нард, чернильницу, калем, бумагу, скатерть с пищей, кувшин с водой, глиняный кувшин и...³¹² Хаджиб

сказал: „Вас зовет Фахр ад-даулэ“. Они пошли к Фахр ад-даулэ. Случилось, что около Фахр ад-даулэ был Сахиб-Кафи. Спросил у них: „Вы что за люди? зачем ходите каждый день в эту дозорную башню?“ Ответили: „Для развлечения“. Сказал: „Развлечение могло длиться один-два дня, а вот уже долгое время, как вы скрываете это дело. Говорите по правде, что делаете?“ Ответили: „Ни для кого не тайна, что мы — не воры, не кровники, не соблазнили ни жену, ни ребенка кого-либо, никто никогда не приходил к царю с жалобой на какую-либо обиду с нашей стороны. Если царь даст нам пощаду, скажем, что мы за народ?“ Фахр ад-даулэ сказал: „Ручаюсь за безопасность вашей жизни и имущества“, и произнес клятву. Они сказали: „Мы — дабиры и владетельные лица — остались без дела, эту державою обойдены и обездолены. Никто нам не приказывает службы, не обращает на нас внимания. Мы же прослышали, что в Хорасане объявился государь, зовут его Махмуд. Он привлекает к себе даровитых и красноречивых, не позволяет им погибнуть. Вот мы теперь прилепились к нему сердцем, отвратив надежду от этого государства. Каждый день мы ходим туда, беседуем друг с другом и жалуемся на судьбу. У всякого, кто едет по дороге, расспрашиваем о Махмуде, пишем послания нашим друзьям, которые в Хорасане, просим об их содействии, чтобы отправиться в Хорасан, народ мы семейный, в тяжелом положении и оставляем по необходимости свою родину. А теперь приказ за владыкой“. Услышав эту речь, Фахр ад-даулэ обратился к Сахибу, спросил: „Как ты смотришь на это? и что нам следует сделать с ними?“ Сахиб ответил: „Царь дал им пощаду. А они люди пера, известные, хорошего происхождения, некоторых я знаю, так как они имеют до меня касательство. Предоставь их мне, чтобы было сделано то, что необходимо сделать в отношении их. Завтра царь узнает о них“. Он приказал хаджибу: „Отведи их во дворец Сахиба и отдай ему“. Хаджиб взял их, отвел во дворец Сахиба и вернулся. Они же потеряли всякую надежду на сохранение жизни. Пришел Сахиб во дворец, призвал их, оглядел; через некоторое время появился фарраш, взял их и усадил в очень красивых покоях, украшенных и разубранных. Через некоторое время пришли виночерпии, принесли джулаб, выпили, принесли стол, поели пищи, вымыли

руки, появилось вино, пришли музыканты, начали играть на струнах, принялись выпивать. Кроме фарраша никого не допустили в то помещение; никто не знал, какова их судьба. Весь город, мужчины и женщины, горевали о них, дети и родственники плакали. Прошло три-четыре дня, от Сахиба прибыл некий хаджиб со словами: „Сахиб говорит: моему дому не приличествует быть тюрьмой. Эти сутки — вы мои гости. Будьте спокойны, живите весело. Завтра, когда Сахиб вернется из дивана, он устроит ваше дело“. Затем хаджиб приказал привести портного, выкроил двадцать джуббэ из диба, устроил двадцать тюрбанов из ткани касаб, приказал привести двадцать лошадей с седлами и сбруей. Когда на другой день солнце показалось из-за гор, все было устроено. Затем Сахиб позвал всех к себе, каждого одел в джуббэ и тюрбан, дал лошадь и снаряжение, назначил службу, некоторым он приказал пособие и, одаривши всех, в довольстве отослал по домам. На другой день все, устроенные и убранные, явились для приветствия к Сахибу. Сахиб сказал: „Теперь не пишите письма султану Махмуду, не желайте несчастья нашему царству, не плачьтесь, не жалобьтесь“. Когда Сахиб пришел к Фахр ад-даулэ, тот спросил: „Что ты сделал с теми людьми?“ Ответил: „О, царь! всем я дал лошадь, снаряжение, джуббэ и чалму; у всякого, кто в этом диване имел две службы, одну отнял и дал им, так что всех отпустил по домам с должностью. Все они творят благодарственные молитвы“. Это понравилось Фахр ад-даулэ, он одобрил и сказал: „Если сделать иначе, было бы неподобающе. О, если то, что ты сделал в этом году, ты бы сделал два года тому назад! они не склонялись бы к нашим врагам!“

Впредь не следует приказывать одному человеку двух должностей, но каждому человеку одну должность, тогда все мутасаррифы будут обладать должностями и все должности будут в прекрасном состоянии. Опять-таки, когда прикажешь две должности одному человеку, уменьшится удовлетворение у мутасаррифов, соседние владельцы будут говорить, что у них, мол, в городе не осталось мужей. Разве ты не знаешь, что великие люди сказали: „Каждой должности — человек; у каждого человека — дело“. В государстве существуют большие, мелкие, средние должности; каждому амилю и мутасаррифу следует приказывать службу по размеру его одаренности,

достоинства и средств. Если он обладает одной службой и хочет еще, не соглашайся, не давай позволения, чтобы этот чуждый обычай не вошел в употребление. Когда все мутасаррифы являются при деле, государство — процветает, украшается амилиями. Главую всех амилей и мутасаррифов, которые при деле, является вазир. Когда вазир вероломен, обидчик, все амилии уподобляются ему, даже хуже. Если амил хорошо сведущ в тасарруфе,³¹³ опытен в налоговом деле так, что не имеет подобного, и вместе с тем является плоховеком, как-то: иудеем, христианином, гябром, создающим несчастья мусульман под предлогом выполнения должности, отчетности, оказывающим им пренебрежение, когда мусульмане стонут и жалуются на этого плоховека, надо его сместить, не следует позволять заниматься ему тем делом, если даже его заступники будут говорить, что во всем мире нет равного ему дабира и муктасиба и что, если он будет отстранен, никто не может исполнять эту службу, — этих речей не следует слушать, говорят ложь. Такого амилия следует сменить на другого, как это сделал повелитель правоверных Омар, — будь доволен им господь!

Рассказ. Так было, что во времена Саада сына Ваккаса,³¹⁴ милость божья над ним! был в багдадском Саваде, Басите, Анбарё, Хузи-¹⁴⁹стане и Басре один амил-иудей. Как-то люди тех округов написали прошение повелителю правоверных Омару, — будь доволен им господь! — пожаловались на этого амилия-иудея и сказали: „Он угнетает нас под предлогом выполнения должности, оказывает по отношению к нам презрение и пренебрежение. Наше терпение дошло до крайности. Разве невозможно назначить над нами какого-нибудь мусульманина, который в силу единоверия не поступал бы беззаконно, не причинял бы тягостей. Если бы даже он поступал в противность этому, то все же нам приятнее претерпевать невзгоды и презрение от мусульманина, нежели от иудея“. Когда повелитель правоверных прочел это заявление, он сказал: „Пусть иудей живет на земле в мире, но также пусть он не пытается верховенствовать над мусульманами и причинять тягости“. Сейчас же он приказал написать послание Сааду сыну Ваккаса: „Отреши от должности того иудея и прикажи должность какому-нибудь мусульманину“. Когда Саад сын Ваккаса прочел послание, тотчас назначил всадника,

чтобы он доставил в Куфу того иудея, где бы он ни находился. Он отправил во все стороны других всадников, чтобы они привели из Аждама в Куфу амилей-мусульман. Когда привели иудея и появились те амили, то он не нашел ни среди арабов, ни среди амилей-мусульман не-арабов, ни одного, кто бы умел исполнять должность и кто обладал бы такими же достоинствами, какими обладал тот иудей. Никто так не знал дела: получать деньги, распоряжаться обработыванием и возделыванием, распознавать людей, понимать „прибыль“ и „остаток“. Саад сын Ваккаса оказался в затруднительном положении и решил оставить иудея на должности. А повелителю правоверных написал послание: „Я призвал иудея; из арабов же никого не было, кто бы знал налоговое дело³¹⁵ и тасарруф, как этот человек — иудей. По необходимости оставил его на деле, дабы не произошло в делах какого-либо вреда“. Когда послание дошло до повелителя правоверных, он прочел, возмутился и сказал: „Всего удивительнее то, что моей воле они противопоставляют свою волю и против моего благоусмотрения ищут благо“. Он взял калем и написал на послании: „Иудей — умер“ и это послание также отправил Сааду сыну Ваккаса. Значение этого таково: „Человек смертен: смещение с должности для амиля — смерть. Если же амил умрет или совершится его смещение, то, ведь, делом невозможно пренебречь, незамедлительно следует назначить другого. Почему же ты оказался этаким беспомощным. Вообрази, что иудей умер“. Когда послание дошло до Саада, он сейчас же отозвал иудея с должности, убрал и послал некоего мусульманина на ту должность. Когда так прошел один год, заметили: должность мусульманином была выполнена лучше: деньги были собраны, подданные довольны, возделывание и обработывание увеличились. Тогда Саад сын Ваккаса сказал арабским эмирам: „Великий человек — повелитель правоверных Омар. Мы написали относительно того иудея длинное рассуждение, а он дал ответ в два слова, и произошло то, что он сказал“. Два человека сказали речения, оба речения пришлись по душе и будут жить в качестве присловий до восстания из мертвых среди арабов и не-арабов. Первое то, что произнес Абу-Бекр, — да будет доволен им господь! — когда умер Мухаммед, — благословение божие над ним! — он этакое сказал с кафедры: „Для того, кто поклонялся

Мухаммеду истинно Мухаммед мертв, а для того, кто поклонялся господу Мухаммеда — Мухаммед жив и не умер“. Толкование на это гласит: „Если вы обожаете Мухаммеда, то он умер, а если вы обожаете господу Мухаммеда, то он существует, ибо он не умер и не умрет“. Это выражение очень пришлось по душе мусульманам и вошло среди арабов в поговорку. Второе же то, что сказал Омар, — да будет доволен им господь! „Иудей — умер“. О всяком амиле или мутасаррифе, который хорошо знает дело, но является жадным, обидчиком и плоховером, когда хотят его отрешить от должности, говорят: „иудей — умер“.

Если же возвратиться снова к нашему предмету, то должность амилей зависит от вазира. Хороший вазир доставляет государю доброе имя и добрую славу. Все те государи, которые стали великими, которых будут поминать добром до дня восстания из мертвых, все они имели добрых вазиров. То же самое и у пророков: Сулейман — мир над ним! — имел Асафа сына Бархиа; Моисей — мир над ним! — своего брата Аарона — мир над ним! — Иисус — мир над ним! — Симеона; Мустафа — благословение и мир над ним! — такого, как Абу-Бекра Садика — да будет доволен им господь! Из государей: Кей-Хосров имел Гударза;³¹⁶ Минучихр — Сама; Афрасиаб — Пирана сына Висэ; Гуштасп — Джамаспа, Рустем — Зеварэ; Бахрам-Гур — Хордэ-Руза;³¹⁷ Нуширван — Бузурджмихра; халифы рода Аббаса — семейство Бармакидов; Саманиды — Баламидов; султан Махмуд — Ахмеда сына Хасана; Фахр ад-даулэ — Сахиб-Исмаила сына Аббада; султан Тогрул — Абу Насра Кундури;³¹⁸ Алп-Арслан и 151 Малик-шах — Низам ал-мулька; и много подобно этому. Вазир должен быть правильного образа мыслей, по вере ханифит или шафиит, с чистой верою, достойный, знаток налогового дела, щедрый, друг государю. Лучше всего, если он был бы из семьи вазиров; ибо со времен Ардашира Бабакана до Иездеждерда, последнего из царей Аджамы, как государем следовало быть сыну государя, так и вазиром следовало быть сыну вазира. Как ушло царствование от аджамов, тогда и ушло вазирство из семьи вазиров.

Рассказ. Рассказывают, что однажды Сулейман сын Абд ал-малика³¹⁹ давал прием. Присутствовали вельможи державы и надимы. Случилось сказать ему: „Мое царство, если не больше, чем царство

Соломона, сына Давида, — мир над обоими! — то и не меньше. Правда, у него были под приказом хищные животные, дивы и пэри, у меня их нет, но таких сокровищ, роскоши, такого государства и господства, которыми я обладаю сейчас, во всем свете ни у кого нет“. Один из присутствующих вельмож сказал ему: „Наш царь не имеет наилучшего, что должно быть в государстве и что было у государей“. Спросил: „Что именно?“ Ответил: „Ты не имеешь вазира, который был бы достоин тебя“. Спросил: „Как это?“ Ответил: „Ты — государь и сын государя, вазир также должен быть достойным, таким, чтобы десять его предков были вазирами“. Спросил: „Найдется ли в мире хоть один вазир с такими указанными тобою качествами?“ Ответил: „Найдется“. Спросил: „Где?“ Ответил: „В Балхе“. Спросил: „Это — кто?“ Сказал: „Джафар сын Бармака;³²⁾ предки его были вазирами со времен Ардашира Бабакана; Ноубахар в Балхе, который является древним аташкадэ, у них в вакфе. Когда проявился ислам и царство ушло из династии Аджам, предки Джафара обосновались в Балхе и там остались. Вазирство у них наследственное, у них имеются записи о порядке и достоинствах вазирства. Когда их дети выучивали письмо и адаб, им давали те книги, чтобы они заучивали и чтобы свойства воспитывались по правилам предков. Нет никого во всем свете более достойного быть твоим вазиром, чем Джафар. Впрочем, повелителю правоверных лучше знать“. Не было из потомков Умейи и из потомков Мервана ни одного государя величественнее и могущественнее, чем Сулейман сын Абд ал-малика. Когда он услышал эти слова, он воспыал желанием, чтобы перевести из Балха Джафара сына Бармака, посадить его на вазирство. Опасался, что он до сих пор еще — гябр. Расспросил, сказали, что стал мусульманином, обрадовался; приказал написать послание правителю Балха, чтобы тот отправил Джафара в Дамаск и, если понадобится, пусть выдаст из казнохранилища сто тысяч динар и отправит в столицу наилучшим образом. Когда правитель Балха прочел приказ, он отправил Джафара в Дамаск. Во всяком городе, куда он приезжал, его встречали вельможи, присылали угощение, пока он не прибыл в Дамаск. Сулейман приказал, чтобы все вельможи и войска вышли к нам навстречу, с почетом и невозможной пышностью, ввели в город, поместили бы в добром дворце. Через

три дня его привели к Сулейману. Только взглянув на него, Сулейман нашел приятным и его внешний вид, и выражение. Когда Джафар вошел в айван, введенный хаджибами, и уселся, Сулейман пристально посмотрел на него, затем скривил лицо и сказал: „Убирайся от меня“. Хаджибы быстро подхватили его и вывели вон. Ни один человек не понял, что случилось. До времени полуденного намаза Сулейман предавался наслаждению вина: явились вельможи, сели надимы, руки потянулись к вину, чаша обошла несколько кругов и в приятности приостановилась. Когда увидели, что Сулейман пришел в хорошее расположение духа, один из надимов спросил: „Царь с таким почетом и милостью вытребовал Джафара на выполнение великой должности, а когда тот сел перед повелителем правоверных, он его сразу же погнал в негодовании“. Сулейман ответил: „Если бы не длительный путь, который он сделал, и не его высокородность, я приказал бы тотчас порубить ему шею; ведь он имел с собою смертельный яд и в первый раз, как пришел ко мне, принес яд мне в подарок“. Один из главных надимов попросил: „Разрешите мне сходить к нему, порасспросить об этом деле. Посмотрим, что он скажет: признается или станет отрицать?“ Ответил: „Ступай“. Тот немедленно встал, отправился к Джафору и спросил: „Ты, приходя сегодня к Сулейману, имел яд?“ Ответил: „Да, и до сего времени имею. Вот он под печатью перстня; он достался мне в наследство от отца. Но этим перстнем никогда мною не был обижен даже муравей, а не то, чтобы я согласился на гибель подобного мне человеческого существа. Мы храним яд из-за предосторожности. Моим предкам много раз приходилось трепетать из-за денег и имущества, подвергаться пыткам. Вот меня позвал Сулейман, а мне не было доподлинно ведомо, ради чего он меня зовет. Я опасался, что он будет требовать от меня списка сокровищ, потребует от меня того, что я не смогу исполнить, или же подвергнет меня мучению, которое я не смогу вынести; чтобы спастись от мучений и унижения, я сниму печать перстня и приму яд“. Тот человек выслушал это, сейчас же отправился обратно, пришел к Сулейману, пересказал все дело. Сулейман был изумлен благоразумием, бдительностью и предусмотрительностью Джафара. Он душевно расположился к нему, попросил прощенья, приказал, чтобы отправили его личное

верховое животное, привезли на нем Джафара ко двору со всяческими пышностью, почетом и милостью. Джафар предстал перед Сулейманом, совершил поклон. Сулейман принял его милостиво, взял его руку в свою руку, расспросил о трудностях дороги, сказал много хорошего, усадил, в тот же час облачил его в халат вазира, поставил перед ним чернильницу, чтобы он написал перед ним несколько грамот. Никогда не видели Сулеймана таким счастливым, как в этот день. Когда он вышел из приемного зала, он устроил пирование с вином. Собрание украсили золотом, драгоценностями, золототканными коврами, так что никто никогда не видел подобного. Уселись пить вино. В середине веселия Джафар спросил у Сулеймана: „Каким образом узнал царь, среди нескольких тысяч людей, что у сего раба имеется яд?“ Сулейман ответил: „У меня есть нечто, что мне дороже всех казнохранилищ и владений. Никогда я не разлучаюсь с этим: То — десять раковинок, подобных тем, которые называют джаз, но не такие, как они. Достались они мне из казнохранилища царей. Я их ношу на руке. Особенность их такова: как только где-нибудь окажется яд, положат ли его в пищу или вино, едва лишь запах яда распространится вокруг, они немедленно приходят в движение, бьются друг о друга, становятся беспокойными. Вот я и узнаю о яде. Как только ты появился передо мной, раковины сейчас же пришли в движение и, чем ближе ты 154 подходил ко мне, тем сильнее они двигались; когда ты сел, они ударились друг о друга, и у меня более не осталось никакого сомнения, что яд находился при тебе; если бы на твоём месте был кто другой, я не оставил бы его в живых. Когда ты встал и ушел от меня, раковины успокоились“. Он снял две раковины с руки, показал Джафару и спросил: „Видел ли ты на свете что-нибудь более удивительное?“ Джафар и вельможи посмотрели с удивлением. Тогда Джафар сказал: „Я видел на свете два чуда, равных которым никто не слышал и не видел, одно — то, что вижу у царя, другое — то, что я видел у царя Табаристана“. Сулейман попросил: „Расскажи об этом“. Джафар сказал: „Когда к правителю Балха прибыл приказ царя об отправлении сего раба в Дамаск, сей раб снаряжился в путь, изготовился на службу и направился из Нишапура в Табаристан. Царь Табаристана, торжественно встретил сего раба, принял в городе

Амуле³²¹ в своем дворце, прислал угощение. Каждый день мы были вместе то за столом, то в собрании. Однажды он в середине веселия спросил сего раба: „Ты никогда не наслаждался видом моря?“ Ответил: „Нет“. Спросил: „Будешь ли моим гостем в морской прогулке?“ Ответил: „Тебе — приказывать“. Вот он приказал, чтобы моряки снарядили корабли, изготовились. На другой день он отвез сего раба на берег моря. Мы сели в корабль. Начались пение и музыка. Моряки погнали корабль. Кравчие разливали вино. Царь и я сидели рядом друг с другом, так что между нами никого не было. Царь имел на руке перстень, в его гнезде был красный яхонт, чрезвычайно хороший, прозрачный, такого цвета, что сей раб не видел никогда лучше. Я все глядел на тот перстень и царь понял, как сильно мне он понравился. Он снял его с пальца, положил передо мной. Я поклонился, поцеловал перстень и возвратил царю. Он сказал: „Перстень, снятый с моего пальца в качестве подарка и дара, не возвратится на мой палец“. Я сказал: „Этот перстень достоин лишь руки царя“ — и положил его перед царем. Он снова положил его передо мной. А сей раб сказал ввиду того, что перстень был очень хороший и драгоценный: „Это царь дарит в веселии и наслаждении вином. Не следует, чтобы он в трезвости пожалел и чтобы пришло в его сердце огорчение“. Я снова положил перстень перед ним. Царь взял перстень и бросил в море. Я сказал: 155 „Ах, какая жалость! Если бы я знал, что царь снова не наденет на палец, а бросит в море, я бы сразу согласился, потому что никогда не видел такого яхонта“. Царь сказал: „Я несколько раз клал его перед тобою; когда я увидал, что ты часто на него смотришь, я снял его с пальца и подарил тебе. Хотя тот перстень был красив в моих глазах, я не подарил бы тебе его, если бы он не казался тебе еще красивее. Ты сам виноват, что его не принял, а когда я бросил в море, ты сожалеешь. Однако, я применю одно средство, чтобы возвратить для тебя перстень“. Он приказал гуляму: „Ну-ка, садись в челн: как достигнешь берега моря, садись на коня, скачи во всю прыть во дворец; скажи казначею, что требуют такой-то серебряный сундучек, возьми и как можно скорее доставь“. Корабельщику он приказал: „Брось якорь и держи корабль на месте, пока я не скажу, что следует делать“. Мы пили вино, затем прибыл гулям,

доставил сундучек, поставил его перед царем. Царь имел кошель, прикрепленный к поясу, открыл его, вытащил из кошель серебряный ключ, открыл сундучек, протянул туда руку, вытянул золотую рыбку и бросил в море. Рыбка пошла под воду, нырнула, достала дно моря; через некоторое время она показалась на поверхности воды, держа во рту тот перстень. Царь взял перстень изо рта рыбки, бросил мне. Я поклонился и надел перстень на палец. Царь же положил рыбку в сундучек, запер замок, ключ положил в кошель, послал домой. Мы все изумились“. Затем Джафар снял перстень с пальца, положил его перед Сулейманом и сказал: „Вот этот перстень“. Сулейман взял, поглядел, опять отдал его и сказал: „Подарок на память такого человека нельзя терять“.³²²

Цель этой книги — не эти рассказы, но так как рассказ был чудесен и удивителен и пришелся кстати, то он и вспомнился. Цель же в упоминании этого рассказа была такова: когда наступает доброе время и судьба становится надежной, признаком этого служит появление доброго государя, наказующего смутьянов. Его вазир и доверенные люди будут добрыми, он прикажет каждое занятие 156 понимающим толк в делах, обладающими пригодностью. Он не прикажет двух обязанностей одному человеку. Государь будет ответственным за народ, он не будет возвышать мальчишек, будет вершить мероприятия со старыми и мудрыми; он вернет дела к соответствующим им правилам, чтобы привести в порядок духовные и мирские дела. Каждому будет должность по размерам его достоинства. Он не допустит ничего противоречащего этому; соразмерит дела, взвешивая их на весах беспристрастия и справедливости, с помощью великого бога.

Глава сорок третья.

*Относительно женщин; о соблюдении чинов у глав войска и начальствующих.*³²³

Не следует, чтобы подручные государю становились начальствующими, ибо от этого порождаются большие беспорядки, государь лишается силы и достоинства. В особенности это относится к женщинам, которые являются „людьми покрывала“ и у которых нет совершенства разума. Цель их существования — сохранение рода. Чем они родовитее, тем достойнее, чем скромнее, тем более заслуживают похвалы. Если жены государя станут давать приказы, они будут приказывать то, что им подсказывают корыстные люди; ведь они не могут, как мужи, постоянно видеть внешние дела собственными глазами, их приказ основывается на словах передатчиков, которые состоят при их делах, как то: придворные женщины, евнухи, служанки, поэтому, конечно, их приказ противоречит верному. Отсюда рождается вред, величие государя испытывает ущерб, люди впадают в страдания, происходит изъяз в царстве и вере, имущество людей погибает, вельможи державы подвергаются обидам. И в прошлые времена, когда государева жена верховодила над государем, ничего не бывало кроме мятежей, смут, восстаний и зла. Мы вспомним относительно этого лишь немного, чтобы взгляд упал на многое. Первым мужем, подпавшим под приказание женщины, отчего и испытал вред зла и впал в невзгоды и трудности, был Адам, ему мир!; подчиняясь приказу Евы, он поел пшеницы, за что его изгнали из рая;³²⁴ двести лет он плакал, пока всевышний не сжалился над ним и не принял его раскаяния.

Рассказ. Судабэ, жена Кей-Кауса, возоблала над Кей-Каусом. 157 Вот Кей-Каус послал кого-то за Сиавушем к Рустаму, он был сыном Кей-Кауса, но воспитывался у Рустама и достиг зрелого возраста. „Пришли ко мне Сиавуша, так как тоскую по нему“³²⁵. Рустам прислал Сиавуша к Кей-Каусу. Сиавуш был очень красив лицом. Судабэ увидела его из-за занавесы и прельстилась им. Она сказала Кей-Каусу: „Прикажи Сиавушу явиться в опочивальни,³²⁶ чтобы его могли повидать сестры“. Кей-Каус сказал Сиавушу: „Пойди в женскую половину, тебя хотят повидать сестры“. Сиавуш сказал: „Владыка повелевает, однако им лучше быть в опочивальнях, а сему рабу во дворце“. Кей-Каус сказал: „Надлежит тебе отправиться“. Когда он пошел в опочивальни, Судабэ покусилась на него, оставшись с ним в уединении, привлекла его к себе. Сиавуш разгневался, вырвался из ее рук, выбежал вон из опочивальни и отправился в свой дворец. Судабэ испугалась, как бы он не рассказал отцу, подумала: „Будет лучше, если я опережу его в этом“. Она отправилась к мужу и сказала: „Сиавуш на меня покусился, сцепился в меня, но я вырвалась из его рук“. Кей-Каус ожесточился на Сиавуша, и ожесточение его дошло до того, что он сказал Сиавушу: „Тебя надлежит проверить огнем, чтобы я опять мог к тебе расположиться душой“. Он ответил: „Государь повелевает, я готов ко всему, что он прикажет“. Итак, положили в поле столько дров, что было занято ими пространство половина фарсанга на половину фарсанга. Зажгли огонь. Когда огонь взял силу, стал высотой с гору, приказали Сиавушу: „Ну, отправляйся в огонь“. Сиавуш сел на Шабранга,³²⁷ произнес имя всевышнего, погнал вскачь своего коня в огонь и исчез. Прошел добрый промежуток времени, пока он вышел с той стороны огня невредимым, не потеряв волоска на своем теле, остался невредим и конь по приказу всевышнего. Весь народ был повергнут в изумление. Мубады взяли от того огня, отнесли в храм огня. Этот огонь поддерживается до сего дня, так как он вынес приговор по правде. После этого испытания Кей-Каус дал Сиавушу эмирство в Балхе, отослал туда. Сиавуш был обижен на отца из-за Судабэ. Он проводил жизнь в огорчении и решил не оставаться в Иранской стране, а отправиться в Индию или Чин и Мачин. Пيران, вазир Афрасиаба,

узнал о тайне сердца Сиавуша, явился сам к Сиавушу и пообещал ему от имени Афрасиаба всяческие блага. Сиавуш согласился, связался договором и сказал: „Дом — один, оба рода — одно“. Афрасиаб оказал ему уважение больше, чем своим сыновьям; когда бы Сиавуш, дескать, не захотел примириться с отцом и пойти в землю Ирана, он, Афрасиаб, станет посредником, заключит с Кей-Каусом прочное соглашение, отошлет Сиавуша к отцу с тысячами милостей и почестей. Сиавуш отправился из Балха в Туркестан. Афрасиаб выдал за него свою дочь, выказывал ему уважение. Но брат Афрасиаба Гарсиваз позавидовал, он обвинил Сиавуша перед Афрасиабом в преступлении, и невинный Сиавуш был убит в Туркестане. Плач и рыдания раздались в Иране. Герои пришли в возмущение. Рустам явился из Систана в столицу; без разрешения он отправился в женскую половину Кей-Кауса, схватил Судабэ за косы, вытащил за ворота, разрубил на части. Ни у кого не хватило смелости сказать: „Ты плохо сделал“. Затем он изготовился к войне и отправился мстить за Сиавуша. Долгие годы он воевал, много тысяч голов было порублено с обеих сторон. И это все из-за поведения Судабэ, возобладавшей над своим мужем.³²⁸

Всегда государи и мужи, сильные разумом, следовали добрым путем и так установили, чтобы женщины и слабые не знали о тайнах их сердца. На их советы, желания, приказания они налагали запрет, не подчинялись. Так вот рассказывают об Александре.

Рассказ. В истории приводится, что Александр пришел из Рума и, разбив Дария сына Дария, царя Аджамы, обратил его в бегство, во время которого один из слуг его убил.³²⁹ Дарий имел дочь очень красивую лицом, прекрасную, совершенную во всех отношениях. Ее сестра была такая же, как и другие дочери его рода, 159 бывшие в его дворце, все они были прекрасны. Александру сказали: „Тебе следовало бы пройти в женскую половину Дария, чтобы посмотреть на луноликих, подобных пэри, в особенности на дочь Дария, никто не сравняется с ней по красоте“. У говоривших такое был умысел: пусть Александр посмотрит на дочь Дария, возьмет ее в жены за красоту. Александр ответил: „Я победил их мужей, не подобает, чтобы их жены победили нас“. Он не согласился, не пошел в женскую половину Дария.

Рассказ. А вот другой случай, прекрасный и известный рассказ о Хосрове, Ширин и Фархаде. Хосров так полюбил Ширин, что он отдал в ее руки бразды правления. Он делал все, что она говорила. Конечно, Ширин стала дерзкой и при таком государе, как Хосров, полюбила Фархада.³³⁰

Рассказ. Спросили у Бузурджихра: „Что было причиной разрушения власти династии Сасанидов? Ты был государственный муж при этой династии, и сейчас нет равного тебе в мире по рассуждению, мнению, разуму и знанию“. Он сказал: „Было две причины: одна — та, что династия Сасанидов доверяла большие дела деятелям мелким и невежественным, другая — та, что Сасаниды не собирали вокруг себя людей знания, мудрых, а предоставляли дела женам и младенцам, а у тех и других нет разума и знания. Когда дела попадают женщинам и детям, знай, что царская власть уйдет из того рода“.

Предание. Если что скажут женщины, надо делать вопреки, чтобы вышло целесообразно. Согласно предания пророк приказал: „Советуйся с ними, но поступай вопреки“. Если бы жены были с полным разумом, посланник — мир над ним! — не сказал бы этого.

Предание. В преданиях приведено: когда посланник — мир над ним! — сильно занемог, его постигла слабость, а подошло время общей молитвы и сподвижники сидели в мечети в ожидании выполнения общиной обязательного намаза. У его же изголовья сидели Айша и Хафса;³³¹ Айша спросила пророка: — ему мир! — „О, пророк божий! близко время молитвы, а у тебя нет сил пойти в мечеть. Кому прикажешь предстоять на молитве?“ Он ответил: „Абу-Бекру“. Она спросила второй раз: „Кому прикажешь?“ Ответил: „Абу-Бекру“. Айша сказала Хафсе: „Я спросила два раза, спроси ты еще раз.“

160 Абу-Бекр, дескать, муж слабый, с чувствительным сердцем, он тебя любит больше всех твоих сподвижников. Вот встанут на намаз, он увидит твое место пустым, заплачет, этим он испортит намаз и себе и другим. Это дело Омара, который тверд и крепок сердцем. Прикажи, чтобы он был имамом, в этом не будет вреда“. Посланник — мир над ним! — разгневался, покраснел и сказал: „Вы подобны Юсифу и Кирсифе. Я не хочу приказывать того, что вы хотите.“

Я приказываю то, в чем благо мусульман. Пойдите и скажите Абу-Бекру, чтобы он встал на общую молитву". И так, несмотря на величие, знание, сподвижничество, набожность Айши, — да будет доволен ею господь! — посланник — мир над ним! — приказал противоположное тому, что хотела Айша. Поразмысли, каковы же будут мнения и знания других жен.

Рассказ о Юсифе и Кирсифе³³² таков: передают, во времена сыновей Ираиля было установление, что всевышний исполнял три нужды всякого, кто сохранял сорок лет себя от тяжких проступков и преступлений, совершал пост, читая своевременно молитвы, не обижая никого. В то время был один муж из сыновей Ираиля, набожный, благотворительный; его имя было Юсиф. Он имел жену, набожную, подобно ему, скромную, имя ее — Кирсиф. Этот Юсиф был послушен всевышнему таким образом в течение сорока лет и совершал поклонение богу. Он размыслил сам с собой: „Что мне теперь попросить у бога, всемогущего и преславного? Надо было бы с другом порассудить о том, что лучше всего попросить“. Сколько он ни размышлял, никого подходящего не находил. Вот пришел он домой, взглянул на жену и подумал: „Нет у меня на свете никого более любимого, чем моя жена; она — моя супруга, мать моих детей; то, что будет хорошо для меня, будет хорошо для нее. Посоветаться об этом с ней лучше, чем с кем-нибудь другим“. Вот он спросил у жены: „Узнай, что я завершил мое сорокалетнее подвижничество и имею право на исполнение трех просьб, во всем мире у меня нет никого благожелательнее тебя. Посоветуй, что мне попросить у всевышнего?“ Жена ответила: „Тебе известно, что во всем мире для меня ты — один, ты для меня свет очей, а ты знаешь, что жена — предмет созерцания мужа. Я — твой предмет созерцания. Твое сердце всегда веселится при виде меня; ты испытываешь удовольствие от сообщества со мною. Попроси у всевышнего, чтобы он даровал мне красоту, какой не давал никакой женщине; всякий раз как ты войдешь в дверь и увидишь меня, твое сердце будет радоваться на эту красоту и прелесть, мы проведем остаток жизни в счастье“. Человеку пришлось по душе предложение жены; он помолился и сказал: „О, господи! даруй моей жене такую красоту и совершенство,

которых не даровал ни одной женщине“. Всевышний услышал молитву Юсифа; когда на другой день его жена встала с постели, она была уже не та женщина, которая заснула вчера вечером. Ее облик переменился так, что такого облика никто до этого не видал. Юсиф, когда увидал ее в таком виде, изумился, чуть не прыгнул от радости. С каждым днем увеличивалось совершенство красоты жены; через неделю она достигла такой красоты и совершенства, что ни у кого не хватало сил лицезреть ее. Слух о совершенстве красоты ее распространился по свету; мужчины и женщины шли, чтобы поглядеть на нее; люди приходили из отдаленных мест и глядели на нее. А женщина посмотрелась в зеркало, увидела свою красоту и совершенство, уверилась, сделалась надменной. Она преисполнилась самолюбования и высокомерия, сказала: „Кто равен мне теперь во всем свете? У кого такие красота и совершенство, как у меня? А я нахожусь в том же положении, как этот бедняк, который ест ячменный хлеб, и у которого нет ни радости, ни приобретения. Он стар, и не наделен никакими благами мира. Мне тяжело жить с ним. Мне достоин быть парой государь, который сейчас же бы одел меня в золото, драгоценные камни и парчу, который дорожил бы мною“. От этого рассуждения в голову женщины вошли прихоть и желания; она повела себя с мужем недозволительно, проявляя плохой характер, непослушание и непокорность. Она дошла до того, что обижала мужа, ежечасно говорила: „Разве я ровня тебе, такому, который не имеет даже столько хлеба, чтобы им насытиться“. Этот Юсиф имел несколько маленьких детей, жена отказалась от попечения о малышах. Недостойность жены стала такова, что Юсиф дошел до крайности, изнемог и, сильно опечаленный, обратился к небу, сказал:

162 „О, господи! обрати эту женщину в медведя“. Женщина сейчас же стала медведем, была наказана. В таком виде она бродила, не уходя, около дверей, стен и по крыше дома, все дни из ее глаз лились слезы. Юсиф пожалел о том, что сказал так; занятый воспитанием детей, он отстал от подвижничества и поклонения богу, он пропускал свои молитвы. Необходимость вынудила его к тому, что он обратил лицо к небу, воздел руки и сказал: „О, господи! этого оборотня-медведя, обрати в ту самую женщину, которая была,

обрати ее в такую же ласковую, какой она была, дабы она имела попечение о малышах, а я, раб, мог бы заняться поклонением“. Сейчас же она стала такой же женщиной, какой была, ласковой, заботящейся о малышах, участливой. Никогда она не вспоминала о том происшествии, полагая, что случившееся с нею она видела во сне. Сорокалетнее служение богу Юсифа развеялось как пыль, благодаря действиям и прихотям жены.³³³ Впоследствии этот рассказ стал поговоркой: пусть никто на свете не будет под приказом женщины.

Рассказ. Халиф Мамун сказал однажды: „Не дай бог никогда ни одному государю допускать, чтобы женщины говорили с государем относительно государства, войска и казнохранилища, вмешивались в эти дела или кому-либо оказывали покровительство, одного прогоняли, другого наказывали, одного назначали на должность, другого смещали. Волей-неволей мужи обратятся к их двору, будут им представлять о своих нуждах. Приметив угодивость мужей, а во дворце такое множество войска и народа, они допустят в голову многие нелепые желания, дурные и злонравные мысли быстро найдут к ним дорогу; не пройдет много времени, как уйдет величие государя, почет, блеск двора и приема, у государя не останется достоинства, со всех сторон его станут порицать, государство придет в расстройство, у вазира не будет властности, войско будет обижено“. Как же освободиться от всех этих беспокойств? Государю следует применять те обычаи, что применялись до него, поступать, как поступали великие и сильные рассуждением государи. Бог, великий и преславный, приказывает: „Мужья стоят выше жен, ибо бог дал первым преимущество над вторыми“.³³⁴ Если бы они могли себя сохранять сами, то бог не отдал бы их под власть мужчинам, ¹⁶³³ не оказал бы мужчинам преимущества.

Рассказ. Кей-Хосров так сказал: всякий государь, желающий, чтобы дом его был крепок, чтобы государство его не разрушалось, чтобы не потерпели ущерба его сан и величественность, пусть не позволяет и не дает разрешения женщинам говорить о чем-либо другом, кроме как о своих подручных и слугах, дабы были сохранены древние обычаи и все избавились бы от беспокойств.

Рассказ. Омар сын ал-Хаттаба — да будет доволен им господь! — сказал: „Слова женщин, как они сами, запретны для показа; как не следует их самих показывать открыто, так не следует о них говорить“.

Достаточно того, что уже сказано относительно сего предмета. Пусть падет взор на многое другое, пусть узнают, в чем есть добро.

Относительно подчиненных. Всевышний сотворил государя начальником над всеми людьми; все миряне являются его подчиненными, они от него имеют кормление и величие. Следует, чтобы ими так управляли, чтобы всегда являлись сознающими себя, чтобы не вынимали кольцо рабства из ушей; ³³⁵ следует всегда одних ставить в пример другим в отношении худа и добра, дабы они не забывались, не давать, чтобы они делали, что хотят. Пусть они знают значение и место каждого, пусть справляются о положении каждого, дабы они не выступили из круга повиновения и не поступали иначе, как предписано приказом.

Рассказ. Бузурджмихр однажды сказал Нуширвану: „Страна принадлежит царю, царь отдает войску страну, а не людей страны. Вот войско не бывает милостиво в царской стране, не оказывает людям страны покровительство и участие, а все стараются лишь о том, чтобы набить свой кошель, не печалась о стране, не обращаясь хорошо с народом, вот войско в стране вершит удары, оковы, темницу, гнев, вероломство, смещение и назначение, — какая же разница между царем и войском? Ведь всегда эти дела принадлежали царям, а не войску? Не следует позволять, чтобы у войска были власть и сила. Во все времена существовали золотой венец, золотое стремя и золотая чаша, а трона и права чеканки ни у кого не было, кроме как государя. Еще говорят: если царь хочет превосходить всех царей в славе и доблести, пусть он сделает свой нрав чистым, украшенным“. Нуширван спросил: „Каким образом?“ Бузурджмихр ответил: „Пусть он удалит от себя дурные свойства, пусть приобретет хорошие качества. Дурные свойства таковы: злопамятство, зависть, гордость, гнев, похоть, алчность, пустые надежды, упрямство, лживость, скупость, злобность, несправедливость, себялюбие, торопливость, неблагодарность, легкомыслие.

Хорошие качества таковы: стыдливость, добронравие, кротость, прощение, смирение, щедрость, терпение, благодарность, милосердие, знание, разумность, справедливость. Когда научишься применению этих качеств к устройству всех дел, не нужны будут никакие советники для дел государства“.

Глава сорок четвертая.

*О выявлении дел еретиков, являющихся врагами царя и ислама.*³³⁶

Сей раб хотел привести несколько глав относительно появления отступников; пусть миряне узнают, какое было попечение у раба об этой державе, какими чувствами и высокими намерениями он руководился по отношению к государству сельджуков, в особенности же по отношению к владыке мира, — да увековечит бог его царство! — его детям и семейству, — да удалит господь плохой глаз от их судьбы! Всегда существовали отступники со времен Адама, — мир над ним! — до настоящего времени, они поднимали бунты во всех странах, которые существуют в мире, против государей и посланников. Нет ни одного разряда людей более зловещего, более плохovernого, более преступного, чем этот люд. Пусть знает государь, что исподтишка они злоумышляют на это государство, ищут порчи для веры; они прислушиваются к каждому звуку, приглядываются к каждому миганию глаза.³³⁷ Если, упаси боже, эту победительную державу — да укрепит ее всевышний! — постигнет какое-либо несчастье или проявится — да отвратит это господь! — бунт, эти псы выйдут из тайных убежищ, восстанут на эту державу, ¹⁶⁵ призовут к расколу, а сила их главным образом будет из рафизитов и хорремдинцев;³³⁸ произойдет все, что может произойти, как то: разруха, споры, ересь. Они ничего не оставят. На словах они выдают себя за мусульман, по сути же дел они творят дело неверных. Их внутреннее — да проклянет их господь! — противоположно внешнему,³³⁹ слова противоположны делам. Нет более страшного и отвратительного врага для веры Мухаммеда Мустафы, —

мир и довольство божие над ним! — чем они. Нет хуже, чем они, противника для царства владыки мира. Люди, которые сейчас при этой державе не обладают никакой силой и призывают к шиизму, принадлежат к этому разряду.³⁴⁰ Они в тайне творят их дело, поддерживают, проповедают, настраивают владыку мира на то, чтобы он уничтожил дом сыновей Аббаса. Если бы сей раб приподнял крышку с этого котла, о, какой срам вышел бы оттуда! Однако от того, что от... владыка мира, они полагают, сего раба корыстным и совет сего раба не придется в этом положении удобным.³⁴¹ Когда меня не будет, станет видна разруха и их козни. И тогда государь узнает, сколь велика была приверженность сего раба к победоносной державе, и что он не был неосведомлен о делах и планах этих людей. Всегда он о них докладывал возвышенному мнению государя, — да возвеличит его господь! — не держал их скрытыми. Когда же сей раб видел, что в этом отношении его слово не получило одобрения, опять не повторил. Однако я привел одну главу относительно них кратким образом в этой книге, ибо весьма важно знать, что за народ эти батиниты, какова их вера и взгляды, откуда они сначала появились, сколько раз они восставали, бывая каждый раз побежденными, дабы осталось это упоминание для владыки царства и веры после смерти сего раба. Это проклятое отродье в землях Сирии, Иемена, Андалузии восставало и совершало убийства. Но сей раб не будет упоминать обо всем этом. Если государь захочет познакомиться со всеми делами их, пусть он прочтет истории, в особенности же историю Исфакана. Из совершенного же ими в земле Аджам, являющейся ¹⁶⁶ сутью царства владыки мира, сей раб приведет одно из ста, дабы осведомить возвышенный разум — да будет он всегда высок! — от начала до конца об их делах.³⁴²

Глава сорок пятая.

О появлении Маздака, его вероучении, как произошло его убиение Нуширваном Справедливым.

Первым, кто принес в мир пустое учение, был муж, появившийся в земле Аджам, его называли мубад мубадов; имя его Маздак, сын Бамдада.³⁴³ Он захотел во время царя Кубада сына Фируза, отца Нуширвана Справедливого нанести ущерб вере гябров, проложить в мире плохой путь. Повод был таков: тот Маздак хорошо знал звезды и по движению звезд сделал такой вывод, что в эту эпоху должен появиться муж и принести такую веру, которая уничтожит веру гябров, веру иудеев, христиан и идолопоклонников. Чудесами и силой он внедрит свою веру среди людей, вера его останется до дня восстания из мертвых. Вот на него и напало этакое мечтание, что, быть может, он будет этим. Он стал обдумывать, каким образом привлечь на свою сторону людей, объявить новое учение. Оглядевшись, он увидел в собрании государя к себе полное благоволение, так же как у всех вельмож. Никто никогда не слышал от него ничего пустого до того, как он начал притязать на пророческое призвание. Тогда он приказал своим гулямам,³⁴⁴ чтобы они провели из потайного места подземный ход, постепенно пробуравили землю, чтобы конечное отверстие оказалось среди храма огня, как раз там, где возжигали огонь, — отверстие очень маленькое. Затем он заявил о своем пророческом призвании и сказал: „Меня послали, чтобы обновить веру Зардушта, народ забыл смысл Зенд-Авесты, не так исполняет повеления бога, как проповедывал Зардушт. Ведь, когда сыны Исраиля не выполняли некоторое время повелений Моисея, — мир над ним! — которые

он от имени бога запечатлел в Торе, поступали напротив, то бог послал пророка, согласно Торы, чтобы сокрушить сопротивление сыновей Израиля, обновить постановления Торы, вывести народ на правый путь". Эти слова дошли до слуха царя Кубада. На другой день он позвал вельмож и мубадов, открыл суд³⁴⁵ для разбора жалоб, позвал Маздака и всенародно спросил Маздака: „Ты притязашь на пророческое призвание?“ Ответил: „Да, я пришел потому, что существует много противоречий вере Зардушты, много проявилось упущений. Я все приведу в правильность. Смысл Зенд-Авесты не тот, по которому действуют, покажу ее смысл“. Тогда Кубад спросил: „Какое твое чудо?“ Ответил: „Мое чудо таково: огонь, наши кибла и михраб, — я заставлю говорить, попрошу у всевышнего, чтобы он приказал огню засвидетельствовать мое пророческое призвание таким образом, что царь и окружающие его услышат голос“. Царь спросил: „О, вельможи и мубады!³⁴⁶ что вы скажете по этому делу?“ Мубады сказали: „Во-первых, ясно, что он призывает нас к нашей вере и к нашей книге; он не противоречит Зардушту. В Зенд-Авесте имеются выражения, где каждое слово имеет десять значений; у каждого мубада и ученого двадцать толкований и объяснений относительно того; возможно, Маздак приведет на такое слово лучшее толкование, более соответствующее выражение.³⁴⁷ Но вот его утверждение, что он заставит говорить огонь, которому мы поклоняемся, это — удивительно, это — не в силах человеческого существа. Царю же лучше знать!“ Тогда царь сказал Маздаку: „Если ты заставишь говорить огонь, я засвидетельствую, что ты — пророк“. Маздак сказал: „Пусть царь положит срок и в этот срок придет в храм огня с мубадами и вельможами, дабы по моей молитве бог, всемогущий и преславный, заставил говорить огонь. Если царь желает, пусть это будет сегодня же, сейчас же“. Царь сказал: „Решаем завтра пойти в храм огня всем совокупно“. На другой день Маздак послал к тому отверстию одного послушника и сказал: „Как только я громким голосом позову бога, ты подойди по подземелью к дыре и произнеси: „Благо земных поклонников бога состоит в том, чтобы они следовали словам Маздака, тогда они получают счастье в том и этом мире“. Вот Кубад с вельможами и мубадами отправился в храм

168:

168:

огня, позвал Маздака. Маздак пришел, встал возле огня, воззвал громким голосом к богу, воздал хваление Зардушту и замолчал; из середины огня раздался голос таким образом, как мы упомянули, так что царь и вельможи услышали. От этого они пришли в изумление, и Кубад в душе решил в него уверовать. Когда они возвратились из храма огня, Кубад позвал Маздака к себе; с каждым часом он все более и более сближался с ним, пока в него не уверовал. Он приказал ставить во время приемов для него золотое сиденье, изукрашенное драгоценными камнями. Кубад сажился на трон, а Маздака усаживал на то сиденье, бывшее много выше, чем трон Кубада. Люди переходили в веру Маздака, иные по влечению и прихоти, иные в угоду царю, направлялись в столицу тайно и явно из краев и областей, принимали веру Маздака. Воины мало проявляли склонности, но не говорили ничего из уважения к власти государя. Из мубадов ни один человек не принял веру Маздака; они заявляли: „Посмотрим, что изойдет из Зенд-Авесты“. Увидав, что государь принял веру Маздака, люди вдали и вблизи откликнулись на призыв и разделили имущество. Маздак говорил: „Имущество есть розданное среди людей, а эти все — рабы всевышнего и дети Адама. Те, кто чувствуют нужду, пусть тратят имущество друг друга, чтобы никто не испытывал лишения и нищеты, все были бы равными по положению“. Когда же Кубад пошел дальше, согласился на общность имущества, Маздак начал заявлять: „Ваши жены — ваше имущество. Следует вам считать жен как имущество друг друга, чтобы никто не оставался без участия в наслаждениях и вожделениях мира, чтобы двери желания были открыты перед всеми людьми“. Многие люди все больше увлекались его учением по причине общности имущества и-женщин, в особенности простонародье. Установился такой обычай: если какой-нибудь мужчина приводил в свой дом двадцать мужчин-гостей и угощал хлебом, мясом, вином, закусками и музыкой, под конец все по одному соединялись с его женой, и это не ставили в грех. Был такой обычай: когда кто входил, чтобы соединиться с какой-нибудь женщиной, клал у двери дома головной убор; когда припадало желание другому и он видел головной убор положенным у дверей дома, возвращался и дожидался, пока тот

не выйдет. Наконец, Нуширван послал одно лицо втайне к мубадам: „Почему вы храните этакое молчание? почему беспомощны в отношении Маздака? Никто не говорит ни слова, не дает моему отцу совета. Это что за дела происходят, а вы сидите, соблазненные этим плутом. Этот пес растащил имущество людей, сорвал покрывало с гаремов, простонародье сделал властвующим. По крайней мере скажите Маздаку, по какому праву он это делает? кто приказал? Если вы будете молчать впредь, ваше имущество и ваши жены уйдут от вас, уйдет царство и держава из нашей семьи. Надо, чтобы вы совокупно отправились к моему отцу. Представьте ему это дело! Подайте ему совет! Поспорьте с Маздаком, посмотрите, какое он приведет доказательство“. Он обратился также к людям известным и вельможам. „Пагубное неистовство охватило моего отца, разум его пришел в расстройство. Он не различает своей пагубы от блага. Поразмыслите об его излечении, чтобы он не слушался речей Маздака, не действовал бы по его слову. И сами также, подобно моему отцу, не поддавайтесь обману, так как Маздак стоит не на правде, а на лжи; ложь долго не держится, на завтра она вам не принесет пользы“. Вельможи встревожились его словами и, хотя некоторые из них намеревались принять веру Маздака, благодаря Нуширвану отступились, не перешли в эту веру. Сказали: „Посмотрим, до чего дойдет дело Маздака, отчего Нуширван говорит такие речи“. В то время Нуширвану было восемнадцать лет. Итак, вельможи и мубады собрались, отправились к Кубаду, сказали: „Мы не читали ни в какой истории от давних времен до нынешнего дня и не слышали от многих пророков, бывших в Сирии, того, что ныне говорит и приказывает Маздак. Нам это кажется весьма неодобрительным“. Кубад сказал: „Поговорите с Маздаком. Что он скажет“. Он позвал Маздака и спросил: „Какое ты имеешь доказательство на то, что говоришь и делаешь?“ Маздак ответил: 170 „Зардушт так приказывает, так в Зенд-Авесте, люди же не умеют этого истолковать. Если мне не верите, спросите у огня“. Снова в другой раз отправились в храм огня, спросили у огня; из середины огня раздался голос: „Правильно, как утверждает Маздак, а не так, как вы говорите“. В другой раз возвратились мубады устыженными. На другой день они отправились к Нуширвану и передали ему

обстоятельства дела. Нуширван сказал: „Этот Маздак притязает на то, что учение его во всех значениях учение Зардушта, а как же эти два положения“. Через некоторое время между Кубадом и Маздаком произошел однажды такой случай. Маздак заявил: „Люди с увлечением вступили в это учение. Если бы также Нуширван соблазнился, принял это учение, как было бы хорошо“. Кубад спросил: „Разве он не состоит в этой вере?“ Ответили: „Нет“. Кубад приказал: „Приведите Нуширвана, позовите как можно скорее“. Тот пришел, Кубад спросил: „О, душа моя! Ты не принял веры Маздака?“ Ответил: „Нет, слава богу“. Спросил: „Почему?“ Ответил: „Потому что он говорит ложь. Он — обманщик“. Спросил: „Какой же он обманщик, когда смог заставить говорить огонь?“ Ответил: „Существуют четыре основных начала: вода, огонь, земля и ветер. Прикажи ему, как он заставил говорить огонь, пусть так же заставит говорить воду, ветер и землю, тогда и я в него поверю, прельщусь“. Кубад сказал: „Все, что он говорит, говорит согласно истолкованию Зенд-Авесты“. Нуширван сказал: „Зенд-Авеста не приказывала, чтобы имущество и жены людей были общими. От времен Зардушта до сего дня никто из мудрецов не делал такого толкования. Вера предписывает охранять имущество и гарем. Когда эти две вещи дозволены, какая будет разница между четвероногими и человеком? Ведь этот образ действия и манера поведения присущи скоту, — быть равными в пастьбе и соединении, а не человеку, наделенному разумом“. Спросил: „Почему ты в конце-концов противоречишь мне, твоему отцу?“ Ответил: „Я научился этому у тебя, хотя никогда этого не было в обычае. Когда же я увидел, что ты стал противоречить своему отцу, я также стал противоречить тебе. Откажись ты от того, и я откажусь от этого“. Разговор между Кубадом, Нуширваном и Маздаком окончился тем, что ему решительно заявили: „Или найди доказательство, отвергающее это учение, уничтожающее слова Маздака, или приведи с собой кого-нибудь, чье доказательство было бы сильнее и правильнее Маздака. А не то прикажем тебя казнить, для примера другим“. Нуширван попросил: „Дайте мне сорок дней времени, чтобы я мог привести доказательство, или представить кого-либо, кто даст ответ Маздаку“. Ответили: „Хорошо, ладно, даем время“. На этом все расстались. Возвратив-

щик от отца, Нуширван в тот же день отправил в Парс гонца и послание, в город Кувал,³⁴⁸ к проживавшему там мубаду, старцу 171 и мудрецу: „Приезжай как можно скорее, произошло то-то и то-то между мною, отцом и Маздаком“. Прошло сорок дней, Кубад устроил прием, воссел на престол, пришел Маздак, приблизился к престолу, сел на сиденье, привели Нуширвана. Маздак сказал Кубаду: „Спроси его, что он решил?“ Кубад спросил: „Какой ответ ты принес?“ Нуширван ответил: „Я его обдумываю“. Кубад сказал: „Время обдумывания прошло“. Маздак сказал: „Возьмите его и казните“. Кубад промолчал. Люди вцепились в Нуширвана. Нуширван схватился рукой за решетку айвана, сказав отцу: „Почему такая спешка в стремлении убить меня. Обещанный мне срок еще не окончился“. Спросил: „Как это?“ Ответил: „Я говорил о полных сорока днях. Этот день еще мой; пусть он пройдет, а тогда как знаете“. Сипах-салары, мубады подняли крик: „Он правильно говорит“. Кубад приказал: „На сегодня освободите его“. Отняли руки и он освободился от когтей Маздака. Кубад поднялся, мубады разошлись, Маздак возвратился к себе, Нуширван пришел в свой дворец. А этот мубад, которого Нуширван вызвал из Парса, уже подъехал, сидя на быстроходной верблюдице. Он спешил к воротам дворца Нуширвана, вошел во дворец, сказал слуге: „Пойди и скажи Нуширвану, что прибыл мубад из Парса“. Слуга быстро пошел в покои, сказал Нуширвану. Нуширван вышел из покоев, побежал от радости, обнял и сказал: „О, мубад! знай, что я сегодня возвращаюсь с того света“, и он рассказал мубаду обстоятельства 172 дела. Мубад сказал: „Не печалься нисколько, все именно так, как ты утверждал, правда с тобою, а с Маздаком ложь. Я дам вместо тебя ответ Маздаку, отвращу Кубада от его веры. Но устрой так, чтобы я увидел царя прежде, чем Маздак узнает о моем прибытии“. Сказал: „Это — просто“. После дневного намаза Нуширван отправился во дворец к отцу, попросил его принять. Увидав отца, он воздал хваление, затем спросил: „Мой мубад прибыл из Парса, чтобы дать ответ Маздаку, однако он хотел повидать царя так, чтобы мог переговорить с царем наедине“. Царь сказал: „Это — возможно. Приведи его“. Нуширван возвратился к себе, а когда стемнело, отвел мубада к отцу. Мубад воздал хваление Кубаду,

восхвалял его предков, затем сказал царю: „Маздак впал в заблуждение; это дело не на него возложено. Я хорошо знаю Маздака, знаю цену его познаний. Он немного разбирается в науке о звездах. Но в предсказаниях по звездам у него случилась ошибка. В том соединении планет, что предстоит, действительно появится муж, который будет притязать на пророчество; он принесет необычайную книгу, покажет удивительные чудеса: он разделит луну в небе на две половины, призовет народы на путь истины, принесет чистую веру, упразднит веру гябров и другие веры; он пообещает рай и ужаснет адом; он укрепит приговором шариата имущества и гаремы, освободит людей от дивов, будет дружен с Сурушем, он разрушит храмы огня и идольские капища, вера его распространится по всему свету, будет незыблемой до восстания из мертвых; земля и небо засвидетельствуют его права на пророчество.³⁴⁹ И вот Маздак возмечтал, что он является этим мужем. Тот пророк будет не аджами, а Маздак по происхождению аджами; тот пророк запретит людям поклонение огню, будет отрицать Зардушта, а Маздак — последователь Зардушта, предписывает поклонение огню; тот пророк не допустит, чтобы кто-нибудь искал близости с гаремами другого, чтобы кто-нибудь отбирал не по праву имущество другого, он прикажет рубить руки за воровство, а Маздак сделал общим имущество и жен людей; тому пророку повеление придет с неба, и слово придет от Суруша, а Маздак говорит с огнем. Учение Маздака не имеет никаких основ. Завтра я посрамлю его перед царем, ибо он находится на ложном пути. Он хочет лишить твой дом властительства, погубить твои сокровища, сравнять тебя с низайшими, захватить власть государя“.³⁵⁰ Кубаду понравились слова мубада, пришлось по душе. На другой день, когда Кубад явился в палаты для приема, пришел Маздак, сел на кресло, а Нуширван встал перед престолом. Явились мубады и вельможи. Тогда прибыл мубад Нуширвана. Он спросил у Маздака: „Кто будет спрашивать первым — ты или я?“ „Ты будешь спрашивать, а я буду отвечать“. „Тогда ты становишься там, где я, а я отправлюсь туда, где ты“. Маздак устыдился и сказал: „Сюда меня посадил царь. Спрашивай же, чтобы я мог тебе ответить“. Мубад спросил: „Ты вот сделал имущество общим, а эти рибаты, мосты, храмы огня, благотворительные учреждения,

сооружают разве не в расчете на воздаяние на том свете?"³⁵¹ Спросил: „Когда имущество станет общим и будут творить благотворительность, то воздаяние за нее кому будет?“ Маздак не мог ответить. Затем мубад спросил: „Ты сделал женщин общими. Чей будет ребенок, когда двадцать мужчин соединится с одной женщиной, она станет беременной и родит?“ Маздак не сумел ответить. Затем мубад спросил: „Царь, который сидит на престоле — сын царя Фируза, получил в наследство власть государя от отца, а царь Фируз тоже унаследовал ее от отца. Когда десять мужчин соединятся с женой царя и родится ребенок, — чьим будет этот ребенок? Царский род прекратится, а если прекратится род, то не останется начала³⁵² власти государя. Высшее и низшее положение связаны с богатством и бедностью. Когда кто-либо беден, ему неизбежно и обязательно совершать службу и работу для богатого. Если же имущество станет общим, — исчезнут в мире высшее и низшее положение; власть государя упразднится. Ты явился, чтобы уничтожить власть государя в династии царей Аджамы“. Маздак ничего не сказал, хранил молчание. Кубад приказал: „Отвечай ему“. Маздак ответил: „Ответ таков: сейчас же прикажи, чтобы ему отрубили голову“. Кубад сказал: „Никому нельзя рубить голову без оснований“. Маздак сказал: „Спросим у огня, что 174 он прикажет, ведь я говорю не от себя“. Люди, тревожившиеся за Нуширвана, обрадовались, он освободился от убиения. Маздак вознегодовал на Кубада, так как сказал ему: „убей мубада“, а тот не послушался. Маздак сказал сам себе: „Надо мне самому освободиться. У меня много мечей среди народа и воинов. Так устрою, чтобы устранить Кубада“. Затем он предложил Нуширвану и всем противникам: „Идите завтра в храм огня. Посмотрим, что прикажет огонь“. На этом расстались. Когда пришла ночь, Маздак призвал двух человек рахибов, своих единоверцев, подарил им золота, надавал обещаний и сказал: „Я возведу вас в чин сипах-саларов“, затем он взял с них клятву, что они не передадут никому о том, что он им скажет. Вручив им два меча, он сказал: „Завтра, когда Кубад, вместе с вельможами и мубадами придет в храм огня и если огонь предпишет убить его, вы оба быстро выхватите мечи и убивайте Кубада; ведь никто другой не войдет в храм огня с мечом“. Они

сказали: „Повинуемся“. На другой день вельможи и мубады сошлись в храме огня. Пошел и Кубад. А мубад сказал Нуширвану: „Скажи, чтобы десять человек из твоих приближенных явились с тобою в храм огня, спрятав мечи под одеждой“. А всякий раз, когда Маздак намеревался идти в храм огня, он сперва учил службу, что тот должен произнести под отверстием. Вот он пошел в храм огня и сказал мубаду: „Спроси у огня, пусть огонь поговорит с тобою“. Вот мубад спросил у огня, но не получил никакого ответа. Тогда Маздак сказал: „О, огонь! рассуди нас, засвидетельствуй мою правду“. Из середины огня изошел голос: „Со вчерашнего дня я очень ослабел, сперва дайте мне сердце и печень Кубада, потом скажу, что надо сделать. Маздак — ваш вожатый к вечным усладам того света“. Маздак воскликнул: „Дайте силу огню“. Два человека вытащили мечи, намереваясь напасть на Кубада, Мубад сказал Нуширвану: „Помоги отцу“. Те десять человек вытащили мечи, встали перед теми двумя, не допустили убить Кубада. А Маздак все время говорил: „Огонь говорит согласно 175 божья повеления“. Люди разделились на двое. Одни говорили: „Бросим Кубада в огонь живым или мертвым“. Другие говорили: „Подождем с этим“. Разошлись в конце того дня. Кубад сказал: „Разве от меня произошел какой-нибудь грех, что огонь пожелал меня в пищу? Лучше сгореть в огне на этом, чем на том свете“. Во второй раз мубад уединился с Кубадом, рассказал о бывших прежде мубадах и государях, приводил примеры из жизни каждого из них, указывал доказательства, что Маздак — не пророк, а враг царской династии; ведь Маздак сначала покусился на Нуширвана; когда же он не успел в том, покусился на твою кровь. Если бы я не принял мер, сегодня он погубил бы тебя. Зачем ты веришь, что голос исходит от огня? Я сделаю кое-что, чтобы также разоблачить и эту хитрость, покажу царю, что огонь ни с кем не разговаривает“. Мубад сумел так убедить царя, что тот устыдился своего поведения. „Ты не почитай Нуширвана за ребенка, — говорил мубад, — он распространит повеление на весь мир. Не пренебрегай тем, что он решает. Если ты хочешь, чтобы царство осталось в твоей династии не открывая Маздаку ни одной тайны сердца“. А Нуширвану мубад сказал: „Постарайся заполучить кого-нибудь из слуг Маздака.

Прельсти его имуществом, чтобы он объяснил все дело с огнем, чтобы разом удалить сомнения из сердца твоего отца“. Нуширван нашел одного человека, у того завязалась дружба с одним из послушников Маздака, которого он и привел некоторым путем к Нуширвану. Нуширван усадил его в уединенном месте, положил перед ним тысячу динар, сказал: „Будь впредь моим другом и братом. Я сделаю для тебя все, что может быть хорошего. А теперь я хочу спросить у тебя кое-что. Скажешь правду, подарю тебе тысячу динар, назначу своим приближенным, дам высокий чин. Солжешь, сниму голову с твоего тела“. Человек испугался, спросил: „Если скажу правду, исполнишь ли что обещал?“ Ответил: „Исполню больше того“. Нуширван спросил: „Скажи, какую хитрость применяет Маздак, чтобы заставить говорить с собой огонь?“ Человек спросил: „Если я объясню тебе, сможешь ли ты удержать в сокровенности эту тайну“. Ответил: „Смогу“. Сказал: „Вблизи от храма огня находится кусок земли, обнесенный высокой стеной; среди же места, где огонь, прорезано очень маленькое отверстие; Маздак 176 каждый раз посылает туда кого-нибудь и учит, чтобы тот, приставив рот к отверстию, говорил через него то, что он, Маздак, хочет. Слушающие же думают, что говорит огонь“. Нуширван обрадовался этим словам, понял, что это правда. Он отдал тому человеку тысячу динар, а когда наступила ночь отвел его к отцу, чтобы он объяснил все обстоятельства дела. Кубад изумился плутовству Маздака, его дерзости. Из его сердца сразу ушли все сомнения. Он приказал привести мубада, воздал ему похвалы, рассказал ему все дело. Мубад сказал: „Я говорил царю, что этот человек — обманщик“. Кубад спросил: „Теперь это известно. Как погубить его?“ Мубад ответил: „Не следует ему показывать, что ты отступился. Устрой еще раз собрание, чтобы я мог вступить с ним в прения; я перестану защищаться, сознаюсь в своей беспомощности и уеду в Парс. А тогда ты действуй так, как найдет целесообразным Нуширван, чтобы покончить с этим делом“. Несколько дней спустя Кубад созвал вельмож, вызвал мубадов и приказал, чтобы они были заодно с мубадом Парса. На другой день собрались. Кубад сел на престол. Маздак на кресло. Мубады начали спор. Мубад из Парса сказал: „Я поражен тем, что огонь говорит“. Маздак сказал: „От небесного

могущества сие неудивительно. Разве ты не знаешь, что его святей-
шество Моисей — мир над ним! — сотворил змия из куска дерева,
а из одного камня заставил потечь тринадцать источников. Он ска-
зал: «О, господи! утопи фараона в воде со всем его войском!» —
и всевышний потопил. И землю подчинил ему; когда Моисей
произнес: «О, земля! поглоти Каруна!»³⁵³ — она поглотила. Иисус — мир
над ним! воскрешал мертвых. Все это не в силах человека и это
творит бог. Он также послал меня, подчинив огонь моему велению.
Огонь говорит то, что я говорю. Повинуйтесь! а не то на вас
падет гнев всевышнего и всех погубит“. Мубад из Парса поднялся
и сказал: „Я не смею отвечать человеку, который глаголет от
имени всевышнего, которому огонь повинуется. У меня нет сил,
177 больше я не дерзаю. Я уезжаю, вы же как знаете“. Мубад удалился,
отправившись в Парс. Кубад встал с приема, а мубады удалились.
Возликовав, Маздак пошел в храм огня, чтобы служить огню
в течение семи дней. Когда пришла ночь, Кубад позвал Нуширвана
и спросил: „Уезжая, мубад поручил меня тебе, только ты в силах
искоренить это учение. Что следует предпринять?“ Нуширван сказал:
„Если владыка возлагает на меня эту обязанность и никому об этом
не скажет, я поразмыслю о сем деле, сделаю таким образом, что
уничтожу на свете Маздака и маздакитов“. Кубад сказал: „Я не буду
говорить относительно этого ни с кем, кроме тебя“. Нуширван
сказал: „Мубад из Парса уехал, сподвижники Маздака обрадовались
и укрепились сердцем. Все, что мы не придумаем теперь в отно-
шении их, удастся. Убить Маздака — легко, но у него — много
мечей. Когда его убьют, маздакиты убегут, рассеются по разным
местам, призовут людей, захватят укрепленные места, причинят много
забот нам и нашему государству. Нам надо так все устроить, чтобы
они были убиты одним разом, чтобы не остался в живых ни один
человек, чтобы никто не унес душу от нашего меча“. Кубад спросил:
„Какое твое рассуждение относительно этого дела?“ Нуширван
ответил: „Надо так сделать: когда Маздак выйдет из храма огня
и придет к царю, пусть царь увеличит его чин, окажет еще больше
почета и скажет ему наедине: „С того самого дня, как мубад
перестал защищаться, Нуширван очень смягчился, согласен уверовать
в тебя. Он устыдился того, что говорил“. Когда окончилась неделя,

Маздак пришел к Кубаду; тот ему оказал почет, показал безграничное смирение и рассказал о Нуширване, как упомянуто. Маздак сказал: „Очень много людей прислушиваются к нему, глядят на него. Когда он вступит в это учение, весь мир примет это учение. Я просил посредством божественного огня сделать это учение его делом“. Кубад сказал: „Ты хорошо сделал, так как он — мой наследник; его любит войско и народ. Как только он вступит в это учение, ни у кого не останется отговорок. Я построю в его честь каменную башню, на ней сооружу золотой терем, более светлый, 178 чем солнце, такой терем, каковой соорудил Гуштасп для Зардушта“. ³⁵⁴ Маздак сказал: „Ты дай ему совет, а я помолюсь, твердо надеюсь, что бог услышит мою молитву“. Когда пришла ночь, Кубад рассказал Нуширвану все, что произошло. Нуширван засмеялся и сказал: „Через неделю пусть царь позовет Маздака и передаст ему: «Нуширван вчера видел сон, испугался, ранним утром пришел ко мне, рассказал:» «Я видел во сне, что громадный огонь покушался на меня, а я искал убежища. Некто очень красивый подошел ко мне. Я спросил его: «что требует от меня этот огонь?» Он ответил: «Огонь на тебя гневается, что ты обвинял его во лжи». Я спросил: «Откуда ты знаешь?» Он ответил: «Сурушу все известно». Я очнулся от сна“. Сейчас он собирается в храм огня с мускусом, алоэ и амброй для воскурения, три дня будет служить огню, славить бога“. Кубад поведал Маздаку, что Нуширван поступил так-то. Маздак очень обрадовался. Когда прошла неделя от сих происшествий, Нуширван сказал отцу: „Передай Маздаку, Нуширван говорит мне: «я убедился, что это учение истинное, что Маздак — пророк бога. Но я, Нуширван, опасаясь не большая ли часть людей противники этого учения? Не случилось бы так, что они восстанут против нас, насильно захватят у нас государство? Ах, если бы я знал, какова численность состоящих в этом учении и что это за люди. Если они имеют силу и многочисленны, я также вступаю, если же нет, потерплю, пока не усилятся, не станут многочисленными; я дам все, что им необходимо из содержания и оружия. Тогда мы объявим это учение, со всей мощью и силой приведем к нему людей». Если Маздак ответит: «наше число велико», и попроси: «дай список, напиши их имена, чтобы не осталось ни одного, которого бы я не знал»“.

Маздак так и сделал: принес Кубаду; по счету вышло двенадцать тысяч людей из горожан и воинов. Кубад сказал: „Я позову сегодня вечером Нуширвана, представлю ему список. Знак, что он вступил в учение, будет таков: сейчас же прикажу бить в литавры и играть в трубы, поднимут такие клики, что ты, находясь в своем дворце, услышав звуки труб и барабанов, узнаешь, что Нуширван принял веру“. Когда Маздак возвратился к себе и наступила ночь, Кубад позвал Нуширвана, показал ему перечень и сказал: „Я с ним условился о таком-то знаке“. Нуширван сказал: „Очень хорошо! Прикажи, чтобы забили в литавры. Завтра же, когда увидишь Маздака, скажи: «Нуширван уверовал в тебя, так как увидал людей и список. Если бы пять тысяч было, не было бы достаточно. Но так как он обладает двенадцатью тысяч людей, то не страшно, если весь мир будет нашим противником. Если мы все трое будем держаться согласно, ничто нам не страшно»“. Когда от ночи прошла одна стража, Маздак 179 услышав звук литавр и труб, обрадовался, сказал: „Нуширван уверовал“. На другой день Маздак пришел на государев прием. Кубад передал Маздаку все, что ему сказал Нуширван; Маздак обрадовался. Окончив прием, Кубад позвал Маздака на беседу с глазу на глаз. Пришел и Нуширван; он преподнес Маздаку множество золотых вещей и редкостей, одарил его, попросил извинения за прошедшее. Обстоятельно рассудив, они в конце концов согласились на том, что Нуширван предложил отцу: „Ты будь владыкой мира, Маздак посланником бога, а мне дай чин сипах-салара над всеми этими людьми; я устрою так, чтобы во всем мире не осталось ни одного человека, кто бы не принял эту веру“. Кубад сказал: „Тебе — приказывать“. Тогда Нуширван сказал: „Мероприятия по этому делу должны быть таковы, пусть Маздак пошлет кого-нибудь в те города и округи, которые уверовали в него, пусть скажет, что от сего дня через три месяца издалека или близка, в такую-то неделю, в такой-то день, все должны собраться в нашем дворце. Мы устроим снабжение, снаряжение, вооружение, но чтобы ни один человек не знал, что мы готовим. В назначенный день пусть устроят угощение людям, пусть они поедят пищу, затем их переведут в другой дворец, там они примут участие в собрании вина, пусть каждый выпьет по семи жубков, их облачат затем по пятидесяти и двадцати человек в мои

платья, дадут коня, снаряжение и вооружение, дабы все были одеты в почетные платя. Затем все вместе поднимем восстание и открыто провозгласим веру: кто примет учение, того поощрим, кто воспротивится — убьем“. Кубад и Маздак сказали: „Это правильно“ и, согласившись на этом, поднялись. Маздак написал послания во все места, уведомил далекого и близкого, что надо в такой-то месяц и такой-то день всем прибыть в столицу, дабы все стали одарены почетным платьем, снаряжением, оружием и конем „так как теперь дело идет согласно нашим желаниям, и государь находится во главе“. Итак, явились по приглашению все двенадцать тысяч человек; пришли во дворец государя, увидели такое угощение, какого не видал никогда и никто. Кубад сел на престол, Маздак на кресло, Нуширван стоял, перепоясав чресла, как бы показывая этим, что он — хозяин пира. Маздак был очень весел. Нуширван каждого усаживал за угощение; все уселись и поели. Из этого дворца перешли в другой дворец, увидели такое собрание вина, какого никто не видал. Кубад сел на престол, Маздак на кресло, а собравшихся рассадили в том же порядке. Музыканты и певцы затянули пение прекрасными голосами. Виночерпии разносили вино. Когда прошло несколько кругов, вошли гуляями и фарраши, человек с двести, они держали в руках куски дйба и ткани касаб, встали на некоторое время перед собранием. Нуширван сказал: „Пусть отнесут одежды в тот дворец, ведь здесь теснота; пусть отправятся по двадцати и тридцати туда,³⁵⁵ наденут одежды, и, возвратясь, выстроятся, пока не будут все одеты. Тогда царь и Маздак пойдут на площадь, бросят взоры, полюбуются, затем откроют двери того помещения, принесут оружие“. А Нуширван заранее послал одно лицо в деревни, потребовал собрать хашар³⁵⁶ человек триста с лопатами, чтобы почистить дворец и сады. Когда люди пришли из деревень, он их всех собрал на площади, закрыл крепко ворота, затем им сказал: „Я хочу, чтобы вы сегодня за день и ночь вырыли на этой площади много ям, размером в один гяз и два гяза, а землю из ям оставьте на том же месте“. Привратникам же он приказал, когда будут вырыты ямы, всех задержать и присматривать, чтобы никто из них не ушел. Вечером он вооружил четыреста человек, спрятал на площади и во дворце, сказав: „Когда я буду высылать с того собрания во дворец

по двадцати и тридцати, вы их отводите на ту, другую площадь, 181 каждого разденьте донага, воткните головою до пупа в яму, ногами вверх и зарывайте крепко землей". Когда служащие одеждой ушли в тот дворец, привели двести лошадей в золотых и серебряных уборах, принесли щиты, пояса для мечей в золоте. Нуширван приказал: „Отнесите в тот дворец“. Отнесли. Затем он поднимал по двадцати и тридцати человек, отсылал их в тот дворец, на самом же деле их отводили на ту, другую площадь, бросали вверх ногами в ямы, засыпали землей, пока не погубили всех таким образом. Тогда Нуширван пришел к отцу, сказал отцу и Маздаку: „Я всех одел в почетное платье, они стоят украшенные на площади. Встаньте и полюбуйтесь, никто не видел убранства лучше этого“. Оба, Кубад и Маздак, встали, отправились в тот дворец, из дворца пошли на площадь. Когда пришли на площадь — взглянули, увидели по всей площади от начала до конца торчащие вверх ноги. Нуширван, обратясь к Маздаку, сказал: „Для войска, предводителем которого ты являешься, не может быть лучшего наряда, чем этот. Ты пришел затем, чтобы пустить на ветер имущество и тела наши, уничтожить в нашем доме власть государя. Подожди, я прикажу также и тебе почетную одежду“. Посредине площади было сделано большое возвышение, на этом возвышении вырыта яма. Нуширван приказал поставить Маздака вверх ногами и закопать землей. Он сказал: „О, Маздак, погляди на своих верующих, полюбуйся“.³⁵⁷ Он сказал отцу: „Ты видел разум мудрых. Теперь самое правильное для тебя, чтобы ты некоторое время сидел дома, дабы пришли в успокоение люди и войско, ибо эта разруха возникла от твоего слабого разума“. Он посадил отца в дом и приказал освободить сельских людей, приходивших для рытья ям. Открыли ворота площади, чтобы могли притти и поглядеть люди города, страны и войска. Нуширван наложил на отца оковы, созвал вельмож и по праву воссел на царство. Он отверз руки от даров и деяний. Этот рассказ о нем остался на память, чтобы его читали и запоминали владеющие разумом.³⁵⁸

Глава сорок шестая.

О выступлении Сумбада Гябра из Нишапура в Рею против мусульман и его смута.

После того до времени Харун ар-Рашида³⁵⁹ никого из этих лю- 182
дей не появлялось на свете. Случилось же так: жена Маздака,
Хуррамэ, дочь Фадэ, бежала из Мадаина с двумя человеками; она
очутилась в округе Рея и призвала людей к учению мужа. Снова
разный народ из гябров вступил в ту веру, и люди прозвали их
хуррамдинцами.³⁶⁰ Они только и ждали, чтобы выступить, открыто
объявить эту веру. Когда Абу-Джафар ал-Мансур в сто тридцатом
году от хиджры пророка — мир над ним! — убил в Багдаде Абу-
Муслима, главу проповеди,³⁶¹ раисом в городе Нишапуре был гябр
по имени Сумбад,³⁶² служивший долго Абу-Муслиму, возвышенный
им. Он восстал после убиения Абу-Муслима, пришел из Нишапура
в Рею, призвал гябров Табаристана. Он знал, что население Кухи-
стана по большей части рафизиты, мушаббихиты,³⁶³ маздакиты
и вознамерился открыто начать пропаганду. Сначала он убил
Обеида Хейфи,³⁶⁴ являвшегося от имени Мансура амилом Рея,
и захватил казну, положенную туда на хранение Абу-Муслимом.
Усилившись, он принялся требовать мести за кровь Абу-Муслима,
провозглашая, что Абу-Муслим был посланником бога. Он говорил
людям Ирака и Хорасана: „Абу-Муслим произнес наивеличайшее
имя всевышнего и, обратившись в белого голубя, улетел, а теперь
находится в некоей цитадели, сооруженной из меди; он восседает
вместе с Махди³⁶⁵ и Маздаком; они все трое явятся. Абу-Муслим
будет предводителем,³⁶⁶ Маздак его вазиром. А ко мне пришло
послание“. Когда рафизиты услышали имя Махди, а маздакиты —

183 имя Маздака, они собрались в большой численности. Дело Сумбада разрослось. До того дошло, что вокруг него собралось сто тысяч людей. Беседуя наедине с гябрами, он говорил: „Державе арабов пришел конец. Я нашел это в одной книге потомков Сасана. Не отступлюсь, пока не разрушу каабу, ведь ее установили вместо солнца. А мы снова сделаем своей киблой солнце так, как было в древности“. Хуррамдинцам же он говорил: „Маздак был шиит и я вам приказываю быть заодно с шиитами. Отомстите за кровь Абу-Муслима“. И всеми тремя разрядами он правил. Он убил несколько сипах-саларов Мансура, разбивал его войска, пока семь лет спустя Мансур не назначил на войну Джумхур Иджли.³⁶⁷ Джумхур собрал войска Хузистана, Парса и пришел в Исфахан. Он повел с собою ополчение Исфахана, отправился к воротам Рея, три дня жарко бился с Сумбадом. На четвертый день Сумбад был убит рукою Джумхура.³⁶⁸ Все то сборище рассеялось; каждый возвратился в свой дом. Учения хуррамдинцев и гябров смешались, они втайне сговаривались между собою, так что с каждым днем учение об общности становилось все более выработанным.³⁶⁹ Убив Сумбада, Джумхур отправился в Рей, кого нашел из гябров — всех убил, а имущество их разграбил, женщин и детей их взял в полон и держал в рабстве.³⁷⁰

Глава сорок седьмая

О появлении карматов и батинитов в Кухистане, Ираке и Хорасане.

Причиною возникновения учения карматов было следующее: у Джафара ас-Садик — да будет доволен им господь! — был сын по имени Исмаил. Исмаил умер прежде отца. От Исмаила остался сын по имени Мухаммед;³⁷¹ этот Мухаммед дожил до времени Харун ар-Рашида. Один из зубейридов донес, что Джафар ас-Садик — да будет доволен им господь! — готовится восстать, тайно занимается проповедью, домогаясь халифатства. Рашид привез Джафара³⁷² из Медины в Багдад, где и удерживал, страшась его. 184 У Мухаммеда был один гулям хиджазец, имя его Мубарик; он писал тем тонким почерком, который называют мукармат, по этой причине его звали Карматуйэ, он стал известен под этим прозвищем.³⁷³ Один человек из города Ахваза дружил с этим Мубариком, имя этого человека Абдаллах сын Меймуна Кадаха. Однажды он сел с ним в уединении и сказал ему: „О, Мубарик, этот господин Мухаммед сын Исмаила³⁷⁴ был мне друг, он высказал мне свои тайны“. Мубарик соблазнился, страстно захотел узнать те тайны. Абдаллах сын Меймуна взял клятву с Мубарика: „То, что я скажу тебе, не говори никому, за исключением того, кто окажется достойным“. Затем он преподнес ему несколько речений в порядке букв³⁷⁵ на языке, смешанном из слов имамов, людей изучающих естество, и выражений философских, по большей части относительно упоминаний пророка, ангелов, скрижали, калема, трона и курси.³⁷⁶ Затем они разлучились. Мубарик отправился в сторону

Куфы, а Абдаллах в сторону иракского Кухистана.³⁷⁷ В это время шииты горевали по Муса сыне Джафара, — да будет доволен им господь! — который находился в заключении.³⁷⁸ Мубарик совершал тайно проповедь до тех пор, пока она не распространилась по окрестностям Куфы. Люди, что приняли его проповедь, были суннитами, некоторые прозвали их мубарики, другие карматами. Абдаллах сын Меймуна совершал проповедь этого учения в Кухистане; он был большой мастер в магии. Мухаммед Закария приводит его имя в сочинении „Михарик ал-анбиа“.³⁷⁹ Затем он отдал должность своего заместителя одному человеку, имя его Халаф. Он ему сказал: „Ты отправляйся в Рей, ибо в Рее, Абэ, Куме, Кашане, краях Табаристана и Мазандерана все — рафизиты; они проповедуют шиизм, примут и твою проповедь“. Сам же он, утрашась, отправился в Басру. Халаф пришел в Рей. В округе Нишабуйэ есть селение, которое называют Гульбун.³⁸⁰ Там он остановился. В том селении был мастер вышивальщик, он занимался вышиванием. Некоторое время Халаф пробыл там. Свои тайны он не мог сказать никому, пока тысячами стараний не заполучил в свои руки одного человека, он его обучил своему учению и так

185 сказал: „Это учение семьи.³⁸¹ Оно должно сохраняться в тайне до тех пор, пока не появится Махди. Его появление — близко. Тогда учение станет явным. А теперь следует изучать, чтобы, когда вы увидите Махди, не быть неосведомленными об этом учении“. Люди этого селения принялись за изучение веры, но однажды старшина этого селения Гульбун оказался вне селения. Он приблизился к мечети и прислушался. Это Халаф разговаривал с людьми этой веры. Старшина пришел в селение, сказал: „О, люди, прекращайте сношение с ним, не собирайтесь вокруг него; то, что я услышал от него, вызывает во мне опасение, как бы это селение из-за него не погибло“. Этот Халаф был зайкой, он не мог складно говорить.³⁸² Халаф, узнав, что его дело открылось, бежал из того селения. Он пришел в Рей и там умер. А некоторых из того селения он успел привести в свою веру. Его сын Ахмед сын Халафа занял его место и пошел по вере отца. Этому Ахмеду сыну Халафа попался один человек, по имени Гиас, который хорошо знал искусство синтаксиса. Ахмед сделал его своим заместителем по проповеди.³⁸³ Этот Гиас

украсил основы их веры стихами из Корана, преданиями о пророке, — божье благословение и мир над ним! — арабскими пословицами, рассказами. Он создал книгу, которой положил имя „Китаб ал-баиан“;³⁸⁴ в ней упоминалось о значении намаза, поста, очищения, зякята, шариатских выражений в порядке слов. Ахмед сын Халафа поставил Гиаса своим заместителем по проповеди, так как Гиас знал синтаксис и лексику. Затем Гиас вел прения с людьми сунны, учил людей вере. И распространилось этакое известие: явился-де в халафовой вере некий, искусный в прениях муж, по имени Гиас, он передает отличные предания и учит людей некоторой вере. Люди городов³⁸⁵ обратились к нему и начали изучать это учение, пока не прознал Абдаллах Зафарани. Второй раз правоверные на них покусились. Людей, что принимали эту веру, одни называли халафитами, другие — батинитами. После двухсотого года хиджры эта вера стала явной. В этот же год восстал в Сирии некий муж, прозванный „владыка горы“:³⁸⁶ он захватил большую часть Сирии. А этот Гиас бежал, отправился в Хорасан, остановился в Мердерруде. Он стал проповедывать эмиру Хусейну сыну Али Мервези; тот принял веру. Этот эмир Хусейн властвовал в Хорасане, а именно: в Таликане, Мейманэ, Герате, Гарджистане и Гуре. Приняв веру, эмир Хусейн привел в нее людей этих округов. Затем Гиас поставил одного заместителя для проповеди в Мердерруде, а сам отправился обратно в Рей и опять начал заниматься проповедью. Он поставил в свои заместители по проповеди одного из нишапурской округи,³⁸⁷ известного под именем Бу-Хатим, хорошо знавшего арабскую поэзию и арабские предания. Отправляясь в Хорасан, Гиас пообещал, что через некоторое недалекое время, в таком-то году, появится Махди. Карматы ждали исполнения этого обещания. Люди же сунны получили известие о Гиасе, что он снова пришел, совершает проповедь. И случилось так, что срок появления Махди как раз наступил, а Гиас оказался лжецом. Шииты выступили против него, порочили его и от него отделились. Он бежал и никто его не мог найти.³⁸⁸ После того община города Рея объединилась вокруг одного из внуков Халафа, проводила время с ним. Перед тем как его постигла смерть, он поставил своим заместителем своего сына, известного

по имени Бу-Джафара Кабира. Когда над последним возобладала черная немочь, он посадил Бу-Хатима Батини. Но по выздоровлении Бу-Джафара этот Бу-Хатим не уступил главенства, ни во что не ставил Бу-Джафара.³⁸⁹ Главенство ушло из дома Халафа. Этот Бу-Хатим разослал проповедников по странам, как-то: в Табаристан, Исфахан, Азербайджан, призвал людей в свою веру. Эмир Рея, Ахмед сын Али,³⁹⁰ принял его проповедь, стал батинитом. Затем случился так, что дейлемцы восстали на алидов Табаристана, заявляя: „Вы — еретики. Вы приводите доказательство, что возвышенное знание произошло из нашей семьи, а оно — всеобщее, не может „произойти“. Если вы учите — знаете, если кто другой, тот тоже знает. Возвышенное знание не переходит по наследству. Бог, преславный и всемогущий, одинаково послал пророка — мир над ним! — ко всем народам и всем племенам, он не избирал каких-нибудь особых людей, а весь народ. Нам стало известно, что вы — лжецы“. Эмир Табаристана оказал поддержку алидам,³⁹¹ но дейлемцы восстали против него, говоря, что привезли из Багдада и городов Хорасана фетву и акт, что „ваша вера не является чистой, вы не исполняете того, что говорил бог и пророк“. Мы, являясь людьми гор, жителями лесов, и в шариате намного не отклонимся от верного пути“. При таких обстоятельствах этот Бу-Хатим Батини отправился из Рея в Табаристан и проник в Дейлем. Главсю дейлемцев был Шарвин³⁹² сын Вардаванди. Бу-Хатим отправился к нему, стал с ними заодно и начал поносить алидов, занялся опорачиванием их. Он утверждал, что они неверующие, еретики. Он говорил: „Через некоторое, близкое время среди дейлемцев появится имам. Я знаю его установления и веру“. Дейлемцы воспылали рвением, приняли это. В дни Мардавиджа³⁹³ дейлемцы и гелы, [как говорится, „убежав от дождя, спрятались под водосток“, они целиком обратились на путь ереси. Некоторое время они провели с ним. Когда прошел предсказанный им для появления имама срок, они сказали: „Это — не имеет основы. Можно полагать, что эта вера — вера Маздака“. Они сразу оставили Бу-Хатима и обратились в веру людей семьи пророка, — господен мир над ним! — вознамерились убить Бу-Хатима. Бу-Хатим бежал и умер. Дела еретиков ухудшились. Многие

лица отошли от их учения, раскаялись. В течение долгого времени шииты были в волнении. Они втайне составляли соглашения, пока вера не установилась на двух лицах: одна — на Абдуллахе Кавкаби,³⁹⁴ другая — на Исхаке, находившемся в Рее.³⁹⁵

Глава сорок восьмая.

О выступлениях батинитов в Хорасане и Мавераннахре.

В Хорасане Хусейн сын Али Мервези, которого Гиас сделал батинитом, чувствуя близость смерти, передал дело Мухаммеду сыну Ахмеда Нахшаби, назначивши его своим заместителем. 188 Последний был из числа хорасанских философов — мутакаллим.³⁹⁶ Хусейн завещал ему попытаться поставить здесь, в Хорасане, заместителя, а самому перейти через Джейхун, направиться в Бухару и Самарканд, дабы привести тамошних людей в веру, постараться, чтобы эту веру приняли некоторые из виднейших людей столицы хорасанского эмира Насра сына Ахмеда. Когда Хусейн сын Али умер, Мухаммед Нахшаби сел вместо него и привлек многих людей Хорасана, они откликнулись на его проповедь. У Мухаммеда был один человек, называвшийся сын Савадэ;³⁹⁷ он бежал из Рея и был в Хорасане у Хусейна сына Али одним из глав батинитов. Этот Мухаммед Нахшаби, поставив его своим заместителем в Мерверруде, перешел сам через реку и отправился в Бухару. Не увидав успеха своему делу, он оттуда отправился в Нахшаб³⁹⁸ и привел в свою веру Бу-Бекра Нахшаби, бывшего надимом эмира Хорасана. Абу-Бекр же привел в эту веру Ба-Ашаса, который являлся придворным дабиром и имел место среди надимов, они привлекли Бу-Мансура Чагани,³⁹⁹ ариза, имевшего женой сестру Ашаша; он тоже обратился. Аиташ, бывший придворным хаджибом и друживший с ними, также вошел в эту веру. Итак эта община сказала Нахшаби: „Тебе нет нужды быть в Нахшабе. Подымайся, иди в столицу Бухару, мы же устроим все так, что добьемся процветания твоего дела, обратим знатных в эту веру“. Он собрался и отпра-

вился в Бухару, общался с этими людьми и старшинами, проповедывал; кто был на пути сунны, он отклонял с пути, приводя постепенно к вере шиитов.⁴⁰⁰ Так он обратил в эту веру раиса Бухары, сахиб-хараджа,⁴⁰¹ дикхана, людей базара; он обратил в свою веру Хусейна Малика, который был придворным государя и правителем Илака, Али Заррада.⁴⁰² Большая часть упомянутых были из благородных и государевых доверенных. Когда у него стало много последователей, он покусился на государя, понуждая придворных хорошо вспоминать о нем перед государем во время нетрезвого и трезвого состояния. Те столько наговорили и так предстательствовали за него, что Насру пришла охота увидеть Мухаммеда Нахшаби. Тогда Мухаммеда Нахшаби привели к эмиру Хорасана и очень его восхваляли как мудреца. Эмир Хорасана принял его и держал в почете. Что бы ни говорил Нахшаби эмиру, что бы ни излагал, надимы все одобряли. С каждым днем Наср сын Ахмеда 189 более и более почитал его, принимал его проповедь. Нахшаби настолько усилился, что государь делал только то, что он указывал. Нахшаби так успел в своем деле, что стал проповедывать открыто. Тюркам не понравилось, что государь стал карматом. Собралось ученое духовенство, отправилось к сипах-саларам⁴⁰³ города и войск и обратилось: „Помогите, ибо пришел конец мусульманству“. Сипах-салары ответили: „Вы возвращайтесь! Дело исправится!“ На другой день они пришли и поговорили с государем. Не вышло никакого проку. Поднялся спор. В конце концов сипах-салары условились обратиться к великому сипах-салару: „Мы не желаем государя неверного! Возьми ты, великий сипах-салар, власть государя. Мы будем твоими подданными“.⁴⁰⁴ Великий сипах-салар отчасти ради веры, а отчасти по честолюбию согласился, ответил: „Пойдем, посидим и условимся, каким образом совершить это дело, чтобы не узнал государь“. Среди высших начальников войска был один старец, прозываемый Тулун.⁴⁰⁵ Он сказал: „Надо сделать так: ты ведь являешься сипах-саларом, вот и скажи государю: «вельможи просят, чтобы я устроил угощение». Никогда он не ответит тебе: «Не устраивай», а скажет так: «если имеешь средства, устраивай». Ты же скажешь: «У сего раба имеются съестное и вино, но нет кое-чего из снаряжений, украшения,

золотого и серебряного, ковров». Он ответит: «Бери все, что хочешь из казнохранилища, винного погреба и фарраш-ханэ». Ты поклонись и скажешь, дабы не подумали про тебя плохого: «Сей раб устраивает угощение для войска с условием, чтобы, угостившись, они препоясались к священной войне против неверных и отправились с сим рабом в страну Баласагун,⁴⁰⁶ так как неверные тюрки захватили страну и негодование притесняемых перешло все границы». После того займись приготовлением к угощению, объяви войску, что, мол, в такой-то день будьте готовы. Все, что будет в казнохранилище государя, винном погребе и фарраш-ханэ из золотого и серебряного, перенеси в свой дворец. Когда все придут в твой дворец, закрой под предлогом тесноты двери, вельмож же отведи в особые покои как бы для пития джулаба, и заговори открыто; те, кто составляют суть, с тобой, и те, кто придаток, не с тобою! Когда же они услышат от нас единое слово, они соединятся с нами, будут единокорны, все присягнут на договор и клятву твоему государению. Мы выйдем из покоев, поедем съестного, отправимся в собрание вина, выпьем каждый по три-четыре пиалы, затем разделим между всеми вельможами войска золотое и серебряное, ковры, снаряжение, выйдем наружу, схватим государя, пройдемся по городу и округе, убьем всех карматов, где бы они ни находились, а тебя посадим на трон». Сипах-салар сказал: „Так и следует поступить“. На другой день он сказал Насру сыну Ахмеда: „Вельможи войска настойчиво требуют у меня назначения дня угощения“. Наср сказал: „Если ты имеешь все необходимое для угощения, не преминь исполнить“. Сказал: „У меня имеются съестное и вино, но вот испытываю затруднения в коврах и убранстве“. Наср сын Ахмеда сказал: „Возьми из казнохранилища все, что для этого требуется“. Сипах-салар поклонился. Все, что было в казнохранилище и винном погребе из золотого и серебряного, ковров и убранства, он отослал в свой дом, устроив все необходимое для угощения таким образом, что никто в те дни не видал ничего подобного, позвал вельмож войска вместе с отрядами и свитою. Когда те явились, он приказал запереть двери дворца, отвел вельмож и начальников войска в уединенные покои, со всех взял клятву, все принесли присягу на подданство. Затем они вышли из покоев, сели за столы.

Один человек ускользнул из его дворца через крышу, пошел и известил Нуха сына Насра о том, что в этот час уговоряли вельможи и войско. Нух поспешно вскочил на коня, помчался во дворец к отцу и сказал: „Разве ты не слыхал, что вельможи войска поклялись и принесли присягу сипах-салару? Вот только они поедят хлеба, выпьют по три пиалы вина, а затем, захвативши все, что взяли из твоего казнохранилища, выйдут наружу, нападут на наш дворец, убьют тебя, меня, всякого, кого найдут. Цель этого угощения — наша гибель“. Наср спросил Нуха: „Что надо делать?“ Ответил: „Надо поступить так: послать слугу сейчас же, прежде чем они успеют съесть хлеб и сесть за пиршество, пусть он скажет на ухо сипах-салару: «Царь говорит, ты совершил сегодня все очень старательно, прекрасно устроил угощение, 191 а у меня имеются пиршественные сосуды, золотые с украшением из драгоценных камней, такие, каких нет в настоящее время ни у одного государя, они хранятся в некоем месте, вне казнохранилища. Тебе следует явиться как можно скорее, чтобы я передал тебе те вызолоченные сосуды прежде, чем пирующие направятся в пиршественный зал». Непременно он явится из-за алчности к имуществу. Когда он явится, мы немедленно снимем ему голову, а тогда я скажу, что следует делать“. Наср немедленно послал двух слуг с этим поручением. А люди были заняты вкушением пицци. Сипах-салар сказал кое-кому из присутствующих, что меня, мол, вот для чего зовут. Те сказали: „Отправляйся и принеси это, так как нам теперь все пригодится“. Сипах-салар поспешно отправился во дворец царя. Его немедля позвали в покои. Царь приказал гулямам отделить его голову от тела и положить в торбу. Тогда Нух сказал отцу: „Вставай и отправимся оба во дворец, захватив с собой торбу. Затем ты откажешься перед вельможами от власти государя, сделаешь меня своим преемником, чтобы я дал им ответ и чтобы царство осталось в нашей семье, все войско не будет согласно между собой“. Затем оба они сели на коня, отправились во дворец сипах-салара. Вельможи поглядели и увидели государя с сыном, которые проходили через ворота дворца. Все встали и приветствовали. Никто не понимал, что произошло. „Должно быть, — говорили, — государю припала охота посетить это

угощение“. Наср сын Ахмада пошел и сел на свое место. Сзади него выстроились оруженосцы, а Нух встал по правую руку отца. Царь сказал: „Присаживайтесь, ешьте свой хлеб, разберите стол“. ⁴⁰⁷ Когда же вкусили явства, разобрали стол и освободились, Наср сын Ахмада сказал: „Знайте, что я осведомлен о том, что вы подготавливали. Когда узнал о вашем намерении, сердце мое на вас ожесточилось. Теперь после этого ни у меня нет доверия к вам, ни у вас ко мне. Я сбился с пути, взял худую веру, от меня произошла вина, по причине которой сердца ваши на меня ожесточились. А у Нуха вот имеется ли какой недостаток?“ Ответили: „Нет“. Сказал: „Вашим государем отныне является Нух, я его назначаю своим преемником. Что касается меня самого, поступал ли я правильно или ошибочно, впредь предамся мольбам о прощении ¹⁹² и покаянию, буду стараться об отпущении грехов перед богом, великим и преславным. Тот же, кто вас подстрекнул к этому; наказан“. Он приказал вынуть из торбы ту голову, бросить перед ними, а сам опустил с трона и сел на коврик для намаза. Нух подошел, сел на место отца. Увидев и услышав все это, начальники войска не могли привести ни извинений, ни отговорок, все, кто присутствовал, наклонили головы к земле, пожелали счастья Нуху, и, свалив весь грех на шею сипах-салара, сказали: „Мы все — твои рабы, повинuemся твоему приказу“. Он сказал: „Знайте! Я считаю, то что произошло — произошло, ваши ошибки преследовали хорошую цель, и я осуществил ваше желание. Повинуйтесь моему приказу и живите в свое удовольствие“. Затем он потребовал оковы, приказал наложить их на ноги отца, немедленно отвести его в Старую крепость и заключить в темницу. ⁴⁰⁸ Он сказал: „Теперь вставайте и пойдем в пиршественные покои“. Пришли в пиршественные покои, каждый выпил по три пиалы вина. Он произнес: „Ранее вы намеревались, выпив три пиалы вина, расхватать все, что было приготовлено для собрания. Я не приказываю хватать, но дарю вам. Возьмите и разделите поровну между собой“. Взяли, сложили все в мешки, поставили печать, вручили доверенному. Затем он сказал: „Вот сипах-салар задумал злое и нашел себе возмездие, вот мой отец сбился с правого пути и познал возмездие. Вы условились после пиршества отправиться на священную войну против тюрок“

в сторону Баласагуна. А вот священная война с неверными — у самих дверей нашего дома. Займемся этой войной. Где бы кто не стал еретиком, в Мавераннахре ли, в Хорасане ли, где бы кто не принял ту веру, что принял мой отец, начнем там священную войну, где бы ни нашлся какой-либо еретик или какой-либо маздакит, всех перебьем; все имущество и достояние — ваше. Все, что было в собрании из золота и дирхемов, я сегодня отдал вам, завтра отдам то, что находится в казнохранилище, ибо имущество батинитов не достойно ничего другого, кроме разграбления. Освободившись от этого важного дела, мы обратимся против неверных тюрок. Я хочу, чтобы вы поотрубали головы Мухаммеду Нахшаби и всем надимам ¹⁹³ моего отца. Итак, пройдитеесь по городу и округе“. Они убили Мухаммеда Нахшаби,⁴⁰⁹ главу проповеди, всех надимов и тех лиц, которые исповедывали учение общности.⁴¹⁰ В тот же день он отправил в Мерверруд одного эмира с сильным войском схватить сына Савадэ и где бы ни находились проповедники, убивать их. Он сказал: „Я предписываю осторожность, — пусть не будет убит по ошибке ни один мусульманин. Если убьете ошибочно кого из мусульман, я воздам смертью за смерть“. В течение нескольких суток вели разыскание и убивали по достоверности и правильности, так что в Хорасане и Мавераннахре была прекращена основа их пропаганды и эта вера стала тайной.⁴¹¹

Глава о выступлении батинитов в землях Сирии и Магриба

Итак, мы дошли до событий в Сирии. Сын Абдаллаха сына Меймуна, по имени Ахмед,⁴¹² после отправления его отца в Басру, где он проповедывал свою веру, жил и умер, поднялся и направился в Сирию, а из Сирии ушел в Магриб,⁴¹³ там был хорошо принят, его проповедь нашла отклик. Он снова вернулся в Сирию, обосновался в одном городе, который называют Саламиэ.⁴¹⁴ Там у него появился сын, имя его Мухаммед сын Ахмеда.⁴¹⁵ Когда Ахмед умер, его сын был малолетний. Брат Саид заступил его место, отправился в сторону Магриба, переименовав свое имя на Абдаллах сын ал-Хусейна.⁴¹⁶ Он направил в качестве своего заместителя

одного человека из своих сподвижников, называвшегося Бу-Абдаллах Мухтасиб,⁴¹⁷ к потомкам Аглаба, в края, где они пребывали и призывал к этой вере жителей тех краев. Эти потомки Аглаба по большей части проживали в пустыне.⁴¹⁸ Людей, принявших эту веру, стало много. Тогда Саид приказал: „Теперь действуйте мечами, убивайте всякого, не принявшего вашу веру“. Так и поступили. Собралось много людей из потомков Аглаба; нападая на города и округа, они грабили, убивали и, захватив многие города, стали государями над большинством оседлых мест Магриба. Был один человек суннит Али Вахсудан из Дейлема.⁴¹⁹ Он был сипах-саларом. Он был послан неожиданно с войском Сирии против Бу-Абдаллаха Мухтасиба. Бу-Абдаллах бежал; было убито много людей из потомков Аглаба, другие бежали. А этот Абдаллах ушел в некий город. Там, набросив на себя ¹⁹⁴ тайласан,⁴²⁰ он проводил время, как благочестивый. К нему отнеслись хорошо. В этом же году в Сирии восстал один человек, по имени Закравейх Сахиб ал-хал.⁴²¹ Он захватил большую часть Сирии, затем утвердился на полуострове потомков Аглаба, там обосновался. Потомки Аглаба посылали к нему зякят. Когда он умер, на его место сел его сын, но этот обычай там остался.⁴²²

Восстание карматов и маздакитов в округе Герат и Гур

Правитель Герата Мухаммед сын Харсума⁴²³ известил в двести девяносто пятом году хиджры Справедливого эмира Саманида,⁴²⁴ что в предгорьях Гура и Гарджистана⁴²⁵ выступил некий человек, которого зовут Бу-Билал,⁴²⁶ к нему собираются люди всякого состояния. Он называет себя Дар ал-адл — „вместилище справедливости“. Неисчислимо количество людей из округи Герата и окрестных краев идет к нему, присягает ему; их численность — свыше десяти тысяч людей. „Если проявить потворство его делу, то люди соберутся в еще большем числе. Тогда дело станет труднее. Говорят, что он был надимом Якуба сына Лейса и совершает проповедь еретического учения в качестве заместителя последнего“.

Когда Справедливый эмир узнал об этом деле, он сказал: „Понимаю так: У Бу-Билала начала кипеть кровь“. Итак, он приказал Зикри, хаджибу:⁴²⁷ „Выбери пятьсот доблестных тюрок-гулямов, скажи, что им дадут дирхемы, в качестве командующего назначь Бигиша, он разумный гулям; скажи, чтобы ему дали десять тысяч дирхемов и приготовили пятьсот кольчуг и верблюдов. Явись завтра вместе с ними в Джуи-Мулиан,⁴²⁸ пусть они пройдут передо мною, чтобы я осмотрел их“. Хаджиб Зикри так сделал. А эмир написал послание Бу-Али Мервези:⁴²⁹ „Выдай дирхемы своим людям и выходи из города прежде, чем гулямы дойдут до тебя. Гулямы отправятся в Герат и соединятся с Мухаммедом, сыном Харсума“. Он также написал послание Мухаммеду сыну Харсума: „Приготовься и выходи из города, тем временем к тебе подойдут Али и Бигиш“. А Бигишу он сказал: „Если победишь, я дам тебе владение“. Гулямам он сказал: „Это совсем не то, что война с Али сыном Шарвина⁴³⁰ или Амром сыном Лейса или Мухаммедом Харави.⁴³¹ Там было много войска и снаряжения. Я доверю вам эту задачу. Бунтовщики показались у подножья гор Герата, они открыто объявили веру еретиков и карматов, по большей части они пастухи и земледельцы. Одержите победу, я подарю вам почетные одежды, одарю вас“. Он ¹⁹⁵ назначил расторопного дабира в качестве их кадхуда. Когда Бигиш прибыл в Мерверруд, Бу-Али немедленно присоединился к нему со своими людьми. Он захватил головные участки путей, дабы бунтовщики не могли быть извещены. Когда дошли до Герата, к ним вышел Мухаммед сын Харсума со своим войском. Они захватили дороги, так что Бу-Билал не узнал ничего, вошли в горы, в трое суток перешли трудные горные тропы, наконец, добрались до бунтовщиков, неожиданно их окружили, всех перебили, захватили Бу-Билала Хамдана и десять других человек из их начальников. Спустя семьдесят дней они возвратились оттуда. Бу-Билала заключили в темницу Старой крепости, там он и умер, других эмир разослал по различным городам, чтобы их там повесили. В Гуре и Гарджистане на некоторое время был пресечен их корень. В тот же год Справедливый эмир умер, его заступил Наср сын Ахмеда, который был его сыном,⁴³² а о том, что случилось при нем, мы упомянули ранее.

Восстание Али сына Мухаммеда Буркаи⁴³³ в Хузистане и Басре совместно с войском негров.

Буркаи восстал в двести пятьдесят пятом году от хиджры⁴³⁴ Мухаммеда, — мир над ним! Несколько лет он соблазнял негров в Ахвазе и Басре, проповедывал и давал пророчества; он восстал в тот срок, в который с ними условился; негры стали с ним заодно, они сперва взяли Ахваз, захватили Басру, весь Хузистан, схватили своих господ, перебили их, занялись преступлениями и насилиями. Халиф Мутаид неоднократно посылал войска. Они их разбивали. Буркаи властвовал в течение четырнадцати лет четырех месяцев и шести дней. В конце концов он был захвачен Муваффаком братом Мутаида посредством хитрости. Всех негров убили, Али сына Мухаммеда Буркаи повесили в Багдаде.⁴³⁵ Его вера была та же самая, что и вера Маздака, Бабека, карматов еще хуже во все отношениях.⁴³⁶

Восстание Бу-Саида Джаннаби и сына его Бу-тахира в Бахрейне и Лахса.

Бу-Саид ал-Хусейн сын Бахрама ал-Джаннаби восстал в 196 Бахрейне и Лахсе,⁴³⁷ во времена Мутасима.⁴³⁸ Он призвал людей шиитской веры, которую мы называем батинитской, сбил их с пути и упрочил свое дело. Став могущественным, он принялся за грабежи по дорогам, объявил учение об общности имущества. Некоторое время прошло таким образом. Его убил один евнух.⁴³⁹ После этого в Бахрейне и Лахса не доверяли евнухам. Он имел сына.⁴⁴⁰ Его звали Бу-Тахир: он сел на место отца. Некоторое время он пребывал в благонравии, не хотел ничего знать об учении шиитов, держал себя далеко от развращенности. Но затем он отправил кого-то к проповедникам, потребовал их книгу, которую называют „Сокровищница вещаний седьмого имама“.⁴⁴¹ Прочитав ту книгу, он стал собакой. Он обратился ко всем, кто был в Бахрейне и Лахса: „Возьмитесь за оружие, вам предстоит дело“. Приближалось время хаджжа. Вокруг него собрались люди. Он их взял и повел на почитаемую Мекку. В виду хаджжа там сошлось неисчислимое множество людей. Он приказал: „Обнажите сабли, уби-

вайте всех, кого удастся. Старайтесь, чтобы убить больше живущих рядом с Меккой“. Те сразу набросились с саблями на народ и убили множество людей. Люди побежали в святилище, закрыли двери, поставили перед собой списки Корана, читали. Мекканцы вооружились, пошли на бой с Бу-Тахиром. Увидав это, Бу-Тахир отправил посланника: „Мы пришли на хаджж, а не на войну. Грех на вас, так как вы закрыли перед нами святилище, вот мы и прибегли к оружию. Удалитесь, не обижайте паломников, дайте и нам совершить хаджж, не то путь сей закроется и вы опозоритесь. Не мешайте нашему хаджжу“. Мекканцы поверили их словам, — может-быть, к ним проявлена была неприязнь, вот они взялись за оружие! — порешили под клятвой: обеим сторонам положить оружие и прекратить сражение. Итак, положили оружие, занялись обрядом обхождения вокруг Каабы. Увидав, что обладавшие оружием рассеялись, Бу-Тахир приказал сподвижникам: „Возьмите оружие, ворвитесь в святилище, избивайте всех, кого найдете снаружи и внутри“. Они внезапно ворвались в святилище, обнажили мечи, стали избивать всех, кого находили. Из-за страха перед мечами люди бросались в колодцы, бежали на вершину горы. Сподвижники Бу-Тахира вынесли из помещения черный камень, разрушили золотой 197 желоб, заявляя: „Так как ваш бог уходит на небо,⁴⁴² зачем ему помещение на земле, непременно разграбим“. Затем они сняли завесы с помещения, по-грабительски разорвали их на части. Они издевались и говорили: „Кто входит в него, тот безопасен, и он защитил их от страха.⁴⁴³ Вот вы вошли в дом, почему же вы не получили избавления от наших мечей? если бы у вас был бог, он защитил бы вас от наших мечей“. И еще говорили тому подобные речи. Они увели жен и детей мусульман; убили счетом с двадцать тысяч человек мужчин, не считая тех, что бросились в колодцы; Бу-Тахир приказал бросать на них убитых, дабы те умерли под мертвыми. Они унесли все золото, серебро, благовония и утварь. Возвратившись в Бахрейн, они отправили проповедникам бесчисленные подношения из этих имуществ. Случилось это событие во времена ислама во время Муктадира, в триста семнадцатом году.⁴⁴⁴ Затем они отправили подношения в Магриб⁴⁴⁵ к Бу-Саиду,⁴⁴⁶ который был старшим сыном, одним из детей Абдаллаха сына

Меймуна Каддаха, имя его Ахмед. Абдаллах женился на его матери, воспитал, использовал для дела, научил его знаниям и мудрости, устроил его великолепие, сделал своим наследником, обучил проповедывать и дал знаки. Тот собрался, отправился в Магриб, остановился в городе Сиджилмаса.⁴⁴⁷ Дело его окрепло. Он научал людей этой вере; одних — принуждением, других — ласкою. Он проповедывал: „Я — Махди и алид“. Он наложил тяжелые хараджи, дозволил вино, разрешил мать и сестру, приказал проклинать Марванидов и Аббасидов. Выйдет длинно, если вспомнить кровь, которую он несправедливо пролил, плохие обычаи, которые он установил. В историях так говорят: тот, кто сидит в Египте — из его потомков. Когда Бу-Саид и Бу-Тахир появились в Лахсе, они бросили в поле и осквернили все имевшиеся списки Торы, Евангелия и Корана. Бу-Тахир говорил: „Три лица принесли порчу людям: пастух, лекарь и погонщик верблюдов.“⁴⁴⁸ Наибольший из них обманщик погонщик верблюдов“. Он дозволил сестру, мать и дочь свою. Он открыто возвестил учение Маздака. Он разбил на две части черный камень, одну часть он положил в начале ямы отхожего места, другую — по другую сторону: когда садился над той ямой, одну ногу ставил на эту половину, другую — на ту половину. Он приказал проклинать посланников и пророков; арабам в этом отношении приходилось тяжело. Он приказал мужчинам вступать в близкие отношения с матерями и сестрами. Много людей из арабов проглотили мышьяк и серу, оттого умерли, лишь бы человеку не входить в сношения с матерью. Однако жители Магриба и арабы других долин, бывшие язычниками, все это послушно и охотно приняли. И в другой раз они напали на караван совершающих хаджж, перебили неисчислимое множество людей. Когда же люди Ирака и Хорасана собрались воевать с ними, двинулись сухим и морским путем, они испугались, привезли обратно черный камень и бросили в куфийской соборной мечети. Люди пришли в мечеть и неожиданно обнаружили черный камень в двух кусках. Подняв его, они скрепили железными гвоздями, отвезли в Мекку и положили обратно на место.⁴⁴⁹ Затем Бу-Тахир вывел из Исфахана в Лахса гябра Габрэ,⁴⁵⁰ посадил его на власть государя; когда этот гябр утвердился, он убил семьсот человек из их старшин и захотел

убить Бу-Тахира и его брата. Бу-Тахир узнал, хитростью его убил, снова стал властвовать.⁴⁵¹ Не поместится в эту краткую книгу, если вспоминать, какие разрухи причинила эта собака странам ислама, сколько народу убил. И эта смута длилась до времени Рази. А в дни Рази появились дейленцы.⁴⁵²

Все это мы упомянули затем, чтобы владыка мира — да увековечит господь его султанство! — знал, что они творили в исламе. Не следует доверять их словам и клятвам; сколько народу убивали эти карматы всякий раз, как находили случай.⁴⁵³

В это время Муканна Мервези восстал в краях Мавераннахра. Он сразу изъяснил шариат от своих соплеменников; сначала он совершал такую же проповедь, какую совершают батиниты, как делали Бу-Саид Джаннаби, Бу-Саид Магриби, Мухаммед Алави Буркаи,⁴⁵⁴ как делают их проповедники. Все они были в одно время, дружили друг с другом и переписывались. Муканна Мервези построил в Мавераннахре некий механизм; он выводил из-за одной горы нечто вроде луны, в то же самое время, когда вставала луна, так что люди той округи видели; продолжительное время он держал высоко⁴⁵⁵ (?). Когда отвратил людей той страны от мусульманства¹⁹⁹ и шариата, он объявил себя богом. В его правление было пролито много крови, произошло много сражений людей ислама против него. Долгие годы он пользовался без меры властью государя. Если все это припоминать, рассказ выйдет длинным. Предания о каждой из этих собак, которых мы упомянули, могут составить большую книгу.

В какое время батиниты восставали, у них в то время было какое-либо имя и прозвище.⁴⁵⁶ В каждом городе их звали другим именем: в Алеппо и Египте их называют исмаилитами, в Багдаде, Мавераннахре, Газнине — карматами; в Куфе — мубарикитами; в Басре — равандитами и буркаитами; в Рее — халафитами и батинитами; в Гургане — мухаммирэ, в Сирии — мубайизэ, а в Магрибе — саидитами; в Лахсе и Бахреине — джаннабитами; в Исфахане — батинитами; они же сами называют себя — талими.⁴⁵⁷ У них всех — да проклянет их господь! — одна цель: во что бы то ни стало разрушить мусульманство, оказать враждебность исламу, семье посланника, — мир над ним! — вводить людей в заблуждение.⁴⁵⁸

Глава о восстании хуррамдинцев в Исфахане и Азербайджане

Теперь сей раб приведет несколько кратких слов о хуррамдинцах, чтобы осведомить о них владыку мира. Когда ни восставали хуррамдинцы, батиниты были с ними заодно, помогали им, так как корень обоих вер один и тот же. В сто шестьдесят втором году, во времена халифа Махди,⁴⁵⁹ батиниты Гургана, которых называют „красные знамена“, объединились с хуррамдинцами. Они говорили: „Бу-Муслим — жив! Захватим царство“. Они поставили своим предводителем Абу-л-Гарра, его сына, двинулись на Рей. Они не различали между дозволенным и недозволенным, сделали жен общими. Махди написал послание по различным областям и Амру сыну ал-Ала, который был правителем Табаристана: „Объединяйтесь, выходите на сражение с ними“. Они выступили, и то собрание рассеялось. Во время пребывания Харун ар-Рашида в Хорасане восстали в другой раз хуррамдинцы области Исфахана, Тармидайн, Капулэ, Фабика и других сельских округов. Много людей вышло из Рея, Хамадана, Дастэ, Гирэ⁴⁶⁰ и присоединилось к этому народу. Число их стало свыше ста тысяч. Харун послал из Хорасана на войну с ними Абдаллаха сына Мубарика⁴⁶¹ с двадцатью тысячами всадников. Еретики испугались, каждый раздел людей возвратился на свое место. Абдаллах сын Мубарика написал послание: „Нам необходим Бу-Дулаф“.⁴⁶² Халиф прислал в ответ послание: „Весьма правильно“. Они оба объединились. А хуррамдинцы и батиниты собрались во множестве. Опять они принялись за грабеж и разруху. Бу-Дулаф Иджи и Абдаллах сын Мубарика неожиданно произвели нападение, убили неисчислимое множество народу, детей их отвели в Багдад и продали.⁴⁶³

Восстание Бабек

После этого прошло девять лет, восстал Бабек из Азербайджана.⁴⁶⁴ Этот народ вознамерился присоединиться к нему; услышав, что войско преградило им путь, испугались, убежали. На другой год, во время Мамуна, в двести двенадцатом году⁴⁶⁵ восстали хуррамдинцы из округа Исфахана; к ним присоединились батиниты.

Отправились в Азербайджан и объединились с Бабеком. Мамун послал на войну с ними Мухаммеда сына Хамида ат-Таи⁴⁶⁶ и сначала приказал сразиться с Зурейком сыном Али сыном Садакэ,⁴⁶⁷ который, возмутьившись, действовал в иракском Кухистане, где и совершал грабежи, нападая на караваны. Мухаммед сын Хамида поспешно отправился; он ничего не попросил из казнохранилища Мамуна, а дал войску деньги из своего казнохранилища. Он двинулся на войну с Зурейком, захватил его, а войско его уничтожил. Еретики рассеялись. Мамун отдал Мухаммеду Казвин и Азербайджан. Между ним и Бабеком произошло шесть великих сражений. В конце концов Мухаммед сын Хамида был убит. Дело Бабека взяло верх. Хуррамдинцы возвратились в Исфахан. Мамун очень опечалился гибелью Мухаммеда. Он немедленно заменил его Абдаллахом сыном Тахира,⁴⁶⁸ правителем Хорасана, и послал его на войну против Бабека, отдав ему также во владение Кухистан и Азербайджан. Абдаллах собрался и отправился в Азербайджан. Бабек не мог ему сопротивляться, бежал в весьма укрепленную твердыню, а его войско рассеялось. Когда пришел двести восемнадцатый²⁰¹ год,⁴⁶⁹ опять восстали хуррамдинцы Исфахана, Парса, Азербайджана и всего Кухистана. Так как Мамун отправился в Рум, они все назначили срок, одну ночь, и, подготовившись, восстали ночью во всех краях и городах. Разграбили города и в Парсе убили множество мусульман, а жен и детей отвели в рабство. В Исфахане их главарем был некто Али сын Маздака;⁴⁷⁰ он произвел смотр у ворот города двадцати тысячам человек и отправился вместе с братом на Кух.⁴⁷¹ Бу-Дулаф отсутствовал. В Кухе находился его брат Макил, он не мог сопротивляться с пятьюстами всадниками, бежал, ушел в Багдад. Али сын Маздака захватил Кух, разграбил, кого нашел из людей ислама — убил, а детей иджлийцев⁴⁷² поработил. Вернувшись, он отправился в Азербайджан на соединение с Бабеком. Со всех сторон хуррамдинцы направлялись к Бабеку. Сначала их было десять тысяч, они увеличились до двадцати пяти тысяч. В Кухистане находится городок, зовут его Шахристанэ, — они там собрались, и к ним присоединился Бабек. Затем Мутасим послал на войну с ними Исхака⁴⁷³ во главе сорока тысяч людей. Исхак неожиданно напал на них, сразился, всех перебил, — в первой

битве было убито сто тысяч хуррамдинцев.⁴⁷⁴ Некое сборище двинулось на Исфахан, приблизительно десять тысяч человек, с братом Али сына Маздака; он разграбил исфаханские дома и селения, а женщин и детей увел в полон. Эмир Исфахана Али сын Иса⁴⁷⁵ отсутствовал. Кази и знатные отправились сражаться с ними, окружили со всех сторон, победили, многих убили, а жен и детей их порабостили. После того через шесть лет, Мутасим снова занялся делами хуррамдинцев и назначил Афшина.⁴⁷⁶ Афшин взял войско для войны с Бабеком, направился на войну. Они сражались два года. У Афшина и Бабека за эти два года было убито много людей. Наконец, Афшин, не сумев ничего поделаться с Бабеком силой, прибегнул к хитрости. Он приказал ночью своему войску, сняв палатки, 202 отойти на расстояние свыше десяти фарсангов и там находиться. Афшин направил человека к Бабеку: „Пришли ко мне мужа разумного и зрелого, я скажу ему кое-что, что станет полезным для нас обоих“. Бабек прислал к нему человека. Афшин сказал: „Передай Бабеку: у всякого начала имеется конец. Голова человека — не стебли лука, которые могут отрасти заново. Мои люди по большей части перебиты, из десяти человек одного не осталось. Наверное и у тебя то же самое. Давай, заключим мир. Ты удовлетворишься тем владением, которым обладаешь, сиди здесь, а я вернусь и получу для тебя от халифа еще владение, пришлю грамоту. Если ты не согласен на мой совет, выходи, дабы нам испытать сразу, кому из нас поможет счастье“. Посланник ушел, а Афшин укрыл в горах и ущельях две тысячи всадников и три тысячи пехотинцев, чтобы они были в засаде на подобие отступающих. Когда посланник явился к Бабеку и объявил ему о количестве и свойствах войска Афшина, а такие же сведения принесли и лазутчики, он решил через три дня дать жестокую битву. Афшин же расставил войско в засаду справа и слева на расстоянии фарсанга и сказал: „Когда я обращусь в бегство, большинство его войска займется грабежами, лишь немногие будут меня преследовать, тогда вы появитесь из засады в их тылу и перехватите им дорогу, а там я повернусь и сделаю, что смогу сделать“. Итак, в день сражения Бабек вывел войско более, чем в сто тысяч человек пехотинцев. Войско Афшина, судя по тому, что они увидели, показалось им ничтожным.

Они вступили в сражение. С обеих сторон яростно сражались. Было много убитых. На закате Афшин обратился в бегство. Отойдя на один фарсанг от лагеря, он сказал знаменосцу: „Подними знамя“. Повернулись, и все войско, которое подходило, остановилось. А Бабек раньше сказал: „Не занимайтесь грабежом, пока не отделаемся разом от Афшина и его войска“. Итак, все бывшие с Бабеком всадники двинулись преследовать Афшина, пехотинцы же занялись грабежом. А за Афшином следовало по горам слева и справа двадцать тысяч всадников. Заметив на поле пехотинцев — хуррамдинцев они перехватили дорогу из ущелья и стали действовать мечами. Афшин возвратился с войском. Бабек и его войско оказались окруженными и как они ни старались, не нашли пути к бегству. Подоспел Афшин и захватил его. До ночи нападали и избивали, убили свыше восьмидесяти тысяч. Затем Афшин оставил там одного гуляма с десятью тысячами всадников и пехотинцев, а сам повел Бабека и других пленников в Багдад. Бабека отвели в Багдад с отличительным знаком. Когда взор Мутасима упал на Бабека, он сказал: „О, собака! Для чего ты поднимал смуту, убил столько мусульман?“ Тот ничего не ответил. Он приказал отрезать ему руки и ноги. Бабеку отрезали одну руку, он обмакнул другую в кровь и помазал ею свое лицо. Мутасим спросил: „Эй, собака! Зачем ты это сделал?“ Тот ответил: „В этом есть свой смысл. Вы хотите отрезать мои руки и ноги, — лицо же человека бывает румяным от крови, когда кровь выходит из тела, лицо бледнеет, — вот я и вымазал свое лицо кровью, дабы люди не могли сказать: его лицо побледнело от страха“. Тогда халиф приказал зашить Бабека в сырую бычью кожу, чтобы оба коровьих рога прищлись к его заушным впадинам. Кожа сохла, а его повесили живым, и он висел, пока не умер в мучениях.⁴⁷⁷ Имеется целая книга, где много рассказов о восстании Бабека от начала до его гибели. Был захвачен в плен один из палачей, бывших у Бабека. У него спросили: „Сколько ты убил?“ Ответил: „У Бабека было много палачей, что касается меня, то я убил тридцать шесть тысяч мусульман“. И это не считая тех, кого убили другие палачи.⁴⁷⁸ У Мутасима было три победы, все были к славе ислама: первая победа — над Румом, вторая победа —

над Бабеком, третья победа — над Мазиаром Гябром из Табаристана.⁴⁷⁹ Если бы не случилось хоть одной из этих побед, уничтожился бы ислам.⁴⁸⁰

Рассказ. Однажды Мутасим сидел за пированием. Присутствовал кази Яхья сын Аксама.⁴⁸¹ Мутасим поднялся с собрания, отправился в другой покой. Некоторое время спустя он вышел и выпил вина. Три раза он отправлялся в баню, совершал омовение и выходил, требовал коврик для намаза, совершал два риката из намаза и возвращался в пиршественное собрание. Он спросил кази Яхью: „Знаешь ли ты, каковы намазы, совершаемые мною?“ Ответил: „Нет“. Сказал: „Намазы благодарности за благодеяния, которыми удостоил меня бог, великий и преславный“. Яхья спросил: „Что это за благодеяния? если высокий разум заблагорассудит, да соизволит сказать, дабы мы приобщились к радостям“. Ответил: „В это время я лишился девственности трех девушек, они все три — дочери моих врагов, одна — дочь царя Рума, другая — дочь Бабека, третья — дочь Мазиара Гябра“.

В дни Васика⁴⁸² опять восстали хуррамдинцы в пределах Исфохана. От них произошло много зла и разрухи. Они бунтовали до трехсотого года,⁴⁸³ ограбили Гирэ, убили много людей. Снова были побеждены, снова восстали на шаха, нашли убежище в горах Исфохана, грабили караваны, разоряли селения, убивали старого и молодого, жен и детей. Более тринадцати⁴⁸⁴ лет они поднимали смуту; ни одно войско не было в силах им сопротивляться, невозможно было проникнуть в те недоступные и укрепленные места, которыми они владели. Но в конце концов их захватили и перебили, а головы носили по Исфохану. Весь ислам возрадовался этой победе. Написали послание о победе. Рассказы о них полностью приведены в „Таджариб-ул-улам“, в истории Исфохана, и в известиях о халифах рода Аббаса.⁴⁸⁵

Что касается правил веры хуррамдинцев, они таковы: они признают разрешенным запрещенное,⁴⁸⁶ отвергают все, что является тягостью для тела, они отказались от шариата, как-то: намаза, поста, хаджа, зякята, они считают дозволенным вино, имущество и жен людей, они удалились от всего, что является религиозной обязанностью. Всякий раз, как они составляют общину, садятся

за деловое совещание, речи их таковы: сперва они призывают благословение на Бу-Муслима, на Махди, на Фируза сына Фатимы, дочери Абу-Муслима, которого они называют „мудрым ребенком“.⁴⁸⁷ Отсюда известно, каковы основы учения Маздака.⁴⁸⁸ Хуррамдинцы и батиниты близки друг к другу, они постоянно стремятся к тому, чтобы каким бы то ни было образом уничтожить ислам. Эти еретики внешне показывают любовь к семейству пророка, — мир над ним! — дабы уловлять людей, когда же забирают силу, прибирают людей к рукам, то стремятся уничтожить божеский закон.⁴⁸⁹ Они — враги 205 семейства пророка. Они ни к кому не питают милосердия, ни одно племя неверных не является более безжалостным, чем они. А друг другу они помогают. Учение их упомянуто ради предостережения. Мир принадлежит владыке мира, — да увековечит бог его царство! — рабы принадлежат ему. Еретики побуждают к накоплению имущества, отнимают вспомошествование от заслуживающих помощи от казны, утверждают, что это ведет к сбережениям. Никогда не получится рубахи, если разорвем подол и употребим на заплаты рукава. Слова сего раба вспомнятся тогда, когда они начнут бросать уважаемых и вельможных в эту яму, когда дойдет до ушей звук их барабана, когда тайна их обнаружится. При таком расстройстве владыка мира узнает, что все, что говорил сей раб — правильно говорил, что он проявил соболезнование и доброжелательность к победоносной державе, да удалит всевышний плохой глаз от его времени и от его державы! Да не даст бог врагам государя достигнуть своих желаний и целей! Да украсит бог этот государев двор, его приемы и диван до дня восстания из мертвых людьми верующими! Да не лишит державу приверженцев! Да сделает на каждый день победу, торжество и славу, подобные Наурузу, Мухаммеду и пречистому его роду!

Рубаи

Я видел мало в мире полезного без изъяна,
Я видел мало любезных сотоварищей без ненависти.
Друга, который не стал бы в конце концов врагом,
Много я по свету искал — мало видел.

Глава сорок девятая.

О сохранности казнохранилища, о соблюдении правил и порядка в нем.

У царей всегда было два казнохранилища, одно — основное казнохранилище, другое — расходное казнохранилище. Имущество, которое получалось, хранилось по большей части в основном казнохранилище. Пока не случилось к тому необходимости, не тратили из основного казнохранилища, а если что-нибудь брали, то брали как бы в виде займа и вместо взятого клали возмещение. Когда об этом размышляют, то не следует всему тому, что поступает на приход итти на расход, а то, если неожиданно придет необходимость в деньгах, придет тревога, и в важном предприятии произойдут замедление и упущение; а в имуществе, которое зачислялось в казнохранилище из поступлений от стран, никогда не бывало замен и перечислений, чтобы расходы производились своевременно и не случалось замедления в дарах, пожалованиях, пособиях и все казнохранилища были бы благоустроенными.

Рассказ. Я слышал, что эмира Алтунташа, который был великим хаджибом султана Махмуда, султан назначил на власть хорезмшаха.⁴⁹⁰ Он отправился в Хорезм. Абрэ⁴⁹¹ Хорезма составляло шестьдесят тысяч динар, а содержание Алтунташа — сто двадцать тысяч динар. Прибыв в Хорезм, он послал по истечении одного года своих доверенных в Газнин и обратился с просьбой и настояниями, чтобы ему отписали на содержание те другие шестьдесят тысяч динар, что составляют повинность Хорезма, взамен того, что будут давать из дивана. Вазиром был в то время Шамс ал-куфат Ахмед сын Хасана Мейманди. Прочитав послание, он

немедленно написал ответ: „Во имя бога, милосердного и все-прощающего! Да будет известно эмиру Алтунташу, что он не может быть Махмудом.⁴⁹² Ни в коем случае те налоги, за которые он ответственен, ему не будут представлены. Собери налоги, доставь в казнохранилище султана и получи расписку, а затем проси и содержание, чтобы отписали тебе на Систан; тогда с бератом отправятся за теми налогами, возьмут их и доставят в Хорезм. Да будет разница между рабом и владыкой, между Махмудом и Алтунташем! Ведь как порядок дел государя известен, так и делу войска определена мера. А речи хорезм-шаха должны быть безошибочны. Между тем, обратившись с такой просьбой, он или на султана взглянул пренебрежительно, или же Ахмеда сына Хасана счел простаком и невеждой в делах. Зная совершенство разума хорезм-шаха, нам это показалось удивительным и за совершенное следует просить извинения; великая опасность для раба — искать соучастия в царстве со своим владыкой“. Он отослал это письмо в Хорезм с одним военным в сопровождении десяти гулямов. Те привезли шестьдесят тысяч динар, доставили их в казнохранилище и получили взамен тех денег берат на Буст⁴⁹³ и Систан, взамен чего выдали гранатовой корки, чернильного ореха, хлопка и тому подобного. Вот так-то подобает хранить порядок царства и правила, дабы дела государства не отрывались одно от другого, укрепилось бы благополучие народа и благоустройство казнохранения, были бы пресечены нелепые вожделения относительно имущества султана и народа. У каждого государя, который проводит свои дни в нерадивости и забавах, дела со временем приходят в упадок и о нем плохое упоминание в летописях и рассказах. И падишахство тем бывает желанно, что после него остается доброе и славное имя.⁴⁹⁴

Глава пятидесятая.

О даче ответов, о проведении дел челобитчиков и свершении правосудия.

Всегда при дворе пребывает много людей из челобитчиков; они не уходят, если не получают ответа на свое заявление. Иноземец и посол, приходящие к тому двору, видя эти вопли и сумятицу, могут предположить, что из этого двора исходят для народа великие притеснения. Надо сию дверь для них закрыть, надо выслушивать вместе нужды как чужих, так и своих и здесь же решать. Когда же до челобитчиков дошел приказ, пусть они немедленно уходят, дабы не производить этих воплей и сумятицы.

Рассказ. Говорят, что Иездеджерд⁴⁹⁵ сын Шахриара отправил посланника к повелителю правоверных Омару, — милость господня над ним! — говоря: „Во всем мире нет двора более многолюдного, чем наш двор, нет казнохранилища более благоустроенного, чем наше казнохранилище, нет войска более отважного, чем наше войско, никто не имеет столько людей и снаряжения, сколько находится у нас“. Омар послал ответ: „Да, двор ваш — многолюден, но челобитчиками; ваше казнохранилище благоустроено, но неправильными налогами; ваше войско отважно, но непослушливо. Когда уходит державность, не приносит пользы снаряжение и многолюдство. И все это является доказательством вашей бездержавности. От вашего упадка спасенье в том, что бы ваш султан самолично творил справедливость, чтобы все стали справедливыми и чтобы он не питал вожделения к непотребному“, как вот сделал султан Махмуд.

Рассказывают, что один торговый гость пришел на разбор жалоб у султана Махмуда, сетуя на его сына Масуда и принося жалобу: „Я — купец. Уже долгое время как я пребываю здесь и хочу отправиться в свой город, но не могу уйти, потому что твой сын купил у меня на шестьдесят тысяч динар товара, а не дает уплаты. Я прошу, чтобы царь послал со мною Масуда к судье“. Махмуд, опечаленный словами купца, поручил сказать Масуду в резких выражениях: „Я требую, чтобы ты незамедлительно удовлетворил купца в его праве, а не то отправляйся вместе с ним к судье, дабы он тебе приказал то, что следует по суду религиозного закона“. Купец отправился в дом судьи, а посланец пошел к Масуду и передал сообщение. Смутьившись, Масуд приказал казначею: „Посмотри в казнохранилище, сколько там из наличных денег“. Казначей сосчитал и сказал: „Двадцать тысяч динар“. Масуд сказал: „Возьми и отнеси их торговому гостю, а на все деньги попроси три дня времени“, посланцу же сказал: „Скажи султану, я сейчас же отдал двадцать тысяч динар, в течение трех дней я полностью удовлетворю торгового гостя в его требованиях. Вот я надел каба, препоясался, обул сапоги и стою в ожидании приказа, — итти ли мне или нет в особое шариатское собрание?“ Махмуд сказал: „Поистине знай, ты не увидишь моего лица, пока не доставишь полностью и в целости имущество“. Масуд не осмелился слова вымолвить; он разослал во все стороны людей с просьбой о займе и когда наступил дневной намаз, купец уже получил шестьдесят тысяч наличными деньгами. Торговые гости рассказали о происшедшем до крайних пределов мира: в Газнин отправились торговые гости из Чин, Хата, Египта, Магриба; они привезли в Газнин все, что было в мире из редких и удивительных изделий. В то время говорили о малейшем фарраше и стремянном, что в шариатском присутствии они были равны с раисом Хорасана и с амидом Исфахана.⁴⁹⁶

Рассказ. Амил города Химса написал Омару сыну Абдал-Азиза: „Разрушилась стена шахристана Химса,⁴⁹⁷ надо ее поправить, как они распорядятся?“. Написал в ответ: „Устрой шахристану Химса стену из справедливости, очисти дороги от притеснений и страха, тогда не будет нужды в глине, кирпиче, камне и извести“.

Всевышний приказывает: „Давид! Мы поставили тебя своим наместником на земле, суди людей справедливо“;⁴⁸⁸ каждое слово, что ты скажешь, говори по справедливости, каждое дело, которое ты делаешь, делай по правде. Доволен ли бог своим слугой? Пророк — мир над ним! — говорит: „Тот, кто поставил над мусульманами амию и знает, что среди мусульман находится кто-то лучше поставленного, изменяет богу и его посланнику“. Толкование этого таково: он говорит: „следует приставлять к делу людей богобоязненных, чтобы они не притесняли рабов бога, а проявляли бы сочувствие к ним; если же не так поступают, назначая амию, то это предательство, содеянное по отношению к богу, посланнику и мусульманам“.

Это место является отчетной книгой для царей; если они бывают хорошими, их поминают добром, плохие — их плохо поминают и проклинают. Унсури⁴⁹⁹ говорит:

О т р ы в о к

И станешь предметом рассказов, если сделаешь трон
из небесного свода,
И станешь предметом молвы, если опояшешься поясом из
небесного свода.⁵⁰⁰
Старайся, когда ты молвишь слово, чтобы веским
было слово,
Пытайся, став предметом рассказов, чтобы хорош был
рассказ.

Глава пятьдесят первая.

О наблюдении за отчетностью владения и порядке и способе ее.

Пусть напишут расчет налогов владения, приведут в ясность приход и расход. От этого такая польза, что получится ясное суждение о расходах, то, что следует, чтобы отбросить и не выдавать (?). Если у докладывающего отчетность будет что сказать относительно прихода, укажет ли он на сбережение или недостачу, пусть выслушают его слова: когда то, что говорят, будет соответственно истине, пусть требуют те налоги, чтобы не произошло по этой причине уменьшение или потери в налогах, чтобы ничего не осталось неясного в делах.⁵⁰¹

Что касается правильного поведения государя в отношении мирского имущества и дел, то оно — таково: быть справедливым, следовать древним обычаям и правилам царства, не устанавливать плохих обычаев, не давать согласия на неправое пролитие крови. На государях лежит священная обязанность: обследование амилей и дел их, знание прихода и расхода, сбережение имущества и устройство запасов для поддержания и отражения вражеских козней. Государю надлежит так жить, чтобы его не сочли скрягой, но также не быть настолько расточительным, чтобы говорили как о ветряном и моте; а во время дарения пусть соблюдает степень каждого; не дарит сто динар тому, кто заслуживает одного динара, а кто заслуживает сто динар, пусть не дарит тысячу, ибо и чиновность вельмож терпит урон, а еще и люди скажут: „он не знает достоинства и степени людей, не знает права заслуг, не знает людей разума,

остромыслия и знания". Они беспричинно станут обиженными, проявят нерадивость к службе. Еще надлежит с врагом так воевать, чтобы оставалось место для мира, и с другом и врагом так сходиться, чтобы можно было порвать, так разрывать, чтобы можно было сойтись. Не надлежит пить вино до опьянения, разом быть благодушным, а разом недовольным; когда государь немного займется зрелищами, охотой, мирскими удовольствиями, пусть он также время от времени займется воздаянием благодарности богу, милостыней, ночной молитвой, постом, чтением корана, совершением добрых дел, чтобы быть причастным и к вере, и к миру. Муж должен быть умеренным во всех делах, так как пророк соизволил изречь, — мир над ним! „Лучшее из дел — середина их“, то есть „наилучшее из дел — умеренность, каковая и наиболее хвалима“. Надлежит во всех делах помнить о всевышнем, дабы не произошло несчастья, исполнять по мере сил приказание и запрещение, стараться, чтобы во всяком деле, которое он делает, осталась память; все мирские труды существуют ради доброго имени; надо стараться в делах веры, чтобы всевышний удовлетворил его в делах веры и мирских, чтобы он дал исполнение желаний в двух мирах и все бы его желания исполнил.

Это „Книга о правлении“, ⁵⁰² вот — написана. Владыка мира приказал сему рабу, чтобы он сделал относительно этого некий изборник, и он поступил согласно приказа: одновременно сразу тридцать девять глав было написано и доставлено на высочайшее благоусмотрение и стало одобрено. Но было очень кратко и после этого сей раб увеличил, прибавил к каждой главе соображения, сделал изложение в ясных выражениях. В четыреста восемьдесят пятом году, ⁵⁰³ когда мы намеревались отправиться в Багдад, мы отдали писцу книг царя Мухаммеду Магриби, чтобы он переписал ясным почерком. А если сему рабу не придется возвратиться
211 из этого путешествия, то пусть он отнесет эту тетрадь владыке мира, чтобы увеличилось предостережение высочайшего благоусмотрения. А владыка мира, утруждая себя, пусть постоянно читает эту книгу! Да не наскучит чтение этой книги, так как в этой книге имеются и совет, и мудрость, и поговорки, и толкование Корана,

---

и предания о посланнике бога, — мир над ним! — и рассказы о пророках, — мир над ними! — и жития, и рассказы о справедливых государях, и повествования об ушедших, и рассказы об оставшихся и, несмотря на всю длину, она — коротка и достойна правосудного государя. А господь лучше знает!⁵⁰⁴

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПОСЛЕСЛОВИЕ

История сельджукского государства — неотъемлемая часть истории среднеазиатских народов. Говоря словами академика В. В. Бартольда, „благодаря образованию сельджукской империи огузский или туркменский народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из турецких народов“.¹ Туркменская по происхождению династия Сельджуков в лице своих султанов — „великих сельджуков“ — Тогрул-бека (1038—1063), Алп-Арслана (1063—1072), Малик-шаха (1072—1092) объединила под своей властью ряд народов и стран, находившихся на территории от Средней Азии до Сирии и Палестины. Это объединение сопровождалось весьма существенными изменениями в социальной жизни народов Ближнего и Среднего Востока. Определяя значение тюркского завоевания, Ф. Энгельс указывал, что „особого рода землевладельческий феодализм ввели на Востоке только турки в завоеванных ими странах“.² Несколько позднее в „Хронологических выписках“ К. Маркс выразил ту же мысль в применении к сельджукскому завоеванию: „их (сельджуков. — Б. Э.) появление изменило все отношения в передней Азии“ и „Малик-шах основал в своем государстве ряд ленных владений, раздробивших его царство на многочисленные мелкие государства“.³ Развитие ленной системы, так называемого икта, закрепощение крестьянства, децентрализация государственного устройства — таковы

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 27.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Соч., т. XIV, стр. 179.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. V, Хронологические выписки, стр. 109 и 113.

значительные изменения, без учета которых немислимо понять историю XI—XII столетий, как европейских, так и азиатских народов.¹

К сожалению, дошедшая до нас литература сельджукского периода малочисленна и небогата содержанием. Исключение составляет „Сиасет-намэ“, или „Книга о правлении“, — одно из замечательнейших произведений восточного средневековья. Согласно общепринятому до последнего времени мнению, „Книга о правлении“ приписывается Низам ал-мульку, знаменитому вазиру и атабеку упоминавшихся выше султанов Алп-Арслана и Малик-шаха. Неприимимый и яростный враг исмаилитов-асасинов, Низам ал-мульк был убит последними в 1092 г. „Книга“, написанная перед гибелью вазира, является как бы завещанием. Этот общепринятый взгляд на авторство памятника, как нам представляется, нуждается в коренном пересмотре. Повидимому, значительная часть памятника была составлена значительно позднее гибели Низам ал-мулька в начале XII в. Подобный вывод, аргументированный нами подробно во „Введении к изучению“, ни в малейшей степени не меняет установленной еще в прошлом столетии исключительной значимости памятника.

Написанная в форме поучения, богато иллюстрированная различными примерами-рассказами, „Книга“ — острый политический документ, направленный в значительной мере против развития ленной системы и децентрализации государственной власти. „Книга“ призывает к созданию централизованного государственного аппарата, гвардии, широкой осведомительной службы. Надо ли говорить, что в условиях установления военно-ленной системы эти пожелания были утопией, они выражали страх господствующего класса перед крестьянскими восстаниями и иноземными нашествиями.

Представляя в своих рассказах-иллюстрациях таджикско-персидскую литературную традицию, „Книга“ с этой точки зрения является одним из образцов раннесредневековой таджикско-иран-

---

¹ См. об этом Б. Н. Заходер. Восточное средневековье. М., изд. МГУ, 1944, стр. 88—96; его же. Хорасан и образование государства сельджуков, „Вопросы истории“, 1945, № 5—6, стр. 119—141.

ской литературы, совершенно неисследованным и нуждающимся в самом пристальном внимании наших литературоведов.

Памятник до настоящего времени был известен подавляющему большинству читателей, не владеющих восточными языками, лишь во французском переводе первого издателя персидского текста сочинения Ш. Шефера (Ch. Shefer, 1893 г.). Настоящий перевод является полным переводом сочинения на русский язык. Как и предшествующий французский перевод, наш русский перевод сделан с изданного Ш. Шефером текста (1891 г.), являющегося самым старым из известных до настоящего времени вариантов (690—1291 г.). Находящиеся на полях перевода цифры означают страницы упомянутого издания.

При переводе, так же как при сопровождающих перевод разъяснительных материалах, были учтены:

а) тегеранское издание „Сиасет-намэ“ 1313 (=1934) г., выполненное Абд ар-Рахимом Хальхали;

б) рукопись Института востоковедения АН СССР (Ленинград), переписки 1276 (=1860) г., описание которой см. В. Dorn. *Mélanges Asiatiques*, VI, pp. 111—115.

в) рукопись Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), переписки 1267 (=1850) г., описание которой см. В. Dorn. *Mélanges Asiatiques*, V, p. 236.

За переводом следуют введение в изучение памятника, необходимое для ориентировки читателя в основных вопросах возникновения и бытования „Сиасет-намэ“, примечания, список условных сокращений и указатели.

2. ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

А. ИСТОРИОГРАФИЯ

Единственным источником для истории написания сочинения служат соответствующие отрывки самого же сочинения.

В панегирическом стихотворении, в конце „Сиасет-намэ“ ИШ, посвященному Мухаммеду б. Малик-шаху (вр. правл. 489 (=1105) — 511 (=1118) гг.), первый издатель сочинения называет себя старым слугою династии, каллиграфом, панегиристом, обладающим правом заслуг за более чем тридцатилетнюю службу.

این بنده قدیمی و خطاط و مدح کوی || دارد حقوق خدمت سی ساله بیشتر

Следуя отрывкам, находящимся в „Сиасет-намэ“, история написания сочинения была такова. В 484 (=1091/92) г. Низам ал-мульк по поручению Малик-шаха написал по конкурсу, как бы мы выразились теперь, трактат. Этот трактат был одобрен Малик-шахом, но затем переделан еще раз автором, который не только добавил ряд глав, но и увеличил состав всех глав, произведя окончательную редакцию. За некоторое время до отъезда из Исфагана в Багдад в 485 (=1092/93) г. Низам ал-мульк передал сочинение писцу книгохранилищ султана Мухаммеду Магриби с инструкцией вручить сочинение, переписанное ясным почерком, Малик-шаху. Мухаммед Магриби „не осмелился“ исполнить приказания ввиду смутного времени и гибели в пути автора, „объявил“ сочинение лишь по воцарении Мухаммеда б. Малик-шаха, т. е. 13—14 лет спустя после его написания.

Различные рукописи „Сиасет-намэ“ приводят к этой истории написания сочинения варианты, из которых важнейшими являются:

а) Расхождение в числе глав, добавленных Низам ал-мульком по написании сочинения; некоторые рукописи приводят цифру не одиннадцать, а пятнадцать добавленных глав.¹

б) Разнотчение названия сочинения: некоторые из известных нам рукописей называют сочинение не „Сиасет-намэ, а „Сийар ал-мулук“, т. е. „царские добродетели“.²

в) Разнотчение в наименовании издателя сочинения „Мухаммеда Магриби“, который называется или просто „Мухаммедом“,³ или „Мухаммедом Насих“,⁴ или даже „Мухаммедом б. Насих“.⁵

История бытования сочинения такова:

Самым старым указанием, фиксирующим наличие сочинения, является приписка на рукописи Британского музея Add 23516; согласно этой приписке, рукопись Британского музея была скопирована в 1032 (=1623) г. с рукописи, написанной в городе Урмия по приказу эмир-хаджиба Алп Джамал ад-дина в 564 (=1168/69) г.⁶ Существование рукописи 564 (=1168/69) г. подтверждается и припиской на рукописи Берлинского собрания, копированной с той же рукописи, что и рукопись Британского музея.⁷ 564 (=1168/69) г. — самая ранняя дата, устанавливающая существование сочинения.

Ни один из литературных памятников VI (=XII) столетия, в том числе и сельджукская история, составленная в 579 (=1183) г. Имад ад-дином ал-Катибом ал-Исфахани, не упоминает о сочинении Низам ал-мулька.

Самым ранним указанием в литературе на существование сочинения Низам ал-мулька является замечание Ибн-Исфендиара, автора табаристанской хроники, написанной в 613 (=1216/17) г.; касаясь истории Маздака, Ибн Исфендиар указывает: о появлении лжепророка Маздака сына Намдарана⁸ изложено в полном виде в книге „Царские

¹ „Сиасет-намэ“ ТИ, 2; ИВ, 16.

² „Сиасет-намэ“ ТИ, 185; ИВ, 1036; ПБ, 439.

³ Ch. Rieu. Catalogue, II, 414.

⁴ „Сиасет-намэ“ ТИ, 185; ИВ, 104а; в последней ошибочно вместо ناسخ находится باسغ.

⁵ „Сиасет-намэ“ ПБ, 439.

⁶ Ch. Rieu. Catalogue, II, 446.

⁷ W. Pertsch. 319—320.

⁸ „Сиасет-намэ“ ИШ, 166; Маздак сын Бамдада; ТИ, 141; сын Бамдадана.

добродетели“, Низам ал-мулька.¹ Второе указание в XIII в. на труд Низам ал-мулька находится в географическом сочинении Абу-Яхья Закариа б. Мухаммед ал-Казвини, посвящем название „Асар ад-билад“ и написанном в 674 (=1276) г. Отмечая труд Низам ал-мулька „Сийар ал мулук“, географ приводит в арабском переводе выдержку из рассуждения о необходимости содержать большое войско и о вреде уменьшения численности воинов, находящихся на государственном содержании.² Третье указание на известность труда Низам ал-мулька в XIII в. находится в хронике Ибн Биби, излагающей историю румских сельджуков и составленной между 681 (=1282/83) и 684 (=1285/86) гг. Повествуя о румском султани Ала ад-дине (вр. правл. 616—634 (=1219—1236) г.), автор среди похвальных его качеств указывает, что „султан постоянно имел в рассмотрении книги „Химия счастья“ Газали и „Царские добродетели“ Низам ал-мулька“.³ Положенная в основу издания Ш. Шефера рукопись „Сиасет-намэ“ также относится к XIII в. — 690 (=1291) г.

Сочинение, известное под названием „Сиасет-намэ“ или „Сийар ал-мулук“, продолжало быть популярным в литературе и в последующие столетия. Так, персидский вариант труда арабоязычного историка Сафи ад-дина Мухаммеда б. Али б. Табатаба, более известного под именем Ибн Тиктак, сделанный в 724 (=1323/24) г., т. е. двадцать три года спустя после создания арабского оригинала, Хиндушахом б. Санджар среди многих дополнений к арабскому подлиннику содержит также упоминание о сочинении Низам ал-мулька, в частности рассказ из „Сиасет-намэ“ о халифе Мутасиме (героем рассказа у Хундушаха назван халиф Мутазид), эмире-насильнике и портном.⁴ „Тарих-и-гозидэ“, написанная в 730 (=1330) г., в перечне источников указывает также на „Сийар ал-

¹ И б н И с ф е н д и а р, 93; Ибн Исфендиар (91) указывает на распространенность и второго рассказа „Сиасет-намэ“: об Азуд ад-даулаэ и нечестном суде.

² „Асар ал-билад“, 275—276; ср. „Сиасет-намэ“ ИШ, 144.

³ И б н Б и б и, 34.

⁴ „Таджариб ас-салаф“ ТИ, 195; М. Низам ад-дин (77) ошибочно указывает на „Таджариб ас-салаф“, как на источник, где отсутствует упоминание о сочинении Низам ал-мулька.

мулук“ Назам ал-мулька.¹ Наконец, к старым указаниям на бытование сочинения следует отнести приписку на рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, которая гласит о переписке этой рукописи сравнительно нового происхождения (1267—1850) с рукописи 824 (=1421) г.²

Изучение бытования сочинения в восточной литературе в позднейшее время приводит еще к двум замечаниям. Первое из них: в известной библиографической энциклопедии Хаджи Хальфы (XVII в.) встречается описание рукописи сочинения Низам ал-мулька, называемого „Царские добродетели“, причем упомянутый автор, описывая это сочинение, сообщает, что оно было написано Низам ал-мульком для Малик-шаха Сельджука в 469 (=1076/77) г. в количестве 30 глав и что 15 глав были впоследствии приписаны неким ал-Ямани.³ Второе замечание относится к наличию второй редакции сочинения, наиболее старый из известных вариантов которой датирован 970 (=1562/63) г. и лежит в основе Тегеранского издания памятника.⁴

Европейская наука весьма поздно познакомилась с сочинением Низам ал-мулька. Составленный в конце XVII в. французским ориенталистом д'Эрбело (1625—1695) энциклопедический свод „Bibliothèque Orientale“ в разделе, посвященном Низам ал-мульку (Nadham al-molk), указывая на написанную им в поучение князьям „книгу советов“, смешивает таким образом апокрифическую биографию Низам ал-мулька позднейшего происхождения с „Снасет-намэ“. Более или менее точные сведения о сочинении появились в половине прошлого столетия, в связи с коллекционированием в Европе восточных рукописей и составлением каталогов к этим рукописным собраниям.⁵ Вышедший в 1881 г. второй том Каталога персидских рукописей Британского музея, составленный Ш. Рвё, включал в свой

¹ „Тарих-и-гозидэ“, 8.

² Указание на такую приписку отсутствует в описании рукописи, составленном Б. Дорн.

³ Хаджи Хальф, III, 638—639, № 7316.

⁴ „Снасет-намэ“ ТИ, 4, предисловие издателя.

⁵ Таковы, например: B. D o r n. Mélanges Asiatiques, V VI; The Library of King's College, Cambridge, N 219; Sir W. Ouseley's Collection, N 475 и т. д.

состав полное описание сочинения в связи с упомянутой уже рукописью Add 23516 Британского музея. В этом описании Ш. Рьё дал краткое изложение биографии Низам ал-мулька со ссылкой на источники, указал на наличие вариантов двух названий сочинения, отметил сообщение Хаджи Хальфы, изложил историю написания сочинения по версии, приведенной в самом сочинении, опубликовал перечень глав и дал оценку значимости памятника.¹ Опубликованный Ш. Шефером текст сочинения, вышедший в издании Школы живых восточных языков (Париж) (3-я серия, VII—VIII) в 1891 г., сопровождаемый впоследствии французским переводом (1893) и дополнением (1897), содержащим ряд ценных материалов для биографии Низам ал-мулька, был значительным шагом вперед в деле изучения памятника, получившим незамедлительный отклик в виде обстоятельной статьи-рецензии немецкого ученого Т. Нёльдеке, опубликованной в „Журнале немецкого восточного общества“ на следующий год после выхода в свет изданного Ш. Шефером текста. Основой для предпринятого Ш. Шефером издания послужила лично ему принадлежавшая рукопись переписки 690 (= 1291) г., соответствующим образом исправленная и дополненная по рукописям Британского, Берлинского собраний и двум рукописям, хранившимся в Петербурге, главным образом в отношении последних глав.² Собственно говоря, с даты выхода в свет издания Ш. Шефера и можно говорить об изучении памятника в настоящем смысле этого слова и о его влиянии на европейскую историографию.

Вышедший в 1906 г. второй том „Истории персидской литературы“ Э. Брауна, кажется, с наибольшей резкостью устанавливал значение „Сиасет-намэ“, указывая, что это „один из наиболее ценных и интересных прозаических трудов, существующих на персидском языке“.³ Оценка Э. Брауна не случайна; она отражает историю использования „Сиасет-намэ“ русскими и европейскими учеными в XIX—XX вв. Диапазон этого использования был весьма

¹ Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, 444a—446a.

² „Сиасет-намэ“ ИИИ, I—III; Th. Nöld e k e, Zeitschrift der deutschen morgenländ gesellschaft. Band. 42, 768.

³ E. Brown e. A Litterary History of Persia, 11, 214.

широк, от „Истории Сасанидов“ А. Кристенсена до „Туркестана в эпоху монгольского нашествия“ В. В. Бартольда. Но вместе с тем, несмотря на всеобщее признание значения памятника и важности проделанной Ш. Шефером большой работы по изданию, довольно рано начали раздаваться и голоса критики, указывавшие, на ошибки Ш. Шефера при издании и на сомнительные места самого памятника. Так, в упоминавшейся уже статье-рецензии Т. Нёльдеке отметил ряд прямых и грубых ошибок памятника, которые указывали, по мнению Т. Нёльдеке, что автор „не очень точно обращается с историей“.¹ В. В. Бартольд, отметив еще при использовании отрывков „Сиасет-намэ“ в „Туркестане в эпоху монгольского нашествия“ ошибочность некоторых мест памятника, в дальнейшем более резко оценивал как издание Ш. Шефера, так и его французский перевод, характеризуя их „недостаточно критическими“ и „несвободными от ошибок“.² Мухаммед Низам ад-дин, автор исследования рассказов Ауфи, вышедшего в 1929 г. в издании гиббовской серии в Англии, останавливаясь на „Сиасет-намэ“, приходит к заключению, в котором ставится под сомнение действительная принадлежность Низам ал-мульку значительной части рассказов.³

Продолжая эту критическую линию в оценке памятника, индийский ученый Файз ал-Хасан Файзи опубликовал в 1946 г. в журнале „Культура Ислама“ статью, где ставит вообще под сомнение возможность принадлежности „Сиасет-намэ“ Низам ал-мульку к какой-либо части.⁴

Сколько бы случайны ни были эти критические голоса, все же их наличие говорит об актуальности критического обследования памятника. Второе (если не считать калькуттского литографированного издания 1914 г.⁵) издание „Сиасет-намэ“, вышедшее в

¹ ZDMG. V. 42, 766.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, 249, 328 Иран, 69.

³ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79.

⁴ Islamic Culture. Vol. XX, N 4, 351—407. Faiz Ul-Hasan Faizi. A Peep into the Wasaya'and Siyasat-Nama of Nisam ul-mulk.

⁵ Это издание, мне недоступное, упомянуто в каталоге: E. Edwards. A Catalogue of the Persian Printed Books in the British Museum, 1922, p. 112.

Тегеране в 1932 г. под наблюдением Абд ар-Рахима Хальхали, опубликовавшего впервые второй (поздний) вариант памятника (по рукописи переписки 970 (=1562/63) г.), несмотря на ряд положительных достоинств, все же не оправдало надежд, которые справедливо могли питать исследователи, заинтересованные в критической оценке памятника. Тегеранский издатель, заболевший тяжелой глазной болезнью, смог лишь исправить некоторые неточности текста издания Ш. Шефера, но в отношении критики последовал почти целиком за указаниями своего французского предшественника, сделав к ним лишь весьма незначительные добавления.

Б. СОСТАВ СОЧИНЕНИЯ

Сочинение делится на следующие 175 отрывков:¹

1 (1). Славословие.

2 (1—2). Рассказ от имени писца книгохранилища о причине составления сочинения.

3 (3—5). Перечень пятидесяти одной глав сочинения.

4 (5). Рассказ от имени издателя сочинения о добавлении Низам ал-мульком одиннадцати глав перед отправлением в путь (из Исфагана в Багдад) и о сохранении рукописи издателем.

Глава первая

5 (5—8). Рассуждение о причинах смут и о качестве государя.

Глава вторая

6 (8). Рассуждение о необходимости государям быть благодарными всевышнему за оказанные им благодеяния.

7 (8). Рассказ об Иосифе, завещавшем похоронить себя близ деда Авраама и отказе архангела Гавриила разрешить похороны

¹ Деление и нумерация отрывков принадлежит мне; в скобках — страницы «Сиясет-намэ» ИИИ.

из-за того, что Иосифу придется еще держать отчет за свое царствование.

8 (8—9). Предание от имени пророка; на страшном суде у тех, кто имел власть, руки будут привязаны к шее.

9 (9). Предание об ответственности в день страшного суда тех, кто имел власть.

10 (9). Рассказ об Абдаллахе б. Омар ал-Хаттаб, которому явился во сне его отец (Омар) и сообщил, что ему вменили в вину и такой проступок, как упущение в починке багдадского моста; благодаря этому упущению баран, переходя мост, сломал ногу.

11 (9). Рассуждения об ответственности государя перед богом за дела правления и правосудия.

Глава третья

12 (10). Рассуждение о необходимости государю не менее двух раз в неделю совершать разбор дел челобитчиков с целью устранения несправедливости.

13 (10). Рассказ об образце правосудия у царей Аджама, которые, дабы видеть челобитчиков, устраивали помост и въезжали на него верхом на коне.

14 (10). Рассказ о царе, туговатом на ухо, который при разбирательстве дел, во избежание злоупотреблений, приказывал челобитчикам надевать красные одежды и удалялся с ними в уединенное место.

15 (11—17). Рассказ о восстании в Систане Якуба б. Лейс, соблазненного исмаилитами, о походе его в Багдад с целью уничтожить халифа (а голову его отослать в Махдию), о переговоре халифа с войсковыми начальниками Якуба б. Лейс, поражении войск Якуба и последующей его смерти в Хузистане, о сражении Амра б. Лейс с войсками Исмаила б. Ахмеда, пленении Амра под Балхом и отказе Исмаила б. Ахмед принять от Амра список зарытых им сокровищ.

16 (17). Рассказ об обычае Исмаила б. Ахмед Саманида в те дни, когда холод был особенно сильным, а снегу — много, выезжать

на площадь верхом на коне и таким образом ожидать, не появится ли кто из челобитчиков, из-за холода и снега не имеющих сил добраться до дворца.

Глава четвертая

17 (18). Рассуждение о необходимости внушать амилям, чтобы они хорошо обращались с народом и не создавали народу невзгоды.

18 (18). Рассказ о семилетнем голоде во время правления царя Кубада; по приказу царя беднякам были выданы милостыни из казнохранилища и за семь лет не умерло ни одного человека от голода.

19 (18—19). Рассуждение о необходимости контроля над делами амиелей и способе их наказания в случае обнаружения злоупотреблений. Та же бдительность необходима и по отношению к вазирам.

20 (19—27). Рассказ о Бахраме Гуре и вероломном его вазире Раг Равише; о том, как Бахрам Гур, отправившись на коне в пустыню, увидел перед палаткой пастуха повешенную собаку и, выслушав рассказ пастуха, понял, что причиной его несчастья является вероломный вазир; о том, как, возвратившись из пустыни, Бахрам Гур созвал всех обиженных, выслушал их обвинения против Раг Равиша, затем велел его повесить, вознаградил пастуха и устранил опасность иноземного нашествия.

21 (27). Рассказ о причине победы Александра (Македонского) над Дарием.

22 (27). Рассуждение о необходимости государю внимательно следить за делами чиновников, наказывать их сообразно проступкам и тайно приставлять к каждому, кому вручается большая должность, мушрифа.

23 (27). Рассказ о совете Аристотеля царю Александру не допускать к исполнению государственных обязанностей людей, умышляющих на государство, на гарем (царя), и изменников.

Глава пятая

24 (28). Рассуждение об обязанности мукта по отношению к народу и необходимости наказания мукта в случае злоупотреблениями своею властью.

25 (28—36). Рассказ об Ануширване и несправедливом наместнике Азербайджана, насильно отнявшем у старухи кусок наследственной земли; о путешествии старухи в Мадаин с жалобой на наместника; о правосудии, оказанном Ануширваном старухе и об устройстве Ануширваном „цепи правосудия“ для челобитчиков.

26 (36—37). Рассказ об осле-жалобнике, дернувшем цепь справедливости, и правосудии, оказанном Ануширваном.

27 (37). Рассуждение о необходимости сменять каждые два-три года амилей и мукта.

Глава шестая

28 (38). Рассуждение о контроле над судьями, о необходимости со стороны государственной власти поддержки судей.

29 (38—40). Рассказ об обычае царей Аджама в день Михрджана и Науруза устраивать всенародную аудиенцию, когда все обиженные имели возможность принести свои жалобы на любое лицо вплоть до особы самого государя. О нарушении этого обычая Иездеджердом и наказании, постигшем за это Иездеджерда, — он был убит посланцем всевышнего в образе неоседланного коня.

30 (40). Рассказ о благородном поступке Умара б. Хамза, отказавшегося от своего земельного участка при первом обвинении его в присутствии халифа Васи́ка в неправильном захвате этого участка.

31 (40—41). Рассуждение о необходимости тщательного выбора государем судей, хатибов, мухтасибов и о значении этих должностей.

32 (41—42). Рассказ о сипах-саларе Али Нуштегине, всю ночь пировавшем с султаном Махмудом, а затем в пьяном виде встретившем на улице мухтасиба, который побил его.

33 (42). Рассказ о спекуляции хлебом придворного хлебопека в Газне и о примерном наказании его султаном Ибрахимом.

Глава седьмая

34 (43). Рассуждение о методе выбора лиц, предназначенных для осведомительно-информационной службы.

35 (43). Рассказ об обычае Абдаллаха б. Тахир поручать выполнение должностей исключительно людям набожным, бескорыстным.

36 (43). Рассказ о беседе сипах-салара и правителя Хорасана Абу-Али-и-Илиаса с Абу-Али ад-Даккак, во время которой Абу-Али ад-Даккак сумел убедить своего собеседника в предпочтительности бескорыстия.

37 (44). Рассказ о пользе бескорыстия, трактованный в виде беседы султана Махмуда со своим вазиром Шомс ал-Куфат Ахмед-и-Хасан.

38 (44—45). Предание от имени пророка о значении правосудности, которая является „славой мира и славой султана“.

39 (45). Предание о словах Фузейля б. Иаз, ставящих выше всего на свете справедливого султана.

40 (45). Предание от пророка о том, что справедливые в день страшного суда будут находиться на жемчужных кафедрах.

41 (45—54). Рассказ об эмире-тюрке, отказавшемся возвратить взятые в долг у купца деньги, о неожиданной помощи портного, при первом требовании которого могущественный эмир немедленно возвратил с почетом деньги своему кредитору. Рассказ портного о причине страха перед ним эмира.

Глава восьмая

42 (54—55). Рассуждение о необходимости государю изучать богословие и один-два раза в неделю присутствовать на богословских собраниях.

43 (55). Предание от Ибн Омара: у справедливых будут в раю дворцы из света.

44 (55). Рассуждение о значении веры для государства; когда терпит ущерб дело веры, колеблется и государство.

45 (55). Слова Суфиана Саури о первенствующем значении веры над светской властью.

46 (55). Слова мудреца Локмана о превосходстве возвышенного знания перед сокровищами мира.

47 (55). Слова Хасана Басри, определяющие значение слова мудрец: мудрец тот, кто сведущ в каждом знании.

48 (55—56). Рассуждение о языках арабском, турецком, персидском и божественном знании. Имена великих государей, бывших мудрецами.

49 (56—57). Рассказ об Омаре б. Абд ал-Азизе и голодных арабах, пришедших к нему с просьбой отдать им содержимое его казначейства; в ответ на согласие Омара с неба упало отпущение Омару от адава огня.

Глава девятая

50 (57). Рассуждение о назначении мушрифа и его сотрудников; об оплате их содержания из средств казначейства.

Глава десятая

51 (57—58). Рассуждение о необходимости организации осведомительной службы. О сахиб-бариде, фискалах и об оплате их содержания из средств казначейства.

52 (58—65). Рассказ об организации султаном Махмудом похода против куджей и белуджей, применении в сражении с куджами и белуджами отравленных яблок и победе газневидского эмира, после чего султан Махмуд назначил всюду сахиб-баридов и фискалов.

53 (65). Рассказ об отрицательном отношении Алп-Арслана к организации осведомительной службы.

54 (65). Рассуждение о необходимости наличия должности сахиб-бариды, одной из основ царства.

Глава одиннадцатая

55 (66). Рассуждение о наказании тех, кто может отнестись пренебрежительно к государеву приказу.

56 (66). Рассказ о жалобе женщины из Нишапура султану Махмуду на амиля, о неисполнении амилем приказа султана по неправильной жалобе женщины и о наказании, постигшем амиля, виновного в неисполнении приказания султана.

57 (66—67). Рассуждение: такие наказания, как смертная казнь, лишение преступника рук и ног, составляют исключительное право государя.

58 (67—68). Рассказ о царе Рума Парвизе и вазире Бахраме Чубине, который самовольно наказал своего гуляма двадцатью палочными ударами, за что заслужил попреки Парвиза, ибо „два клинка не могут входить в одни ножны“.

Глава двенадцатая

59 (68). Рассуждение о необходимости ограничить число отъезжающих со двора по разным поручениям гулямов, во избежание злоупотреблений гулямами своей властью.

Глава тринадцатая

60 (68—69). Рассуждение о необходимости рассылки лазутчиков под видом купцов, странников, суфиев, продавцов целительных средств, нищих.

61 (69—77). Рассказ о лазутчике Азуд-ад-дауле, встретившем по дороге обиженного главным судьей человека, доверившего этому судье свои деньги перед отправлением на священную войну и не получившего эти деньги обратно при своем возвращении; о мерах, которые предпринял Азуд-ад-дауле с целью разоблачения несправедливого судьи и возвращения денег законному их владельцу.

62 (77—80). Рассказ, подобный предыдущему, о хитрости, примененной султаном Махмудом для изобличения вероломного судьи, принявшего на хранение кошель с динарами и возвратившего тот же кошель, наполненный медными монетами.

63 (80). Рассуждение о связи правосудности государя с делом лазутчиков.

Глава четырнадцатая

64 (81). Рассуждение об организации курьерской службы, во главе которой должны стоять накибы.

Глава пятнадцатая

65 (81). Рассуждение об осторожности в отношении приказов, имеющих касательство к делам правления, икта и дарам.

Глава шестнадцатая

66 (81—82). Рассуждение о значении должности вакиля и об изменении значения этой должности во время написания сочинения.

Глава семнадцатая

67 (82—84). Рассуждение о надимах, их правах, обязанностях и отличии от высших государственных чинов.

Глава восемнадцатая

68 (84—85). Рассуждение о пользе совещаний государя с людьми опытными в житейских делах и мудрыми.

Глава девятнадцатая

69 (85—86). Рассуждение об отборных воинах (муфрадах), о содержании и снаряжении их при дворе.

Глава двадцатая

70 (86). Рассуждение о необходимости дорогого одеяния и вооружения для воинов, находящихся близ государя во время государева приема.

Глава двадцать первая

71 (87). Рассуждение о правилах, которыми следует руководствоваться при приеме и отправке послов.

72 (87—88). Рассуждение о задачах и целях дипломатической службы.

73 (88—90). Рассказ автобиографического характера об ошибке, допущенной Низам ал-мульком при приеме посла от Шамс ал-мулька.

74 (90). Рассуждение о выборе лица, пригодного к несению посольской службы.

Глава двадцать вторая

75 (91). Рассуждение о методах заготовки фуража во время движения государева поезда.

Глава двадцать третья

76 (91—92). Рассуждение об имущественном положении войска.

Глава двадцать четвертая

77 (92). Рассуждение о необходимости разнородного состава войска.

78 (92—93). Рассказ об обычае султана Махмуда составлять войско из разных племен.

79 (93). Рассуждение о достоинстве войска, добивающегося победы.

Глава двадцать пятая

80 (93). Рассуждение о пребывании заложников и содержании войска разных племен при дворе.

Глава двадцать шестая

81 (94). Рассуждение о необходимости иметь при дворе туркмен на положении гулямов.

Глава двадцать седьмая

82 (94—95). Рассуждение о служебном распорядке дворцовых гулямов.

83 (95—108). Рассказ о распорядке дворцовых гулямов при саманидском дворе; история Алптегина, Себуктегина и начало образования газневидского государства.

Глава двадцать восьмая

84 (109). Рассуждение о правилах, которые следует соблюдать при устройстве государевых приемов.

Глава двадцать девятая

85 (110—111). Рассуждение о правилах, которые следует соблюдать при устройстве собраний для винопития.

Глава тридцатая

86 (111). Рассуждение о порядке стояния и сидения присутствующих при особе государя.

Глава тридцать первая

87 (111—112). Рассуждение о необходимости соблюдения дисциплины и почитания начальников в отрядах войска.

Глава тридцать вторая

88 (112). Рассуждение об обязанности именитых людей заботиться о военном снаряжении и покупке гулямов.

Глава тридцать третья

89 (112—113). Рассуждение о необходимости сдержанности в то время как делают выговоры высокопоставленным лицам.

90 (113). Рассказ о преимуществах сдержанности и самообладания.

91 (113). Рассказ о необычайной сдержанности Хусейна б. Али, одежду которого испачкал прислуживавший гулям.

92 (113—114). Рассказ о необычайной сдержанности Муавии, не проявившего признака гнева при дерзком притязании незнакомца в поношенной одежде на руку его матери.

93 (114). Слова мудрых о добродетели.

Глава тридцать четвертая

94 (114). Рассуждение о необходимости проявления бдительности к делу ночной стражи, часовых и привратников.

Глава тридцать пятая

95 (115). Рассуждение об обязанности государей заботиться с утра об устройстве стола для придворных.

96 (115). Рассказ о широком хлебосольстве Тогрул-бека.

97 (115). Рассказ о широком хлебосольстве ханов Туркестана и о нареканиях, которым подвергся сельджукский двор во время пребывания в Самарканде и Узкенде за сдержанность в отношении угощения.

98 (115). Рассуждение о необходимости щедрости.

99 (115—116). Предание о египетском фараоне, хранимом богом ради его хлебосольства.

100 (116—117). Рассуждение о великодушии и щедрости, сопровождаемое упоминанием Хатим Таи, Али, преданиями и стихотворением в похвалу великодушия.

Глава тридцать шестая

101 (117—118). Рассуждение о необходимости вознаграждения и наказания всех слуг по мере их проступков и добрых дел.

102 (118). Рассказ о мальчике-хашимите, освобожденном отцом от наказания.

103 (118). Рассказ из Ибн-Хордадбеха о царе Парвизе, заключившем под стражу одного из приближенных и заступничестве за него музыканта Базида (Барбеда).

104 (118—119). Рассказ об обычае у Сасанидов (в тексте Саманидов) всякий раз, как что-либо восхищало царя, давать в вознаграждение тысячу дирхемов человеку, вызвавшему восхищение. Так поступил Ануширван, восхищенный словами девяностолетнего старика, сажавшего в землю дерево — грецкий орех.

105 (119). Рассказ о словах Мамуна, обращенных к Фазлю б. Сахль по вопросу о необходимости спешить делать добро.

Глава тридцать седьмая

106 (119). Рассуждение о необходимости надзора над действиями мукта и амиля.

Глава тридцать восьмая

107 (120). Рассуждение о вреде торопливости в государственных делах.

108 (120—121). Рассказ о клевете Абд ар-Рахмана, дяди султана Алп-Арслана по линии матери, на гератского старца и проявленной Алп-Арсланом осмотрительности, благодаря которой клевета не повредила старцу.

109 (121). Рассуждение о вреде торопливости, подтвержденное словами Базурджмихра и „великих веры“.

Глава тридцать девятая

110 (121—122). Рассуждение о значении должности эмир-и-харас и знаках его отличия.

111 (122—125). Рассказ о халифе Мамуне, добром и плохом эмир-и-харас.

Глава сороковая

112 (125—126). Рассуждение о смутах, знамениях смутного времени и признаках появления правосудного государя. О необходимости государственной поддержки лиц, заслуженных, ученых, хранителей границ и людей Корана.

113 (126—128). Рассказ о Харун ар-Рашиде и Зубейде, о жалобе людей Корана на незаконные траты ими денег, принадлежащих мусульманам, о сне, одновременно виденном Харун ар-Рашидом и Зубейдой, о последующей за этим их благотворительной деятельности.

114 (128—129). Рассказ о халифе Омаре и бедной женщине и об искуплении халифом Омаром своего греха в недостаточности внимания к бедным.

115 (129). Предание о Моисее, получившем дар пророчества от бога в воздаяние за его милосердие к овце, отбившейся от стада.

116 (129—130). Рассказ о богаче из Мерверруда, получившем прощение от бога в воздаяние за милосердие, проявленное к чесоточной собаке.

117 (130). Рассуждение о добродетельности благодеяния.

118 (130—131). Рассуждение об обязанностях государя уважать старцев, беречь опытных в делах, войне и вере, соблюдать их место и чин.

Глава сорок первая

119 (131). Рассуждение о значении титула и о падении титулатуры по сравнению с предшествующими временами.

120 (131—136). Рассказ о султанине Махмуде, ловкой рабыне-турчанке, сумевшей обмануть ханов Туркестана и украсть у них жалованные грамоты халифа, о том, как султан Махмуд добился от халифа прибавки к его титулу — титула Амин ал-милле.

121 (136). Титулатура Саманидов.

122 (136). Титулы судей, имамов, ученых, сипах-саларов и мукта.

123 (136). Смещение титулатуры после времени правления Алп-Арслана.

124 (136). Титулатура Бовейхидов и их вазиров; титул вазира султана Махмуда.

125 (136—138). О начале титулования со словами „дуния“ и „дин“; о титулах жен царей; продолжение рассуждения о значении титулатуры; о титуловании „ал-мульк“.

Глава сорок вторая

126 (138—139). Рассуждение о том, чтобы не приказывать двух должностей одному человеку, а приказывать должность людям с чистой верой, достойными, а не приказывать людям маловерным или обладающим плохой верою.

127 (139—143). Рассказ о недовольстве султана Алп-Арслана распоряжением Ардума, который назначил своим дабиром еретика

Яхью, с приведением преданий по поводу необходимости удалять от себя еретиков-рафизитов.

128 (143—145). Продолжение рассуждения о должностях, а также о необходимости широкой поддержки средствами войска, богословов и людей пера.

129 (145—148). Рассказ о чиновниках Фахр ад-дауле в Рее, не имевших должности и удалявшихся на вершину горы Табарех, чтобы мечтать там о султани Махмуде.

130 (148). Рассуждение о том, чтобы не приказывать исполнение государственных функций не правоверным мусульманам.

131 (148—150). Рассказ об амиле-иудее, Сад б. Ваккасе и Омаре.

132 (150—151). Рассуждение о добрых вазирах и необходимости наследственности вазирата.

133 (151—155). Рассказ о Сулеймане б. Абд ал-Малик и назначении им вазиром Джафара Бармакида.

134 (155—156). Рассуждение о правосудном государе и выборе им вазира.

Глава сорок третья

135 (156—157). Рассуждение о недопущении влияния женщин на государственные дела.

136 (157—158). Рассказ о Судабе, жене Кей-Кауса, Сиавуше и Афрасиабе.

137 (158). Рассуждение о том, что сильные разумом государи не позволяли женщинам знать о тайнах их сердца.

138 (158—159). Рассказ об отказе Александра посетить женскую половину дворца Дария.

139 (159). Рассказ о Хосрове, Ширин и Фархаде.

140 (159). Рассказ о словах Бузурджмихра о причине разрушения власти династии Сасанидов; Сасаниды доверяли власть мелким, невежественным людям, женам и младенцам.

141 (159). Предание от пророка о том, что надо делать все вопреки тому, что скажут женщины.

142 (159—160). Предание о попытке Айши и Хафсы повлиять на пророка Мухаммеда во время его болезни с тем, чтобы пророк

назначил вместо Абу-Бекра своим наследником Омара, о твердости, проявленной в этом случае пророком.

143 (160—162). Рассказ о благочестивом Юсифе и его жене Кирсифе, использовавшей право Юсифа просить у бога исполнения его трех желаний.

144 (162). Рассказ о словах халифа Мамуна в отношении женщин, а также предание о словах бога в том же вопросе.

145 (163). Рассказ о словах Кей-Хосрова о недопущении женщин к государственным делам.

146 (163). Рассказ о словах Омара б. Хаттаба, запрещающих говорить открыто о женщинах.

147 (163). Рассуждение о подчиненном положении всех людей в отношении особы государя.

148 (163—164). Рассказ о словах Бузурджмихра, обращенных к Ануширвану, о недозволении войску узурпировать у царя его царские обязанности, о добрых и дурных качествах характера.

Глава сорок четвертая

149 (164—166). Рассуждение об опасностях, грозящих от еретиков, в частности от батинитов; предостережения автора.

150 (166—181). Рассказ о появлении Маздака и его убийении царем Ануширваном.

Глава сорок пятая

151 (182—183). Рассказ о выступлении Сумбада Гябра из Нишапура против мусульман и его смута.

Глава сорок шестая

152 (183—187). Рассказ о появлении карматов и батинитов в Кухистане, Ираке и Хорасане.

Глава сорок седьмая

153 (187—193). Рассказ о выступлениях батинитов в Хорасане и Мавераннахре.

154 (193—194). Рассказ о выступлении батинитов в землях Сирии и Магриба.

155 (194—195). Рассказ о восстании еретиков в Гуре и Гарджистане в 295 (=907—08) г.

156 (195). Рассказ о восстании Али б. Мухаммеда Буркаи в Хузистане и Басре.

157 (195—198). Рассказ о восстании Бу-Саида Джаннаби и сына его Бу-Тахира в Бахрейне и Ляхсе; о нападении бахрейнских карматов на Мекку.

158 (198—199). Рассказ о восстании Муканны Марвези в Мавераннахре.

159 (199). О названиях батинитов в разных городах.

160 (199—200). Рассказ о восстании хуррамдинцев в Исфахане и Азербайджане.

161 (200—203). Рассказ о восстании Бабека.

162 (203—204). Рассказ о халифе Мутасиме, судье Яхья б. Аксам и дочерях царя Рума, Бабека и Мазияра.

163 (204). Рассказ о исфаханских еретиках в правление халифа Васи́ка.

163 (204—205). Рассуждение о правилах веры хуррамдинцев.

Глава сорок восьмая

165 (205—206). Рассуждение о государственном казначействе.

166 (206—207). Рассказ о переписке между хорезм-шахом эмиром Алтунташем и вазиром Ахмедом б. Хасан по поводу налога абрэ.

Глава сорок девятая

167 (207). Рассуждение о производстве дел челобитчиков.

168 (207). Рассказ об обмене посольствами между дворами Иездегерда и Омара; отзыв Омара о состоянии дел в сасанидской державе.

169 (208). Рассказ о жалобе купца султану Махмуду на сына его Масуда по поводу неуплаты последним денег за приобретенный товар.

170 (208). Рассказ о словах Омара б. Абдал-Азиз в послании амилю города Химса по поводу справедливости.

171 (208—209). Рассуждение о справедливости, значении должности амиля, ответственности за свои деяния.

Глава пятидесятая

172 (209). Рассуждение об отчетности и бюджете.

173 (209—210). Рассуждение о правильном поведении государя.

174 (210—211). Заключение; от автора об истории написания сочинения.

175 (211—217). Касида в честь Низам ал-мулька и „Сиасет-намэ“.

Таким образом, весь состав „Сиасет-намэ“ может быть распределен по следующим разделам:

Отрывки, относящиеся к истории написания, издания и составу сочинения: 1, 2, 3, 4, 174, 175 — всего 6 отрывков.

Отрывки, относящиеся к общей теоретической части: 5, 6, 11, 12, 17, 22, 24, 27, 28, 31, 34, 42, 44, 48, 50, 51, 55, 57, 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 94, 95, 98, 100, 101, 106, 107, 109, 110, 112, 117, 118, 119, 126, 128, 130, 132, 134, 135, 137, 147, 149, 164, 165, 167, 171, 172, 173 — всего 73 отрывка.

Отрывки, относящиеся к доказательству, или иллюстрации общих теоретических положений: 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 46, 47, 49, 52, 53, 56, 58, 61, 62, 73, 78, 83, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 99, 102, 103, 104, 105, 108, 111, 113, 114, 115, 116, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 129, 131, 133, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 168, 169, 170 — всего 96 отрывков.

В свою очередь последний разряд может быть разбит тематически на следующие категории:

Рассказы, относящиеся к словам или событиям, связанным с именем Моисея, Иосифа, пророка Мухаммеда, Локмана и великих

богословов: 7, 8, 9, 38, 39, 40, 45, 46, 47, 90, 93, 100, 115, 141, 142.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям халифов „праведного пути“, в особенности Али, а также его потомства: 10, 91, 102, 114, 168.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям Александра Македонского и различных царей: 14, 21, 23, 99, 138.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям доисламских царей Ирака, в частности Сасанидов: 13, 18, 20, 25, 26, 29, 58, 103, 104, 136, 139, 140, 145, 148, 168.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям халифов-омейядов: 49, 92, 131, 133, 170.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям халифов-аббасидов: 30, 41, 105, 111, 113, 144.

Отрывки, относящиеся к словам и действиям Абдаллаха б. Тахир: 35.

Отрывки, относящиеся к истории династии Саффаридов: 15, 155.

Отрывки, относящиеся к истории династии Саманидов: 16, 36, 121, 155.

Отрывки, относящиеся к истории династии Бовейхидов: 61, 124, 129.

Отрывки, относящиеся к истории династии Газневидов, в частности султана Махмуда: 32, 33, 37, 52, 62, 78, 83, 116, 120, 166, 169.

Отрывки, относящиеся к истории Сельджуков: 53, 73, 96, 97, 108, 123, 127.

Отрывки по истории еретиков: 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164.

Отрывки, носящие автобиографический характер: 73, 97, 174.

Отрывки-рассказы разного характера: 116, 122, 125, 143.

В. ВАРИАНТЫ И ДОПОЛНЕНИЯ ПО СОДЕРЖАНИЮ

В настоящем разделе учтены лишь самые существенные в отношении содержания варианты различных рукописей „Сиасет-намэ“; за основу принят текст ИШ.

2 (1—2).¹ В „Сиасет-намэ“ ТИ и рук. ИВ рассказ от имени писца книгохранилища отсутствует; непосредственно за славословием следует отрывок № 4 ИШ. В рук. ПБ, 3 этот раздел начинается словами: „этак говорят, что причиной сочинения было“, упоминание о переписчике книгохранилища отсутствует. Рук. ПБ, 3 называет Малик-шаха в рассказе шахид, погибшим за веру; в рук. ПБ 3 отсутствует также упоминание о Маджд ал-мульке.

4 (5). „Сиасет-намэ“ ТИ, 2 и рук. ИВ, 16 указывают, что число добавленных впоследствии Низам ал-мульком глав было не 11, как в ИШ, а 15.

7 (8). ТИ, 7 рассказывает не о завещании Иосифа, а о похоронах Иосифа.

10 (9). ТИ, 8 и рук. ИВ, 5а местом действия, где овца из-за небрежности правителя сломала себе ногу, называют предместье Нахравана, в одном из списков рукописи, использованных издателем ТИ, значится Ирак.

15 (11). ТИ, 9 местом восстания Якуба б. Лейс называет Систан и далее: „из Систана он (Якуб) направился в Хорасан, — привел в подчинение; после Хорасана захватил Ирак, затем собрал войско Хорасана и Ирака“. Рук. ПБ 30 так характеризует движение Якуба: „захватив Кабул, Завул и Систан, он пошел на Хорасан — захватил, пошел на Ирак — захватил. Его соблазнили даи, и он вошел в учение исмаилитов“.

15 (12). В ТИ, 11, так же как и в других местах, слово „еретики“ заменено „шииты“.

15 (14). В описании смерти Якуба б. Лейс ТИ, 12 и рук. ИВ, 7б дают деталь, отсутствующую в ИШ: „когда он (Якуб б. Лейс) прошел три перехода (на пути в Багдад), его схватили колики“.

15 (15). При описании числа войска, находившегося в распоряжении Исмаила, б. Ахмед перед отправлением в поход на Амра б. Лейс ТИ, 13 и рук. ИВ, 8а указывают десять тыс.; рук. ПБ, 41 — двенадцать тыс. (ИШ — две тыс.); те же источники дают следующую не лишнюю интереса характеристику вооружения всад-

¹ Цифры перед скобками обозначают номер отрывка согласно принятой нами в разделе „б“ системы; цифры в скобках — страницы „Сиасет-намэ“ ИШ.

ников Исмаила б. Ахмед: большинство войск имело деревянные стремена.

17 (18). Конец раздела, рекомендующий оказывать помощь нуждающимся, отсутствует в ТИ и рук. ИВ. В рук. ПБ, 48 несколько отличная от ИШ редакция: „если кто из народа попадет в затруднительное положение, станет нуждающимся в воле и семенах, пусть одолжат, дабы он устроил свое хозяйство, не ушел в чужие края из своего дома“.

20 (24). Рук. ПБ 63 более полно, чем где-либо, развивает тему обыска во дворце Раст Равиша: „(Бахрам) сел на коня, отправился к дому Раст Роушан, [вм. Раст Равиша], потребовал, чтобы принесли мешки (с бумагами); среди бумаг он нашел одно письмо, которое отправил Иль-бек хан Туркестана вазиру: «я восстал и намереваюсь напасть на Бахрама»“.

23 (27). В „Сиасет-намэ“ ИШ Аристотелю приписываются два совета. Выражение ИШ *بوزیر ملک کوید* имеет в ТИ, 22 и в рук. ИВ, 14а следующий и, очевидно, более правильный вариант *پرویز ملک گفت* „Парвиз, царь, сказал“; то же чтение и в рук. ПБ, 69, где вместе с тем все последующее за этими словами изречение более развито: „Парвиз, царь, этак говорит: царю не следует допускать среди людей преступлений четырех родов: во-первых,—посягательства на государство, во-вторых, — посягательства на гарем царя, в-третьих, — небрежения и разглашения (тайны), в-четвертых, — преступлений тех людей, кто на словах с царем, а тайно с врагами царя“.

25 (34). К упомянутым в рассказе о дознании Хосрова Ануширвана видам земельной собственности, принадлежавшим наместнику Азербайджана, ТИ, 26 и рук. ИВ, 17а дают не лишнее дополнение: нет ни одной округи, ни одного города ни в Хорасане, ни в Ираке, ни в Парсе, ни в Азербайгане, где бы у него (наместника) не было десяти частей и семи частей от имения, деревень, мельницы, бани или торгового помещения. Рук. ПБ, 88 упоминает еще один вид земельной собственности *ده ملک* — имение-деревню.

26 (27). ТИ, 29 приводит в рассказе об осле, добывавшемся справедливости у Хосрова Ануширвана, более полную редакцию распоряжения шаха: „пока этот ослик жив, требую, чтобы он мог

ежесуточно есть столько-то сена и ячменя. Дай (обязательство) за подписью этих четырех людей (т. е. старост кварталов). Если же совершишь преступление и то станет известно, пусть тебя убьют“.

32 (41). ТИ, 32 и рук. ИВ, 206 ошибочно одного из сипах-саров султана Махмуда именуют Мухаммед Газни. Правильный вариант в ТИ, 32, прим. I — Араби.

33 (42). В рассказе о закрытии в знак протеста булочниками Газны своих лавок ТИ 33 и рук. ИВ, 21а, не упоминают имени султана (в „Сиасет-намэ“ ИШ: Ибрахим б. Масуд).

37 (44). ТИ, 34 дает более детальный, чем ИШ, словесный портрет султана Махмуда: „он был длиннолицый, сухой, с длинной шеей и большим носом, редкой бородкой; благодаря тому, что он постоянно жевал ك (глина? цветы?), лицо его было желтое“.

45а. ТИ, 43 и рук. ИВ, 28а содержит дополнительно к рассказам ИШ рассказ следующий за № 45 [стр. 55—ИШ]: „Предание. Ардашир говорит: тот султан, который не обладает возможностью: исправлять своих приближенных, должен знать, что он не может обращаться с народом иначе, чем тиранически, не может собирать законно налогов“.

58 (67). ТИ, 52 и рук. ПБ, 177 в рассказе о Бахраме Чубине и Парвизе не называют первого вазиром второго.

64 (81). Рук. ПБ, 219 более полно, чем ИШ, определяет порядок службы скороходов: „у них по прошлому обычаю должны быть накибы, которые должны заботиться, чтобы они, скороходы, совершали дело в очередь и никогда не уклонялись от дела“.

83 (95—108). В описании „Сиасет-намэ“ ИШ отдельных этапов прохождения дворцовым гулямом военной службы имеется пропуск, восполняемый ТИ, 74—75, рук. ИВ, 77а и рук. ПБ, 250: на четвертый год службы гулям получал налучие и колчан, на седьмой год службы гулям получал чин ведающего одеждой государя.

83 (97). ТИ, 77 местом смерти саманида Нуха б. Наср называет Бухару (в ИШ название места отсутствует).

103 (118). ТИ, 93 в рассказе о царе Парвизе и заступнике за опального вельможу музыканта Базида (ИШ) приводит более привычное начертание имени музыканта — Барбед.

113 (128). ТИ, 102—103, также как рукопись ПБ, 340, содержит более подробную, чем ИШ, характеристику благотворительной деятельности Зубейды; она приказала, чтобы на каждой остановке от Куфы до Мекки вырыли бы колодцы с широкими стенками, покрыли бы их от основания до верха камнем, алебастром и жженым кирпичом, выстроили бы водоемы и резервуары для дождевой воды, дабы паломникам не было недостатка в воде по дороге в пустыне, потому что „из-за отсутствия воды каждый год умирало несколько тысяч паломников“. Затем она приказала построить на рубежах укрепленные лагеря, купить для борцов за веру оружие, лошадей, кобыл и жеребцов и „столько купила земельных участков и имений, что в каждом укрепленном лагере было из года в год пропитание во время нужды одной и двум тысячам борцов за веру“. Из остатков своего имущества она построила в пограничной с Кашгаром и Балуром области город Бадахшан, окружив его крепкими стенами. Кроме того, она выстроила укрепление против Жасп (?) в Гиляне, укрепленный город Исфиджаб (Сафиджаб), укрепление близ Хорезма, которое называют Афравэ, укрепления близ Дербенда и Александрии.

116 (130) ТИ, 104—106 и рук. ПБ, 348 дает более подробную версию рассказа о раскаявшемся богаче, не лишенную многих любопытных бытовых подробностей: „был некий муж в городе Мерве, его именовали „раис-хаджи“ (ТИ, 104, прим. I—Рашид-Чачи); он был крепким и знатным раисом, обладал множеством земельных владений, никого не было богаче, чем он в то время. Он служил султанам Махмуду и Масуду в Хорасане. Мы его видели“. В согласии с последним утверждением в изложении ТИ приводится ряд деталей, отсутствующих в ИШ; среди различных построек раскаявшегося богача ТИ указывает на мечети не только в Мерве, но и в Нишапуре, временем его отправления в паломничество называется период правления Чагры-бек-Давуда.

120 (132). ТИ, 108 дает иную редакцию письма халифа, представляющую интерес в том отношении, что она указывает на правила титулования на средневековом востоке. Следуя этому письму, правила титулования были таковы; ребенка, пока он не достиг зрелого возраста, именовали по имени, данному его отцом и матерью;

в зрелом возрасте молодого человека начинали величать по кунья, включая в это кунья имя того или иного лица, пользующегося уважением; когда человек чем-либо отличался, халиф или государь давали ему титул, заменявший в обращении как имя, так и кунья.

150 (173). ТИ, 147 приводит сцену, отсутствующую в ИШ; мубад из Парса в разговоре с Кубадом, обещая посрамить Маздака, иллюстрирует свои обвинения против Маздака следующим образом: «был поставлен золотой кувшин, порожний от воды. Мубад приказал, чтобы Кубад и Нуширван влили в кувшин два кубка воды, он сам также налил воды в кубок и влил в кувшин. Затем он сказал: „пусть каждый возьмет свою воду так, чтобы она не смешалась (с чужой водой)“. Царь Кубад не мог этого сделать и сказал: „никак невозможно сделать так, как ты предлагаешь“. Мубад сказал: „итак, если несколько мужей соединятся с одной женщиной и родится ребенок, — кто узнает, чье это дитя. Пока нет никому дороги в гарем царя, мы знаем, всякий рождающийся (там) ребенок царского рода и мы признаем обязательным служить ему. А если в гарем нашего царя проникнет посторонний, как мы узнаем, этот ребенок царского рода или чужого племени. А если ребенок не произошел от царя, каким образом ему достанется трон и царство государя. Итак, намерения Маздака, судя по его речам, таковы: прекратить династию царей, добиться уничтожения царства, смешать представления о старшем и младшем. Я все это показал, чтобы тебе стало ясным тайное вероломство Маздака, а также величие твоего сына. Несмотря на молодость Нуширвана, все, что он говорит, является сущностью целесообразного“.

150 (178). ТИ, 152 дает иную формулу, чем ИШ, обещания Кубада; если Нуширван примет нашу веру, я обещаю богу; подобно тому, как люди книги соорудили в честь Зардушта над вершиной Кашемира золотую вышку, воздвигнуть также над Тигром каменный минарет, а наверху его построить золотую вышку более яркую, чем солнце.

150 (181). ТИ, 155 дает иной вариант казни Маздака: перед площадью выстроили высокий помост, вырыли яму, (затем Нуширван) приказал схватить Маздака, закопать в яму на том возвышении по грудь так, чтобы голова его была наверху, а ноги в яме,

затем вокруг залили алебастром, так что он застыл в алебастре.

153 (188). ТИ, 162 дает более подробную редакцию, чем ИШ, метода обращения в исмаилизм, практиковавшегося Мухаммедом Нахшаби: всякий, кто входил в его (Нахшаби) веру, давал ему обязательство хранить тайну, пока не будет разрешения открыться. Сначала Нахшаби втягивал людей в шиитскую веру, а тогда уже постепенно вводил в веру батинитов.

163 (204). ТИ, 177 в перечислении источников, использованных автором для сочинения глав по истории еретиков, указывает лишь историю Табари и историю Исфакхана (ИШ: „Таджариб-ал-умам“, „История Исфакхана“, „Известия о халифах рода Аббаса“).

169а (208). Вслед за рассказом ИШ, 169 (208) в ТИ, 181—183 следует рассказ, отсутствующий в ИШ: однажды Омар сидел в присутствии пророка Мухаммеда. Пророк вел беседу о правосудии и справедливости. Омар сказал: „О, божий посланник! В молодые годы я вел торговлю, разъезжая по разным краям вселенной. Во времена Ануширвана Справедливого я прибыл в Мадаин, товары сложил для продажи в городе, а верблюдов отправил в сопровождении погонщика в поле попасться на свежей траве. Приблизилось вечернее время, пришел погонщик и сказал: „Слуга сына Ануширвана захватил верблюдов“. Услыхав эти слова, я опечалился. Хозяин того помещения, где я сложил товары, узнал об этом и сказал: „Вставай, отправляйся к Ануширвану, изложи дело, — пусть он прикажет возвратить твоих верблюдов“. На другой день утром я отправился, взялся за „цепь справедливости“, меня привели к Ануширвану. Хаджиб допросил меня, я изложил дело, а он из-за страха и опасения перед сыном шаха передал последнему все иначе. Ануширван приказал дать мне тысячу динар. Я обрадовался и возвратился домой. Хозяин дома посмотрел, сказал: „Шаху дело осталось неизвестным, отправляйся, снова заяви об обстоятельствах“. На другой день я отправился во второй раз, опять рассказал дело, а хаджиб пересказал его в другом виде. Он приказал, чтобы мне дали еще раз тысячу динар. Снова я возвратился довольный, а хозяин дома опять заявил, что мои слова не довели до сведения шаха. Опять на другой день я отправился, изложил дело, а хаджиб пересказал в другом виде,

опять шах приказал дать еще тысячу динар. Когда я пришел домой, хозяин сказал: „Шаха не уведомили. Отправляйся опять“. Когда я пошел на четвертый день и изложил дело, шах удивился, потребовал другого переводчика и, выпросив у меня дело, пришел в ярость, но ничего не сказал, а поручив меня одному из своих доверенных лиц, приказал ежедневно выдавать мне пропитание. Так прошло сорок дней. Затем он потребовал меня. Тот доверенный ввел меня ночью к Ануширвану Справедливому. Шах, увидев меня, обласкал, оказал полную милость, всячески просил у меня извинения, — я был поражен изъявлением всего этого внимания. Затем он приказал своей свите принести какое-то блюдо, покрытое сверху. Когда его поставили, шах приказал открыть крышку блюда. Открыли, и я увидел отрезанную руку, положенную на блюдо. Я не понял, чья может быть эта рука. Ануширван спросил: „Знаешь ли ты, чья это рука?“ Отвечал: „Нет“. Он сказал: „Это рука моего дитяти, слуга которого несправедно увел твоих верблюдов, и совершил по отношению к тебе несправедливость. Сегодня вечером вот уже сорок суток, как я начал говорить с его матерью об этом твоём деле, теперь она согласилась, что ее ребенок совершил беззаконие, и что я могу поступить с ним так, как он этого достоин. Сегодня вечером она согласилась, чтобы я отрубил ему руку, чтобы никто не совершал несправедливостей этого рода, чтобы мое имя не было обесславлено несправедливостью, чтобы мне не предстать в день страшного суда устыженным и посрамленным, чтобы не быть в числе гонимых всевышним!“ Затем он приказал привести хаджиба и спросил: „Почему ты неправильно передавал мне о деле, рассказывал иначе, а я не вник в дело, торговый же гость ушел от меня, потеряв надежду. Верблюдов украли, а я не понял дело. Всюду, куда бы он ни пошел, он позорил бы мое имя несправедливостью, а мне все это не было бы известно“. Хаджиб сказал: „Я побоялся твоего сына“. Ануширван сказал: „А меня, значит, не испугался?“ Он приказал сейчас же его казнить, а верблюдов возвратили. Когда я вернулся домой, хозяин дома сказал: „На этот раз дело стало известным“. На другой день я поднялся, захватил три тысячи динар, отправился к Ануширвану, положил кошель с золотом. Шах приказал: „Это золото целиком принадлежит тебе“, и, несмотря на то, что дал ранее, по-

дарил еще и проводил меня со всяческой милостью. Таково было дело!" Когда пророк — благословение божие и мир над ним! — выслушал эту речь, он удивился и произнес: „Неверный, а у него такая правосудность!“

Рук. ПБ не содержит глав об еретиках (соотв. ИШ, 150—164).

Г. ИСТОЧНИКИ, ПАРАЛЛЕЛИ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

10 (9). Рассказ о старшем сыне второго праведного халифа Абдаллахе б. Омар (ум. в Мекке в 73—693 г.), как указано в ТИ 8, прим. I, встречается у поэта Санаи Газневи в стихотворной обработке. Местом, где овца испортила себе ногу, назван у Санаи, как и в „Сиасет-намэ“, Багдад — очевидный анахронизм (Багдад основан в 762 г.).

14 (10). Рассказ о царе, туговатом на ухо, который ради осторожности приказывал челобитчикам одеваться в красные одежды, встречается в собрании рассказов Ауфи (начало XIII в.); у Ауфи царь назван — китайским.¹

15 (11—17). Рассказ об Исмаиле б. Ахмед Самани, Якубе б. Лейс и Амре б. Лейс представляет собою один из чрезвычайно интересных отрывков сочинения. Этот интерес определяется как влиянием рассказа на последующую восточную историографию в отношении династии Саффаридов, так и присущими этому рассказу особенностями, характеризующими метод использования автором сочинения исторической тематики в качестве иллюстративного материала. Наличие рассказа в главе, трактующей „о разборе государем обид, правосудности и упражнении в добром житии“ определяет дидактическую задачу — показать образ правосудного государя (Исмаил б. Ахмед) в противопоставлении с образом неправосудного государя (Якуб и Амр б. Лейс). Дидактическая задача в рассказе превалирует над задачами исторического описания. Рассказ открывается описанием добродетельности Исмаила б. Ахмед, затем

¹ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79.

переходит к характеристике „соблазненного исмаилитами“ Якуба б. Лейс, его похода на Багдад, поражения, переговоров с халифом, смерти, воцарения Амра б. Лейс, его сражения с Исмаилом б. Ахмед, пленения и заканчивается благородным отказом Исмаила б. Ахмед принять от Амра список закопанных им сокровищ, как незаконно добытых. Кажется, Т. Нёльдеке принадлежит наиболее резкая формулировка исторической недостоверности всех этих рассказов; „относительно Якуба Саффара и его брата, — замечает Т. Нёльдеке, — Низам ал-мульк сообщает во всех отношениях совершенно превратное“.¹ Можно только безоговорочно присоединиться к этой характеристике немецкого ученого; в рассказе „Сиасет-намэ“ мы не встречаем буквально ни одного эпизода, который бы в малейшей степени не мог быть подвергнут уничтожающей критике с точки зрения его достоверности. Сомнительна самая основа рассказа, — соблазнение Якуба б. Лейс исмаилитами-карматами, признанной датой появления которых считается 278 (=891) г.,² совершенно легендарно описание сражения войск Якуба б. Лейс с халифатскими войсками, во главе которых стоял не халиф, а брат халифа Абу-л-Ахмед ал-Муваффах биллахи,³ не менее легендарно описание переговоров Якуба б. Лейс с халифским послом, во время которых Якуб якобы дал себе такую характеристику: „пойди и скажи халифу, что я — сын медника, от отца обучился делу медника; моей пищей был ячменный хлеб, рыба, зелень и лук. Эту власть государя, оружие, сокровища, добро я добыл удальским путем, львиным мужеством, — не от отца унаследовал, не от тебя получил“. Традиция о ремесленном происхождении саффаридов получила широкое распространение в последующей исторической литературе.

О происхождении Якуба б. Лейс мы не располагаем достаточно ясными данными. Родиной Якуба и его трех братьев являлся Карнин⁴ или Карни⁵ селение, находившееся в одном переходе от города

¹ DHG, 1892, 766—67.

² Б. Н. Заходер. Мухаммед Нахшаби, „Ученые записки МГУ“, вып. 41, стр. 105.

³ Ср. Табарни, III, 1895.

⁴ BGA, I, 245.

⁵ „Худуд ал-алем“, 22а.

Систан. По описанию Истахри Карнин был „городок маленький, при нем деревни и рустаки... из него Саффариды... их четыре брата: Якуб, Амр, Тахир и Али рода Лейс. Тахир был убит у ворот Буста, Якуб умер в Джунди-Шапур после своего возвращения из Багдада и могила его там; Амр б. Лейс убит в Багдаде и могила его там; Али б. Лейс был назначен против Рафи в Джурджан, умер в Дихистане и могила его там. Якуб был старшим; он был гулямом у некоторых медников, саффар; Амр был погонщиком лошаков и слышал я, что в иные дни он был плотником“.¹ Среди построек Заранджа Мукаддаси упоминает медный минарет, построенный Якубом б. Лейс.² Гардизи указывает: „Якуб б. ал-Лейс б. Муаддал был человеком неизвестным, род его из руста Систана, из деревни Карнин. Когда он пришел в город, он избрал себе ремесло медника, изучил его, ежемесячно получал плату по 15 дирхем“.³ На возможность существования иной традиции, как кажется, впервые обратил внимание Раверти.⁴ Вышедшая несколько лет назад в тегеранском издании хроника Систана дала возможность ознакомиться с этой иной традицией в полном виде. Она такова: Якуб б. Лейс б. Муаддал б. Хатим б. Махан б. Кей-Хосров б. Ардашир б. Кубад б. Хосров Апарвиз б. Хурмузд б. Хосраван б. Ануширван б. Кубад.⁵ Не останавливаясь на спорности многих звеньев этой генеалогической цепи, необходимо отметить лишь тенденцию, утверждающую за Якубом б. Лейс происхождение от сасанидской династии, тенденцию, весьма настойчиво проводимую вышеуказанным источником, у которого, кстати сказать, отсутствует и уничижительный эпитет „медник“, прилагаемый обычно позднейшей историографией к систанской династии потомков Лейса.

Рассказ „Сиасет-намэ“ был, очевидно, сконструирован из двух источников. Первый источник глухо называется самим автором сочинения: „был один из саманидов Справедливый эмир, звали его Исмаил сын Ахмеда. Он был чрезвычайно справедлив и наделен

¹ BGA, I, 245.

² BGA, III, 305.

³ В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нах. Текеты 4.

⁴ „Табакат-и-Насири“ Rav., I, 19 и прим. I.

⁵ „Тарих-и-Систан“, 200—201.

многими добродетелями: обладал чистой верой в бога, преславного и всемогущего, был благодетелем бедняков, что показано в его жизнеописании¹. Вторым источником, повидимому, были „Ахбар-и-Якуб-и-Лейс“ — Известия об Якубе б. Лейс, упоминаемые Бейхаки, как сочинение, из которого автор мемуаров черпал такие же близкие по стилю, языку и столь же фантастические рассказы, как и автор „Сиасет-намэ“², совершенно очевидно саманидского и антисаффаридского направления; и у Бейхаки и в „Сиасет-намэ“ эти рассказы служат иллюстративным целям, не претендуя на иное значение, кроме дидактики и занимательности.

Не менее неточны, легендарны, но вместе с тем популярны, рассказы „Сиасет-намэ“, относящиеся к Амру б. Лейс. Эпизод о благородном отказе Исмаила б. Ахмед принять от Амра б. Лейс список зарытых сокровищ уже в начале XIII в. был повторен Ауфи.³

16 (17). Рассказ об обычае Исмаила б. Ахмед Самани в стужу верхом на коне дожидаться на площади челобитчиков в более полной редакции приведен Ауфи.⁴

18 (18). Царствованием, во время которого разразился семилетний голод, большинством источников называется правление сасанида Фируза (Пороза).⁵ Общая отрицательная позиция „Сиасет-намэ“ к личности Кубада (ср. „Сиасет-намэ“ ИШ, 26—29, 166—181) стоит также в противоречии с рассказом, приписывающим Кубаду государственную мудрость. В идентичном рассказе Ауфи царем, при котором разразился голод, назван Кисра Бахрам⁶ в ТИ, 15 царем назван Кей-Кубад.

19 (19—27). Рассказ о Бахрам Гуре, вероломном вазире и па-стухе, повесившем пса, находится в стихотворной разработке у Низами. В сокращенной редакции рассказ встречается у Газа-

¹ „Сиасет-намэ“ ИШ, 11.

² Бейхаки ТИ, 247, 433—4 и т. д.

³ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79 и прим. 2.

⁴ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79.

⁵ Динавери, 60—61; Табари Nöldeke, 118—19; Фирдауси Mehl, VI, 71—72; Саалиби, 575—77.

⁶ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79.

ли в „Насаих ал-мулук“,¹ а также в двух рассказах Ауфи.² Как у Газали, так и в одном из рассказов Ауфи, героем повествования является не Бахрам Гур, а Гуштасп. Названный в „Сиасет-намэ“ вазиром Бахрам Гура Раст Равиш (у Низами — Раст Роушан) не отмечен историческими хрониками. Табари называет вазиром Бахрам Гура Михр-Нарсэ,³ Фирдауси — Хурмузда.⁴

25 (28—36). Рассказ о Хосрове Нуширване Справедливом, бедной старухе и наместнике Азербайджана, захватившем земельный участок старухи, в сильно сокращенном виде находится у Ауфи.⁵ Как и рассказ о Бахрам Гуре (19) — исторически недостоверен.

26 (36—37). Рассказ о цепи справедливости и осле-челобитчике находится также в составе рассказов Ауфи.⁶

29 (38—40). Рассказ об обычае царей Аджама совершать публичное судопроизводство в дни Михрджана и Науруза, как отмечено Ш. Шефером, приводится слово в слово в „Насаих ал-мулук“ Газали.⁷ О подобном же обычае, заимствованном от царей Аджама, рассказывает Ауфи в замечании по поводу двора Абдаллаха б. Тахир Зу-л-Яминеин.⁸ Газали приводит в тех же выражениях, что и „Сиасет-намэ“, рассказ о гибели Иездегерда Грешника (399—420);⁹ также близко изложение гибели Иездегерда от лошади-ангела в „Фарс-намэ“.¹⁰

30 (40). Рассказ об Умара б. Хамза, отказавшемся в присутствии халифа Васика от имущества, ввиду обвинения в неправильном получении этого имущества, находится как в составе рассказов „Насаих ал-мулук“ Газали,¹¹ так и Ауфи.¹² Рассказ анахронистичен: Умара

¹ ИШ, фр. пер., 39, п. I, ТИ, 16 прим. I.

² Мух. Низ. ад-дин, VIII, 79—80.

³ Табари Nöldeke, 106.

⁴ Фирдауси Mohe, V, 466.

⁵ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80.

⁶ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80.

⁷ ИШ, фр. пер., 59, п. I.

⁸ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80.

⁹ ИШ, фр. пер., 59, п. I.

¹⁰ „Фарс-намэ“, 74.

¹¹ ИШ, фр. пер., 60, п. I.

¹² Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80.

б. Хамза, правитель Басры, Ахваза и Фарса ум. в 199 (=814) г.; годы правления халифа Васика: 227—232 (=842—847). У Газали упоминается имя халифа ал-Мансур, годы правления: 136—158 (=754—775).

32 (41—42). Рассказ о наказании мухтасибом одного из полководцев султана Махмуда, встреченного им на улице в нетрезвом состоянии, — первый из серии газнезидских рассказов „Сиасет-намэ“. Оба упомянутые в „Сиасет-намэ“ ИШ и ТШ полководца выступают в мемуарах Бейхаки, как действующие исторические лица: Али Нуштегин — Ахмед б. Али Нуштегин; он известен как командующий газневидскими войсками в Кермане и усмиритель тусского восстания;¹ Мухаммед Араби — Мухаммед А “араби; упоминается у Бейхаки в качестве салара войска курдов и арабов.²

33 (42). Рассказ о закрытии в Газне хлеботорговцами лавок в знак протеста против действий придворного хлебопека султана Ибрахима, указывает на правление государя, дата смерти которого позднее смерти Низам ал-мулька на семь лет; Захир ад-дауле Ибрахим б. Масуд, внук султана Махмуда, правил с 450 (=1058) по 492 (=1099) г.

36 (43). Рассказ о дидактической беседе между Абу-Али ад-Даккак и эмиром Абу-Али-и-Ильяс находится в составе рассказов „Насаих ал-мулк“ Газали.³ Абу-Али ад-Даккак, суфий, старший современник известного мейхенейского старца Абу-Саида ум. в 405 (=1015) г. Абу-Али Мухаммед б. Ильяс принадлежал к боковой ветви саманидской династии и в течение некоторого времени был самостоятельным правителем области Керман; вынужденный вследствие восстания своих сыновей бежать из Кермана, он умер в Бухаре около 357 (=968) г.⁴ В рассказе обращает на себя внимание название Абу-Али-и-Ильяса сипах-саларом и правителем Хорасана — единственный случай среди известных мне источников о керманской династии ильясидов, история которой до настоя-

¹ Бейхаки ТИ, III, 437—439; см. также Б. Н. Заходер. Хорасан и образование Сельджукского государства.

² Бейхаки ТИ, 360.

³ ИШ, фр. пер., 66, п. 2.

⁴ Ибн Мискавейх, II—V, 252—53.

щего времени не была темой сколько-нибудь полного научного обследования.

37 (44). Рассказ о беседе султана Махмуда с вазиром Ахмед-и-Хасан Мейменди оканчивается замечанием: „до него (Махмуда) не было наименования султан. Махмуд был первым лицом, который во времена ислама назвал себя султаном, а уж после него это стало обычаем“. Как уже было указано В. В. Бартольдом, титулом султана до Махмуда именовали себя багдадские халифы.¹ Панегрические стихотворения, посвященные Махмуду, также большей частью именуют этого государя эмиром, а не султаном. Повидимому, указание следует трактовать в духе сообщения „Табакат-и-Насири“: „султан-воитель Махмуд был великим государем, первым из государей, кого именовали из столицы халифата титулом султан“.²

41 (45—54). Рассказ о Мутасиме, портном-муэдзине, эмире-должнике и обиженном кредиторе находится в сочинении Танухи, откуда он, повидимому, и был заимствован Ауфи.³ В упомянутых сочинениях халифом назван не Мутасим, а Мутаид биллахи (279—289 = 892—902). Одно из старейших упоминаний о труде Низам ал-мулька, находящееся в „Таджариб-ас-салаф“ Хиндушаха, связано с этим рассказом; Хиндушах, ссылаясь на сочинение Низам ал-мулька, также называет халифом Мутаида.⁴ Этот рассказ „Снасет-намэ“ включает весьма интересное в историко-литературном отношении место. Укоряя эмира-насильника, халиф говорит: „Я ли не тот, кто из-за мусульман попал пленником в Рум, снова выступил из Багдада, разбил румское войско, обратил в бегство кесаря, шесть лет разоряя Рум, пока не разрушил и не сжег Константинополя, я до тех пор не вернулся, пока не основал мечети и не вывел тысячу людей из плена“.⁵ Иная версия этих слов Мутасима находится в рук. ПБ, 146: „не я ли тот, кто ради девушки-мусульманки, которая попала в руки кесаря Кутис (?), пошел походом, разбил войско Рума,

¹ „Турк. в эпоху монг. нашествия“, 285.

² „Табакат-и-Насири“, 8—9.

³ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80.

⁴ „Таджариб ас-салаф“ ТИ, 195.

⁵ „Снасет-намэ“ ИШ, 53.

захватил кесаря, шесть лет опустошал Рум, разрушил стены Константинополя, построил соборную мечеть, а ту девушку вывел из плена кесаря". Слова, приписываемые „Сиасет-намэ“ Мутасиму, исторически могут быть оправданы известными событиями, ознаменовавшими войну Мутасима с византийским императором Феофилом, окончившуюся взятием арабскими войсками византийского города Амории,¹ называемой арабскими историками крайним или малым Константинополем.² Цитированные слова Мутасима не могут не напомнить о „Романе о Мутасиме“, весьма популярном в арабской литературе аббасидского периода.

49 (56—57). Рассказ об Омаре б. Абд-ал-Азиз и голодных арабах приведен в „Насаих ал-мулук“ Газали.³

52 (58—65). Рассказ об организации султаном Махмудом похода против куджей и белуджей и применении войсками Махмуда военной хитрости (отравление яблок) приводится в довольно близком к „Сиасет-намэ“ варианте в „Тарих-и-гозидэ“,⁴ „Нигаристане“, откуда рассказ попал к д'Эрбело.⁵ Несколько отличный вариант рассказа находится у Ауфи.⁶ Как отмечено Мухаммедом Низам ад-дином, в „Сиасет-намэ“ скомпонованы вместе два сюжета: а) сношения султана Махмуда с Абу-Али-и-Ильясом по поводу захвата первым Рея, б) поход на куджей и белуджей у Ауфи во главе газиевидских войск стоит не „некий эмир“, а сын султана Махмуда — эмир Масуд.

События, описанные в письме на имя Абу-Али-и-Ильяса и связанные с захватом султаном Махмудом Рея, находят подтверждение в других источниках. Абу-Талиб Рустам б. Фахр ад-дауле (387—420 = 997—1029), титуловавшийся Маджд ад-дауле, был последним представителем в Иране династии бувейхидов. Наследовав отцу в возрасте четырех лет, он фактически и формально находился

¹ А. А. Васильев. Византия и арабы, 1900, стр. 119—140.

² Динавери, 397.

³ ИШ, фр. пер., 88, п. I.

⁴ „Тарих-и-гозидэ“, 399.

⁵ ИШ, фр. пер., 98, п. I.

⁶ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 80—81.

под опекой матери, носившей титул „попечительницы царства“.¹ Захват султаном Махмудом Рея в 420 (= 1029) г., как результат общей его политики, направленной к захвату западных областей Ирана, означал конец правления этого слабого и весьма преданного наукам государя. Упреки в неверии, содержащиеся в приводимом „Сиасет-намэ“ письме, находят подтверждение в событиях, последовавших за взятием Рея; многие из сподвижников Маджд ад-дауле были казнены по обвинению в мутаизме, казни сопровождались сожжением книг и т. п. Несмотря на историческую достоверность приводимых в упомянутом письме фактов, обращение письма к Абу-Али-и-Ильясу невероятно. Абу-Али Мухаммед б. Ильяс, как было указано выше,² умер ок. 357 (= 968) г., т. е. за 60—61 год до захвата султаном Махмудом Рея.

Также весьма спорно упоминание имени Абу-Али-и-Ильяса во второй половине рассказа, представляющего Абу-Али-и-Ильяса, как союзника султана Махмуда в походе на куджей и белуджей.

„Сиасет-намэ“ во всех вариантах (ТИ, ПБ и ИШ) соединяет вместе куджей и белуджей. „Худуд ал-алем“ отличает куджей от белуджей, хотя и указывает на общность их занятий и образа жизни.³ Населяя юго-восточную окраину Ирана до берегов Персидского залива, как куджи, так и белуджи в значительной степени сохранили примитивное родоплеменное устройство, отличаясь по языку от жителей соседнего Кермана.⁴ Ибн Мискавейх сообщает, что решительная борьба против куджей и белуджей была предпринята не Махмудом, а бувейхидом Азуд ад-дауле. В сражении 1 Раби II 361 (= 8/1 972) г. куджи и белуджи потерпели катастрофическое поражение, был захвачен в плен и казнен их вождь Ибн Аби-р-Раджал Балуси; побежденные были выведены с принадлежащей им территории; на их место поселено земледельческое население.⁵ Замирение этого труднодоступного района, правда, вряд ли могло

¹ От бн перс., 382—386.

² См. 36 (43).

³ „Худуд ал-алем“, 236.

⁴ Ибн Мискавейх, I—IV, 356.

⁵ Ибн Мискавейх, II—IV, 300.

быть полным и окончательным, еще Насир-и-Хосров отмечал в 444 (=1052) г. нападение куджей на округ Нанн.¹

Абу-Али-и-Ильяс, как историческое лицо, известен в качестве верного союзника куджей и белуджей, участвовавшего в их войне против Ахмеда б. Бовейх.² Ибн Мискавейх также сообщает об участии Абу-Али-и-Ильяс в совместных с куджами и белуджами грабежах. Награбленное хранилось в крепости Бардсир.³

В повествовании „Сиасет-намэ“ о хитрости, примененной газиевидскими войсками во время похода на куджей и белуджей, нельзя не отметить ясновыраженный сказовый характер. Из известных мне высказываний по поводу рассматриваемого вопроса особенно привлекает внимание замечание издателя „Тарих-и-Систан“, в котором издатель утверждает, что усиление султана Махмуда оказалось роковым для куджей, к сожалению, не приводя при данном утверждении какой-либо ссылки на источник.⁴ Между тем, рассказ о хитрости, примененной Махмудом, не может не напомнить о ряде подобных рассказов, кроме упомянутых в „Сиасет-намэ“, и „Тарих-и-Систан“, как-то: рассказ Абу-Шуджа о хитрости, примененной в войне с куджами бовейхида Азуд ад-дауле,⁵ рассказ о хитрости по отношению к куджам сельджукида Кавурда⁶ и т. д. Все это позволяет сделать вывод, что тема военной хитрости по отношению к куджам была весьма распространена в арабо-персидской литературе того времени, причем, как обычно в таких случаях, имена действующих лиц произвольно изменялись.

58 (67). Рассказ о Парвизе и Бахраме Чубине находится у Ауфи.⁷ На очевидные ошибки этого рассказа (Парвиз — царь Рума (?); Бахрам Чубин — вазир Парвиза (?)) было указано еще Т. Нельдеке.⁸ Содержание рассказа отличается явным неправдоподобием. Если

¹ Насир-и-Хосров ИШ, 139.

² Ибн Мискавейх, I—IV, 353—356.

³ Ибн Мискавейх, II—V, 249.

⁴ „Тарих-и-Систан“, 86, прим. I.

⁵ Абу-Шуджа, III—IV, 58.

⁶ Мухаммед Ибрахим, I, 5—8.

⁷ Мух. Нив. ад-дин, VIII, 81.

⁸ ZDMG, 1892, 766, а. 2.

название Парвиза царем Рума еще может найти какое-то объяснение в значении слова Рум, трактуемого иногда в источниках, как запад,¹ то говорить о каких-либо дружеских отношениях между Парвизом и Бахрамом Чубином, узурпировавшим сасанидский престол в 590—591 гг., конечно, не приходится. В данном случае мы имеем, очевидно, образец тех дидактических рассказов, которые весьма часто прикреплялись к именам некоторых сасанидских царей (Ардашир, Ануширван, Парвиз) и где интересы, диктуемые целями поучения, вытесняли историческую достоверность.² Имеющееся в рассказе Сиасет-намэ сопоставление двух мечей, которые нельзя вложить в одни ножны, встречается в качестве поговорки у Отби и Бейхаки.³

61 (69—77). Рассказ об Азуд ад-даулэ и нечестном судье, присвоившем золото воителя за веру, в сокращенной и несколько видоизмененной редакции встречается у Ауфи.⁴ Многочисленные рассказы-легенды, связанные с именем бувейхида Азуд ад-даулэ Фана-Хусрау б. Руки ад-даулэ (вр. правл. 338—372 = 949—982), были широко распространены в военно-бюрократических кругах в X—XI вв. На наличие таких рассказов и их малую достоверность в XI в. указывал еще историк Абу-Шуджа.⁵

62 (77—80). Рассказ о султানে Махмуде и хитрости, примененной им, дабы изобличить нечестного судью, встречается у Ауфи; героем рассказа Ауфи выступает халиф Мутазид.⁶

73 (88—90). Рассказ о посольстве Шамс ал-мулька и неосторожном приеме Низам ал-мульком посла в палатке во время игры в шахматы — один из немногочисленных отрывков „Сиасет-намэ“, имеющих автобиографический характер. Государь караханидской династии, полное имя которого было по Маджмэ ал-Фусаха: Шамс ал-мульк Насир ал-Хакк Абу-л-Хасан Наср б. Ибрахим б. Наср

¹ „Тарих-и-Систан“, 23—24 и 25—26.

² О поучительной литературе, связанной с именем Парвиза, см. Gust. Richter. Studien zur Geschichte der älteren arabischen Fürstenspiegel (Leipzig, 1932) SS. 50 u. s. w.

³ Отби перс., 212; Бейхаки ТИ, 216.

⁴ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 81.

⁵ Абу-Шуджа, III—VI, 42.

⁶ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 81.

(Илекхан) б. Али (Арслан-хан), по Тарих-и-Бухара: Шамс ал-мульк Наср б. Ибрахим б. Тамгач-хан правил с 460 (=1067) по 472 (=1079) гг. Датировка факта, о котором идет речь в рассказе, затруднительна; обмен посольством между Алп-Арсланом и Шамс ал-мульком мог иметь место незадолго до последнего похода Алп-Арслана в Среднюю Азию в 465 (=1072) г.

83 (95—108). Отрывок „Сиасет-намэ“, озаглавленный „Распорядок дворцовых гулямов“, также сложен по своему составу, как и рассказы 15,52. Он состоит из нескольких частей: а) описание прохождения гулямом военно-дворцовой службы при Саманидах; б) история отделения Алптегина от саманидов и образования им газневидского государства, в) история Себуктегина, отца султана Махмуда.

Как и рассказ 15, отрывок преследует не историческую, а исключительно дидактическую задачу: „цель этого рассказа такова: пусть будет известно господину мира, — да увековечит господь его царство! — каков бывает добрый раб“.

Отрывок, как в свое время было указано Т. Нёльдеке,¹ страдает рядом неточностей. Главнейшие из них:

а) Пропуск в саманидской генеалогии времени правления Абд ал-Малика б. Нух (343—350 = 954—691), как то явствует из следующего повествования: „Алптегин был куплен Ахмедом б. Исмаил (295—301 = 907—914) под конец жизни. Потом он служил много лет Насру б. Ахмед (301—331 = 914—943), а сипах-саларство над Хорасаном он получил в дни Нуха (331—343 = 943—954); когда Нух умер, на царство посадили этого Мансура сына Нуха (350—365 = 961—976)“.

б) Рассказывая о смерти Алптегина, отрывок передает совершенно легендарную историю о выборе гулямами на престол Себуктегина, которому „совершили договор и присягу“. Наследование газневидских эмиров после смерти Алптегина было следующим:

Исак б. Алптегин	—352—355=953—966.
Бильгя-тегин	—355—362=966—972.
Пэри	—362—366=972—977.

¹ ZDMG, 1892, s. 767.

Себуктегин был возведен на престол четырнадцать лет спустя после смерти Алптегина в 366 (=977) г.¹

в) Рассказывая о смерти Себуктегина, наш отрывок утверждает: „когда Себуктегин умер, Махмуд воссел на его место“. Себуктегину наследовал сначала его сын Исмаил (387—388 = 997—998) и лишь затем Махмуд (388—421 = 998—1030).

Вместе с тем отрывок обладает рядом деталей, ценность которых вряд ли может быть преуменьшена. К ним принадлежат:

а) Описание прохождения службы дворцовыми гулямами у Саманидов, — это описание является единственным в своем роде и известно русскому читателю, не владеющему персидским языком, из пересказа В. В. Бартольда.²

б) Описание военных действий Алптегина против Саманидов, в современном Афганистане и на границах с Индией. Особенно интересным и не утерявшим своего значения нам представляется описание событий, связанных с уходом Алптегина из державы саманидов, имеющее ряд параллелей в арабоязычных хрониках.³

В. В. Бартольд в „Энциклопедии ислама“ впервые отметил, что все повествование „Сиасет-намэ“ о восстании Алптегина почерпнуто из позднейших газневидских хроник. Нам представляется возможным значительно уточнить это предварительное и общее замечание на основании приведения параллельного текста из мемуаров Бейхаки.

Рассказ Бейхаки о справедливости эмира Масуда во время гургенского похода 426 (= 1034/35) г.:

„Мавлана-задэ захватил у одного человека барана. Обиженный пришел к эмиру и пожаловался. Эмир остановил коня и сказал накибам: «требую сейчас же доставить этого Мавлана-задэ». Они поскакали и благодаря наступившей судьбе и пришедшему смертному часу привели Мавлана-задэ. А он получал бистагани. Эмир сказал ему: «Ты получаешь бистагани?» Сказал: «такое-то и столько-то». Эмир сказал: «зачем ты взял у этого (человека) барана и огорчил

¹ „Табакат-и-Насири“, 7.

² „Турк. в эпоху монг. нашествия“, 236.

³ Ибн Мискавейх, II—V, 191—192; Ибн ал-Асир, VIII, 104.

людей моего государства? Если ты нуждался в мясе, почему не покупал на серебро, — ведь ты получаешь бистагани и не являешься бедняком». Тот сказал: «совершил проступок и сделал ошибку». Эмир сказал: «непременно ты должен увидеть возмездие за этот проступок». Он приказал повесить его у ворот Гургена, его коня и вооружение отдать хозяину барана и объявить во всеуслышание: всякий, кто совершит по отношению к народу этой области несправедливость, получит такое же возмездие». ¹

Не менее близким к повествованию Бейхаки является часть повествования „Сиасет-намэ“, касающаяся приобретения Алптегинном гуляма Себуктегина, отца будущего султана Махмуда. ²

Имея в виду эти два параллельных отрывка, нельзя не прийти к заключению об общности источников как мемуаров Бейхаки, так „Сиасет-намэ“. Таким образом, оригинал, откуда почерпнут дидактический рассказ „Сиасет-намэ“, вряд ли может быть более позднего времени, чем 451 (= 1059) г. — дата написания Бейхаки последних из дошедших до нас частей мемуаров.

102 (118). Рассказ о мальчике-хашимите имеется в собрании рассказов Ауфи. ³

103 (118). Рассказ о заступничестве перед Парвизом музыканта Базида (Барбеда) за опального вельможу имеется в собрании рассказов Ауфи. ⁴ Рассказ замечателен в том отношении, что точно указан источник, откуда почерпнут рассказ, — Абу-л-Касим Обейдаллах б. Ахмед б. Хордадбех, упомянутый в ИШ, как Хордадбех.

104 (118). Рассказ о старике, получившем вознаграждение от Нуширвана Справедливого за посадку дерева грецкого ореха, имеется в собрании рассказов Ауфи в двух вариантах, в одном из которых царем, вознаградившим старика, выступает Нуширван, в другом халиф-аббасид Харун ар-Рашид. ⁵

108 (120—121). Рассказ об Абд ар-Рахмане, дяде сельджукского султана по материнской линии, несправедливо обвинившем старца

¹ Бейхаки ТИ, 457.

² Бейхаки ТИ, 197—199.

³ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 81.

⁴ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 81—82.

⁵ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

из Герата и затем разоблаченном султаном, находится в собрании рассказов Ауфи с тем, однако, отличием от версии „Сиасет-намэ“, что Абд ар-Рахман назван придворным султана Махмуда.¹ Ш. Шефер, ссылаясь на Раванди, указывает, что рассказ относится к правлению Алп-Арслана; основанием для подобного суждения является фраза рассказа: „В городе Герате был почтенный мудрец, тот самый старец, что привел к господину мира Бекрека“;² Бекрек, устанавливает Ш. Шефер, был турецким рабом султана Алп-Арслана. Английское издание Раванди указывает на Абд ар-Рахмана и Бекрека, как на двух хаджибов султана Алп-Арслана;³ ни у Отби, ни у Бейхаки не встречается упоминания об Абд ар-Рахмане и Бекреке, как приближенных султана Махмуда. Таким образом, предположение Ш. Шефера, что под „султаном“ рассказа „Сиасет-намэ“ должен разумеется Алп-Арслан, имеет, на наш взгляд, достаточные основания, и рассказ может классифицироваться, как один из немногочисленных сельджукских рассказов сочинения.

111 (122—125). Рассказ о халифе Мамуне и его двух — злом и добром — сахиб-харасах находится в собрании рассказов Ауфи.⁴ Как указал Мухаммед Низам ад-дин, рассказ Ауфи почерпнут из „Истории халифов-аббасидов“. Близость рассказа Ауфи и „Сиасет-намэ“, а также наименование источника, позволяют предполагать с достаточной долей уверенности об общем источнике того и другого сочинения.

114 (128—129). Рассказ об Омаре б. ал-Хаттаб, Зейде б. Аслам и бедной женщине находится в собрании рассказов Ауфи.⁵

115 (129). Рассказ о Моисее и заблудшей овце имеется в сочинении Бейхаки.⁶

¹ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

² ИШ, фр. пер., 177, п. I. Ш. Шефер читает как Викрек, не объясняя оснований для такого чтения. Наше чтение Бекрек имеет в виду персидскую уменьшительную форму от имени Бекр. Выражение ИШ „В городе Герате...“ может быть переведено и таким образом: „... тот старец, которого привел Бекрек кладыке мира“.

³ „Рахат ас-судур“, 117.

⁴ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

⁵ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

⁶ Бейхаки ТИ, 201.

„Этакое я читал в Ахбар-и-Муса — „Известия о Моисее“ — мир над ним! — в то время как он (Моисей) совершал пастушество, однажды вечером он погнал овец к загону. Было время намаза, а вечер был темный и дождливый. Когда стадо достигло до загона, один ягненок убежал. Моисей рассердился и побежал вслед, намереваясь догнать и поколотить его палкой. Когда он схватил (ягненка), сердце его возгорелось (жалостью), он обнял его, положил руку на голову и сказал: «о, несчастный! откинь страх и будь спокоен! Почему ты убежал и оставил мать?» И как было предопределено вечностью, что он будет посланником, благодаря милосердию, которое он проявил, (дар его) пророчества укрепился“.

Рассказ Бейхаки интересен не только тем, что, являясь близким по сюжету к рассказу „Сиасет-намэ“, указывает на первоисточник, но и вторым дополнительным обстоятельством. Рассказ Бейхаки точно датирован 450 (=1058/59) г.; этот рассказ автор мемуаров слышал в Бусте от Абд ал-Малика, мустауфи, который в свою очередь слышал его от своего отца Бу-Насра Ахмеда, мустауфи. Это замечание Бейхаки устанавливает наличие устной традиции в передаче подобных повествований; в этих условиях ссылка на тот или иной письменный источник, естественно, носит общий и весьма приблизительный характер. Весьма характерно, что в ТИ, 91 таким источником рассказа назван „Таварих-и-анбиа“ — „Истории пророков“.

116 (129—136). Рассказ о раскаявшемся богаче и чиновнике находится в собрании рассказов Ауфи,¹ но без упоминания имени героя рассказа (Рашид Хаджи в „Сиасет-намэ“ ИШ; Рашид Чачи в „Сиасет-намэ“ ТИ, 104 прим. I).

120 (131—136). Рассказ о хитрости, примененной султаном Махмудом, чтобы получить титул от халифа ал-Кадир биллахи, находится в сокращенном виде в собрании рассказов Ауфи.² Историческая недостоверность всего рассказа была фиксирована Т. Нёльдеке в его рецензии³ со ссылкой на комментарии к арабскому тексту Отби.

¹ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

² Мух. Низ. ад-дин, VIII, 82.

³ ZDMG, 1892, 767, 2.

История титулования султана Махмуда такова: титулом Махмуда с 384 (= 994) г. был „Сеиф ад-даула“,¹ отмеченный еще в 389 (= 999) г. на нишапурской монете.² Рассказ о получении Махмудом титула „Амин ад-даула и Амин ал-милла“ приводится Отби, к сожалению, без указания даты.³ Среди монет султана Махмуда, описанных А. Марковым, наиболее ранняя с титулом „Амин ад-даула и Амин ал-милла“ — гератская монета 397 (= 1007) г.⁴

124 (136). В тексте отрывка „Сиасет-намэ“ ИШ, посвященном титулатуре буйейхидов, династия рода Буйейха названа Азкуниан. В ТИ, 113 это слово заменено выражением „государи Дейлема“; Ш. Шефер в своем переводе ограничился истолкованием, переведя это слово через „буиды“.⁵ Нам представляется, что единственная возможность понять это выражение заключается в установлении его монгольского происхождения, чаще встречающегося в написании *ارغو نيبه*, как монголы называли христиан.⁶ Прикрепление к буйейхидам этого прозвища чрезвычайно характерно как для традиции аббасидской историографии считать буйейхидов еретиками, так и для данного раздела „Сиасет-намэ“, носящего следы позднейшего происхождения.

125 (136—138). Текст раздела, заключающий главу о титулах, изобилует ошибками и анахронизмами.

а) „До этого (т. е. до сельджуков) в титулах царей не было слов „дуния“ и „дин“. Повелитель правоверных ал-Муктади биамриллахи ввел в титулы султана Малик-шаха, — да смилостивится над ним господь! — Муизз-ад-дуния ва-д-дин“.

Отец Махмуда, Себуктегин, назван в самом тексте „Сиасет-намэ“ ИШ, 108 титулом Насир ад-дин, что подтверждается и нумизматическими данными, по которым полный титул Себуктегина был Насир

¹ В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. наш., 274.

² А. Марков. Инвентарный каталог, 186—187.

³ Отби перс., 214.

⁴ А. Марков. Инвентарный каталог, 186—87; В. Г. Тизенгаузен, ЗВД, III, 68—9.

⁵ ИШ, фр. пер., 201.

⁶ Абу-л-Фарадж, 518; К. Патканов. История монгол по армянским источникам, I, 76; D'Ohsson Histoire des mong., IV, 67, п. I.

ад-дин ва-д-даулэ.¹ Этот титул был получен Себуктегином в 384 (= 994) г.² Титул Насир ад-дин до появления сельджуков носил также газневид Масуд б. Махмуд.³ Судя по касидам Муиззи Малик-шах с 467 (= 1074/75) г. носил титул Азуд ад-даулэ, затем Джалал ад-дин, наконец Муизз-ад-дуниа ва-д-дин.

б) После Малик-шаха упоминаются имена и титулы следующих сельджукских султанов, время правления которых было много спустя после смерти самого Низам ал-мулька:

Баркиярук б. Малик-шах (титул: Руки ад-дуниа ва-д-дин) — 487—498 = 1094—1104.

Махмуд б. Малик-шах (титул: Насир ад-дуниа ва-д-дин) — 485—487 = 1092—1094.

Исмаил (титул: Мухья ад-дуниа ва-д-дин) б. Якути б. Давуд, дядя Баркиарука со стороны матери, правитель Азербайджана, титулуется по Ибн ал-Асиру, откуда, повидимому, перенесено Цамбаур, Кутб ад-даулэ.⁴ Он был убит в 486 (= 1093) г. Ш. Шефер, не указывая какого-либо иного источника, называет Исмаила тем же титулом, что и „Сиасет-намэ“.⁵

Мухаммед (а не Махмуд, как в ИШ) б. Малик-шах (титул: Гиас ад-дуниа ва-д-дин) — 498—511 = 1105—1118.

в) „Первый вазир, которому титул ввели через ал-мульк, был Низам ал-мульк, титулом которого сделали Кивам ал-мульк“.

По Ибн ал-Асиру первыми из вазиров, кто носил титул, оканчивающийся на ал-мульк, были предшественники Низам ал-мулька Абу-Мухаммед ал-Хасан б. Мухаммед ад-Дихистани и ал-Кундури.⁶

Отмеченные ошибки и анахронизмы совершенно отчетливо указывают на то, что этот раздел не принадлежит Низам ал-мульку. Вместе с тем упоминание в данном разделе имени Мухаммеда

¹ А. Марков. Инвентарный каталог, 186.

² В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. наш., 274.

³ Бейхаки ТИ, 44.

⁴ Ибн ал-Асир, X, 152, 248, 264.

⁵ ИШ, фр. пер., 202, п. I.

⁶ Ибн ал-Асир, IX, 359; в индексе Ибн ал-Асира — путаница: под именем Низам ал-мулька соединены два разных вазира; Zambour перенес некритически это смешение в свои Tableaux et Cartes, p. 224.

б. Малик-шаха, время правления которого является последней датой всего раздела, не может не указывать на время, когда „Сиасет-намэ“ был окончательно отредактирован.

127 (139—143). Рассказ об Ардуме, принявшем к себе на службу еретика дих-худа Яхья, и Алп-Арслане находится в сокращенном виде в собрании рассказов Ауфи.¹

Ардум (чтение имени дается по огласовкам „Тарих-и-гозидэ“)² принадлежал к влиятельным сельджукским эмирам, участвовавшим на стороне Алп-Арслана в междоусобных действиях после смерти Тогрул-бека.³

128 (143—145). Рассуждение о необходимости содержать большое войско и не слушать зловредных советников, ратующих за уменьшение войска, находится в арабском переводе в труде Абу-Яхья Захария б. Мухаммеда Казвини.⁴

129 (145—148). Рассказ о чиновниках бовейхида Фахр ад-дауле, лишенных должности и уходивших на гору Табарек (Рей), чтобы там мечтать о царстве султана Махмуда, как уже отмечено Т. Нёльдеке⁵ анахронистичен. Фахр ад-дауле Абу-л-Хасан Али правил в 366—387 (=976—997) гг.; Абу-л-Касим Исмаил б. Аббад б. Ахмед б. Идрис ат-Таликани, называемый Ибн-Аббад и ас-Сахиб, вазир бовейхидов Муанид ад-дауле и Фахр ад-дауле, умер в 385 (=995) г.; султан Махмуд начал правление в 388 (=998) г., т. е. три года спустя после смерти Ибн-Аббада и год спустя после смерти Фахр ад-дауле. Весьма любопытна для характеристики рассказа локализация места действия на горе Табарек близ Рея во времена правления Фахр ад-дауле; Отби рассказывает, что Фахр ад-дауле выстроил на этой горе крепость; во время пира по окончании стройки Фахр ад-дауле объелся, отчего и умер.⁶

¹ Мух. Нив. ад-дин, VIII, 83.

² „Тарих-и-гозидэ“, индекс, 12.

³ Ибн ал-Асир, IX, 439 и X, 18; в последнем случае не упомянут в индексе.

⁴ Асар ал-Билад, 276.

⁵ ZDMG, 1892, 767.

⁶ Отби перс., 182.

132 (150—151). В числе добрых вазиров находится ал-Кундури, соперник Низам ал-мулька, что не может не возбуждать сомнений в принадлежности этого раздела Низам ал-мульку.

133 (151—154). Рассказ о приглашении халифом Сулейманом б. Абд ал-Малик (96—99 = 715—717) в качестве вазира Джафара б. Бармак находится в сокращенном виде в собрании рассказов Ауфи и в составе сочинения Казвини (Закариа).¹ Ауфи называет халифом Абд ал-Малика б. Мерван (65—86 = 685—705). Т. Нельдеке в своей рецензии отметил анахронизм рассказа;² В. В. Бартольд дал исчерпывающий анализ всех вопросов, связанных с фактами, сообщаемыми „Сиасет-намэ“.³ Исторический Джафар Бармак был казнен в 187 (= 803) г. халифом Харун ар-Рашидом, т. е. почти сто лет спустя после правления обоих упомянутых в рассказах халифов.

136 (157—158). Рассказ о Судабэ, жене Кей-Кауса и преступной ее страсти к Сиавушу, сыну Кей-Кауса, по сравнению с версией „Шах-намэ“ Фердоуси представляет ряд отличий. В рассказе „Сиасет-намэ“ отсутствуют следующие моменты повествования Фердоуси: распоряжение Кей-Кауса казнить Судабэ, предательство Сиавуша, дальнейшее примирение Кей-Кауса с Судабэ и все возрастающее его отчуждение от сына. В „Шах-намэ“ отсутствует следующая деталь рассказа „Сиасет-намэ“ об испытании Сиавуша огнем: „весь народ был повергнут в изумление. Мубады взяли от того огня, отнесли в храм огня. Тот огонь поддерживается до сего дня“. О храме огня в честь Сиавуша упоминает Шахрастани.⁴

139 (159). Версия романа Ширин-Фархад отсутствует в „Шах-намэ“ и впервые появляется в стихотворной форме у Низами. „Сиасет-намэ“ характеризует рассказ о Хосрове, Ширин и Фархаде, как „прекрасный и известный рассказ“.

143 (160—162). Рассказ о Юсифе и Кирсифе в более кратком виде, чем в „Сиасет-намэ“, находится в собрании рассказов Ауфи.⁵

¹ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 83; „Аджаиб ал-махлукат“, 218—19.

² ZDMG, 182, 766.

³ ЭИ, I, 691—693.

⁴ Шахрастани = Haarbrücker, 298—99.

⁵ Мух. Низ. ад-дин, VIII, 84.

149 (164—166). Конец главы „о выявлении дел еретиков, являющихся врагами царя и ислама“, гласит: „если государь захочет познакомиться со всеми делами их, пусть он прочтет истории, в особенности же историю Исфохана“. В данном контексте достаточно трудно сказать, имеет ли автор в виду конкретную историю Исфохана или вообще историю города Исфохана. ТИ, 141 дает следующий вариант: следует читать многие истории, в особенности же то, что они (еретики) совершили в Исфохане и земле Аджам.¹

150 (166—181). Рассказ о Маздаке является первым рассказом „Сиасет-намэ“ об еретиках.

Чрезвычайная тенденциозность рассказа „Сиасет-намэ“, направленная к тому, чтобы превратить образ одного из замечательных народных вождей раннего иранского средневековья в шарлатана и плута, резко отличает повествование „Сиасет-намэ“ от повествований „Шах-намэ“, Табари и т. д.; общий тон всего повествования не может не привести к убеждению, что в главе о Маздаке скорее всего можно видеть памфлет, направленный против врагов мусульманской ортодоксии, чем дошедший до XI в. вариант одной из так называемых „Маздак-намэ“. С этой точки зрения предположение, высказанное Т. Нёльдеке и подтвержденное А. Кристенсенем² о зависимости рассказа „Сиасет-намэ“ от варианта „Маздак-намэ“ Фихриста,³ нам кажется, требует значительных ограничений и пересмотра. Отдельные элементы рассказа „Сиасет-намэ“, как, например, противопоставление отца-еретика сыну — правоверному мусульманину напоминают рассказ „Сиасет-намэ“ о Мухаммеде Нахшаби, и соответствующий рассказ Ауфи,⁴ причем и в том, и в другом случае речь идет о совершенно иных персонажах, чем в рассказе „Сиасет-намэ“ о Маздаке. Неразработанность истории мусульманской полемической литературы этого периода не позволяет, конечно, итти

¹ Мухамед Низам ад-дин (VIII, 84, п. I) считает возможным идентифицировать эту „историю Исфохана“ „Сиасет-намэ“ (как и ИШ, 204) с арабоязычной историей города Муфаддал б. Сад ал-Хусейн ал-Мафаррухи.

² Табари Nöldeke, 461, а 2; A. Christensen. Le règne du roi Kawodh, I, pp. 65—66.

³ Фихрист, 118, 163.

⁴ В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нашеств., Текст, 86—87.

далее высказанных предположений, но представляется весьма вероятным наличие в мусульманской литературе раннего средневековья определенного жанра изящной словесности, посвященного изображению глав еретических учений в качестве отрицательных персонажей. Также весьма вероятно, что происхождение подобного жанра коренится в домусульманской литературной традиции. А. Кристенсен, исследуя рассказ „Сиасет-намэ“ о Маздаке, указывает, что сюжет о хитрости, примененной Маздаком, дабы заставить говорить огонь, был известен пехлевийской литературной традиции задолго до времени появления Маздака. Так, Сократ, автор церковной истории V в., передает, очевидно почерпнув, из пехлевийских источников, рассказ об обмане магами Иездегерда I (399—420) путем применения такой же хитрости.¹

151 (182—183). Рассказ „о выступлении Сумбада Гябра из Нишапура в Рей против мусульман“ отличается от всех предыдущих рассказов хроникальным характером повествования. Рассказ состоит из двух частей: а) истории Хуррамэ, жены Маздака, б) истории восстания Сумбада.

Первая фраза рассказа, говорящая о времени Харун ар-Рашида (170—193 = 786—809), когда снова появились еретики, не имеет никакого отношения ни к предыдущему, ни к последующему повествованию; упоминание о Харун ар-Рашиде отсутствует в ТИ, 156.

Весь рассказ о Хуррамэ, дочери Фадэ, жене Маздака, бежавшей в Рей и ставшей во главе хуррамдинцов или хуррамитов, является осмыслением названия секты, именуемой обычно в источниках ал-хуррамия.

Рассказ о восстании Сумбада Гябра, наряду с близким к арабским хроникам повествованием,² содержит ряд фантастических утверждений и анахронизмов; так, например, Сумбаду Гябру, восставшему вскоре после убийства Абу-Муслима, т. е. в 137 (= 755) г., приписывается упоминание о двенадцатом шиитском имаме Абу-л-Касиме Мухаммеде б. ал-Хасан ал-Махди, родившемся, согласно шиитских источников, в 255 (= 868/69) г.³ Столь же неверно утверждение

¹ A. Christensen. Le régime du roi Kawodh, I, 60—68.

² Табары, III, 119—122.

³ „Бейан ал-адиан“, 164—165.

рассказа о том, что восстание Сумбада продолжалось семь лет, — следуя Табари, срок между началом восстания Сумбада и его убийством равнялся семидесяти дням.¹

152 (183—187). Рассказ „о появлении карматов и батинитов в Кухистане, Ираке и Хорасане“ и

153 (187—193) рассказ „о выступлениях батинитов в Хорасане и Мавераннахре“ см. мою работу „Мухаммед Нахшаби“² и 150 (166—181).

154 (193—194). Рассказ „Снасет-намэ“ о наследовании главенства в секте карматов после Абдаллаха б. Меймун и начале фатимидской державы в Северной Африке представляет собою сокращенное изложение событий, известных в значительно более полном виде в арабоязычных хрониках. Приводимое в тексте ИШ наименование первого фатимида как Абдаллах б. ал-Хусейн совершенно очевидно испорченное Обейдаллах б. ал-Хусейн.

155 (194—195). Рассказ о „восстании карматов и маздакитов в округах Герата и Гуре“ принадлежит к немногим отрывкам, встречающимся в сочинении, ценным исключительно по своим фактическим, а не литературным достоинствам. Отрывок повествует об антисаманидском восстании в 295 (= 907/908) г. и, очевидно, заимствован из наиболее старых саманидских хроник, быть может из того же жизнеописания Исмаила б. Ахмед, о котором уже шла речь. Один из вождей восстания Абу-Билал Хареджит упомянут в „Тарих-и-Систан“ в числе лиц, примкнувших к Якубу б. Лейс после нишапурского похода последнего в 259 (= 872/73) г.³ Весьма интересна заключительная фраза отрывка: „В тот же год Справедливый эмир умер и на его место воссел Наср-и-Ахмед, который был его сыном, а то, что случилось при нем, мы упомянули ранее“. В „Снасет-намэ“ под „эмир-и-адил“ разумеется Исмаил б. Ахмед; указанная в начале отрывка дата и перечень действующих лиц также не оставляют сомнения, что речь идет об Исмаиле б. Ахмед. Следовательно, под испорченным в ИШ „Наср-и-Ахмед“ должно

¹ Табари, III, 120.

² „Ученые записки МГУ“, 41, стр. 96—112.

³ „Тарих-и-Систан“, 224—225.

разуметь Ахмеда б. Исмаил, кунья которого, как известно, было Абу-Наср.¹ Но если речь идет действительно об Абу-Насре Ахмеде, то налицо указание на пропуск какого-то рассказа, находившегося в составе „Сиасет-намэ“, или факт некритического заимствования отрывка саманидской хроники, механически вписанной в сочинение.

156 (195). Рассказ „о восстании Али б. Мухаммед Буркаи в Хузистане и Басре совместно с войском негров“ является кратким изложением известных арабоязычных хроник ат-Табари и др. Интересна заключительная фраза отрывка: „его вера была та же самая, что и вера Маздака, Бабека, карматов, еще хуже во всех отношениях“, — характерная вообще для тенденции сочинения ставить знак равенства между всеми еретическими движениями.

157 (195—198). Рассказ „о восстании Бу-Саида Джаннаби и сына его Бу-Тахира в Бахрейне и Лаксе“ заимствован в значительной части из Ибн-Мискавейха² с допущением ряда вольностей и неточностей.

160 (199—200). Рассказ о „восстании хуррамдинцев в Исфахане“ является единственным отрывком „Сиасет-намэ“, который может в какой-то степени подтвердить указание сочинения на использование упомянутой истории Исфахана,³ хотя начало рассказа, трактующее о восстании батинитов Гургана в 162 (=778) г. под главенством Абу-л-Гарра, сына Абу-Муслима, не имеет, очевидно, прямого отношения к восстанию в Исфахане, происшедшему во время пребывания Харун ар-Рашида в Хорасане.

161 (200—203). Рассказ о восстании Бабека изобилует теми же неточностями, что и прочие рассказы „Сиасет-намэ“ об еретиках. В отличие от других рассказов об еретиках, в данном рассказе имеется ссылка на источник: „существует целая книга, где много рассказов о восстании Бабека от начала до его гибели“. На наличие книги о Бабеке, как известно, указывает и Фихрист.⁴ В изложении

¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, СПб., 1853, стр. 123.

² Ибн Мискавейх, I—IV.

³ См. Введение в изуч., Г, 149 (164—166).

⁴ Фихрист, 343—344; изложение отрывка о Бабеке на русском языке по Фихристу см. М. Томарра. Бабек, серия „Жизнь замечательных людей“, стр. 30—41.

„Сиасет-намэ“ история Бабека имеет одну деталь. Рассказывая о восстании еретиков в 218 (=833) г., „Сиасет-намэ“ сообщает, „что в Исфахане главарем повстанцев был некто Али-и-Маздак, который произвел смотр у ворот города двадцати тысячам человек“. По одному из вариантов хроники Али б. Маздакан (sic) претендовал на сыновние отношения к Бабеку.¹

163 (204). Краткое изложение восстаний еретиков во время правления халифа Васика (227—232 = 842—847) заканчивается указанием на источники: „Таджариб ал-умам“, „Тарих-и-Исфахан“, „Ахбар-и-хулафа-и-ал-и-Аббас“. ТИ, 177 указывает лишь два источника: историю Табари и „Тарих-и-Исфахан“. Из всех перечисленных источников известны с полной достоверностью „Таджариб ал-умам“, принадлежащий авторству Ибн-Мискавейха, и история Табари. Попытка определить Ахбар-и-хулафа-и-ал-и-Аббас вряд ли может претендовать на точность.

Д. ВЫВОДЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Рассмотрение „Сиасет-намэ“ в отношении состава и происхождения отдельных разделов дает, нам кажется, достаточные основания для некоторых обобщающих выводов. К числу этих выводов в первую очередь относится заключение о неоднородности состава памятника со стороны его происхождения. В „Сиасет-намэ“ весьма явно различаются разделы, которые возникли позднее даты смерти великого вазира. Сюда относятся разделы „Сиасет-намэ“, содержащие упоминание лиц, живших и действовавших в более позднее, чем период жизни Низам ал-мулька, время: 2, 4, 5, 33, 125, 175. Из упомянутых разделов по этому признаку безусловно не могут принадлежать Низам ал-мульк 2, 4, 125, 175. Раздел 5, заключающий слова Низам ал-мулька, может быть признан в значительной своей части принадлежащим издателю сочинения, составившему введение, содержание которого всецело имеет отношение

¹ Табари, III, Add 1238 со ссылкой на Захаби.

к событиям и личности Мухаммеда б. Малик-шаха. Раздел 33, трактующий о правосудности газневидского султана Ибрахима, младшего современника Низам ал-мулька, естественно, вряд ли мог быть уместен и терпим в сочинении, посвященном Малик-шаху. Случайность упоминания об Ибрахиме служит лишним подкреплением довода о непринадлежности рассказа к первоначальному составу сочинения.

Анализ этих же разделов приводит ко второму заключению о времени „издания“ сочинения; таким временем было правление Мухаммеда б. Малик-шах (498—511 = 1105—1118). Формально на это указывают: а) отсутствие в сочинении событий, датированных позднее, чем 511 (= 1118) г., б) наличие в памятнике упоминания имени Мухаммеда б. Малик-шаха в таких существенных разделах, как 5, 125 и касида (разд. 175).

Третий вывод: все остальные разделы „Сиасет-намэ“ не имеют никаких формальных (по содержанию) признаков, которые не позволяли бы их датировать иначе, чем то принято в отношении „Сиасет-намэ“ традицией, приписывающей памятник перу Низам ал-мулька. Исключение составляет раздел 124, где встречается термин монгольского времени — „аркауниан“; но появление монгольского термина может быть объяснено ошибкой переписчика, так как носит случайный, единичный характер.

Языковой анализ всех разделов сочинения также подкрепляет этот вывод; язык „Сиасет-намэ“ по архаической прозрачности и ясности весьма близок к такому общепризнанному произведению XI в., как мемуары Абу-л-Фазля Бейхаки. Весьма характерно как для мемуаров Бейхаки, так и для „Сиасет-намэ“ проникновение в литературную речь турецких лексических элементов, явление, отмеченное в отношении „Сиасет-намэ“ Т. Нёльдеке¹ (куч, иагма, таргу, урду и т. д.).

И тем не менее у нас не существует какой-либо уверенности в принадлежности большей части разделов „Сиасет-намэ“ Низам ал-мульку.

В отношении одной из частей этого памятника, а именно глав об еретиках, наша неуверенность переходит во вполне твердую

¹ ZDMG, 1892, s. 763.

уверенность в непринадлежности их Низам ал-мульку. Основаниями для этого являются: а) вставка глав по истории еретиков в рукописи ИШ между главою 45, имеющей заголовок „относительно женщин; о соблюдении чинов у главарей войска и начальствующих“ и главою 48 „о сохранности казнохранилища, о соблюдении правил и порядка в нем“, б) доведение автором, жившим и действовавшим в XI в., истории об еретиках лишь до половины X в., в) отсутствие разделов по истории еретиков в рукописи Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, являющейся, несмотря на позднюю дату переписки, одним из ранних вариантов сочинения, близким по языку и содержанию к рукописи ИШ, г) совершенно недопустимая для вазира и основателя первой высшей мусульманской школы путаница в сектах, именах, датах, лишь отчасти объясняемая позднейшими интерполяциями и исправлениями, д) план глав об еретиках и, наконец, е) несоответствие упоминаемых источников с содержанием глав. На последних двух вопросах следует остановиться более подробно.

15 разделов, составляющих историю еретиков, вместе с введением и филиппикой построены на следующих хронологических основаниях:

150. История Маздака — (ок. 528—29 н. э.) г.
151. Деятельность жены Маздака, Хуррамэ — ??
151. Восстание Сумбада Гябра — 137 (= 755) г.
152. Деятельность карматов в Месопотамии и Ирак-и-Аджами — II—III (= VIII—IX) вв.
153. Хусейн б. Али Мервези и Мухаммед Нахшаби — до 331 (= 943) г.
154. Батиниты Сирии и фатимиды — конец III (начало IX) в.
155. Восстание карматов округа Гур и Герата — 295 (= 907) г.
156. Восстание зинджей — до 270 (= 883) г.
157. Бу-Саид Джаннаби и Бу-Тахир — до 339 (= 951) г.
158. Восстание Муканны Мервези — до 167 (= 783) г.
160. Восстание батинитов Гургана — 162 (= 778/79) г.
160. Восстание в Исфахане в конце правления Харун ар-Рашида — ок. 193 (= 809) г.
161. Восстание Бабека до 223 (= 833) г.

163. Восстание в правление халифа Васика — 227—232 (= 842—847) г.

163. Восстания до 300 (= 912/13) г.

Хронологическая непоследовательность сопутствует ряду грубейших анахронизмов, смешению батинитов, карматов, маздакитов в одно целое, признанию личных связей людей, жизнь которых отделена друг от друга столетием и т. д.

Такие же путаница и смешение наблюдаются в отношении конструкции отдельных разделов. Разделы 150 (Маздак), 153 (Мухаммед Нахшаби), 161 (Бабек) являются законченными литературными рассказами-памфлетами; разделы 151 (Сумбад Гябр), 152 (карматы Месопотамии и Рея), 157 (Бу-Саид Джаннаби и Бу-Тахир), 158 (Муканна Мервези), — хрониками, соединенными с элементом фабулы; 154, 155, 156, 159, 160, 163 — сокращенными отрывками из хроник; в некоторых случаях (151, 155) разделы хранят случайно сохранившиеся фразы, не имеющие прямого отношения к повествованию.

Из упоминаемых в разделах об еретиках источников явственно можно найти заимствования из Табари (161), Ибн Мискавейха (157), „Маздак-намэ“ (150) и „Бабек-намэ“ (161); двукратное упоминание об „истории Исфакхана“, каковая якобы должна была служить основным источником для сведений об еретиках, не реализуется в содержании разделов, — истории исфакханских еретиков отведена весьма незначительная часть разделов 160 и 161.

Сообщение Хаджи Хальфы о позднейшей приписке неким ал-Ямани к сочинению Низам ал-мулька дополнительных 15 глав не может подойти с большим основанием ни к одной части „Сиасет-намэ“, чем к части, касающейся истории еретиков.

Сомнительно также авторство Низам ал-мулька в отношении большинства рассказов, приводимых в „Сиасет-намэ“ в виде иллюстраций тех или иных дидактических положений. Характерной чертой этого иллюстративного материала является фабула; при преобладающем значении фабулы историческое правдоподобие того или иного рассказа имело подсобное, второстепенное значение. Такие рассказы-иллюстрации должны были обладать преимущественно литературными, а не историко-хроникальными достоинствами. Как и для всякого литературного произведения, источником для таких заниматель-

ных рассказов могло быть в одинаковой степени как устное, так и письменное предание. Приведенные в разделах 61 и 115 примеры изустной передачи рассказа наглядно показывают живучесть и в это время устной традиции. Отношение такого устного литературно-исторического творчества к письменному весьма сложно; и не всегда, конечно, возможно проследить более или менее детально обращение устного рассказа в письменную форму, и превращение зафиксированного письменностью рассказа в устную легенду. Г. Рихтер в своей работе о старинных арабских зеркалах отметил на основе обследования дидактической литературы, имеющей в основе сасанидско-пехлевийскую традицию, динамику расположения тех или иных рассказов вокруг излюбленных исторических и псевдоисторических личностей (Александр Македонский, Аристотель, Ардашир, Хосров, Ануширван, Хосров Парвиз, Бузурджмиhr, Тахир ибн ал-Хусейн и т. д.). Наблюдаемые Г. Рихтером явления для ранней арабской литературы могут быть отнесены к литературе X—XIII в. на персидском языке. Произведенное Мухаммедом Низам ад-дином обследование грандиозного свода рассказов Ауфи в отношении к ряду предшествовавших этому своду сочинений, в том числе и в отношении к „Сиасет-намэ“, показывает на наличие весьма значительных вариантов, касающихся как сюжетов рассказов, так и имен действующих лиц и места действия. В немногих рассказах „Сиасет-намэ“, где нам удалось установить наличие предшествовавших этим рассказам оригиналов или параллелей, мы наблюдаем то же самое явление. Особенно показательны в этом отношении разделы 101 и 115, которые дают возможность сравнить версии рассказов таких близких друг к другу по времени сочинений, как мемуары Бейхаки и „Сиасет-намэ“. Развитие одного и того же сюжета сопровождалось рядом изменений в деталях, а часто и в самой конструкции. В некоторых из рассказов „Сиасет-намэ“ эти изменения происходили за счет добавления отрывков из исторических хроник (ср. разд. 15, 32, 83), главным образом саманидских и газновидских, в других рассказах за счет повторения одного и того же сюжета в отношении различных действующих лиц (ср. 150 — Маздак и 153 — Мухаммед Нахшаби); 61 (о хитрости Азуд ад-дауля) и 62 (о хитрости султана Махмуда), или же за счет нравоучений-концовок, долженствующих определить

цель и назначение рассказа. Само собой понятно, что подобный метод приведения иллюстративных рассказов не составляет какой-то специфической особенности рассматриваемого сочинения. Являясь традиционным для персидской дидактической литературы, подобный метод иллюстрации тех или иных поучений рассказами был применяем и в послемонгольское время; характерным образцом такого творчества в это время могут быть названы произведения Саади. Специфической особенностью „Сиасет-намэ“ является то обстоятельство, что все рассказы, приводимые в сочинении, по своему фактическому содержанию датируются временем более ранним, чем дата смерти Низам ал-мулька, а по языку с одинаковым правом могут быть отнесены и к XI, и к XII в. И все же, повторяем, принадлежность этой части „Сиасет-намэ“ целиком Низам ал-мульку не может не внушать сомнений, правда, в значительно меньшей мере, чем разделов, трактующих об истории еретиков.

Вряд ли эти сомнения можно сколько-либо аргументированно обосновать ссылками на анахронизмы или исторические неточности. Сложная история бытования рукописи, наиболее старый список которой датируется лишь концом XIII в., не позволяет более или менее строго оценивать ошибки рассказов, относя их исключительно за счет автора. Даже издание Ш. Шефера, выполненное с возможной для европейского ученого тщательностью, внесло в текст сочинения ряд недоразумений, отсутствующих в рукописях, и в некоторых случаях разъясненных тегеранским изданием.¹

Наши сомнения базируются не на отдельных неточностях и ошибках, а, так сказать, на характере и духе самого иллюстративного материала „Сиасет-намэ“. Известный отрывок из „Чахар-макалэ“ Низами-и-Аруди Самарканди, приведенный со слов поэта Муиззи, характеризует Низам ал-мулька, как человека не только неспособного к поэтическому творчеству, но и не имевшего ни малейшей склонности к поэзии.² Даже самое поверхностное рассмотрение иллюстративного материала „Сиасет-намэ“ показывает,

¹ Например: „Сиасет-намэ“ ИШ, 27 (ТИ, 22), 183—84 (ТИ, 157), 185 (ТИ, 160—161) и т. д.

² „Чахар-макалэ“, 45—46.

что для известного числа рассказов мы находим параллели в стихотворных образцах, частью предшествующих или современных сочинению, частью известных из последующей литературы. К таким отрывкам „Сиасет-намэ“ относятся разделы 10, 19, 136, 139; весьма близки по сюжету с соответствующими разделами „Шах-намэ“ сасанидские разделы „Сиасет-намэ“. Таким образом, мы можем констатировать наличие в рассказах „Сиасет-намэ“ тем, трактовка которых встречалась и в стихотворной форме, и в прозаической. К сожалению, слабая разработка истории памфлетов против еретиков не дает нам возможности остановиться более или менее подробно на этого рода литературе. Тем не менее, нам представляется, существуют достаточные основания предполагать наличие именно стихотворных памфлетов в Иране XI в. Неоднократно употребляемый „Сиасет-намэ“ прием перехода с косвенной речи на прямую подтверждает возможность нахождения стихотворных параллелей к соответствующим отрывкам сочинения, быть может, как раз в памфлетной литературе.

У нас не имеется ни одного доказательства, кроме умолчания о труде Низам ал-мулька в сельджукских сочинениях Раванди и Бондари, которое давало бы нам право говорить о неправдоподобии традиции, сохраняющейся в персидской литературе с начала XIII в., согласно которой Низам ал-мульк объявлялся автором „Сиасет-намэ“. Более того, в написании Низам ал-мульком политического сочинения, трактующего об основах управления, вряд ли можно видеть что-либо оригинальное по существу дела. Основанием для подобного утверждения является описание церемониала при назначении вазира, приводимое таким великим знатоком придворных обычаев, как Абу-л-Фазл Бейхаки. Такое описание мы встречаем у Бейхаки дважды: первый раз при назначении вазиром Ахмед-и-Хасан Мейменди и второй раз — при назначении вазиром Ахмед-и-Абд-ас-Самад.¹ В обоих случаях Бейхаки упоминает об одном обычае, предшествующем назначению на вазират, что само по себе доказывает не случайность подобного упоминания. Этот обычай состоял в том, что назначаемый на пост вазира чиновник, прежде

¹ Бейхаки ТИ, 147 и 381.

чем одеться в почетные одежды, передавал государю некий документ, именуемый у Бейхаки мувада'ат. Термин мувада'ат, как и большинство социально-политической терминологии мусульманского средневековья, — полисемантичен. Одно из его значений — контрибуция, налагаемая на завоеванную или находящуюся в вассальных отношениях страну;¹ другое его значение, сохранившееся до настоящего времени в языке, — сообщение друг другу соответствующих мнений по какому-либо вопросу, чаще согласие одного лица на предложение другого. В этом именно смысле термин и применен у Бейхаки в описании церемониала назначения на пост вазира. Описывая назначение Ахмед-и-Хасана, Бейхаки сообщает: „и Бу-Сахль, и Бу-Наср отнесли его (т. е. Ахмед-и-Хасан) мувада'ат. Эмир потребовал чернила, бумагу и написал ответ на каждый раздел, باب بك мувада'ата своим почерком, скрепил печатью, а ниже совершил клятву, сауканд, и то (все) принесли хадже“, при описании назначения Ахмед-и-Хасана Бейхаки сообщает: „(Ахмед-и-Хасан) написал мувада'ат и послал его к моему начальнику, а эмир своим почерком написал ответ, и все, что тот просил и условий чего касался, утвердил, сделал обязательным“. Как явствует из приведенных цитат, мувада'ат разделялся на главы — баб — и являлся как бы программой, утверждение которой должно было производиться эмиром путем ответов на каждый пункт с последующим приложением государственной печати — тауки — и принесением клятвы.

Неизвестно, существовал ли этот обычай при первых сельджуках. Весьма трудно думать, чтобы Тогрул-бек, завоеватель, мог заниматься подобной процедурой. Получив назначение на пост вазира Алп-Арслана в бытность последнего правителем Хорасана, Низам ал-мульк, вероятно, тоже не имел возможности получить клятву от государя, по отношению к которому по его же собственным словам он пребывал в постоянном трепете.²

Тем не менее газневидская традиция не могла отсутствовать при сельджукском дворе, чиновная знать которого с самого же начала сельджукской державы состояла преимущественно из хорасанцев.

¹ „Фарс-намэ“, 94.

² „Сиясет-намэ“ III, 88.

Хаджи Хальфа и „Сиасет-намэ“ приводят две даты, когда сочинение могло быть написано: 469 (=1076/77) и 484 (=1091/92) г. Обе даты относятся к правлению Малик-шаха, третьего по счету „великого сельджука“, при котором и завершилось устройство государства при ближайшем участии самого Низам ал-мулька. С этой точки зрения написание трактата об управлении государством именно в этот период кажется весьма естественным. Нужда в таком трактате, который фиксировал бы, по выражению „Сиасет-намэ“, „какие обязанности и как выполняли государи до нас, а мы не совершаем“, несомненно должна была особенно остро ощущаться как раз во время этой созидательной административно-государственной работы. Гораздо труднее определить, к какой именно дате относилось написание Низам ал-мульком своего мувада'ата. Единственным критерием в данном случае может быть лишь фактический материал, относящийся к биографии вазира. Этот именно материал не может не привести исследователя к необходимости проявить большее доверие к дате, указанной „Сиасет-намэ“. В то время как дата Хаджи Хальфы при современном состоянии биографических сведений о вазире вряд ли может быть объяснена по причине отсутствия в источниках каких-либо сведений о мотивах появления подобного назидательного сочинения в 469 (=1076/79) г., дата, приводимая издателем „Сиасет-намэ“, находит, на наш взгляд, вполне правдоподобное объяснение в событиях, предшествовавших отставке и убиению Низам ал-мулька. Появление подобного трактата именно в эти критические для жизни и политической линии Низам ал-мулька 484—85 (=1091/92) года находит свое объяснение во всей сложившейся обстановке при дворе. Не говоря уже о том, что необходимость написания такого сочинения могла исходить из субъективной потребности находившегося в опале вазира определить свое отношение к злободневным политическим вопросам с целью убедить султана в своей правоте, появление такого трактата может также быть объяснено фактами реконструкции при сельджукском дворе газневидских бюрократических традиций. Написание политического трактата являлось своеобразным, хотя и несколько запоздалым, оформлением газневидского мувада'ата. В этом отношении весьма характерны слова султана, сказанные при прочтении сочинения

и приводимые издателем: „эти все главы написаны так, как хотело мое сердце; к этому нечего добавить. Я делаю эту книгу своим руководством, буду по ней действовать“. Невольно они напоминают тот „ответ“, который давал Масуд б. Махмуд на мувада'ат Ахмед-и-Хасан и Ахмед-и-Абд-ас-Самад. С этой точки зрения также вполне объясним и тот, иначе ничем необъяснимый факт, что написанный вазиром трактат, столь высоко оцененный султаном, был направлен в канцелярию, а не остался на руках государя. Как то отмечено вышеприведенными отрывками из Бейхаки, подобные документы при газневидском дворе считались совершенно естественно государственными документами, в передаче и, очевидно, хранении которых принимал непосредственное участие диван государственной переписки (лично Абу-Наср Мишкан у Бейхаки). Из приводимых издателем сочинения фактов остаются только два факта, не нашедшие пока что объяснения: 1) сообщение об устройстве своеобразного конкурса на написание трактата, в котором, кроме Низам ал-мулька, принимали участие Шараф ал-мульк, Тадж ал-мульк и Маджд ал-мульк; 2) сообщение о последующей после написания переделке Низам ал-мульком трактата с добавлением „в ясных выражениях того, что приличествует каждой главе“.

Оба эти сообщения нам представляются весьма важными, но объяснимы они могут быть только исходя из событий, последовавших за смертью Низам ал-мулька (1092).

Как явствует из всего вышесказанного, анализ фактического содержания „Сиасет-намэ“ всецело подтверждает указание издателя сочинения о первом появлении трактата после смерти Низам ал-мулька, очевидно, в правление сына Малик-шаха — Мухаммеда, которому посвящен раздел 5, касида в конце сочинения и упоминание имени которого дает основания говорить о самой поздней дате, встречающейся в сочинении.

Соответствие указания издателя с фактическим содержанием сочинения в отношении времени появления его представляется нам фактом чрезвычайно существенным; во-первых, этот факт говорит о реальности существования издателя, во-вторых, он объясняет дальнейшую судьбу трактата.

Мухаммед б. Малик-шах на западе сельджукских владений, равно как и его брат Санджар на востоке, являлся одним из наиболее энергичных представителей семейства Малик-шаха. Отвоевав после длительной борьбы с Баркиаруком владения на западе, он прославился в дальнейшем своей деятельностью, направленной против карматов-исмаилитов. Особенно оцутителен для исмаилитов был захват Мухаммедом Исфакана, находившегося в руках еретиков в течение длительного периода, ознаменованного междуособной борьбой между Баркиаруком и Мухаммедом. Это событие, подробно изложенное Ибн ал-Асиром под 500 (1106/107) г.,¹ нашло отражение в сельджукских летописях, в виде описания изуверств, творимых будто бы еретиками до захвата города Мухаммедом.² Антиисмаилитская политика Мухаммеда и является, нам кажется, основным фактом, который содействовал первому „изданию“ „Сиасет-намэ“. Косвенным, но далеко не второстепенным, доказательством этого положения служит двукратное упоминание в „Сиасет-намэ“ необходимости для познания дел еретиков знать историю Исфакана, неоправданное, как было отмечено, содержанием самих глав по истории еретиков. Издателем явился Мухаммед Магриби, каллиграф, как то можно вывести из его прозвища „насих“, поэт-панегирист, „мадахгуй“, имеющий тридцатилетние заслуги перед сельджукской династией. О личности Мухаммеда Магриби, кроме того, что он сообщает нам сам, мы ничего не знаем; ни один из источников не сохранил имени сельджукского поэта с прозвищем Магриби.

Но кем бы ни был первый издатель „Сиасет-намэ“, установление факта „издания“ „Сиасет-намэ“ после смерти Низам ал-мулька само по себе говорит уже о многом и многое объясняет. Ясно, что политический документ, написанный великим вазиром для султана, не мог представлять серию занимательных и исторически малоправдоподобных рассказов, каковые образуют основную массу иллюстративного материала „Сиасет-намэ“, что превалирующим материалом были, как и во всех подобных документах, рассуждения, кое-где одобренные обычными в таких случаях повествованиями

¹ Ибн ал-Асир, X, 299—301.

² „Рахат ас-сулур“, 158, прим. 2.

о событиях, действительно имевших место и представляющих назидательное чтение. Превращение мувада'ат, пусть даже расцвеченного рассказами по канонам старинного иранского адаба, в „Сиасет-намэ“ в том виде, который в основном мы встречаем в рукописи ИШ, могло произойти лишь при условии объяснения исключительности самого явления. Заявлять испытанным в бюрократических тонкостях придворным (да и только ли придворным) кругам и современникам, что мувада'ат Низам ал-мулька и есть именно „Сиасет-намэ“, впервые опубликованный при Мухаммеде б. Малик-шахе, было бы, естественно, напрасной и пустой затеей. Версия о конкурсе, устроенном Малик-шахом для написания политического сочинения, и сообщение о последующей после написания Низам ал-мульком переделке и добавлении были созданы издателем для объяснения неожиданного появления „завещания“ вазира. Весьма характерно, что из трех упомянутых Мухаммедом Магриби участников конкурса ни одного уже не оставалось в живых ко времени взятия Исфахана Мухаммедом б. Малик-шах. Шараф ал-мульк Абу-Са'д Мухаммед б. Мансур б. Мухаммед ал-Хорезми, мустауфи и ближайший сотрудник Низам ал-мулька умер в 494 (= 1100/101) г. Тадж ал-мульк Абу-л-Ганаим ал-Марзбан б. Хусрау-Фаруз, приближенный Туркан-Хатун, назначенный вазиром после смерти Низам ал-мулька, был убит в 486 (= 1093) г. Маджд ал-мульк Абу-л-Фазль Ас'ад б. Мухаммед ал-Куми (по Раванди), ал-Баласани (по Ибн ал-Асиру), ал-Баравастаки (по Бондари) был убит в правление Баркиарука.

Описанное происхождение „Сиасет-намэ“ объясняет и многое непонятное в сочинении, как-то: наличие первой главы с посвящением Гияс ад-дуния ва-д-дин, в некоторых рукописях замененное панегирическим стихотворением в честь Низам ал-мулька, обилие выраженного прозой поэтического материала, путаницу по части титулов и исторических лиц восточно-иранских династий, вероятно, весьма мало знакомую Мухаммеду с Западом (Магриби) и т. д.

Изданный Мухаммедом Магриби (насих) трактат Низам ал-мулька представлял, таким образом, очень сложное целое. Но и это сложное целое подверглось в дальнейшем бытовании значительному изменению. Как было упомянуто, наиболее раннее указание на

существование трактата, находящееся в приписках рукописей Британского музея и Берлинского собрания, датируется 564 (= 1168/69) г. К этому первому из известных нам вариантов относятся рукописи ИШ, Британского музея,¹ Берлинского собрания,² Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В начале XVI в. этот первый вариант подвергся еще одному изменению. Причины этого изменения, нам представляется, заключались в стремлении придать знаменитому трактату-памфлету более современный вид, что отразилось на языке и стиле переделанного сочинения, и направить его против шиизма, ставшего к этому времени государственной религией сефевидского Ирана. Последнее обстоятельство отразилось на замене во втором варианте в возможных случаях названия еретиков термином шииты.

Подытоживая все вышесказанное, мы считаем себя в праве сделать следующее заключение: сочинение „Сиасет-намэ“, приписываемое сельджукскому вазису Низам ал-мульку, является сложным целым. В основе сочинения лежит подлинный политический документ, написанный вазиром. К части, где находится подлинное сочинение Низам ал-мулька, мы относим главы: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 43, 48, 49, 50. Главы: Введение, 1, 40, 41, 44, 45, 46, 47 мы считаем безусловно не принадлежащими Низам ал-мульку и добавленными его издателем. (Такое заключение не лишает, конечно, и этих глав чрезвычайной значительности. Написанные около двух десятилетий спустя после смерти Низам ал-мулька эти главы, несмотря на все присущие им неточности, являются первоклассным источником по истории сельджукского государства конца XI — начала XII в.). Мы не сомневаемся и в том, что главы, включающие подлинные рассуждения и повествования Низам ал-мулька, содержат значительное число рассказов, не принадлежащих авторству Низам ал-мулька. Выделение этих рассказов, как и более глубокий анализ сочинения, конечно, невозможен без издания соответствующего критического текста подлинника.

¹ Ch. Rieu, Catalogue, II, 444a.

² W. Pertsch, 319—320.

Данный очерк, написанный в качестве необходимого введения к изданию русского перевода, преследовал скромную задачу — лишь предварить это будущее детальное обследование текста путем постановки ряда важнейших вопросов, связанных преимущественно с проблемой подлинности сочинения.

---

3. ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О двух вариантах начал рукописей „Сисает-намэ“ в ленинградских собраниях см. В. Dorn *Mélanges Asiatiques*, VI, pp. 114—115. Начало рукописи ПБ близко к началу рукописи ИШ, а также рукописей лондонского и берлинского собраний (Ch. Rieu II, 444—446; W. Pertsch 319—320). Начало рукописи ИВ близко началу рукописи, легшей в основу ТИ.

² См. Введение в изуч., В, 2 (1—2).

³ ПБ, 3: „счаставный государь, погибший за веру, султан“. Полный титул Малик-шаха по Равенди, 85: ас-Султан Му'изз ад-дуниа ва-д-дин Малик-шах б. Мухаммед (Алп-Арслан) Касим эмир-ал-моуминин; по Бондари, 45 и т. д.: Джалаал ад-дауля Абу-л-Фатх Малик-шах б. Алп-Арслан.

⁴ 23/II 1091 — 11/II 1092 г.

⁵ Шараф ал-мульк Абу-Са'д Мухаммед б. Мансур б. Мухаммед ал-Хорезми — мустауфи и ближайший сотрудник Низам ал-мулька. Ум. в 494 (1100) г. (Бондари, 31, 32, 59, 63; Ибн ал-Асир, X, 37, 223; Равенди, 136, Прим. Ш. Шефера к фр. пер. стр. 2—3).

⁶ Таж ал-мульк Абу-л-Ганаим ал-Марзбан б. Хусрау Фируз, — мустауфи, приближенный жены Малик-шаха Туркан-хатун; после смерти Низам-ал-мулька был назначен вазиром. Убит в 486 (1093) г. (Бондари, 61, 64, 79, 81—83; Ибн ал-Асир, X, 120, 142, 145, 147; Равенди, 133, 134, 135, 141; Supplement, 19—21 в прим. Шефера к фр. пер. стр. 3, повидимому, ошибочно назван Ибн Дараст; что повторено Цамбаур, 7; Таж ад-дин Ибн Дараст ал-Фариси упоминается Бондари, 214—218, в качестве вазира Масуда б. Мухаммед б. Малик-шах.

⁷ В рук. ПБ отсутствует упоминание о Маджд ал-мульке. Маджд ал-мульк Абу-л-Фазль Асад б. Мухаммед ал-Куми (по Равенди), ал-Баласани (по Ибн ал-Асиру), ал-Баравастани (по Бондари) — видный государственный деятель в царствование Малик-шаха. При замене высших чиновников после отставки Низам ал-мулька занял место Шараф ал-мулька. Известен своей враждой к сыну Низам ал-мулька — Муанд-ал-мульку. Убит в царствование Баркиарука (Бондари 60, 62, 63, 88, Ибн ал-Асир, IX, 406; X, 133, 172, 179, 193, 196, 197, 206, 243, 248а, 290; Равенди, 136, 139, 141, 145; Supplement 21; Прим. Ш. Шефера к фр. пер. стр. 3—4).

⁸ Во французском переводе Ш. Шефера этот раздел отсутствует. Разночтения в названиях глав по ИШ, ТИ и рукописям ИВ и ПБ см. в примечаниях к отдельным главам.

⁹ ТИ, 2 и ИВ, 16 — „пятнадцать глав“.

¹⁰ ТИ, 2 и ИВ, 16 дополняет: „в пути на Багдад и восстали батиниты“. Низам ал-мульк был убит 20 рамазана 485 г. (14 октября 1092 г.).

¹¹ Гис-ад-дуниа ва-д-дин — титул Мухаммеда б. Малик-шах (Равенди, 85).

¹² Название главы по ТИ, 5: „об обстоятельствах людей времени; хвала владыке мира, правосудному султану, величайшему шахиншаху, да увековечит бог его царство!“ Рук. ПБ, 7 в названии главы дает успокоительную формулу: „Да освятит бог его могилу!“ Глава начинается словами: „этак говорит Низам ал-мульк, вазир“, славословие, предшествующее содержанию главы, заканчивается панегирическими стихами в честь Низам ал-мулька.

¹³ ТИ, 5 разум — عقل. Слово разум, знание в средневековом мировоззрении обладали специфическим значением. Под этими словами разумелось не знание, наука в нашем значении слова, а развитие и усовершенствование религиозно-этических начал, мистический „разум“ (см., напр., Китаб ал-бад, I, 20, а также формулировку В. Р. Розена в рецензии на издание „Индии“ Бируни, ЗВО, III, 149—50).

¹⁴ Неясное выражение ИШ — معروف, относящееся в качестве определения к слову „каналов“, отсутствует как во фр. пер. стр. 7, так и в ТИ, 6. Опущено оно и в настоящем русском переводе.

¹⁵ ТИ, 6: „шахиншах“.

¹⁶ По замечанию Ш. Шефера выражение عين الكمال, означающее в буквальном переводе „сущность совершенства“, часто соединяется в поэтических произведениях с выражением „дурной глаз“, „сглаз“ (фр. пер., 8). В ТИ, 6 это выражение заменено выражением „дурной глаз“ — چشم بد.

¹⁷ ТИ, 6 добавлено: „освободив от страшных и трудных выражений, дабы понимание (прочитанного) было на пользу читающего“.

¹⁸ См. Введение в изуч., В, 10 (9): Г, 10 (9).

¹⁹ См. Введение в изуч., Г, 10 (9).

²⁰ Слово اجم (аджам), означающее в доисламской Аравии вообще не арабов, получило в последующей мусульманской литературе преимущественное применение для обозначения Ирана; а-п. اجمي (аджами) — иранец.

²¹ См. Введение в изуч., Г, 14 (10).

²² Персидская литературная традиция, восходящая к X в., производит генеалогию саманидов от Бахрама Чубина (Нершахи, 58; Худуд ал-Алем, 19а; ВГА III, 338; Ибн ал-Асир VII, 192 и т. д.). О традиции, указывающей на владение предками Исмаила б. Ахмед Ираком (Реем) и Хорасаном, см.: Нершахи, 74—75.

²³ В рассказе о походе Якуба на Багдад в ИШ город Махдиэ упоминается два раза (стр. 12 и 14 ИШ). Основываясь на ал-Бакри (Description de l'Afrique septentrionale... trad. par Mac Guckin de Slane, 1859, 73—74), Ш. Шефер указал в прим. к фр. пер. (стр. 17) на очевидный анахронизм: построение гор.

Махди относится к 300 (= 912—13) г., поход же Якуба б. Лейс к 262 (= 876) г., т. е. за тридцать слишком лет до построения упомянутого города. В. В. Бартольд, опираясь на Иби ал-Асира, вторично указал на анахронизм („Турк. в эпоху монг. нашествия“, прим. к стр. 225). Является ли это анахронизмом, доказывающим, по словам Ш. Шефера, что „память плохо служила Низам ал-мульку“, или опиской позднейших переписчиков, ответить затруднительно при современном состоянии изучения памятника. Весьма интересно, что как в ТИ, 11—12, так и в рукописи ИВ, 7а-б отсутствует слово Махди, замененное в первом случае (т. е. в словах халифа) названием Джамида — جميديه, что также является сомнительным, во втором случае Якуб обещает отправить голову халифа بھديه — в подарок. Рассмотрение рукописи ПБ дает мало в разъяснении этого вопроса: в первом случае название города отсутствует (ПБ, 34), во втором (ПБ, 38) слово написано со столь микроскопическим م или ب, что может быть с одинаковым основанием прочтено и как مھديه и как بھديه.

²⁴ В ТИ, 11: слово „суинну“ отсутствует. О связи Якуба б. Лейс с антимусульманским движением см. также стр. 194—5 ИШ.

²⁵ Коран, 4, 62.

²⁶ См. Введение в изуч., Г, 15 (11—17). Битва, окончившаяся поражением Якуба, произошла у Деир-ал-Акул 8 апреля 876 г. (см. прим. к стр. 225 „Турк. в эпоху монг. нашествия“ на дату Т. Нельдеке).

²⁷ ТИ, 12: вместо прямой косвенная речь. Подобный неожиданный переход с прямой речи на косвенную см. также „Сиясет-нама“ ИШ, 49.

²⁸ О происхождении Якуба б. Лейс см. Введение в изуч., Г, 15 (11—17).

²⁹ См. Введение в изуч., В, 15 (14). По свидетельству Истахри Якуб б. Лейс умер в Джунд-и-Шапуре (BGA, I, 245), в 266 (= 879) г. (Табари, III, 1932).

³⁰ ПБ, 38: тысяча четыреста. Анекдот о хлебосольстве Амра и гибели его от голодной смерти в Багдадской тюрьме широко распространен в персидской литературе.

³¹ Коран, 2, 250.

³² См. Введение в изуч., В, 15 (15).

³³ У Аму (Амуль) на Джейкуне состоялось сражение (237=900 г.) между войсками Исмаила б. Ахмед и Мухаммеда б. Башир, окончившееся разгромом последнего.

³⁴ В ТИ, 13, ИВ, 86: вместо юзбан — „сторожа гепардов“ дежурные чины при особе государя — راوزبان — рузбаны.

³⁵ По смыслу текста исправляю بيچيد ИШ на более правильное — собрал.

³⁶ Слово „халькэ“ в значении части сковороды не имеется в словарях. Судя по данному тексту, этим словом могла быть обозначена дужка наподобие тех дугообразных ручек, что имеются, напр., в походных котелках. Медная посуда с такими дужками встречается как при раскопках, так и в современном кухонном обиходе Ирана.

37 В следующем после своего поражения 288 = 902 г. Амр был отослан в Багдад, где и был казнен в 289 = 902 г. (Ибн ал-Асир, VII, 346—7).

38 В ТИ, 14: ключи от казнохранилищ. Слово *كنج نامه* означает в буквальном переводе „грамота на сокровища“, т. е. список богатств, вероятно, с указанием их местонахождения; система хранения богатств путем зарывания их в потайном месте имела широкое применение на востоке, завладение таким кладом, как то следует из рассказа о Бахрам Гуре (ИШ, 23), каралось законом.

39 См. Введение в изуч., Г, 16 (17).

40 Название главы по ТИ, 2: „об амилях и о разузнавании дел вазиров и дабиров“; по рук. ПБ, 7: „о разузнавании дел амилей и чиновников“. Содержание главы также исключает необходимость в названии главы слова „гулямов“.

41 Слово *ارتضاع*, переводимое мною через „урожай“, означает все, что произрастает (букв. возвышается) из земли (соответствует в этом отношении русск. стар. термину „вершь“, „повершие“) и подлежит обложению налогом (Бейхаки, ТИ, 37, 418, ср. также „Хафт Иклям“, 257); второе, не указанное в словарях значение термина „доход“ наиболее ярко сформулировано в „Фарс-намэ“, 132; Нершахи, 9.

42 См. Введение в изуч., В, 17 (18).

43 В ТИ, 15; ИВ, 96: прекратился дождь.

44 См. введение в изуч., Г, 18 (18).

45 Слово *амал* (*عمل*), означая, вообще говоря, дело, на языке „Сиясет-намэ“ определяет исключительно функции, связанные с финансово-податным делом. Таким образом, *амил* — *عامل* — чиновник, ведающий податями и, как таковой, всецело подчинен вазиру (ИШ, 29, 66, 148).

46 В ТИ, 16 слова: „другой раздел“ отсутствует.

47 В „Сиясет-намэ“ термин *خليفه* встречается в двух значениях: 1) для обозначения сана халифа, 2) для обозначения высших руководителей батинитской пропаганды. Употребление данного термина в рассказе о вазире является непонятным; вазир, следуя тексту „Сиясет-намэ“, и является „халифом“ государя (ср. ИШ, стр. 18—19, 27, 148, 150, 151).

48 Динавери, 20 так же указывает на существование в сасанидском государственном аппарате чиновника по сбору садакэ, обязательной церковно-благотворительной подати; в рассказе, посвященном призванию на царство Бахрам Гура, при перечислении вельмож „начальник садакат-ил-мамлакат“ стоит на последнем месте после Катиб ал-джунд (секретаря по войсковым делам), Катиб ал-харадж (секретаря по налоговым делам). „Книга о харадже“ Абу-л-Фараджа Кудамы (X в.) посвящает отдельную главу садакэ, налагаемому также исключительно на владельцев стад верблюдов, быков и овец (ср. De Slane, J. A, 1862, 161—162).

49 В ТИ, 18: что я, дескать, продал этот сад.

50 В „Сиясет-намэ“ встречаются два термина, обозначающие купца: *بازرگان*; *بازاری*; под словом *بازرگان*, переводимом „торговый гость“, разумеются исклю-

чительно купцы, ведущие иногороднюю и иноземную торговлю: под словом بازارى — (люди базара) разумеется, повидимому, ремесленно-торговая часть городского населения, принимавшая участие в местной торговле (ср. ИШ, 131).

51 В ТИ, 18: ездил по земле и морю.

52 Словом сбирь переводится а.-п. термин عوانان, обозначающий лиц, обладающих полицейскими функциями; термин отсутствует в этом значении в известных мне персидских словарях.

53 О значении и должности раиса (رئيس) как представителя города и округа см.: В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нап., 244.

54 Занм (زنجم) — термин, обозначавший наиболее влиятельного и родовитого представителя местной знати в одинаковой степени как земледельческой (Бейхаки ТИ, 23), так и у кочевников (Бондари, 5).

55 كار گل — „глиняное дело“, земляные работы считались на востоке мало почетным занятием.

56 См. Введение в изуч., В, 20 (24). У Низами государем, с которым переписывается вероломный базир, выступает китайский император.

57 В ТИ, 20 слово مجلس (маджлис) заменено جامه (одежда). У Бейхаки ТИ, 550 слово маджлис выступает в значении блюда или подноса: „были положены 380 штук золотых маджлисов, каждая штука в гяз длиною и около гяза ширины, и на них — лепешки из камфоры, пузыри мускуса, куски алоэ и амбры“.

58 По свидетельству автора Китаб ал-бад, т. 57, переводимое через „господни“ слово خدايگان применялось к названию бога. В „Сиясет-намэ“ слово встречается исключительно в значении титула сасанидских царей: Бахрам Гура, Нуширвана (ИШ, 118), Кубада (ИШ, 177, 179).

59 Упоминание двух разрядов чиновников в данном контексте весьма интересно для характеристики термина мутасарриф (متصرف). Если под термином дабир выступает явственно тот представитель „людей пера“, который в позднейшее время известен под названием мунши, то под термином мутасарриф, несомненно, скрывается значение чиновника, ведающего финансовой отчетностью. В этом значении термин встречается во многих местах нашего памятника (ИШ, 35, 136, 143).

60 О значении чина хаджиба, хаджиба хаджибов или великого хаджиба в X—XII вв. см. прим. 115.

61 Исторически слово آزاد مرد (свободный муж) восходит к домусульманской эпохе. В „Сиясет-намэ“ термин, означавший в предшествующее время свободных, теряя свое терминологическое значение, выступает в значении благородный, доблестный, с тем, однако, отличием при сопоставлении с другими словами, что направлен он неизменно к людям, являющимся не только свободными но и в прошлом независимыми в хозяйственно-имущественном отношении.

62 Оставленное без перевода выражение ИШ ميمن و لخته заменено в ТИ, 22 выражением از ميش و غيره — „из овец и другого“.

63 См. Введение в изуч., Г, 19 (19—27).

⁶⁴ В „Сиясет-намэ“ термином мушриф (مشرف) обозначен всюду чиновник-соглядатай. В этом же значении термин находится и у Бейхаки (см., напр., Б. Дорн в „выдержках из мусульманских писателей касательно истории и географии южных берегов Каспийского моря“, СПб., 1858, стр. 105), где мушриф стоит в перечислении рядом с حاسونين (соглядатаем-фискалом). Несколько отличный взгляд на значение мушрifa высказал В. В. Бартольд: „из того, что у Бейхаки (181) мушрифy названы вместе с казначеями и составляют описание дворцового имущества, можно заключить, что их контроль главным образом касался сумм, предназначенных на содержание двора („Турк. в эпоху монг. наш.“, 240).

⁶⁵ См. Введение в изуч., В, 23 (27).

⁶⁶ Институт икта اقطاع, переводимый обычно европейскими ориенталистами через феоd (fief), представляет наиболее раннюю форму феодальных отношений — уступку (concession) земли на основе вассальной службы. Как в европейском средневековьи дача земли не являлась наследственной, так и владение икта на основе вассальной службы означало кратковременное обладание с правом суверена в любое время отнять у бенефициария (мукта или иктадара) находящийся в его распоряжении удел.

⁶⁷ Оттенок покровительства, который придан в данной фразе термину шихнэ (شحنه), обычно означавшему начальника гарнизона, военного губернатора (Бейхаки ТИ, 13, 19, 21, 22, 23 и т. д.), напоминает о словах В. Р. Розена о „недостаточном нашем знакомстве с административной терминологией времен сельджуков“ (380, VIII, 153—157) и сомнительности ряда трактовок именно этого термина.

⁶⁸ ТИ, 23: налоги.

⁶⁹ У Фируза (Пероза) было три сына: Кавад (Кубад), Зарь и Джамасп (Табари Nöldeke, 436a).

⁷⁰ В домусульманском Иране существовали следующие названия бога: Худаиган, Ездан, Хурмузд, Изэд („Китаб-ал-Бад“, 56—57; „Байан-ал-Адиан“, 144).

⁷¹ ТИ, 24: караджа.

⁷² Слово بزرنگر или بزر بنگر, переведенное нами через „земледелец“, с наибольшей ясностью выступает в данном отрывке в качестве термина, означающего крестьянина-издольщика (ср. употребление этого термина у Гардизи, Тексты к „Турк. в эпоху монг. наш.“, 3; Худуд ал-алам, 23a, 306). „Доля“ такого крестьянина, обрабатывающего чужую землю, в нашем памятнике выражается через понятия بزرنگر نصيب (ИШ, 30) и بزر بنگر قسط (ИШ, 33).

⁷³ Выражение از دور قیاس в мусульманском праве имеет терминологическое значение: по аналогии.

⁷⁴ Отдельные термины видов собственности, встречающиеся в тексте, переводятся следующим образом: ملک — имение, разумея под этим словом как имение в смысле земельной собственности, так и имение в значении вообще владения; ملک مستغفل имение, производящее хлеб. Термин مستغفل, переведенный в данном случае через определение к ملک, может обладать и собственным

значением — житницы, торговые помещения; ضياع (мн. ч. от ضيعة) — поместье, земельный участок (ср. ИШ, 28) может означать также деревню; в этом значении термин сохранился в испанском языке в слове aldea (Dozy. Supplement), عقار — недвижимая собственность (Dozy. Supplement и Шераист уль-ислам, 133).

К этому списку видов собственности ТИ, 26 и ИВ, 17а дают не лишенное интереса различение о наличии частичного владения [см. Введение в изуч., В, 25 (343)]. Частичное владение собственностью, происхождение которого уходит в домусульманский период истории Ирана, сохранилось в современном Иране в виде известного понятия دانك (данк) — $\frac{1}{8}$ владения.

75 В „Сиясет-намэ“ встречаются три термина для обозначения людей, находящихся в неволе, несвободных: термин بندده определяет рабское отношение в значении покорности, заменяя употребление личного местоимения 1 л. ед. ч. — „сей раб“, так, напр., на стр. 25 ИШ производное от данного термина بندگی применено к лицу, обладающему лично суверенными правами; понятно, что подобное применение слов بندده, بندگی не исключает в „Сиясет-намэ“, как и современных ему памятниках, употребление этих слов в прямом значении раба, рабства. Термин برده (барде), переводимый через понятие пленный (вернее, архаич. „полонянин“), указывает в СН на лиц, обращенных в неволю путем военного захвата с последующей затем продажей (ср. ИШ, 184, 200, 204 с.). Значительно менее определен нашим памятником термин درم خریده — „купленный“. „Покупка“ раба в рассказе о службе гулямов являлась по существу введением того или иного молодого человека в первую должность гвардейца или придворного челядинца (ср. ИШ, 96).

76 Слово کنیمرک имеет второе значение девица.

77 Фраза: „зачем я посылал этого гуляма в Азербайжан?“ — представляет собою осмысление испорченного текста ИШ.

78 См. Введение в изуч., Г, 25 (28—36).

79 Слово كد خدا имеет общее значение хозяин, отсюда в „Сиясет-намэ“, так же как у Бейхаки, прозвание государя (ИШ, 59), вази-а (ИШ, 23), ведающего финансово-хозяйственной службой войска (ИШ, 195) (Ср.: В. В. Бартольд Турк. в эпоху монг. нашеств., 221 и 241).

80 См. Введение в изуч., В, 26 (27).

81 См. Введение в изуч., Г, 26 (36—37).

82 Михрджан — арабизированная форма персидского Михрджан; так называлась шестой день месяца Михра — праздник осеннего равноденствия. Науруз — весенний праздник, начало нового года, в настоящее время празднуемый 21 марта. Согласно доисламскому преданию праздник Михрджана был установлен царем Аферидуном в память победы над Захаком. Науруз был установлен Джамшидом („Фарс-намэ“, 32, 33 и 36; подробную библиографию см.: К. А. Иностранцев. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии, ЗВО, XVI, 20—45 и „Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии, Приметы и поверья“, ЗВО XVII, 249—282).

⁸³ ТИ, 30 дает иной вариант всенародного приглашения: „объявите, пусть приходят ко мне в такой-то день по своим делам, пусть каждый, написав заявление, разрешит свою нужду“.

⁸⁴ Основное значение термина *مبدان* (главный мубад) в сасанидское время было первосвященник, глава зороастрийского духовенства (Табари Nöldeke, 450—452).

⁸⁵ Иездеджерд — арабизированная форма персидского Иездегерд, шах из династии Сасанидов (399—420 г. н. э.), получивший прозвище Грешник. Ардашир — основатель династии Сасанидов (ум. 241 г. н. э.).

⁸⁶ См. Введение в изуч., Г, 29 (38—40).

⁸⁷ См. Введение в изуч., Г, 30 (40).

⁸⁸ О роли и значении мухтасыба в административной системе арабского халифата см.: W. Behrner. *Mémoire sur les institutions de police chez les Arabes, les Persans, et les Turks*, JA 1861. В Бухаре, в период саманидской династии, существовало специальное полицейское управление мухтасыба *دیوان محتسب* (Нершахи, 24).

⁸⁹ ТИ, 31: то ли таджику.

⁹⁰ См. Введение в изуч., В, 32 (41); Г, 32 (41—42).

⁹¹ Применение к обоим командирам войск Махмуда чина сипах-салара, т. е. главнокомандующего, исторически неправдоподобно, не указывает ли сам факт подобной неточности на то, что значение термина сильно изменилось в сельджукинский период? Весьма характерно, что употребление термина сипах-салар во множественном числе встречается также и у Равенди.

⁹² В тексте *بیدار شدند*, а не *بیدار بودند*, что мы переводим: бодрствовали.

⁹³ Текст ИИШ непонятен. Слово *ستوهی* производное от *سته* означает усталый, утомленный, испуганный. *سپهبدگی* (?) если это производное от *سپهبد*, то следовало бы *سپهبدی*.

⁹⁴ ТИ, 32: упоминание о пехотинцах отсутствует.

⁹⁵ См. Введение в изуч., В, 33 (42); Г, 33 (42).

⁹⁶ В ТИ, 2—4 отсутствует упоминание шихнэ; ПБ, 7 перечисляет следующие должностные лица: шихнэ, раис, амид.

⁹⁷ Абу-л-Аббас Абдаллах б. Тахир б. ал-Хусейн (ум. 230 = 844 г.) — основатель династии аббасидских наместников Хорасана — тахиридов.

⁹⁸ В известной школьной хрестоматии А. Гаффарова, где приведен данный текст из СН, слово *عوض* заменено словом *فروض*, что может означать „раскладка налога“ (Dozy. *Supplement*). В случае такой замены вся фраза переводится следующим образом: „а от себя никакой раскладкой налога не занимался, так что получался законный налог, и подданных обиды не постигала“.

⁹⁹ См. Введение в изуч., Г, 36 (43).

¹⁰⁰ См. Введение в изуч., В, 37 (44).

¹⁰¹ *دعوت* — молитвы, которые набожные люди читают после обязательных во время намаза молитв.

¹⁰² См. Введение в изуч., Г, 37 (44).

¹⁰³ Коран, 42, 16.

¹⁰⁴ Абу-Али Фузейл б. Наз аз-Фундини ал-Талакани, суфий, современник халифа Харун ар-Рашида, ум. в 137 (=803) г.

¹⁰⁵ В последующем за арабским изречением персидском переводе (тафсире) добавлено: в раю.

¹⁰⁶ Время правления халифа Абу-Исхака Мухаммеда ал-Мутасим биллах — 218—277 (=833—841) гг.

¹⁰⁷ Буквально: скажи мне, ибо — کی — бывают причины.

¹⁰⁸ ТИ, 37 и далее: آزاد مورد вместо آزاد مورد.

¹⁰⁹ ТИ, 37; и шьют карбас. Карбас (کرباسی) — бумажная ткань, производство которой было распространено по всему мусульманскому востоку, но особенно славилось бухарское производство (Нершахи, 11, 13, 34, 80).

¹¹⁰ В тексте ИШ محرقه читаю как محرقه. Смешение этих двух слов довольно часто (см. „Кабус-намэ“ ТИ, 33 и глоссу).

¹¹¹ ТИ, 39: джубба и дастар; дастар (دستار) — чалма, платок, отличный от ниммаэ, наиболее известными центрами производства дастаров в X в. были на западе Обола, на востоке табаристанский Амуль („Худуд-ал-Алем“, 30а, 31б). Дибба (ديببا) — сорт нарчи, производством которой особенно славилась Хорасан и Ср. Азия („Худуд-ал-Алем“, 29б; Нершахи, 39; Хилал б. Мухассин III—VI 39б; К. А. Иностранцев, ЗВО XIV, 109 и XVII, 42). Касаб (قصب, ит. boccasino) — хлопчатобумажная цветная материя, шедшая главным образом на чалмы. В фатимидском Египте вырабатывали особо ценный касаб (Dozy. Dict. des vétém. chez les Arabes; E. Kühnel. Islamische Stoffe aus Aegypt. Gräbern, 1927, I, 13).

¹¹² В ТИ, 40 добавлено: ночью.

¹¹³ ТИ, 40: ڀيرو و ڪڏندا — стариков и хозяев.

¹¹⁴ امر محروف — формула, которую мусульманину предписывалось добро и запрещалось зло.

¹¹⁵ Термин хаджиб (حاجب) согласно известному отрывку о прохождении чинов гулямом в ИШ, 95—96 определял высший чин гуляма-гвардейца, следующий после чина хейл-баши. При военной организации феодального мусульманского двора та или иная должность в гвардии одновременно определяла положение носителя этой должности при дворе. Таким образом, упомянутый в рассказе хаджиб ворот (حاجب البواب) являлся генералом-начальником охраны, комендантом дворца государя. Эта двузначимость положения гвардейца-гуляма, одновременно офицера гвардии и придворного, объясняет и ту роль, которую играют в нашем памятнике высшие гвардейские командиры, например хаджиб двора (حاجب درگاه), или великий хаджиб (حاجب بزرگ). Выступая в качестве придворного чина, хаджиб двора исполняет функции церемониймейстера (ИШ, 111), в качестве военного — великий хаджиб может быть назначен на пост наместника-губернатора провинции (ИШ, 206).

¹¹⁶ ТИ, 41 добавляет: в сопровождении старика.

- 117 См. Введение в изуч., Г, 41 (45—54).
- 118 Абу-л-Абдаллах Суфиан ас-Саури, традиционалист, р. 95 (= 713/14) — ум. 161 (= 777/8) г.
- 119 См. Введение в изуч., В, 45а.
- 120 Абу-Саид Хасан Басри, традиционалист, ум. 110 (= 723) г.
- 121 Греческий? сирийский?
- 122 Омар б. Абд-ал-Азиз, халиф из династии омейядов, 99—101 (= 717—719) гг.
- 123 См. Введение в изуч., Г, 49 (56—57).
- 124 Название главы по ТИ, 2—4: „о мушрифях державы и достатке их“; ПБ, 7: „о мушрифях и мустауфи державы“.
- 125 О мушрифях см. прим. 64; ишраф — исполнение функций мушрифа.
- 126 Название главы по рук. ПБ, 7: „о сахиб-хабарах, фискалах и беридах“, показывает на забвение во времена копировки рукописи ПБ всей системы аббасидской почтово-осведомительной службы, когда сахиб-хабар *صاحب خبر* — начальник известий или сахиб берид (*صاحب برید*) — начальник курьерской службы отличались от прочих чинов осведомительной службы именно тем, что они были явными, никоем образом не засекреченными, как бы мы сказали теперь, агентами правительства. Содержание главы тоже говорит лишь об явных чинах почтово-осведомительной службы.
- 127 См. Введение в изуч., Г, 52 (58—65).
- 128 Ш. Шефер в примечании к стр. 89 фр. пер. идентифицирует названный рибат (ПБ, 155: *دیر کزین*; ТИ, 45: *دیر کجین*) с рибатом Дейр-Джисс арабских географов (BGA, I, 230—231; II 290—291; III 490, 491, 493).
- 129 В тексте ИШ, повидимому, испорченное *سباط*, что означает: крытый переход между двумя домами.
- 130 В ТИ, 47 и далее отсутствует в рассказе упоминание о Рее.
- 131 В ТИ, 47 отсутствует упоминание об Иезде.
- 132 Достойное внимания указание на организацию обслуживания каравана в пути: бар-салар — начальник над грузами, караван-салар, — очевидно, ведавший самими перевозочными средствами.
- 133 В тексте ИШ *پس کسی* читаю как *پس کسی*.
- 134 См. Введение в изуч., Г, 52 (58—65).
- 135 Абу-л-Фазл Наср б. Халаф — правитель Систана (отсюда прозвище Сагзи); ум. в 465 (= 1072) г. (Бондари, 263, 273; прим. Ш. Шефера к стр. 99 фр. пер.).
- 136 Султан-сельджуки; время правления 456—465 (= 1063—1072) гг.
- 137 Читаю находящееся в тексте вместо *بدهم* вслед за Ш. Шефером (прим. к стр. 99 фр. пер.), как *ندهم*.
- 138 Хосров II Парвиз, шах из династии сасанидов, правивший с 590 по 628 г. н. э. (Табари Nöldeke, 437a).
- 139 См. Введение в изуч., В, 53 (57).
- 140 См. Введение в изуч., Г, 53 (57).

141 جعل — джу'л, в мусульманском юридическом толковании: плата за исполнение поручения.

142 В тексте ИШ: *و گرفته شد*.

143 ИШ: *ب. م. كرى* следует читать *كرى* — кривда, кривизна.

144 В Ср. Азии под афтабъ разумеется сорт кувшина с длинным горлом, без ручки („Протоколы Турк. кружка любителей археологии“, т. XII, 60).

145 ТИ, 54: *ناوكيان*, читаю так вместо, находящегося в ИШ *نوکیان*.

146 *روستائى* — рустай производное от руста, рустак, означавшего в средневековой арабо-персидской исторической литературе группу селений, составлявших одно целое в хозяйственном и налоговом отношении.

147 *عقار* в данном случае — пальмовая роща. См. прим. 74.

148 *ديباع*, как можно видеть в „Фарс-намэ“, 146, выполняли роль оценщиков и перепродавцов-комиссионеров.

149 См. Введение в изуч., Г, 61 (69—77).

150 ТИ, 60 дает более полную характеристику *مقرمه*: „он (Махмуд) обладал кружевным, золототканым, хорошим и прекрасным покрывалом“. Переводя слово *مقرمه* через покрывало, я следую толкованию словаря Biberstein — Kazimirsky, где это слово определяется следующим образом: *pièce d'étoffe carrée dans laquelle on enveloppe le matelas, le lit*. (кусок четырехугольной материи, в который заворачивают матрац, постель). Это толкование оправдывается и содержанием текста „Снасет-намэ“, где слова *نيهالى* или *نيهال* требуют именно такого перевода, хотя вместе с тем следует отметить, что такой перевод, повидимому, не вполне исчерпывает значение этого слова, подвергавшегося ранее и другим толкованиям (напр.: „завеса из зеленого шелка, шитого золотом сандуса“. — К. А. Иностранцев. ЗВО, XV, I, 98). Точное значение этого слова, повидимому, в средние века означало покрывало, завесу, не тканую, а вязаную с свободно отпущенными на краях кистями нитей, откуда русск. „бакрома“ (этимологически вполне допустимо *مقرمه* > *مخرمه* > *بخرمه* — „бахрома“). Слово вновь приобрело известность во французском языке в конце XIX в.; *macramé* называется род вязанья, сохранившийся от средних веков во французских монастырях.

151 Слово *خيش خانه*, переводимое мною через „летняя опочивальня“, отсутствует в словарях. К. А. Иностранцев (ЗВО, XVII, 60) полагает, что под словом *خيش* следует разуметь кусок материи, опало, натягивавшееся на потолок и приводимое в движение. Бейхаки ТИ, 116 следующим образом описывает *خيش خانه*: „он приказал устроить помещение для послеобеденного сна... повесить в нем *خيشها* так, чтобы вода, выходя из бассейна, шла бы автоматически *بطلمس* на крышу помещения... и орошала *خيشها*“. Издатель тегеранского варианта Бейхаки на полях издания замечает: „*خيش* зеленый терновник, *خارسبز*, который кладут в жарких краях поверх деревянных помещений и поливают на него воду, так что, когда дует ветер, становится прохладно. Лето проводят в таком помещении и его зовут *خيش خانه*“.

¹⁵² См. Введение в изуч., Г, 62 (77—80).

¹⁵³ Название главы по ТИ, 63: „об установлении дела скороходов и бегунов (روندگان)“, по рукописи ПБ, 212: „о посланцах и скороходах“.

¹⁵⁴ См. Введение в изуч., В, 64 (81). О почтовой службе на востоке имеется ряд фундаментальных работ (обзор этой литературы см. в Энциклопедии Ислами под словом barid). Абу Шуджа рассказывает о том значении, которое придавали почтовой службе в X в.; если почта запаздывала, наступало сильнейшее расстройство, сейчас же принимались расследовать причины ее задержки.

¹⁵⁵ Как явствует из ряда мест нашего памятника (ИШ, 36, 45—46, 77 и т. д.), вакил — чиновник, который заведывал хозяйством дворца того или иного феодала. Опираясь на соответствующее свидетельство Гардизи, В. В. Бартольд установил высокое значение этой должности при саманидах („Турк. в эпоху монг. нап.“, 238). В данном разделе наш памятник, говоря о падении значения должности вакиля, очевидно, имеет главным образом в виду сельджукский двор: слово *حاصر* в Снасет-намэ, как и в других одновременных с ним памятниках, означает исключительно принадлежность государю и переводится нами через государев, коронный, приближенный и т. д.

¹⁵⁶ *شغل و عمل* Текст неясен. Смысл фразы, казалось бы, должен иметь такое значение: четвертая (польза) то, что с надимом можно разговаривать на тысячу ладов более (свободно), чем с теми, кто является исполняющим должность амилей и чиновников государя.

¹⁵⁷ ТИ, 65 вместо мудрецов упоминает старцев.

¹⁵⁸ Термины мусульманского богословия, неоднократно подвергавшиеся разнообразной мистико-схоластической трактовке. О значении этих слов-символов в представлении отдельных мусульманских школ X—XI вв. см.: „Китаб-ал-бад“, I, 149—156; 161—168.

¹⁵⁹ Коран, 3, 153.

¹⁶⁰ Термин муфрад (не огласованный, так же как и в ИШ) согласно объяснению издателя Тарих-и-Джихан-гуша (GMS, XVI, part II, *بط*) М. Казвини означает: 1) придворного, ноукера, 2) смелого отважного человека, который в этих своих качествах является единственным (*فرد*).

¹⁶¹ По свидетельству „Фарс-намэ“, 60—61 и 68, Хатт — город в Бахрейне, основанный Ардаширом Папакан; отсюда вывозились пики, вернее стволы пик, тростник, которым вообще славится побережье Персидского залива.

¹⁶² Текст ИШ — неясен. Смысл фразы, повидимому, таков: если из окружающих стран прибывают послы и об этом никому не будет известно, пока они не доберутся до государева двора, то в этой поездке, туда и обратно, о них никто не позаботится, — это все отнесут к небрежению и плохому состоянию дела. ТИ, 68 дает текст, близкий именно к такому толкованию.

¹⁶³ ТИ, 68 указывает, что все эти обязанности возлагаются на амилей и мукта.

164 В тексте ИШ — *بیر حسب وقت*?

165 Коран, 24, 53 и 29, 17.

166 В ТИ, 69 слова: „другой раздел“ — отсутствуют.

167 Под *چوگان* разумеется, конечно, не мяч, а принадлежность для гоньбы мяча при игре в поло.

168 В тексте И Ш: *وگردن نمی نهادم الا تیرسان*

169 ТИ, 69 и всюду: вместо Мавераннахр — Самарканд.

170 См. Введение в изуч., Г, 73 (88—90).

171 *دانشو مند* — диалектическая форма в Хорасане и Мавераннахре (В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. наш., 242).

172 В текст: *یکی شطرنج برده بود* смысл рассказа требовал бы употребления глагола *باختن*: кто-то партию проиграл.

173 По поводу чикили, названия племени, пришедшего вместе с карахитами в Мавераннахр, см. возражения В. В. Бартольда („Турк. в эпоху монг. наш.“, 338) на неверный перевод и истолкование Ш. Шефером этого слова (фр. пер., 132), встречающегося в ИШ два раза (стр. 90 и 115) в двух разных начертаниях.

174 В тексте ИШ совершенно очевидная несправность: вместо необходимого по смыслу союза *و* — „и“ — находится ошибочное *او*.

175 *ارتفاع* — в данном случае разумеется, конечно, натуральный налог, иначе сказать, часть урожая.

176 Глава о фуражировке весьма показательна для характеристики степени развития икта — бенефиции. пожалование того или иного удела, как можно вывести из данной главы, отнюдь не означало полной передачи всех прав владельцу икта; икта оставался и во время пожалования собственностью короны, права государя, в частности право самостоятельного сбора налога не уничтожалось.

177 ИШ: *شیشگانی*; ТИ, 72: *بیستگانی*. Как в ИШ, так и в ТИ несомненно испорченная форма слова *بیستگانی*, определяемого словарями как ежемесячное жалование, выплачиваемое на двадцатый день (в форме *پیشگانی* это слово находится в Текстах к „Турк. в эпоху монг. наш.“, 8). Особенно часто в значении войсковой платы это слово встречается у Бейхаки ТИ, 157, 258, 457 и т. д., на стр. 470 мы встречаем его даже в сочетании *لشکر بیستگانی* — „войско бистгани“; „Тарих-и-Систан“, 218, указывает, что *بیستگانی* выплачивалось Якубом б. Лейс из управления ариза. При тех скудных данных, которыми мы располагаем об истории средневекового иранского войска, вышеупомянутая этимология слова *بیستگانی*, т. е. уплата войску жалования на двадцатый день, вряд ли может быть названа бесспорной; глава о распорядке дворцовых гулямов (ИШ, 95) признает войсковой единицей палатку-висак, близко напоминающую византийскую войсковую единицу — *хоттовёрх* (см.: Ю. А. Кулаковский. Стратегика императора Никифора, 1908, стр. 28), число гулямов, составлявших такую единицу, равнялось четырем. Было ли это число постоянным или оно варьировалось, так же как и в византийском войске? Не представляет ли собою термин *بیستگانی* производное от *بیستگان*, значение которого в ИШ, 180—181 определяется, правда слишком случайно, как группа людей в двадцать человек — „двадцатка“?

Если такие предположения допустимы, то не менее оснований предположить, что жалование в досельджукидское время выплачивалось не индивидуально каждому воину, а целиком определенной войсковой единице, состоявшей, быть может, первоначально из двадцати человек; пожелание, выражаемое автором СН, чтобы уплата войску производилась лично государем, повидимому, в нашем памятнике имеет чисто декларативное значение, ибо как стр. 92, так и стр. 111 ИШ, трактующие о начальниках отрядов, свидетельствует, что деньги получались и нужды удовлетворялись не путем индивидуального обращения отдельного воина, а через посредство начальников, и только такую форму автор СН признает правильной и единственно допустимой при необходимой на военной службе дисциплине.

178 ТИ, 74 формулирует название главы иначе, более близко к конкретному содержанию заключающихся в главе правил: „о неутруждении рабов в иное время, кроме службы, о порядке дела их в отношении воспитания“.

179 Не совсем ясный текст ИШ переведен буквально.

180 В ТИ, 74 раздел о распорядке дворцовых гулямов озаглавлен отдельной, двадцать восьмой, главой.

181 О каба, верхней одежде типа рубахи см. более подробно: Dozy. Supplement, II 107 и Dozy. Dict. des vêtements, 352—352; К. А. Иностранцев, ЗВО, XVII, 109. Материя занданичи, из которой шилась одежда для гуляма первого года службы, получила свое название от бухарского селения Занданэ. По свидетельству „Тарих-и-Бухара“ производство этой ткани получило распространение и в других местах халифата, тем не менее слава и достоинства бухарского производства были настолько велики, что ткань вывозилась именно отсюда во многие места, напр.: Ирак, Фарс, Кирман, Индия и т. д. (Нершахи, 13, 14, 18).

182 В ИШ после упоминания турецкой лошади находится непонятное выражение *باز فاش در کام گرفته*, из которого, однако, можно усмотреть, что речь идет о седле (*فаш* — седельная лука); это выражение раскрыто в вариантах ТИ, 74 и ИВ, 47а следующим образом: турецкую лошаденку с седлишком (уничжительная форма в ПБ, 249 заменена просто упоминанием седла), покрытым необделанной кожей, и узду из простого ремня.

183 ПБ, 249 вместо караджур упоминает меч — *شمشیر*. *قلا جر* или *قراجور* см.: К. А. Иностранцев, ЗВО, XVII, 50 — „длинный меч“, „персидский меч“.

184 См. Введение в изуч., В, 83 (95—108).

185 Ш. Шефер в примечании и стр. 140 фр. пер. указывает, что *دارائی* — полубумажная, полшелковая материя. В. В. Бартольдом в известном пересказе этого места „Снасет-намэ“ в „Турк. в эпоху монг. наш.“ упоминание о дарай опущено. ТИ, 74 заменяет это слово выражением *روی داری*, что может быть переведено: приглядный (ая). Значение этого слова в словарях: красная шелковая материя.

186 Слово *عنوان*, отсутствующее в словарях, переведено Ш. Шефером (стр. 140 фр. пер.): „более роскошная одежда“. ТИ, 74—75 и ПБ, 250 иначе описывают отличия, даваемые гуляму на шестой год службы: „на шестой год

службы гулям получал чин кравчего (по ТИ конного кравчего), в знак чего он получал кубок, который носил на поясе“.

187 См. Введение в изуч., В, 83 (95—103).

188 По ТИ, 74—75 и ПБ, 250 все это давалось гуляму на восьмой год службы. По назначении в чин висак-баши он получал в свое распоряжение не трех гулямов (как в ИШ), а одного только что купленного гулямченка. Вся восьмилетняя служба гуляма проходила таким образом: первый год: пехотинец, одетый в каба-и-занданичи; второй год: гулям получал турецкую лошадь, седло из необделанной кожи и узду из такого же материала; третий год: он получал длинный меч-караджур; четвертый год: он имел право на ношение налучия и колчана; пятый год: он получал хорошее седло, узду со звездами, палицу, и каба-и-дараи; шестой год: он получал одежду анван, чин кравчего и кубок, как признак чина кравчего; седьмой год: гулям получал чин ведающего одеждой государя, восьмой год: он получал чин висак-баши, палатку, черный войлочный убор, расшитый серебром, каба из гянджийской ткани и командование над тремя гулямами (или над одним гулямом — „новобранцем“).

189 ТИ, 75 называет Алптегина правителем Хорасана и Ирака. Количество рабов и гулямов, принадлежавших ему в то время, определяется ТИ, 75 числом 1000, ПБ, 252—4000.

190 В прим. к стр. 141 фр. пер. Ш. Шефер указывает, ссылаясь на некоторых историков (не называя их), что Себуктегин был приобретен в Туркестане купцом Наср ал-Хареджи и приведен в Бухару. О покупке Себуктегина мы располагаем следующими ранними источниками: 1) Отби, перс., 23—24, где Себуктегин назван „гулямом турецкого происхождения“, что, кстати сказать, отсутствует в арабском, на полях Ибн ал-Асир'а, тексте, 2) Бейхаки ТИ, 197—199, — известный рассказ, приведенный якобы со слов самого Себуктегина. Имя купца, отсутствующее у Бейхаки, дано в „Табакаат-и-Насири“, 6—7 в форме Наср Хаджи, что является несомненно более правдоподобным, чем приводимая Ш. Шефером — Хареджи.

191 Указание хаджиба на необходимость прохождения семилетней службы соответствует варианту ИШ, см. прим. 188.

192 ТИ, 75 дает еще более ясное указание на высокое происхождение Себуктегина. Традиция, передаваемая Раверги („Табакаат-и-Насири“, I, 67—70, текст и примечание), возводит род Себуктегина к Иездегерду, последнему шаху-Сасаниду.

193 Худуд ал-алем, 22а — 22б называет местопребыванием халаджей Балх, Тохаристан, Бост и Гузганнаи.

194 См. Введение в изуч., В, 83 (97).

195 Перевод Ш. Шефером выражения *ترسم که مردمان نتواند داشت* „я опасюсь, что он не внушит народу желания его сохранить“ вряд ли соответствует действительному значению фразы, в которой отсутствует необходимое для такого толкования местоимение 3 л. ед. ч. — *وی را* или *اورا*. Наш перевод этого неясного в ИШ выражения исходил из соображений возможности пропуска

в личном окончании глагола одного нуна, пропуска, столь часто встречаемого при типографском издании персидских рукописей.

196 Город Аму (Амуль) на Джейхуне (Аму-Дарье) к ю.-з. от Бухары, в пяти километрах от левого берега реки, на месте современного Чарджуя. Пустыня тянулась до самой реки (Худуд ал-алем, 126).

197 О роли Алптегина в установлении престолонаследия после смерти Нуха б. Наср см.: В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нап., 262, прим. 83.

198 В тексте ИШ ошибочное *پس* следует: *پس*

199 Автор упорно опускает правление Абд ал-Малика б. Нух. См. введение в изуч., Г, 83 (95—108).

Таким образом, началом восстания Алптегина должен, судя по словам СН, считаться не 356 (=967) г., а, принимая во внимание пропуск СН Абд ал-Малика, 319 (=961) г.

200 Словами клятвы, присяга, договор переводится термин *عهد*, более всего соответствующий средневековому французскому *contrat d'inféodation*.

201 Таким образом переводится малопонятное выражение текста: *و کمتر جای که در مملکت او ظاهر شود*

202 В тексте ИШ непонятное выражение: *و با خود دست فرو گیرم*, перевожу его, исправляя, повидимому, ошибочное *وبا* на *ویا* и трактуя слово *دست* через понятие: „власть“.

203 ТИ, 80 добавляет: и Тохаристана.

204 ТИ, 80: с десятью тысяч человек.

205 В двух переходах от Балха (BGA, III 346). ТИ, 80 дополняет: по обе стороны ущелья были расположены деревни.

203 *شار ستر* как титул доисламских властителей в восточном Хорасане см.: A. Christensen. *Les Sassanides*, 22—23; о бамианских ширах или шарах см.: *Iusti Iran. Namenbuch*, 287.

207 Чтение имени дается по Раверти („Табакат-и-Насири“ I, 71); следует, однако, заметить, что в персидском тексте „Табакат-и-Насири“ это имя читается как *انوک* — Анүк. Раверти, повидимому, принял чтение Лавик, исходя из огласовок „Муджмил-ал-фасихи“ (Тексты в „Турк. в эпоху монг. нап.“, 160). ТИ, 82 дает другое, отличное от двух вышеприведенных, чтение: *کو بک* — Кубек, что соответствует оговорке Ш. Шефера, сделанной им в примечании к стр. 155 фр. пер., где, читая рассматриваемое имя через *Zouik*, он замечает, что „некоторыми восточными историками это лицо называется *Koumik* — *کومک*“.

208 См. Введение в изуч., Г, 83 (95—108).

209 Нимруз — в широком значении этого слова — юг, в данном случае имеется в виду Систан и Белуджистан.

210 Бикапур (Биджапур) — город в районе Гуджерата (прим. Ш. Шефера к фр. пер. стр. 155).

211 Упоминаемый „Снасет-намэ“ в качестве командующего саманидскими войсками Бу-Джафар — брат эмира Нуха (и, следовательно, дядя эмиров Абд ал-Малика и Мансура) Абу Джафар Мухаммед б. Наср (Ибн ал-Асир, VIII, 346).

Повидимому, именно это сражение, окончившееся поражением саманидского войска, имеют в виду хроники Ибн-Мискавейха, II—V, 191—192 и Ибн ал-Асира, VIII, 404, указывая в противоречии с нашим памятником, что Алптегин захватил в плен дядю по материнской линии (حال) эмира Хорасана. Сражение это, судя по упомянутым хроникам, произошло в 351 (=962) г., т. е. в первый год царствования наследовавшего Абд ал-Малику эмира Мансура б. Нух. Таким образом, СН указывает на два больших сражения, предопределивших возникновение династии газневидов: 1) близ Балха, в котором, по свидетельству Нершахи, 97, саманидскими войсками командовал Аш'ас б. Мухаммед اشعث بن محمد и 2) сражения, где войсками саманидов командовал Абу-Джафар Мухаммед б. Наср. Судя по данным нашего памятника, первое сражение произошло в 349 (=961) г., т. е. в последний год правления Абд ал-Малика, и второе сражение в 351 (=962) г., т. е. в первый год правления Мансура. Отсюда должно с несомненностью явствовать, что вмешательство Алптегина в дела престолонаследия произошло не после смерти Нуха, как утверждает СН, а в последний год правления Абд ал-Малика, имя которого вовсе опущено в этом весьма ценном повествовании о восстании Алптегина, почерпнутом составителем СН, как справедливо отмечено В. В. Бартольд, из позднейших газневидских источников и во многом противоречащему описанию восстания Алптегина, данному саманидским источником (Нершахи, 96—97).

²¹² 352 (=963) г. (В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нашеств., 263, 506).

²¹³ Наследование газневидских эмиров после смерти Алптегина — см. Введение в изуч., Г, 83 (95—108).

²¹⁴ Завулистан — области к югу от Балха и Тохаристана.

²¹⁵ См. Введение в изуч., Г, 83 (95—108).

²¹⁶ См. Введение в изуч., Г, 83 (95—108).

²¹⁷ В первом полустиихия этого стиха не хватает одного долгого или двух кратких слогов. Стих, таким образом, испорчен, что, тем не менее, не мешает пониманию его смысла.

²¹⁸ ТИ, 86 дает следующий заголовок этой главы: „о распорядке старших и младших и как происходит государев прием“.

²¹⁹ صاحب طرف

²²⁰ چانشنيگير

²²¹ Название главы по ТИ, 83: „о порядке испрашивания по нуждам и хода-тайствам начальников войска.“

²²² В тексте ИШ малопонятное выражение که چون مرد خود گویند بواسطه حاجب نیفتد و سرخیل راممتی زند. В переводе я следующую исправлению Ш. Шефера, стр. 165 фр. пер., читая вместо بماند — زماند

²²³ Али б. Абу-Талиб, четвертый и последний из так называемых „праведных“ халифов, ближайших наследников пророка Мухаммеда.

²²⁴ Хусейн б. Али б. Абу Талиб и дочери пророка Фатимы уб. 10 Мухаррема 61 г. х. (10 октября 689 г.).

²²⁵ Коран, 3, 128.

226 Основатель омейядской династии халифов Муавия провозглашен халифом сирийскими войсками в 37 (=658) г., ум. 60 (=679) г.

227 Перевод этого рассказа отсутствует во фр. пер. Ш. Шефера.

228 Начальная фраза этого раздела может быть истолкована двояко в зависимости от толкования слова *بامداد*, которое можно читать и как *бамдād* (утро), и как *би-имдād* (в помощь, в поддержку). В первом случае смысл фразы будет заключаться в необходимости для государя иметь открытый стол с утра, что и соответствует последующему разделу, где говорится об открытом с утра столе у Тогрула. Во втором случае смысл фразы будет заключаться в наставлении иметь открытый стол в помощь, в поддержку отправляющим службу при дворе.

229 В тексте ИШ не совсем ясная фраза: *اگر خاص را درخوان او رغبت نمود*, которую можно перевести и так: „если у знати не будет влечения к его столу, (то все же) в свое время свою пищу съест не вредно“.

230 Султан Тогрул, основатель сельджукского могущества, вр. правл. 429—455 (=1033—1063) гг.

231 ТИ, 91 модернизирует эту фразу: „когда мы отправились к самаркандскому узбеку“.

232 ТИ, 91 дает правильное начертание — название турецкого племени *چکلبان*.

233 О походах Малик-шаха на Самарканд и Узгенд в 1039 г. см.: В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нашеств., 337—339.

234 Герой арабского домусульманского эпоса и романтических повествований.

235 См. Введение в изуч., Г, 102 (118). Хашимиты — арабский род, ведший свое происхождение от Хашим б. Абд-Манар, прадеда пророка Мухаммеда.

236 См. Введение в изуч., Г, 102 (118).

237 Абу-л-Касим Обейдаллах б. Ахмед б. Хордадбех упомянут в Фихристе, 149, как автор ряда работ, из которых до нас дошла лишь „Книга о путях и государствах“, географическое сочинение, изданное в серии BGA pars VI (см. рецензию на это издание В. Р. Розена, ЗВО, VI 450—452).

238 См. Введение в изуч., В, 103 (118).

239 См. Введение в изуч., Г, 103 (118).

240 ТИ, 93: „Таков был обычай в роде Сасанидов“. И дальнейшее повествование указывает, что в данном случае налицо опечатка или описка; сл. читать Сасаниды, а не Саманиды.

241 См. Введение в изуч., Г, 104 (118).

242 Халиф династии аббасидов (198—218=813—833).

243 Фазл б. Сахл б. Абдаллах ас-Сарахси, вазир халифа Мамуна, ум. 202 (317/18) г. (Ибн Халликан, II, 472; Zambaur, 6).

244 В тексте ИШ *اندر شتاب کردن*; ТИ, 95 дает более правильный, и соответствующий содержанию главы заголовок: *اندر شتاب ناکردن*; также глава названа в перечне (см. стр. 4 ИШ).

245 Коран, 49, 6.

246 См. Введение в изуч., Г, 108 (120—121).

247 Бузурджмихр — вазир Ануширвана, легендарный автор многочисленных дидактических повествований и афоризмов.

248 ТИ, 96: امير جرمى — начальник тюрьмы.

249 Слово *نو بت* означает: 1) караул, 2) барабанный бой перед дверями помещения, где находится высокопоставленный вельможа.

250 *چو بدار* в современном языке — гуртовщик.

251 См. Введение в изуч., Г, 111 (122—125).

252 Все прошение обладает в ТИ, 101—102 более пространной редакцией, не меняющей, однако, существа содержания. Казнохранилище, носившее название *бейт-ал-мал*, имело своим назначением в первые века ислама: 1) собрание и хранение имущества, конфискованных у не-мусульман, еретиков и лиц, обвиненных в религиозных преступлениях; 2) распределение этих имущества среди нуждающихся членов мусульманской общины (ср. стр. 56 ИШ). О тенденциях со стороны центральной государственной власти к захвату этих имущества и борьбе против этих тенденций см. общий обзор в ЭИ под словом *бейт-ал-мал*.

253 См. Введение в изуч., В, 113 (123).

254 Зейд б. Аслам — вольноотпущенник халифа Омара б. ал-Хаттаб второго из числа четырех „праведных“ халифов, наследовавших пророку Мухаммеду (Ибн-ал-Асир, I, 82, 111; V, 351; „Китаб ал-харадж“, 71 прим. 5).

255 В тексте ИШ *ديوار نشين* (?), исправленное в ТИ, 103 на *ديوار بست*, слово, которое встречается у Бейхаки ТИ, 435 в значении укрепленных стен или валов.

256 См. Введение в изуч., Г, 114 (123—129).

257 *الله كليم* — божий собеседник, прозвище Моисея в мусульманской литературе, откуда прозвание евреев в современном Иране — *калими* (کلیمی).

258 См. Введение в изуч., Г, 115 (129).

259 См. Введение в изуч., В, 116 (130); Г, 116 (129—136).

260 ТИ, 107 дает иной вариант противопоставления: „когда титул человека базара и дикканина тот же самый, что титул амида, не станет разницы между низким и благородным“ и т. д.

261 ТИ, 107 дает иную форму титула Хусам ад-даула — „меч державы“.

262 Как явствует из данного контекста, под названием *хаджэ* в „Сиасет-намэ“ разумеется вазир; в памятниках, восходящих к газневидскому времени, звание *хаджэ-и-бозорг* означало исключительно вазира.

263 Ал-Кадир биллах, халиф-аббасид (381—422 = 991—1031).

264 ТИ, 107 дополняет список подвигов Махмуда: „он вывез идола Маната, захватил Самарканд, завоевал Хорезм, пришел в Кухистан и Ирак, захватил Рей, Исфахан, Хамадан, привел в подчинение Табаристан“.

265 См. Введение в изуч., В, 120 (132).

266 Эта турчанка по рассказу ПБ, 408 была женою великого эмира, но потеряла мужа.

267 Слово таргу *ترغو ترغو طوغو* означает, следуя толкованию словаря Steingass, наряд из краснобагряного шелка; Ш. Шефер в примечании к стр. 194 фр. пер. трактует это слово, как обозначение драгоценной материи, тканной из шерсти белого верблюда; несколько неожиданное истолкование получает это слово в переводе И. Н. Березина отрывка из Рашид ад-дина о турецких и монгольских племенах (Труды ВО, V, 210), где это слово переведено как провиант.

268 *نامه گشاده*

269 В рассказе дана форма фетвы, сохранившая свой вид до настоящего времени: подробно мотивированный вопрос и краткий ответ „следует“ или „не следует“, который по существу и является решением.

270 См. Введение в изуч., Г, 120 (131—136).

271 Мукаддаси (BGA, III, 337) сообщает о традиции, существовавшей у саманидов, давать титул после смерти государя. Может быть именно этим обстоятельством объясняются те противоречия в саманидской титулатуре, что мы встречаем в разных источниках. В частности, заупокойная титулатура упомянутых в данном разделе саманидских государей, по Мукаддаси, была следующей: Исмаил б. Ахмед — Мазн; Ахмед б. Исмаил — Шахид; Наср б. Ахмед — Са'ид; Нух б. Наср — Хамид.

272 ТИ, 113: эмиров и чиновников.

273 См. Введение в изуч., Г, 124 (136).

274 Азуд ад-даула Абу Шуджа Хусрау (338—372=949—983), Руки ад-даула Абу Али Хасан (320—366=932—976).

275 Абу-л-Касим Исмаил б. Аббад б. Ахмед б. Идрис ат-Талигани, называемый Ибн Аббад и ас-Сахиб, вазир бовейхидов Муанд ад-даула и Фахр ад-даула с 360 по 385 (=970/71—995) г. (Zambaur 215).

276 Ахмед б. ал-Хасан ал-Мейманди ал-Вазир — вазир султана Махмуда с 401 по 416 (=1010/11—1025) г. В 421 (=1030) г. был сослан султаном Махмудом в Кашгар, но в следующем году по смерти Махмуда был возвращен из ссылки и назначен вазиром Масуда. Ум. в 424 (=1032/33) г. (Перс. Отби, 347, 356 и далее).

277 См. Введение в изуч., Г, 125 (136—138).

278 См. Введение в изуч., Г, 125 (136—138).

279 См. Введение в изуч., Г, 125 (136—138).

280 Туграй (от *طغرا* — печать, прилагавшаяся к государственным указам) — чиновник, стоявший в сельджуцкое время во главе государственной канцелярии (Бондари, IX). Ариз — чиновник, ведавший хозяйственно-финансовой частью войска (ср. „Тарих-и-Систан“, 218).

ТИ, 115 указывает четырех амидов — Багдада, Хорасана, Ирака, Хорезма (см. то же самое в ЭИ под словом амид).

281 Абу-Саид Масуд б. Махмуд (421—432=1030—1041).

282 В тексте ИШ фраза начинается словами *و كد خدایان ترکان همه* و *متصرف پیشگان*, где, конечно, сочетание *متصرف پیشگان* не может не вызвать сомнения; следовало бы: *تصرف پیشگان*.

283 См. Введение в изуч., Г, 127 (139—143).

284 Дих-худа — дехканин.

285 Абэ или Авэ — селение Кумской области к югу от города Савэ. Ср. слова Абдаллах б. Меймун; на стр. 184, ИШ говорится о том, что все жители Абэ — рафизиты.

286 Рафизиты — секта шиитов, признававших своим главою Зейда б. Али б. ал-Хусейн (Hughes. *Diction. of Islam*, 532).

287 Чауш — гвардеец-тюрок, находящийся при государе и несущий судебно-полицейские функции. В основе этого термина, повидимому, лежит греч. *Ταχούβιος* (Ш. Шефер. „Китаб ал-байан“, прим. к стр. 143).

288 ТИ, 117 указывает на смерть Яхья.

289 Ш. Шефер в примечании к стр. 208 фр. пер. замечает, что существовало два ученых богослова, носивших имя Мушаттаб (читаемое Ш. Шефер как *Mashtab*; наше чтение исходит из чтения, принятого в издании Бондари): Мушаттаб Мухаммед б. Ахмед б. Абд ал-Джаббар и Мушаттаб б. Мухаммед последний происходил из Ферганы и принадлежал к ханифитскому толку Абу-Бекр б. Ахмед б. Али б. Сабит, традиционалист-богослов, ум. в 460 (= 1067) г.

290 Двоюродный брат пророка, традиционалист, ум. в 68 (= 687/88) г. („Китаб ал-харадж“, 12, пр. 2).

291 Чтение дается по огласовкам „Тарих-и-гузидэ“, GMS, XIV, 216 (во фр. пер. Ш. Шефера — *Abou Imateh*); тот же источник указывает на пять сподвижников пророка, носивших копьё Абу-Умама.

292 Правильно Суфиан б. Ойайна, традиционалист, ум. 197 (= 812/13) г. („Тарих-и-Систан“, 174, прим. 1 о двух традиционалистах, носивших имя Суфиан).

293 Коран, 48, 26 с присоединением через союз „и“ выражения из стиха 29.

294 Первый из халифов так называемого „праведного пути“, ум. в 634 г. н. э.

295 Окба б. Амир, традиционалист, ум. в 57 (= 676) г. (прим. Ш. Шефера к стр. 210 фр. пер.).

296 Джабир б. Абдаллах б. Амр Аксари, ум. в 78 (= 697/8) г. („Китаб ал-харадж“, 31 пр. 1).

297 Третий из халифов так называемого „праведного пути“, уб. в 656 г. н. э.

298 Сподвижник пророка, ум. в 32 (= 652/53) г. („Китаб ал-харадж“, 169, пр. 4).

299 Кадариты — толк ислама, исповедывавший символ, что бог не predetermined действий или склонностей своих творений (Silvestre de Sacy. *Relig. des Druzes*, t. I, p. IX и далее).

300 Ум Сальма, во втором браке жена пророка, ум. в 60 (= 679) г. (Ш. Шефер, прим. 1 к стр. 211 фр. пер.).

³⁰¹ Абу-Муса Абдаллах б. Кейс ал-Ашари, сподвижник пророка, ум. в 52 (= 672) г. Близкий по смыслу рассказ находится в „Китаб ал-харадж“, 273; там же в прим. — аналогия с подобным же рассказом у Бухари.

³⁰² Коран, 5, 56.

³⁰³ ТИ, 122 дополняет в перечислении: и Арран, и Мазандеран; Бейт ал-мукаддас — Иерусалим.

³⁰⁴ В тексте ИШ не совсем понятное выражение: *بوجه حال سيمد و سی هزار مرد دیگر باضافت آن شود تا زنده باشد*

³⁰⁵ Слово *كلاه*, означающее в персидском языке головной убор, может заменять слово *تاج* — венец, корона (см., напр. „Фарс-намэ“, 43). Под выражением „владыка кулаха“ здесь, повидимому, разумеется претендент на престол.

³⁰⁶ См. Введение в изуч., Г, 128 (143—145).

³⁰⁷ См. Введение в изуч., Г, 129 (145—148).

³⁰⁸ См. Введение в изуч., Г, 129 (145—148).

³⁰⁹ Табарек — гора близ Рея, топография которой определяется Якутом следующим образом: от того, кто идет по дороге в Хорасан, с левой стороны будет главная цепь гор, а с правой стороны — гора Табарек. По Якуту, султан Тогрул разрушил эту крепость ввиду опасений, вызываемых в нем стратегическим положением крепости, он сравнивал ее с двуглавой змеей, одна голова которой пожирает Хорасан, а другая — Ирак.

³¹⁰ ТИ, 123: *بجز جو مید ریوف* [?]

³¹¹ ТИ, 123 дает имя Мухтасиба в форме: *ناصر امان*

³¹² В тексте непонятное *کرحی*, толкуемое в переводе через *کرجی*. ТИ, 123 заменяет слово *کرحی* словом *حصیر* — циновка.

³¹³ Мн. ч. слова тасарруф (*تصیر فات*) имеет указанное в словарях значение сумм, употребляемых на расходы. Таким образом, функция мутасаррифа, повидимому, может быть определена, как исполнение обязанностей, связанных с операциями по расходованию, в противоположность амилу, являвшемуся чиновником, ведавшим статьями дохода государственного казначейства.

³¹⁴ Абу Исхак Саад б. Аби-Ваккас, сподвижник пророка Мухаммеда, ум. в 58 (= 677) г.

³¹⁵ *معامله*

³¹⁶ В ТИ, 128 дается форма: *کودرسی*

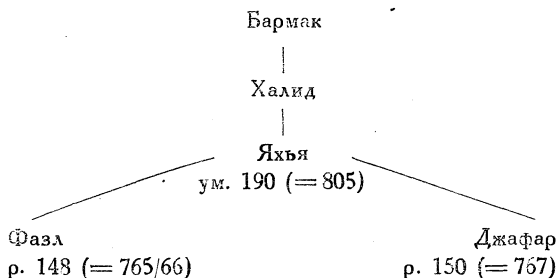
³¹⁷ В ТИ, 128 дается форма: *بخوره روز*. Редактор ТИ в примечании к этой странице указывает, что вазиром Бахрам Гура по известным нам источникам было Михр Нарсе.

³¹⁸ Абу-Наср Мухаммед б. Мансур б. Мухаммед Амид ал-мульк ал-Кундури ат-Гуси родился в 410 (= 1019) г., был вазиром с 447—456 (= 1055—1064) г. (Ибн Халликан, III, 291; Zambour, 224). Имеются все основания предполагать, что он был убит вскоре после вступления на престол Алп-Арслана по прямому подстрекательству Низам ал-мулька. См. Введение в изуч., Г., 132 (150—151).

³¹⁹ Халиф омейядской династии (96—99 = 715—717).

³²⁰ Разбор версии „Сисет-намэ“ о бармакидах дан В. В. Бартольдом в ЭИ, I, 691—693, где исчерпывающе рассмотрен ряд вопросов, связанных с фактами, сообщаемыми „Сисет-намэ“. Указывая на то, что Бармак не имя, а термин, означающий наследственный духовный сан при храме Ноу-Бахар в Балхе, В. В. Бартольд считает, на основании указаний источников, что персы имели тенденцию связать род Бармака с сасанидами и таким образом бармакиды превратились в сасанидских министров, а буддийский храм (Ноу-Бахар — nova vihara) — в зороастрийский храм поклонения огню. Генеалогия бармакидов не может до сего времени считаться окончательно разработанной. Наиболее известные представители этого рода, игравшего столь значительную роль во второй половине VIII в. вплоть до рокового для семьи 187 (= 803) г., когда по приказу Харун ар-Рашида произведено было почти полное истребление бармакидов, могут быть представлены следующей таблицей:

Из всех вышеуказанных лиц современником халифа Сулеймана б. Абд-ал-Малик мог быть только Бармак, о котором мы располагаем лишь легендарными свидетельствами.

³²¹ Амул в Табаристане Худуд ал-алем, 30а также называет резиденцией местных царей.

³²² См. Введение в изуч., Г, 133 (151—154).

³²³ Название главы по ТИ, 133: „о значении людей покрывала и гарема, о границах подчиненных и о порядке в отношении сего“.

³²⁴ Бейдави (изд. Fleischer, I, 52) приводит две версии предания, существовавшего в мусульманской традиции, соблазнения Адама Евою: по первой версии предметом соблазна была пшеница, по второй — виноград. „Китаб ал-бад“, 84—93, дает третью версию — колоквинт.

³²⁵ В тексте ИШ выражение *که از روی او مارا میکند*, переведенноз Ш. Шеффером на стр. 232 фр. пер.: „пришли мне его, так как я сгораю от желания его видеть“, что предполагает существование в персидском языке объективного строя, явления, до сего времени для персидского языка непрерываемо не засвидетельствованного. Если читать без изафата, поражает странная расстановка частей предложения. Русский перевод этого выражения имеет в виду не языковые соображения, а близость (смысловую) подобному же рассказу „Шах-намэ“.

- 326 **شهبستان** — дворец, где помещались жены царя („Тарих-и-Систан“, 22).
- 327 В рассказе „Шах-намэ“: **اسب سپاه** — вороной конь.
- 328 См. введение в изуч., Г, 136 (157—153).
- 329 Текст конца этой фразы неясен. Дарий III, последний шах из династии ахеманидов, бежал на восток Ирана, где был убит сатрапом Бактрии Бессом в 330 г. до н. э.
- 330 См. Введение в изуч., Г, 13) (159).
- 331 Айша — дочь Абу-Бекра, жена Мухаммеда, ум. 58 (= 578) г.; Хафса — дочь Омара, вдова Хунайса, раннего обращенца в ислам, через шесть месяцев после смерти первого мужа стала женой Мухаммеда, пережила его на несколько лет (Hughes, Dict. of Islam).
- 332 Ш. Шефер читает эти имена как Ioussouf et Kirisf (стр. 237 и далее фр. пер.). Чтение, даваемое в русском переводе, исходит из соображений: 1) персидского чтения имени **يوسف**, которое в „Шах-намэ“ рифмуется со словом **مصنّف**, следовательно Юсаф или Юсиф и 2) из закона парности, — откуда не Кирисф, а Кирсиф.
- 333 См. Введение в изуч., Г, 143 (160—162).
- 334 Коран, 4, 38.
- 335 О кольце-серьге, как признаке рабства, в „Фарс-намэ“, 40 находится следующее указание: „во времена царей Фарса был такой обычай: содержать всех сипах-саларов, командиров и рядовых войска наподобие купленных рабов, у всех были в ушах серьги рабства — у старого и молодого, низкого и знатного; когда они проходили перед царем, то поверх одежды они надевали пояс, который назывался пояс рабства, — никому и в голову не приходило появляться пред царем без серег и пояса рабства“.
- 336 Название главы по ТИ, 140: „о выявлении дел людей плохой веры, о Маздаке и маздакитах“.
- 337 **چشم زدگی**
- 338 Не совсем понятная фраза, начинающаяся в тексте словами: **و قوت ایشان**, во фр. пер., 243 передана выражением: „они — более могущественны, чем рафизиты и хуррамдинцы“. Русский перевод этой грамматически допускающей двойное толкование фразы исходит из того положения, что выражение „хареджиты“, переводимое Ш. Шефером обычно через „еретики“, не является для времени составления нашего памятника термином, обозначающим конкретные группы, а определяющим бунтовщиков вообще, смутьянов, без различия их отношения к мусульманскому ортодоксализму.
- 339 Характеристика тактики батинитов и карматов близка к характеристике находящейся в „Китаб ал-байан“, 158: „онова их веры внешне состоит в исповедании шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они — неверные“.
- 340 ТИ, 140 дает любопытное дополнение: „и существуют лица, имеющие милость при этой державе... которые и не шииты, и не этот разряд“.

³⁴¹ Дается буквальный перевод непонятной фразы текста; ТИ, 141 дает следующий вариант: „однако ввиду того, что владыке мира благодаря их действиям достался упрек от сего раба, в этом отношении он (кто?) хочет некоторое начало сделать, по причине сбережений, которые они доказывают, а владыку сделали домогающимся денег; они представляют сего раба корыстным, и совет сего раба в этом отношении не придется угодным“. В ТИ вместо *نما شاهای ايشان* ИШ находится выражение: *دفعلهای ايشان*, что вряд ли можно объяснить ошибкой переписчиков или издателя.

³⁴² Введение в изуч., Г, 149 (154—166).

³⁴³ ТИ, 141: сын Бамбададана. Несмотря на ряд исследований приходится констатировать, что вопрос о месте рождения и происхождении одного из величайших реформаторов сасанидского Ирана до сего времени не разрешен в сколь-либо удовлетворительном виде (см. резюме этого вопроса. A Christensen. *Le règne du roi Kawadh I*, 1925, 99—100).

³⁴⁴ ТИ, 142 упоминает вместо гулямы термин: рахибы — подвижники; этот же термин встречается и в дальнейшем повествовании ИШ, 167, 174, 175. Под словом рахиб обычно разумеется христианский монах (см. В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нашеств., 55; „Худуд ал-алем“, 32а), хотя близкая по времени написания к нашему памятнику „Китаб ал-байан“, 142—143, указывает, что под словом рахиб разумеется служитель иудаистского культа. Ссылки рассказа о Маздаке в СН на Тору (ИШ, 167), сирийских пророков (ИШ, 168), героев еврейской священной истории (ИШ, 175) дают, нам кажется, все основания толковать встречающийся в СН термин рахиб в значении, близком к значению „Китаб ал-байан“.

³⁴⁵ ТИ, 142: собрание.

³⁴⁶ ТИ, 142 добавляет к обращению определение: „о, вельможи и мубады иракской земли“.

³⁴⁷ „Китаб ал-байан“, 145 также указывает на существование в Авесте непонятных выражений.

³⁴⁸ *كول* Барбье де Мейнар (Barbier de Meynard. *Dictionnaire géographique, historique et littéraire*, 498) читает, как Koul — район Шираза. Чтение русского перевода основывается на чтении Фирузабади. Ковал по указанию того же источника является не районом, а близлежащим к Ширазу городом; Мукаддаси сообщает, что он находился в трех переходах от Шираза (BGA, II, 455).

³⁴⁹ Мнение о том, что появление пророка (разумеется Мухаммеда) было предсказано в зороастрийском Иране, было широко распространено в первые века ислама, как то особенно наглядно представлено свидетельством Шахрастани (Naarbrücker, I, 233—285). Как утверждает Шахрастани, приверженцы таких воззрений утверждали, что подобное предсказание находилось в Зенд-Авесте и было сделано самим Зардуштом.

Суруш — ангел, занимавший в зороастрийской мифологии место вестника, „Гавриил“ христианской и мусульманской мифологии.

³⁵⁰ См. Введение в изуч., В, 150 (173).

³⁵¹ В тексте ИШ несомненный пропуск ответа Маздака на первый вопрос Мубада.

³⁵² Слово *تخمه* в старинном языке означало род, происхождение, начало, ср., напр., ИШ, 113 *سامانيان* *تخمه*, или ИШ, 158 *ختر* *چند* *از تخمه* *او*...

³⁵³ Карун — богач, который по преданию возглавил движение против Моисея и по настоянию последнего перед богом был поглощен землей вместе со всем своим богатством.

³⁵⁴ См. Введение в изуч., В, 150 (178).

³⁵⁵ ТИ, 154: на площадь для игры в поло.

³⁵⁶ *حشور* — хашар (в огласовке этого слова я следую указаниям Мухаммеда Казвини, находящимся в главах ко второму тому Джихан-гуша) означает ополчение, собираемое принудительным порядком.

³⁵⁷ См. Введение в изуч., В, 150 (181).

³⁵⁸ См. Введение в изуч., Г, 150 (166—131). Разгром маздакитского движения произошел в конце 528 или в начале 529 г. в конце правления Кубада, и был совершен, как доказывает А. Кристенсен (A. Christensen. *Le régime du roi Kawadh*, 124—127), лично самим Кубадом. Также исторически неправдоподобно заключение Кубада в темницу своим сыном Нуширваном, захватившим насильно, согласно рассказу СН, верховную власть. Нуширван стал наследником Кубада еще в 513 г.

³⁵⁹ См. Введение в изуч., Г, 151 (182—183).

³⁶⁰ См. Введение в изуч., Г, 151 (182—183).

³⁶¹ Убиение Абу-Муслима вторым по счету халифом из династии Аббасидов Мансуром (135—158 = 764—775) произошло в ша'бана 137 (январе 755) г. (см. подробную статью В. Бартольда в ЭИ). ТИ, 156 сохранило правильную дату этого события. В различных источниках титул, прилагаемый к Абу-Муслиму, варьируется: ТИ, 156, Шахрастани Naarbücker, I, 149, 173, 283, 284 называет его: *صاحب الدولة* — хозяин державы, ИШ, Табари, II—III, Нершахи, 64 и т. д. называют его: *صاحب الدعوة* — глава сектанской проповеди.

³⁶² Чтение имени дается по огласовкам Табари, III, 119—122 — *سنباد فيروز* *اصبهيد*. Тот же источник называет Сумбада магом, т. е. зороастрийцем по вероисповеданию. Ибн ал-Асир, X, 368—370 называет его хареджитом, что, впрочем, вряд ли можно истолковывать как указание на принадлежность Сумбада к доктрине хареджитов.

³⁶³ Мушаббихиты в буквальном переводе — „уподобители“, мусульманская секта, исповедывавшая положение о сходстве между богом и его творениями. Многие из шиитов принадлежали к этой секте (Hughes. *Dict. of Islam*).

³⁶⁴ ТИ, 156 дает иной вариант имени амиля Рея при халифе Мансуре: Ма (?) Хасани.

³⁶⁵ Махди — двенадцатый имам, Абу-л-Касим Мухаммед б. ал-Хасан, прозванный Махди, род. в 255 (= 863/6) г. (Бейан ал-адиян, 164—165), по религиозным шиитским представлениям — мессия, долженствующий явиться в конце мира.

³⁶⁶ مقدم — о значении этого термина в дервишских орденах в качестве мастера ордена см. Dozy. Supplement. Как видно из текста нашего памятника (ИШ, 182 и 199), звание мукаддам было связано не только с духовным руководством секты, но и с военным командованием, тем самым ближайшим образом отвечая основному значению слова — начальник, предводитель военного отряда (ИШ, 111—112).

³⁶⁷ Имя командующего, направленного халифом на войну против Сумбада, полностью дано у Табари, III, 119, 122 в следующем виде: Абу-Джафар Джахвар б. Маррар *سَاحُورُ بْنُ مِثَارِ الْعَجَلِيِّ*. О транскрипции этнического определения имени командующего повторяю замечание Сильвестра де Саси: «я не знаю, следует ли произносить «иджали» или «аджали»» (Exposé de la Religion des Druzes, p. LIII, p. 1).

³⁶⁸ Согласно Табари, III, 119—120 первое сражение между войсками Сумбада и Джамхура (Джахвара) произошло между Хомаданом и Реем. Это сражение окончилось поражением Сумбада, причем он потерял около 60 000 человек. Сам Сумбад был убит, очевидно, при дальнейшем отступлении между Табаристаном и Кумисом; убийцей Сумбада Табари называет не Джамхура (Джахвара), а *لومان الطبري*.

³⁶⁹ ТИ, 157 указывает, что учения всех этих сект настолько смешались, что мусульмане и гябры начали называть все эти секты общим именем — хуррамидины. Шахрастани Naarbrücker, I, 200 сообщает о существовании в Рее отдельной секты, носившей название, очевидно, по имени убитого халифатскими войсками главы восстания — сумбадиты (سنباديَّة).

³⁷⁰ См. Введение в изуч., Г, 151 (182—183).

³⁷¹ Шестой имам шиитов Абу-Абдаллах Джафар б. Мухаммед б. Али б. Хусейн б. Али б. Абу-Талиб, согласно современной нашему памятнику традиции (Байан ал-адиян, 164—165), родился в 83 (= 702) г. и был убит в халифатстве Мансура в 148 (= 765) г. У него было по Табари, III, 2509 четыре сына: Мухаммед, Абдаллах, Муса и Исмаил по Шахрастани Naarbrücker, I, 24 пять сыновей: Мухаммед, Исмаил, Абдаллах, Муса и Али. Из них господствующей шиитской традицией признается седьмым законным имамом Муса, носящий прозвание ал-Казим (род. 108 (= 726) — убит 164 (= 730) г.). Историческая традиция возводит к этому времени начало тех разногласий между шиитами, которые положили основание к организации особого ответвления шиизма, называемого исмаилизмом. Сущность этой традиции такова: Исмаил, старший сын Джафара ал-Садик, умер незадолго до 143 (= 765) г. и наследование имамата и нарушение обычных иранских представлений о праве наследования (от старшего сына к старшему сыну) было представлено Джафаром ас-Садиком не сыну Исмаила Мухаммеду, а брату Исмаила — Муса. Часть недовольных этим решением шиитов отказалась присягнуть Муса и установила новый порядок следования имамов, считая седьмым имамом Исмаила (откуда и позднее название секты — исмаилиты),

восьмым — его сына Мухаммеда. Инвокация при имени шестого шиитского имама совершенно не соответствует всему духу нашего памятника и является несомненно позднейшей вставкой.

³⁷² Очевидный анахронизм. Джафар ас-Садик, как следует из прим. 371 (см. также ЭИ, I, 1036), умер в 148 (= 765) г., т. е. за 22 года до халифатства Харун ар-Рашида. Повидимому, в тексте ИШ имя Джафара стоит ошибочно вместо имени его внука Мухаммеда б. Исмаил б. Джафар, что требуется и самой логикой повествования, говорящего именно об этом лице. ТИ, 157 дает также в данном контексте имя Мухаммеда, который, по указанию ТИ, и умер в заключении у Харун ар-Рашида. Повидимому, смерть Мухаммеда произошла при обстоятельствах, позволявших много лет спустя появляться самозванцам; об одном из них см.: Ибн ал-Асир, VIII, 115 под 312 (= 914) г.

³⁷³ ТИ, 157 называет Кармата — *مقر مطو يد*, Мукарматунэ. Имя Мубарик и Кармат более известны не по скрывавшимся под этими прозвищами лицам, а из названий отдельных ветвей исмаилизма, мубарокитов и карматов. из которых последнее вытеснило даже порвоначальное название всей секты (Шахрастани *Haarbrücker*, I, 24; *Silv. de Sacy. Religion des Druzes*, t. I, Introduction, 63—64). Этимология слова „кармат“ неоднократно подвергалась рассмотрению ряда ученых. Косвенным подтверждением возможности толкования этого слова по образцу данному в нашем памятнике, служит то обстоятельство, что слово *مقرمط* в перс. языке также означает вид письма, обладающего свойствами запутанности и неясности. Подлинное имя скрывающегося под прозвищем Кармат лица в источниках дается по разному: Хамдан б. ал-Аш'ас (Фихрист, 187; Ибн ал-Асир VII, 311—313, 355), Ахмед б. Кармат (Бейан ал-адван, 149). Указание, что под Мубариком и Карматом скрывается одно лицо, представляет характерную особенность данного источника.

³⁷⁴ Родился в Ахвазе, ум. в 261 (= 874/5) г. (ЭИ, 9; Фихрист, 186—187). У Ибн ал-Асира, VIII, 18 биография Абдаллаха б. Меймун находится под 296 (= 908) г. в связи с повествованием о начале алидской династии в Африке. Ибн ал-Асир дает следующую генеалогию первого халифа-фатмида: он — Мухаммед (или Ибн Мухаммед, вариант и прим. I, стр. 18). б. Абдаллах б. Меймун б. Мухаммед б. Исмаил б. Джафар б. Мухаммед б. Али б. ал-Хусейн б. Али б. Абу-Талиб. Не входя по существу в обсуждение этой генеалогии, следует отметить, что приводимый Ибн ал-Асиром вариант генеалогии, почерпнутый из алидо-фатмидских источников, считает возможным называть Абдаллаха б. Меймун сыном Мухаммеда б. Исмаил, следовательно, человеком значительно моложе по возрасту, чем восьмой исмаилитский имам (что подтверждает как будто правительность указания ТИ о смерти Мухаммеда б. Исмаил в халифатство Харун ар-Рашида). Что касается прозвища Каддах, то, по Ибн ал-Асиру, VIII, 22, оно происходило от занятия Абдаллах б. Меймун врачеванием глазных болезней; он удалял из глаз катаракты.

³⁷⁵ *حروف معجم* — т. е. в алфавитном порядке, ср. название географической энциклопедии *معجم البلدان*.

³⁷⁶ Слово „курси“, означающее обычно сидение, скамейку, возвышение и т. д., трактуется иногда богословами, как обозначение божественного знания.

³⁷⁷ Как о жизни, так и деятельности даже выдающихся карматов-исмаилитов мы располагаем весьма противоречивыми известиями. Фихрист, 186—183 и Ибн ал-Асир, VIII районом деятельности Абдаллаха б. Меймун называют южные районы Ирака, Басру и Сирию, районом деятельности Хамдана (Кармата, Мубарика) Куфу, откуда он вел переписку с восточным Ираном. Под словами „иранский Кухистан“ в данном контексте можно было бы понимать страну гор (کوهستان), примыкающую к низменности арабского Ирака, но последующее изложение не оставляет возможности для такой трактовки и, повидимому, данное место следует понимать в обычном значении термина Кухистан, определяющего южную горную часть Хорасана (В. В. Бартольд. Истор.-геогр. обзор Ирана, 93).

³⁷⁸ Очевидный анахронизм, см. прим. 371. Кроме общих соображений о появлении Хамдана-Кармата в Куфе, мы имеем свидетельство Ибн ал-Асира, VII, 312: Хамдан-Кармат прибыл в Куфу до убийства вождя зинджей (270 (= 883) г.), следовательно, более чем сто лет спустя после даты смерти Муса б. Джафар (164 (= 780) г.), установленной самим же шиитским преданием.

³⁷⁹ Врач и ученый, известный средневековой Европе под названием Rhazes — Абу-Бекр Мухаммед б. Закариа ар-Рази, род. в Рее (Худуд ал-алем, 29а), ум. в 311 (= 923) или в 320 (= 932) г. (Чахар Маколаз, GMS, XI, 70, прим. Мухаммеда Казвини). Фихрист, 299—302 и 358 не указывает в списке работ ар-Рази труда с упомянутым названием.

³⁸⁰ В ИШ ошибочно — نشاچويه. ТИ, 153 дает правильное название فشاچويه فشاچويه — Фишабуйз, название это сохранилось до нового времени за одним из округов Тегеранской области. Начертание селения по ТИ, 158 — کلین

³⁸¹ اهل بیت — семья пророка (Коран, 23, 33).

³⁸² ТИ, 159 поясняет: он не мог выговаривать букв тей طی и хей حی.

³⁸³ Наследование глав исмаилитов-карматов в Рее по Фихристу, 188 таково: первый, кто был наместником рода Абдаллаха б. Меймун Каддах в Рее, Азербайджане и Табаристане — Халладж ал-Кути, затем по его смерти правил его сын, затем Гияс, после смерти Гияса — его сын и (?) человек, известный под именем Махрум (запретный), а когда умер сын Гияса, его заместил Абу-Хатим ал-Варсанани.

³⁸⁴ „Книга изложения“ — разумеется, основа вероучения.

³⁸⁵ ТИ, 159 уточняет: в Куме и Кашане.

³⁸⁶ ТИ, 159 дает не двухсотый (очевидная ошибка в ИШ), а 280 (= 893/94) г. Та же страница ТИ исправляет название главы повстанцев: не Сахиб ал-Дибал („владыка гор“), а Сахиб ал-Хал („владелец внутреннего знания“). Ибн ал-Асир, VII, 321 под 280 (= 893/94) г. указывает на продолжение противохалифатской борьбы Харуна ал-Хариджи в Мосуле.

³⁸⁷ Согласно Фихристу, 188, последование глав исмаилитской пропаганды в Хорасане шло в следующем порядке: в 307 (= 919) г. исмаилитской пропагандой был направлен в Хорасан Абу-Саид аш-Шарани ابو سعيد الشعرائی

по смерти которого в качестве главы выступил Хусейн б. Али Мервези или Мерверруди, после захвата его саманидом Насром б. Ахмед, главенство над сектой перешло к ан-Насафи (Нахшаби). Затруднения, возникающие в связи с противоречиями показаний Фихриста и „Снасет-намэ“ в выяснении начала исмаилитской деятельности в Хорасане, а следовательно, и Мавераннахре, еще более увеличиваются при рассмотрении хронологической канвы жизни самого Хусейна б. Али Мервези. Следуя Ибн ал-Асиру, VIII, 64—66, Хусейн б. Али был захвачен в плен в 306 (= 918) г., т. е. как будто до прибытия обратившего его в исмаилитство Абу-Саида аш-Шарани, с другой стороны, Фихрист же утверждает, что Хусейн б. Али умер в саманидской тюрьме. Следовательно, он и не мог встретиться с посланцем западного исмаилитского центра пропаганды. Остается предположить правильность второго варианта биографии Хусейна б. Али об освобождении Хусейна б. Али из плена (см. подробно об этом вопросе: В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. нашеств., 251) с последующим обращением его в карматизм.

³⁸⁸ ТИ, 160 одним из мотивов исчезновения Гияса считает преследование со стороны „людей сунны“.

³⁸⁹ ТИ, 160 таким образом описывает захват власти в секте: „был человек, имя его Абу-Хатим, он усилился, об Абу-Джафаре не было известий. Главенство ушло из дома Халафа“.

³⁹⁰ Ахмед б. Али, был разбит в 311 (= 924) г. войсками полунезависимого правителя северо-западных иранских областей Ибн Аби-с-Садж. Голова его, как трофей, была прислана в Багдад (Ибн Мискавейх, I—IV, 117 и 119). Повидимому, Ахмед б. Али в борьбе против центральной власти достаточно близко сошелся с рейским исмаилитизмом; указание нашего источника на посылку исмаилитских эмиссаров в Азербайджан и Табаристан совпадает с указанием Ибн ал-Асир, VIII, 105 на заключение Ахмедом б. Али союзов с правителями этих провинций Маканом б. Каки и детьми Хасана б. Али ал-Угруш.

³⁹¹ ТИ, 160—161 сообщает более категорично о шиизме эмира Табаристана.

³⁹² ТИ, 160 называет предводителя дейлемцев: Сар-Шир.

³⁹³ ТИ, 161: в дни Сар-Ширы Мардавиджа. Мардавидж б. Зияр Джили, предшественник бовейхидов, был убит во время приготовлений к походу на Багдад в 323 (= 934) г. (Ибн-Мискавейх, I—IV, 313—314).

³⁹⁴ ТИ, 161 именует главу рейских шиитов: Абд ал-малик Кавкаби.

³⁹⁵ См. Введение в изуч., Г, 152 (183—187).

³⁹⁶ Фихрист, 189 называет Мухаммеда б. Ахмед Нахшаби (Насафи) автором трех богословских работ. Так же как и в отношении Хусейна б. Али Мервези, тот же источник утверждает, что в своей деятельности Мухаммед б. Ахмед Нахшаби был тесно связан с западными центрами исмаилитской пропаганды. Эпитет, прилагаемый к Нахшаби, означает представителя теоретического, спекулятивного богословия в противоположность محقق (мухаккак) представителю богословия, отдающего приоритет вере перед доводами разума; в применении к исмаилитам термин متكلم означает сектанта-проповедника („Бейан ал-адиян“, 145, 146).

³⁹⁷ ТИ, 161 называет его просто Савадз, указывая вместе с тем, что он убежал из рук рейских суннитов.

³⁹⁸ Название города Нахшаб в средневековой литературе зачастую носит арабскую форму Насаф (نسف). На идентичность Нахшаб-Насаф указывает ряд писателей (Якут, IV, 767—748 и 781—782; Ахмед Рази, 257). Современное название Карши, как указал В. В. Бартольд („Турк. в эпоху монг. наш.“, 135—136), город получил только в XIV в., когда чагатайский хан Кебек на расстоянии 2¹/₂ фарсангов от города построил дворец („карши“ — по-монгольски дворец). Находясь на караванной дороге город Нахшаб, повидимому, являлся оплотом антихалифатских движений и в прежнее досаманидское время. Так, Нершахи, 65, 71, 73 указывает на нахождение в городе многочисленных последователей Муканны, как результат проповеди в городе ближайшего сподвижника Муканны — Абдаллаха б. Амр. Географический эпитет, прилагаемый к имени Мухаммеда б. Ахмед — Нахшаби, позволяет с достаточной долей вероятности вести его происхождение также из этого города.

³⁹⁹ В. В. Бартольд высказано предположение, что этот Бу-Мансур Чагани — сын Абу-Али, управлявший впоследствии Саганианом и Тахаристаном („Турк. в эпоху монг. наш.“, 254, прим. 1).

⁴⁰⁰ См. Введение в изуч., В, 153 (188).

⁴⁰¹ В. В. Бартольд („Турк. в эпоху монг. наш.“, 254, прим. 2) высказывает предположение, что под термином „сахиб-харадж“ скрывается название того же чиновника, что определяется термином мустауфи. Следует, однако, иметь в виду, что все перечисление обращенных Мухаммедом б. Ахмед Нахшаби лиц может переводиться и таким оборотом: „райса Бухары, взимающих харадж, деханов и людей базара“.

⁴⁰² В ТИ, 162 вместо Хусейн Малик находится Хасан Малик; Али Заррад именуется придворным вакилем. Илак — область на правой стороне р. Сыр-Дарья, в долине р. Ангрэн (Ахенгеран) (В. В. Бартольд. Турк. в эпоху монг. наш., 243).

⁴⁰³ В ТИ, 163 всюду сипах-салар в единственном числе. Сипах-салар (ар. сахиб-джейш صاحب جيش), как то указывают источники (ВГА, III, 337—338; Нершахи, 92 и т. д.), был главнокомандующим саманидским войском, одним из высших чиновников государства. Употребление этого чина во множественном числе исторически неправдоподобно.

⁴⁰⁴ В ТИ, 163 заговор войска мотивируется не только отвращением к государю-еретику, но и желанием возвести на престол тюрка.

⁴⁰⁵ ТИ, 163: *اوطن لوکان*

⁴⁰⁶ Подробный разбор сведений, касающихся местоположения Баласагуна, см. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Ср. Азию с научною целью 1893—94 г.: стр. 32—34. В ЭИ, I, 639—640, останавливаясь еще раз на вопросе определения местоположения этого турецкого города, В. В. Бартольд, ссылаясь на рассказ СН, определяет дату войны с турками как 330—331 (= 942—943) г.

⁴⁰⁷ *يغما خوان* (ср. Словарь I. Th. Zenker II, 963) — обычай устраивать угощения, на которых гости имели право забирать, как подарок хозяина, составлявшее стол убранство.

⁴⁰⁸ Анализ источников, повествующих о смерти Насра б. Ахмед и восшествии на престол сына его Нуха б. Наср, данный В. В. Бартольдом („Турк. в эпоху монг. нап.“, 255—256), приводит к выводу, что рассказ СН о заключении Нухом своего отца в темницу исторически неправдоподобен. Вступление на престол Нуха б. Наср произошло после смерти отца, по истечении обычного трехдневного траура по покойному государю. В середине века „кухандизами“, в нашем переводе Старая крепость, именовались укрепления пяти городов: Балха, Бухары, Мерва, Нишапура, Самарканда („Тарих-и-Систан“, 217, прим. 1). Как и многие другие старые крепости, бухарский кухандиз был при построении новых укреплений (Нершахи, 21—23) превращен в место заключения.

⁴⁰⁹ Согласно Ибн ал-Асиру, VIII, 302, Мухаммед б. Ахмед Нахшаби был казнен в 331 (= 942/43) г. Нухом б. Наср. Распятое тело его было кем-то похищено.

⁴¹⁰ ТИ, 167 указывает следующие имена вельмож, казненных вместе с Мухаммедом б. Ахмед Нахшаби: Хасан (очевидно, Хусейн Малик ИШ), Мансур Чагани, Ашас, Абу-Бегр, называемый в ТИ 162 и 167 مكداد (Макдад? Мукдад?), а также ряд других, уничтожительно именуемых эмирчиками.

⁴¹¹ См. Введение в изуч., Г, 153 (187—193).

⁴¹² Что касается наследования главенства в секте после смерти Абдаллаха б. Меймун, то еще Ибн ал-Асир, VIII, 18—19 останавливался на трудностях установления истинной генеалогии, указывая вместе с тем на то обстоятельство, что после смерти Абдаллаха б. Меймуна его наследники заявляли претензию на происхождение от Акил б. Абу-Талиб (VIII, 27), что еще более запутывает даже и те генеалогические линии, которые связаны были с алидским происхождением фатимидов. Ибн ал-Асиром приведены следующие три генеалогии первого халифа-фатимида: 1) б. Мухаммед б. Абдаллах б. Меймун б. Мухаммед б. Исмаил б. Джафар ас-Садик (VIII, 18); 2) б. Ахмед б. Исмаил II б. Мухаммед б. Исмаил б. Джафар (VIII, 18) — следовательно, опуская самого Абдаллаха б. Меймуна, и 3) б. ал-Хасан (вариант рукописи А: ал-Хусейн) б. Али б. Мухаммед б. Али б. Муса б. Джафар (VIII, 27). Сообщая о смерти Абдаллаха б. Меймуна, Ибн ал-Асир (VIII, 22 и 27) указывает, как и СН, что ему наследовал сын Ахмед (не указан в индексах Tornberg), в этом отношении противореча Фихрису (186—187), утверждавшему, что Абдаллаху наследовал его сын Мухаммед.

⁴¹³ По Ибн ал-Асиру VIII, 22—23, Ахмед б. Абдаллах находился в Куфе. В Магриб были направлены ближайшим сподвижником Ахмеда — Рустамом б. ал-Хусейн б. Хушаб б. Дазан ан-Надждар, действовавшим впоследствии в Йемене, два миссионера: ал-Хальвани и Абу-Суфиян; после почти одновременной их смерти тем же Рустамом был направлен в Магриб Абу Абдаллах аш-Шии.

⁴¹⁴ В Саламиз, по Ибн ал-Асиру, VIII, 27, переселился Хусейн, после смерти Мухаммеда б. Ахмед б. Абдаллах б. Меймун вступивший во владение имуществом, оставленным там Абдаллахом б. Меймуном.

⁴¹⁵ Ибн ал-Асир VIII, 27 также считает Мухаммеда сыном Ахмеда б. Абдаллах б. Меймун.

⁴¹⁶ Абдаллах б. ал-Хусейн ИШ, по всем данным, — испорченное Обейдаллах б. ал-Хусейн (в первоначальном наименовании Саид б. ал-Хусейн), т. е. первый халиф-фатимид. На это указывают: 1) факт перемены имени Саид на Обейдаллах (Абдаллах ИШ), 2) последующее за данной фразой сообщение о деятельности Абу-Абдаллаха Мухтасиба в качестве заместителя Саида-Обейдаллаха, 3) указание на ал-Хусейна, как на отца, — факты, как раз характеризующие биографию первого халифа-фатимида, во всяком случае в том виде, как она дошла в массе полулегендарного материала.

⁴¹⁷ Абу-Абдаллах аш-Шини, по происхождению из Йемена, носит в большинстве источников прозвище Мухтасиб, что должно указывать, по мнению ряда исследователей, на выполнение им функций инспектора.

⁴¹⁸ Династия в северной Африке, основанная Ибрахимом б. ал-Аглаб ат-Тамими 134—196 (= 800—812) и низвергнутая деятельностью среди североафриканских берберов фатимидского эмиссара Абу-Абдаллаха ал-Мухтасиб (аш-Шини) в 296—7 (= 939—10) г.

⁴¹⁹ Биография Али б. Вахсудан из Дейлема в том виде, как она выступает у Ибн Мискавейха, I—IV, 38, 39 и т. д. и у Ибн ал-Асира, VIII, 56, 72, 76, касается лишь его деятельности в качестве халифатского наместника в Фарсе, Исфахане и Ираке.

⁴²⁰ طَيَّلَسَان или طَيَّلَسَان — накрахмаленное покрывало, одеваемое на голову так, чтобы материя ниспадала на плечи и спину. В средние века ношение тайласана было привилегией судий и ученых. От обычного покрывала тайласан судий и ученых отличался длиной и черным цветом (Dozy. Dict. des Vêtem., 254 и далее; В. Р. Розен, ЗВО, V, 14).

⁴²¹ Зикравейх б. Микравейх повел наступление на сирийские области, занятие халифатскими войсками в 293 (= 905—906) г. (Табари, III, 2256—57 и т. д.; Ибн ал-Асир, VII, 374—381).

⁴²² См. Введение в изуч., Г, 154 (193—194).

⁴²³ Мухаммед б. Харсума Харсама, брат Рафи б. Харсума, боровшегося в союзе с Исмаилом б. Ахмед с саффаридом Амр б. Лейс, в 283 (= 896) г., после захвата Рея войсками Рафи, был направлен в качестве посла к Мухаммеду б. Зейд; посольство Мухаммеда б. Харсума окончилось безрезультатно для Рафи, принужденного оставить Рей и бежать в Джурджап, где он был убит (Ибн ал-Асир, VII, 319). Наместничество в Герате Мухаммед б. Харсума получал после победы Исмаила б. Ахмед над Амром б. Лейс.

⁴²⁴ = 907 г. начало 12 октября. Амир-и-Адил, т. е. Исмаил б. Ахмед Саманид умер в середине м-ца сафара этого года (Нершахи, 91; Ибн ал-Асир, VIII, 4).

⁴²⁵ Гур — горная область в центральной части современного Афганистана. Гарджистан (Гарчистан) — горная область в верховьях Мургаба, в пределах современного афганского Туркестана (В. В. Бартольд. Истор.-геогр. обзор Ирана, 34, 54—56).

⁴²⁶ Абу-Билал-Хареджит упомянут в Тарих-и-Систан, 224—225 в числе лиц, примкнувших к Якубу б. Лейс после нишапурского похода последнего в 259 (= 272/73) г.

⁴²⁷ В ТИ, 168 и 169 название этого лица: ذكریّا و ذكریّا Повидимому, в тексте ИШ, так же как и в ТИ, 168 испорченное ابو ذكریّا — Абу-Закария, племянник Исмаила б. Ахмед по брату Яхья; его Исмаил оставлял его своим заместником во время похода на Самарканд (Нершахи, 78).

⁴²⁸ Район Бухары, названный так по имени канала. Нершахи, 26 сообщает об откупе всего этого района Исмаилом б. Ахмед Саманидом для постройки дворцов и садов.

⁴²⁹ Али б. ал-Хусейн Мерверруди (Ибн ал-Асир, VII, 257)? Такое предположение может быть подкреплено и тем фактом, что несколькими строками ниже то же лицо названо просто Али без предшествующего „Абу“.

⁴³⁰ Али б. Шарвин (у Нершахи, 86, 87 ошибочно علی بن سروش) — военачальник саффарида Амра б. Лейс; в 285 (= 898) г. был направлен Амром на войну против Исмаила б. Ахмед Саманида, но отступил, в конце Шаввала этого же года Исмаил б. Ахмед разбил саффаридское войско, Али б. Шарвин при поражении был захвачен в плен („Тарих-и-Систан“, 254; BGA, I, 210, II, 281).

⁴³¹ ТИ, 168 дает правильное наименование третьего из побежденных Исмаилом б. Ахмед: Мухаммед-и-Харун. Абу-Али Мухаммед б. Харун упомянут у Нершахи (72, 87) два раза: первый раз — в рассказе о Муканне, — бабушка Мухаммеда б. Харун была, согласно этому рассказу, женой Муканны; второй раз мы встречаем имя Мухаммеда б. Харун в рассказе о походе Исмаила б. Ахмед против Амра б. Лейс, — в этом походе Мухаммед б. Харун был назначен командующим передовым отрядом. Согласно Ибн ал-Асиру, VII, 354—365, столкновение Мухаммеда б. Харун с Исмаилом б. Ахмед произошло из-за несогласия Мухаммеда сдать Исмаилу город Рей. Разбитый и плененный войсками Исмаила б. Ахмед в 290 (= 902) г. Мухаммед б. Харун был заключен в бухарскую тюрьму, где и умер.

⁴³² См. Введение в изуч., Г, 155 (194—195).

⁴³³ Генеалогия, на которую предьявлял претензии вождь негров в Хузистане, согласно Табари, III, 1742, и Ибн ал-Асир, VII, 139, была такова: Али б. Мухаммед б. Ахмед б. Иса б. Зейд б. Али б. Хусейн б. Али б. Абу-Талиб. ТИ, 169 называет его алидом. Прозвище Буркан происходит от слова بُرْقَانٌ — покрывало (Dozy. Dict. des vètem., 64—68), употреблявшееся женщинами. Таким образом, по своему значению это прозвище близко к тому, которое носил Муканна, что тоже означает „закрытый покрывалом“.

⁴³⁴ 868 г н. э. начало 20 декабря.

⁴³⁵ Разбитый войсками Муваффака вождь негров-повстанцев был захвачен в плен и казнен в 270 (= 883) г. (Ибн ал-Асир, VII, 279).

⁴³⁶ См. Введение в изуч., Г, 156 (195).

⁴³⁷ Абу-Саид Хасан б. Бахрам Джаннаби Даккак — мельник, по Худуд ал-алем, 276 — происходил из портового города Арраджана — Джаннаба (перс. Ганафэ). В начале своей деятельности он был назначен Хамданом-Карматом миссионером в южный Иран; в 285 (=898) г. он уже подчинил большую часть Бахрейна (Ибн ал-Асир, VII, 340—341).

⁴³⁸ Находящееся в ИШ имя халифа — несомненная ошибка; вместо Мутасим (218—227 = 833—842) следует читать Мутаизд (279—239 = 892—902).

⁴³⁹ Абу-Саид по преданию был убит славянином-рабом в 301 (=913) г. (Ибн Мискавейх, I—IV, 33; Ибн ал-Асир, VIII, 63).

⁴⁴⁰ У Абу-Саида было четыре сына: Абу-л-Касим Саид, Абу-л-Аббас Фазл, Абу-Якуб Исхак, Абу-Тахир Сулейман. Абу-л-Касим Саид, старший из братьев, был назначен отцом наследником, но вследствие неспособности к государственному управлению был замещен в год смерти отца младшим братом Абу-Тахир Сулейманом (Ибн ал-Асир, VII, 63). Это указание Ибн ал-Асира противоречит, однако, замечанию Ибн Мискавейха, I—IV, 120—121, о возрасте Абу-Тахира, которому в год смерти отца было не более 7 лет. Так или иначе, но изменение в престолонаследии, повидимому, не отразилось на взаимоотношениях братьев. Все они, за исключением Абу-Якуб Исхака, склонного к чрезмерному употреблению вина, держались дружно: решив что-либо предпринять, они садились на коней и обсуждали предприятие в походе, никому не доверяя своих дел (Ибн Мискавейх, II—V, 56—57).

⁴⁴¹ ТИ, 170 называет книгу *بلغة الساج* — „Красноречие седьмого (имам)“. Фихрист, 189 называет автором этой книги Кармата Абдан (— عبدان), сообщая, что в ней рассказывалось о сущности карматской беры.

⁴⁴² Насмешка, выраженная словами: „ваш бог уходит на небо“. Один из адептов Абу-Тахира, арестованный в Багдаде в 315 (=927) г., заявил на допросе: мы не похожи на тех безумных рафизитов, которые присягают несуществующему и ожидаемому господину (Ибн Мискавейх, I—IV, 180), намекая на воззрения шиитов толка двенадцати имамов.

⁴⁴³ Коран, 3, 91 и 106, 4.

⁴⁴⁴ Время правления халифа Муктадира — 295—320 (=903—932) гг. Нападение Абу-Тахира на Мекку произошло 8 зу-л-хиджжэ 317 (=12 января 930) г.; среди убитых при нападении был эмир Мекки (Ибн Мискавейх, I—IV, 201; Ибн ал-Асир, VIII, 153).

⁴⁴⁵ О сношениях бахрейнских карматов с фатимидами Ибн Мискавейх, II—V, 126—7 сообщает под 339 (=951) г.: „в этом году карматы поставили черный камень на свое место в святом мекканском храме. Он (камень) был взят отсюда Абу-Тахиром Сулейманом б. Хасан Джаннаби. Бакам предложил за его восстановление 50 000 динар, но его предложение было отклонено с извещением: мы взяли камень по приказу, и когда придет приказание его возвратить, — сделаем так. Когда наступил м-ц зу-л-кадэ (апрель) этого года братья Абу-Тахира написали послание, в котором сообщали, что они возвратили камень по приказу того, по распоряжению кого они взяли. Ибн Халдун сообщает, что бахрейнские

карматы присягнули на верность Махди. Святотатственный поступок Абу-Тахира, оскорбивший не только аббасидские, но и алидские чувства, привел Махди к необходимости обратиться к ним с чрезвычайно резким посланием“ (Ибн Мискавейх, IV, 100, прим. издателя).

446 Приставка Бу к имени Саида в ИШ является несомненной ошибкой; разумеется, как явствует из текста, Саид б. ал-Хусейн, т. е. халиф-фатимид ал-Махди Обейдаллах (см. прим. 154), переименовавший имя Саид на Обейдаллах (ИШ, 193). Все это весьма испорченное и темное место нашего памятника представляется, на наш взгляд, вторым вариантом (первый вариант ИШ, 193) происхождения Саида-Обейдаллаха, почерпнутый из иных, чем в ИШ, 193 источников. Чрезвычайно интересно в этом отношении прим. 1 к стр. 172, ТИ, где издатель сообщает, что в одной из использованных им рукописей „Сиасет-намэ“ Саид назван *بزرگ پسر جهودی* — старший сын иудея. Указание на еврейское происхождение первого халифа-фатимида, находящееся в некоторых рукописях „Сиасет-намэ“ (ПБ. 916), невольно заставляет предполагать о близости этого раздела „Сиасет-намэ“ к той антифатимидской литературной традиции, которая нашла наиболее полное выражение в рассказе Ибн ал-Асира, VIII, 18—19 и 27 и которая была свойственна западноарабской литературе XII—XIII в. Этот рассказ, заключающий изложение порядка наследования в роде Абдаллаха б. Меймун Кадах, сообщает о следующем: Хусейн, один из двух сыновей Абдаллаха б. Меймун, влюбился в жену-красавицу проживавшего в Багдаде еврея. По смерти мужа красавица-еврейка, оставшаяся вдовой, вышла вторично замуж за Хусейна б. Абдаллаха, который усыновил родившегося от первого мужа ребенка, походившего красотой на мать. Отсюда только и можно, нам кажется, искать объяснения непонятных слов о том, что „Абдаллах (в варианте рассказа Ибн ал-Асира — Хусейн) женился на матери Саида“. Рассказ о красивом сыне одного из меймунидов нашел отражение в современной „Сиасет-намэ“ „Бейан ал-адиан“, 159, где, кстати сказать, красивый сын, вывезенный заговорщиками батинитами в Египет, назван сыном Бу-Меймуна Кадах, факт, показывающий на забвение ранней истории карматов уже в XI в.

447 Ибн ал-Асир, VIII, 30 называет Обейдаллаха *صاحب سجلماسة* — хозяином Сиджилмаса.

448 Разумеются: Моисей, Христос и Мухаммед.

449 См. прим. 445. Черный камень был возвращен в Мекку самими карматами в 339 (= 950) г., семь лет спустя после смерти Абу-Тахира, умершего в 332 (= 943) г. (Ибн Мискавейх, II—V, 55 и 126—7).

450 ТИ, 172 называет этого гябра *گرو* — Гарва.

451 Подобный же рассказ, явно носящий характер романа-легенды, находится также и в составе летописи Ибн Мискавейха, II—V, 55—57.

452 Время правления халифа-аббасида Рази — 322—329 (= 934—940) гг. Первая большая победа Али б. Бовейх (Имад ад-дауле) — взятие Шираз — была в последний год халифатства Кахира; во время правления Рази бовейхиды овладели большей частью западного Ирана (Ибн Мискавейх, I—IV, 297 и далее).

⁴⁵³ См. Введение в изуч., Г, 157 (195—198).

⁴⁵⁴ Восстание Хашима б. Хаким Муканна из Мерва началось в 159 (= 775) г. и окончилось гибелью главы восстания в 767 (= 783) г. (Табари, III, 484, 490, 499; Ибн ал-Асир, V, 25, 34; Нершахи, 963—74). Муканна не был современником ни одного из перечисленных в тексте лиц.

⁴⁵⁵ В тексте малопонятное выражение: مدت مدیدی برداشت, которое переведено Ш. Шефером (фр. пер., 230) следующими словами: il usa pendant longtemps de ce stratagème.

⁴⁵⁶ Фихрист, 342 называет этот раздел — разделом секты хуррамдинцев, Шахрастани Naagrbrücker, I, 200 — разделом секты шиитов галийэ (غالبية).

⁴⁵⁷ Шахрастани Naagrbrücker, I, 193, 221 указывает, что талимитами (تعليمية) называли всех батинитов, особенно же в Хорасане.

⁴⁵⁸ ТИ, 173—174 дает несколько отличную от ИШ редакцию: „В Куме, Кашане, Табаристане, Себзеваре, Мавераннахре, Газнине, Багдаде их, батинитов, зовут карматами, в Куфе — мубаракитами, в Басре — равандитами и бархуитами, в Рее — халафитами, в Джурджани — мухаммирэ или мубаиизэ, в Магрибе — сайдитами, в Лахса, Бахрейне — джаннабитами, в Исфахане — батинитами, они же называют сами себя — талимитами, друзьями (رفیق) и подобно этому“.

⁴⁵⁹ = 778 г. н. э. нач. 28 сентября; время правления халифа-аббасида Махди — 158—169 (= 775—785) г.

⁴⁶⁰ Ш. Шефер транскрибирует название города, встречающееся два раза в тексте, в первом случае — как Guerèh (стр. 291 фр. пер.), во втором случае — как Karkh (стр. 297 фр. пер.). В тексте же в обоих случаях (ИШ, 200, 204) — كركه. Относительно كركه > كركه > خور > خوره см. примечание ВГА, I, 112; на стр. 139 отмечается, что население Хурре являлось по вероисповеданию шиитским.

⁴⁶¹ Командующий войсками и наместник.

⁴⁶² Абу-Дулаф ал-Касим б. Иса Иджли, знаменитый командующий войсками аббасидов и поэт (Табари, III, passim; Белазори, 331, Фихрист, 116), по преданию построивший город Кередж („Тарих-и-гозидэ“, 847; „Нузхат ал-кулуб“, 69).

⁴⁶³ См. Введение в изуч., В, 160 (199—200).

⁴⁶⁴ Восстание Бабека (Папака) продолжалось с 201 (= 816/17) г. до 223 (= 838) г., когда Бабек, разбитый войсками Афшина, бежал, был изменнически предан и казнен затем халифом Мутасимом.

⁴⁶⁵ = 827 г. н. э. нач. 2 апреля.

⁴⁶⁶ Согласно Табари, III, 1072, 1099 и т. д.; Динавери, 398; Ибн ал-Асир, VI, 285, 287 и т. д., Мухаммед б. Хамид носил прозвище не Таи (طائی), как указано в СН, а Туси. Он был разбит войсками Бабека и убит в 214 (= 829) г.

⁴⁶⁷ Садакэ б. Али б. Садакэ, известный под именем Зурейк, был назначен халифом Мамуном с 209 (= 824/25) г. правителем Армении и Азербайджана; в качестве такового он вел малоуспешную борьбу с Бабеком (Табари, III, 1072, 1233).

468 Абдаллах б. Тахир был направлен на войну с Бабеком после гибели Мухаммеда б. Хамид в 214 (= 829) г. (Табари, III, 1102).

469 = 833 г. н. э. нач. 27 января.

470 См. Введение, Г, 161 (200—203).

471 Кух — город округа Арраджан в Фарсе (BGA, III, 467).

472 Повидному, разумеются потомки рода Иджли.

473 Исхак б. Ибрахим был послан в помощь Абдаллаху б. Тахир, когда последний шел походом на Динавер (Табари, III, 1102).

474 Противоречие: число еретиков названо выше равным 25 000, а оказалось убитыми 100 000.

475 Али б. Иса ал-Куми (Табари, III, 1111).

476 Афшин (титул владетелей Усрушань в Ср. Азии) Хейдар б. Кавус был назначен на войну с Бабеком в 221 (= 836) г. (ЭИ, I 188, 563—69).

477 Бабек был казнен в сафаре 223 (= январе 838) г.

478 Табари, III, 1233 указывает, что за двадцать лет восстания Бабека было убито 155 500 мусульман, цифра, вероятно, преувеличенная, но характеризующая размер восстания.

479 Динавери, 397 дает следующий перечень важнейших побед Мутасима: победа над Бабеком, Мазиаром, Джафаром Курдом, взятие малого Константинополь (Амори); Мазиар, названный в упомянутом источнике владельцем табаристанской крепости, был казнен подле Бабека.

480 См. Введение, Г, 161 (200—203).

481 Яхья б. Аскам ат-Тамими, ум. 242 (= 856) г. (Ибн ал-Асир, VI, 298, 305, VII, 39, 48, 56, 65, 66); он был послан против Бабека вместе с Исхаком б. Ибрахим на помощь Абдаллаху б. Тахир (Табари, III, 1102).

482 Халиф-аббасид; время правления 227—232 (= 842—847).

483 = 912/13 г.

484 ТИ, 177: три года.

485 См. Введение, в изуч., В, 163 (204), Г, 163 (204).

486 Официально признанная система мусульманского права (фикх) различает пять главных категорий постановлений божественного закона, так называемые *حكمة الاحكام* — под термином *حلال* или *مباح* кроется категория дозволенного *ad libitum*, то, что можно делать или не делать (А. Э. Шмидт. Абд ал-Ваххаб аш-Шарани, СПб., 1914, стр. 125). Отсюда толкование термина *اباحية*, находящегося в сочинении Газали „Кимиа-и-Саадат“, как „сообщество еретиков, признающих все дозволенным“ (*خمسة ملاحده كهفهمه جيزها مباح دانند*) (Толкование трудных слов в „Кимиа-и-Саадат“ в предисловии к рукописи „Кимиа“, находящейся в Институте мировой литературы им. М. Горького в Москве). В нашем памятнике термины *اباحت مباح*, наряду со значением „дозволенный“, „дозволенность“, обладают еще значением, которое позволяет их трактовать как „общий“, „общность“ (ср., напр., *اباحت حال* — „общность имущества“, стр. 168 ИШ).

487 ТИ, 178 таким образом передает поминания хуррамдинцев: сначала они горюют по поводу убийства Абу-Муслима, шлют проклятия на его убийцу, при-

зывают благословение на Махди Фируза (в тексте *مهدي فيروز*, что можно толковать трояко: 1) Махди б. Фируз, 2) считать Махди за эпитет к имени Фируз, 3) полагать, что в данном случае имеет место перечисление с пропуском союза „и“ на Харуна сына Фатимы, дочери Абу-Муслима, которого они называют „мудрым ребенком“ (*كودك دانا*). Кажется, Сильвестр де Саси (Silvestre de Sacy, *Religion des Druzes*, t. 1. *Introduct. LVIII — LIX*) — первый, кто обратил внимание, основываясь на рассказе Масуди, на факт образования еще при жизни Абу-Муслима секты, признававшей Абу-Муслима имамом; после смерти Абу-Муслима секта разделилась на две части: одна часть отказывалась признать факт смерти Абу-Муслима, считала, что Абу-Муслим жив; другая, мирясь с фактом смерти Абу-Муслима, признала имамом его дочь Фатиму. Фихрист, 134, указывает на существование особого жития Абу-Муслима, причем прилагает к имени Абу-Муслима характерный титул — „глава призвания (пропаганды)“ (*صاحب الدعوت*). Ханыков еще в середине прошлого века дал изложение кавказской и среднеазиатской версии романа об Абу-Муслиме, дошедшего до наших дней (J. A. 1862, *Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, pp. 81—68). В свете изучения литературы об Абу-Муслиме представляет значительный интерес статья Вахида Дастгирди „Мардан-и-намваз“ (Славные мужи), опубликованная в журн. Армаган, XI г. изд., № 1, стр. 13, где автор указывает на виденную им в 1929 г. в Исфахане рукопись романа доссефевидской эпохи об Абу-Муслиме, в которой последний назван „Абу-Муслим Исфахани, прозываемый Мервези“. Наконец, для обследования деятельности Абу-Муслима в качестве основателя секты немаловажное значение имеет общая отрицательная традиция аббасидского богословия к фактическому основателю аббасидского могущества, нашедшая выражение в ряде ранних сочинений (напр., „Китаб ал-бад“, II, ар. текст 156—157; фр. ор. 174—176; BGA, II, 294 и т. д.). Шахрастанни Naarbrücker, I, 203 (ар. текст, 194) дает следующее деление маздакитов: 1) кудакийэ (*كو ذكيتة*), 2) Абу-Муслимийэ (*ابو مسلمية*), 3) Маханийэ (*ما هانية*) и 4) Асбидджамикийэ (*اسبید جا مكية*). Указание СН на прозвание внука Абу-Муслима „мудрым ребенком“ проливает, нам кажется, некоторый свет на сущность секты кудакийэ, вопрос особо интересный для истории Ср. Азии, так как, по свидетельству Шахрастанни, именно эта секта получила наибольшее распространение, наряду с Ахвазом и Парсом, в Согд-Самарканде, Шаше и Илахе. В связи с этим вопросом в качестве весьма предварительного материала я позволю себе привести небольшую генеалогическую таблицу ближайшего потомства Абу-Муслима (исключая из нее генеалогические звенья романа об Абу-Муслиме, приведенного Н. Ханыковым, как требующие значительной проверки).

1. Абу-Муслим

2. Фатима

3. Абу-л-Гарра

4. Фируз-Харун

5. Мутаххар

488 Шахрастани Naarbücker, I, 293 также причисляет секту Абу-Муслима к маздакитам.

489 На подобную же тактику хуррамдинцев указывает и „Китаб-ал-бад“, I, 133—143.

490 Алунташ был поставлен султаном Махмудом в хорезм-шахи в 408 (= 1017) г.; он продолжал оставаться хорезм-шахом и после смерти султана Махмуда при его наследнике Масуде, ум. ок. 423 (= 1032) г. (Н. Веселовский, Очерк истор.-геогр. сведений о хивинском ханстве, СПб., 1877, 47—49).

491 *عميره* — абрэ или убрэ трактуется обычно в словарях как налог за защиту путешественников или налог за переход через реку. Де Слэн (De Slane. Notice sur Codama, SA, 1862, 171) переводит этот термин через понятие *le rôle* — реестр. В нашем тексте термин выступает в значении налога или дохода с провинции.

492 Игра значением слова Махмуд, имя султана одновременно причастие страдательного залога „хвалимый“, „прославленный“.

493 Современный Кала-и-Бист в Афганистане (В. В. Бартольд. Истор.-геогр. обзор Ирана, 43).

494 В тексте ИШ выражение: *و پادشاهی بان خواسته آید تا بعد از ایسان و نام نیکو و ثنا بماند*, где следуемое после второго слова *بان* я читаю как *بان*

495 Последний государь династии Сасанидов; разбитый арабскими войсками Иездеждерд бежал на восток, где был убит около Мерва в 651 г. н. э.

496 См. Введение в изуч., В, 169а.

497 Химс — город в Сирии (греч. Эмесса). Шахристан — центральная часть города, окруженная крепостной стеной, собственно город в феодальном значении этого слова.

498 Коран, 38, 25.

499 Поэт-панегирист, прославившийся своими касидами в честь султана Махмуда, ум. между 1040—1050 г. н. э.

500 Размер: рама. В лигрографированном издании дивана Унсури данная касида отсутствует.

501 В тексте ИШ малопонятное выражение: *و چون آنچه گویر بر حقیقت باشد طلب آن مال کنند تا اگر صورت خلی و تضییع مالی نسبت بدین* и *باشد طلب آن مال کنند تا اگر صورت خلی و تضییع مالی نسبت بدین*, буквальный перевод которого таков: „и когда то, что говорят (скажут) будет поистине, истребование того имущества (налога, денег) пусть сделают (делают), дабы, если список (счет) какой-нибудь недостачи и потери имущества (растраты, — в совр. языке *وقت و تضییع* — „трата“, „потеря времени“) относительно этой причины (sic) исчезает (прекратится, уходит), из положения ничего не осталось скрытым“.

502 В ТИ, 185 книга носит название *سیر الملوک* — „качества (жития) царей“, то же название в рук. ИВ, 1036 — 104а и ПБ, 439.

503 = 1092 г. н. э. нач. 12 февраля.

⁵⁰⁴ Об истории написания „Сиясет-намэ“ см. Введение в изуч., А. Д. В ИШ за разделом, трактующим об истории написания СН, следует касида в честь султана Мухаммеда б. Малик-шах. Эта касида опущена в русском переводе, как не имеющая связи с памятником, приписываемым Низам ал-мульку, являющаяся совершенно очевидным позднейшим добавлением (отсутствует касида и в ТИ и в рук. ИВ и ПБ). Написанная в вычурно-цветистом стиле придворного панегирика, изобилуя различными риторическими фигурами, эта касида в издании Ш. Шефера местами настолько испорчена, что сам издатель-переводчик в прим. к стр. 310 фр. пер. отказывается переводить ряд стихов. Два полустихия, имеющие касательство к истории написания сочинения, см. Введение в изуч., А.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ
ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

- Абу-Шуджа — The Eclipse of the Abbasid Caliphate, ed. transl. and. eluc. by H. F. Amendroz and D. S. Margoliouth, Oxford, 1921, vv. III—VI.
- Асар ал-Билад — Zaccarija Ben Muhammed Ben Mahmud al-Cazwini's Kosmographie. Zweiter Theil... herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld, Göttingen, 1847.
- BGA — Bibliotheca geographorum arabico-um ed. M. S. de Goeje;
- BGA I — Истахри; BGA II — Ибн Хаукаль; BGA III — Мукаддаси.
- Бейан ал-адиян — Chrestomatie persane, publ. par Ch. Schefer, 1883, t. I, перс. текст 131—171.
- Бейхаки КИ — The Tarikh-i Baihaki ed. Morley, Calcutta, 1862.
- Бейхаки ТИ — Тарих-и Мас'уди, Тегеран, 1307 (=1839—90), литография, стр. 690+3.
- Бондари — Recueil de Textes relatifs à l'Histoire des seldjoudes par Th. Houstma. Histoire des seldjoudes de l'Iraq d'après Imad ad-din al-Isfagani, Leyde, 1889.
- Дивавери — publiée par Vladimir Gairgas Leyde, 1888.
- Ибн ал-Асир — Ibn al-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. S. Tornberg. Lugd. Batavorum, 1851—76.
- Ибн-Мискавейх — The Eclipse of the 'Abbasid Caliphate, ed., transl. and eluc. by H. F. Amendroz and D. S. Margoliouth. Oxford, 1921, vv. I—II—IV—V.
- Ибн-Халликан — Ibn Challicani vitae... herausgegeben von Ferd. Wüstenfeld, 1836 N 178.
- Мух. Низ. ад-дин — GM new S, VIII, Introduction of the Jawami'ur-Riwayat of Sadidu'd-din Muhammad al Aafi by... London, 1929.
- Нершахи — Publications de l'école des langues orientales viv. III. s. v. XIII... Descript. topographique et historique de Boukhara... texte persan publ. par Charles Schefer, Paris, 1892.
- Нузхат ал-кулуб — The geographical Part of the Nuzhat al-Qulubl, composed Hamd-Allah of Qazwin in 740 (1340) edited by G. Le Strange, London — Leyden, texte and transl. GMS, XXIII and XXIII, 2.

- Отби перс. — Перевод на персидский язык Абу-ш-Шарафа Насиха б. Зафар, под названием Тарджумэ-и-Тарих-и-Ямини, Тегеран, 1272 (=1855—56), литография.
- Рахат ас-судур — The Rahat us Sudur wa Ayat us-Surur by... al Rawandi ed... by Muhammed Iqbal, 1925, GM new S, II.
- Сиясет-намэ ИИИ — Ecole des langues orientales vivantes XIe serie vv. VII—VIII, 1891. Siasset-Nameh, traité de Gouvernement, composé pour le Sultan Melik `châh par le Vizir Nizam oulmouk, texte persan édité par Charles Schefer.
- Сиясет-намэ ТИ — Изд. Абд ар-Рахима Хальхали, Тегеран, 1313 (=1934) г.
- Сиясет-намэ рук. ИВ — Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР (Ленинград).
- Сиясет-намэ рук. ПБ — Рукопись Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- Табакат-и-Насири — The Tabaqat-i-Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-din Othman ibn Siraj al-din Sawzjani ad by W. Nassau Lees and Mawlani Khadim Hosain and Abd al-Hai, Calcutta, 1863—64 (Bibliotheca Indica).
- Табакат-и-Насири Raverty — Transl. . . by H. G. Raverty, London, 1881 (Bibliotheca Indica).
- Табари — Anales, cum aliis edidit M. S. de Goeje, Lugd. Batav. 1879—1901.
- Табари Nöldeke Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden... Leyden, 1879.
- Таджариб ас-салаф ТИ — Изд. Аббаса Икбал, Тегеран, 1313 (=1934—35) г.
- Тарих-и-гозидэ — Persian text, facsimile, 1911, GMS, XIV, 1.
- Тарих-и-джихан гуша — of Ala ud-din Ata Malik-i-tuwaini, GMS, XVI, 3, 1937... with... notes and indices by Mirza Muhammed ibn Abda' l-Wahnab Qazwini.
- Тарих-и-Сиястан — Изд. Малик аш-Шу'ара Бахар, Тегеран, 1314 (=1935) г.
- Фарс-намэ — The Fars-nama of Ibn ul-Balkhi, ed. by G. Le Strange and B. A. Nicholson, London, 1921.
- Фердоуси Mohl — Le livre des rois, texte, vv. I—VII, Paris, 1838—78, trad. vv. I—VII, Paris, 1876—1878.
- Фихрист — Muhammed ibn Ishak ibn Abi Ya'kub an-Nadini mit Anmerkungen herausgeg. von G. Flügel. Leipzig, 1871—72.
- Хаджи Хальфа — Lexicon Bibliographicum et encyclopedicum... ed latine vertit. G. Flügel, tt. I—VII, 1835—1858.
- Худуд ал-алем — Худуд ал-алем, Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда, 1930.
- Чахар-Макалә — GMS, XI, persian text, ed and annotated by Mirza Muhammed, 1910.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Аарон, библ. 73
- Аббас, эпоним династии халифов аббасидов 17, 19, 51, 189
- Аббасиды, халифы 157, 173, 222, 228, 267, 273, 330, 333
- Абдаллах б. Аббас 164, 165
- Абдаллах б. Амр 343 прим. 298
- Абдаллах б. Джафар ас-Садик 339 прим. 371
- Абдаллах б. Меймун Каддах 207, 208, 221, 297, 333, 340, прим. 374; 341, 344, 348
- Абдаллах б. Мубарик 224
- Абдаллах б. Омар ал-Хаттаб 15, 165, 251, 275
- Абдаллах б. Тахир, эмир 49, 225, 253, 267, 279, 320 прим. 97; 350 прим. 468 и след.
- Абдаллах б. ал-Хусейн см. Обейдаллах б. ал-Хусейн, фатимид
- Абдаллах Зафарани 209
- Абдаллах Кавкаби 211, 342 прим. 391
- Абд ал-Малик, мустауфи 290
- Абд ал-Малик б. Мерван, халиф омейяд 294
- Абд ал-Малик I б, Нух, саманид 286, 323, 329
- Абд ар-Рахман, дядя Алп-Арслана 141, 142, 261, 288, 289
- Абу-Аббас Фазл см. Абу-л-Аббас Фазл
- Абу-Абдаллах Мухтасиб 218, 344 прим. 413, 345 прим. 416, 417 и 418
- Абу-Абдаллах аш-Шии см. Абу-Абдаллах Мухтасиб
- Абу-Али ад-Даккак 49, 254, 280
- Абу-Али Мервези 219, 343, 346
- Абу-Али Мухаммед б. Ильяс, эмир 49, 50, 66, 68, 69, 72, 254, 280, 282—284
- Абу-Али Мухаммед б. Харун 219, 346 прим. 431
- Абу-Ашас 212
- Абу-Бекр, первый праведный халиф 164, 172, 182, 183, 264, 336
- Абу-Бекр (?) 344 прим. 410
- Абу-Бекр б. Ахмед б. Али б. Сабит, богослов 164, 165, 333 прим. 289
- Абу-Бекр Мухаммед б. Закария ар-Рази см. Мухаммед Закария
- Абу-Бекр Нахшаби 212
- Абу-Бекр Садик 173
- Абу-Билал Хамдан см. Абу-Билал Хареджит
- Абу-Билал Хареджит, Дар ал-адл 213, 219, 297, 346 прим. 426
- Абу-д-Дарда 165
- Абу-Джафар см. Абу-Джафар Кабир
- Абу-Джафар Кабир 210, 342 прим. 389
- Абу-Джафар Мансур см. Мансур, халиф
- Абу-Джафар Мухаммед б. Наср 120, 121, 328, 329 прим. 211

* Указатели составлены А. И. Фалиной.

- Абу-Дулаф ал-Касим б. Иса Иджли 224, 225, 349 прим. 462
- Абу-Закария 219, 346 прим. 427
- Абу-Исхак Мухаммед ал-Мутасим биллах см. Мутасим, халиф
- Абу-л-Аббас Абдаллах б. Тахир б. ал-Хусейн см. Абдаллах б. Тахир
- Абу-л-Аббас Фазл б. Абу-Саид Джаннаби 347 прим. 440
- Абу-л-Ахмед ал-Муваффах биллахи, халиф 276
- Абу-л-Гарра б. Абу-Муслим 224, 298, 351
- Абу-л-Касим Исмаил б. Аббад д. Ахмед б. Идрис ат-Таликани 293, 332 прим. 275
- Абу-л-Касим Мухаммед б. ал-Хасан ал-Махди, имам 205, 206, 296, 338 прим. 365
- Абу-л-Касим Обейдаллах б. Ахмед б. Хордадбех 133, 288, 330 прим. 237
- Абу-л-Касим Саид 347 прим. 440
- Абу-Мансур Чагани 212, 343 прим. 399
- Абу-Муса Абдаллах б. Кейс ал-Ашари 165, 166, 334 прим. 301
- Абу-Муслим 205, 224, 229, 296, 293, 338, 350—352
- Абу-Мухаммед ал-Хасан б. Мухаммед ад-Дихистани 292
- Абу-Наср 306
- Абу-Наср Ахмед, мустауфи 290, 298
- Абу-Наср Ахмед б. Исмаил см. Ахмед б. Исмаил, саманид
- Абу-Наср Кундури, вазир 173, 292, 294, 334 прим. 318
- Абу-Наср Мишкан 308
- Абу-Саид 221, 348 см. Обейдаллах, фатимид
- Абу-Саид, мейхенейский старец, суфий 280
- Абу-Саид Джаннаби ал-Хусейн б. Бахрам 220, 222, 223, 265, 293, 301, 302, 347 прим. 437 и 439
- Абу-Саид Магриби см. Обейдаллах, фатимид
- Абу-Саид Масуд б. Махмуд см. Масуд, газневид
- Абу-Саид аш-Шарани 341 прим. 387; 342
- Абу-Саид Хасан Басри см. Хасан Басри
- Абу-Сахль 306
- Абу-Суфийн 344 прим. 413
- Абу-Талиб Рустам б. Фахр ад-дауля, Маджд ад-дауля, бовейхид 67, 282, 283
- Абу-Тахир Сулейман б. Абу-Саид Джаннаби 220—222, 265, 298, 301, 302, 347 прим. 440; 348
- Абу-Умамэ 164, 333 прим. 291
- Абу-л-Фазл Сагзи 72, 322 прим. 135
- Абу-л-Фарадж Кудам 291, 316
- Абу-л-Фатх Малик-шах б. Мухаммед см. Малик-шах
- Абу-Хатим Батини 209, 210, 341 прим. 383; 342 прим. 389
- Абу-Хорасан 168
- Абу-Шам 348
- Абу-Шуджа 284, 285, 324
- Абу-Якуб Исхак 347 прим. 440
- Абу-Яхья Закариа б. Мухаммед ал-Казвини см. ал-Казвини
- Авраам, библ. 250
- Аглаб, эпоним династии Аглабидов 218
- Адам, библ. 44, 179, 192, 335
- Азуд ад-дауля Фана-Хусрау Рукн ад-дауля, бовейхид 78, 79, 81—86, 246, 256, 283—285, 303
- Анташ 212
- Айша, дочь Абу-Бекра, жена пророка Мухаммеда 67, 182, 183, 263, 336 прим. 331
- Акил б. Абу-Талиб 344 прим. 411
- Ала ад-дин, султан Рума 246
- Александр Македонский 32, 33, 63, 181, 252, 263, 257, 303
- Али см. Абу-Али Мервези

- Али б. Абу-Талиб, четвертый праведный халиф 131, 137, 164, 165, 260, 267, 329, 336
- Али б. Бовейх, Имад ад-даула, бовейхид 348
- Али б. Джафар ас-Садик 339 прим. 371
- Али б. Иса ал-Куми, эмир Исфакхна 226, 350
- Али б. Лейс 277
- Али б. Маздак (Али-и-Маздак, Али б. Маздакан) 225, 226, 299
- Али б. Мухаммед Буркан 220, 223, 265, 298, 346 прим. 433
- Али б. Шарвин 219, 346 прим. 430
- Али б. Хусейн Мерверуди см. Абу-Али Мервези
- Ал Вахсудан 218, 345 прим. 419
- Али Джамал ад-дин 245
- Али Заррад 219, 343 прим. 402
- Али Нуштегин (или Ахмед б. Али Нуштегин) 47, 48, 253, 280
- Алп-Арслан, султан, сельджукид 72, 102, 158, 162, 166, 173, 241, 242, 255, 262, 286, 289, 293, 306, 313, 334
- Алптегин, эмир 111—123, 258, 261, 286—288, 327—329
- Алгунташ, эмир 230, 231, 265, 352 прим. 490
- Амр см. Амр ибн-Лейс
- Амр б. ал-Ала 224
- Амр ибн-Лейс 20—22, 219, 251, 268, 275—278, 315 прим. 30, 316, 345, 346
- Ануширван, Справедливый см. Хосров I Ануширван
- Ардашир Бабекап, сасанид 45, 63, 173, 174, 270, 235, 303, 320 прим. 35; 324
- Ардум 163, 166, 262, 293
- Аристотель 33, 252, 269, 303
- Асаф б. Бархна 173
- Ауфи 249, 275, 278, 279, 281, 282, 234, 285, 288—290, 293—295, 303
- Афаридун 63, 319 прим. 82
- Афрасиаб 12, 173, 181, 263
- Афшин Хейдар б. Кавус 226, 227, 349, 350 прим. 476
- Ахемениды 336
- Ахмед, штопальщик 88
- Ахмед б. Абдаллах б. Меймун 217, 221, 344 прим. 412 и 413, 345
- Ахмед б. Али, эмир Рея 210, 342 прим. 390
- Ахмед б. Бовейх 284
- Ахмед б. Исмаил Абу-Наср, саманид 114, 286, 293, 332 прим. 271
- Ахмед б. Кармат см. Кармат
- Ахмед б. Халаф 203, 209
- Ахмед б. Хасан см. Шамс ал-Куфат
- Ахмед-и-Абд ас-Самад 305, 303
- Ахмед-и-Хасан Мейменди см. Шамс ал-Куфат
- Ашас 344
- Ашаш 212
- Аштар 103
- Аш'ас б. Мухаммед 329
- Бабек 220, 224—228, 265, 298, 299, 301, 349 прим. 464, 350
- Базид см. Барбед
- ал-Бакри 314
- Баламиды 173
- Барбед 133, 260, 270, 288
- Баркиарук б. Малик-шах, Руки ад-дуниа ва-д-дин 159, 292, 309, 310, 313
- Бармак 335 прим. 320
- Бармакиды 173, 335 прим. 320
- Бартольд В. В. 241, 249, 277, 281, 287, 291, 294, 295, 315, 317—319, 324—326, 328—330, 335, 337, 338, 341—345, 352
- Бахрам см. Бахрам-Гур
- Бахрам-Гур 25—28, 30—32, 173, 252, 269, 278, 279, 316, 317, 334
- Бахрам Чубин, ваизр 75, 76, 256, 270, 284, 285, 314
- Ба-Хорасан см. Абу-Хорасан
- Бейдави 335

- Бейхаки, Абу-л-Фазл 273, 280, 285,
287—290, 292, 303, 305, 306, 308,
316—319, 323, 325, 327, 331
- Бекрек 141, 289
- Белазори 349
- Березин И. Н. 332
- Бесс, сатрап Бактрии 336 прим. 329
- Бигиш 219
- Бильгя-тегин 286
- Бируни 314
- Бсвейхиды 262, 267, 282, 291, 342, 348
- Бондари 305, 310, 313, 317, 322, 332, 333
- Браун Э. (E. Browne) 248
- Бу-Абдаллах Мухтасиб см. Абу-Абдал-
лах Мухтасиб
- Бу-Али см. Абу-Али Ильяс
- Бу-Али см. Абу-Али Мервези
- Бу-Али Илиас см. Абу-Али Мухаммед
б. Ильяс
- Бу-Ашас см. Абу-Ашас
- Бу-Бекр Нахшаби см. Абу-Бекр Нах-
шаби
- Бу-Билаал см. Абу-Билаал
- Бу-Джафар см. Абу-Джафар
- Бу-Джафар Кабир см. Абу-Джафар
Кабир
- Бу-Дулаф см. Абу-Дулаф
- Бузурджмихр 142, 173, 182, 186, 263,
264, 303, 331
- Бузурджумид 168
- Бу-Мансур Чагани см. Абу-Мансур
- Бу-Муслим см. Абу-Муслим
- Бу-Наср см. Абу-Наср
- Бу-Наср Ахмед см. Абу-Наср Ахмед
- Буркаи см. Али б. Мухаммед Буркаи
- Бу-Саид см. Абу-Саид Магриби
- Бу-Саид см. Обейдаллах, фатимид
- Бу-Саид Джаннаби см. Абу-Саид Джан-
наби
- Бу-Сахль см. Абу-Сахль
- Бу-Тахир см. Абу-Тахир
- Бу-Хатим см. Абу-Хатим
- Бухари 334
- Васик, халиф, аббасид 46, 228, 253,
265, 279, 280, 299, 302
- Васильев А. А. 282
- Веселовский Н. 352
- Габрэ (или Гарвэ) 222, 343
- Гавриил, архангел 14, 98, 250, 387
- Газали 246, 279, 280, 282, 350
- Газневиды 267
- Гардизи 277, 318, 324
- Гарсиваз (брат Афрасиаба) 181
- Гаффаров А. А. 320
- Гиас 208, 209, 212, 341, 342
- Гиас ад-дуниа ва-д-дин см. Мухаммед
б. Малик-шах
- Гударэ 173
- Гушгасп 173, 201, 279
- Давид, библ. 234
- Дарий 32, 252, 263
- Дарий, сын Дария царя Аджамы, (Да-
рий III), ахеменид 181, 182, 336
прим. 329
- Дастгирди Вахид 351
- Джабир б. Абдаллах б. Амр Ансари
164, 333 прим. 296
- Джамасп 173, 318 прим. 69
- Джафар б. Бармак, легендарный 174—
176, 178, 263, 294, 335
- Джафар б. Бармак (или Джафар барма-
кид) 294, 335 прим. 320
- Джафар Курд 350
- Джафар ас-Садик, имам 207, 339 прим.
371, 340 прим. 372
- Джелал ад-дин, титул см. Малик-шах
- Джемшид 319 прим. 82
- Джумхур Иджали 206, 339 прим. 367, 368
- Джавери 278, 282, 316, 349, 350
- Дози (Dozy) 319—321, 326, 339, 345, 346
- Дорн Б. (Dorn B.) 243, 247, 313, 318
- Ева 179, 335
- Зардушт см. Зороастр
- Зарэ 318 прим. 69

- Захаби 299
 Захак 319 прим. 82
 Заходер Б. Н. 242, 276, 280
 Зеварь 173
 Зейд б. Аслам 149, 150, 287, 331 прим.
 251
 Зейд б. Али б. Ал-Хусейн 333
 Зикравейх б. Микравейх 213, 345 прим.
 471
 Зикравейх Сахиб ал-хал см. Зикравейх
 б. Микравейх
 Зикри см. Абу-Закария
 Зороастр 190—194, 196, 201, 272, 337
 Зубейда, жена Харун ар-Рашида 148,
 149, 261, 271
 Зубейриды 207
 Зурейк б. Али б. Садакэ 225, 349 прим.
 467
- Ибн-Аббад см. Абу-л-Касим Исмаил
 б. Аббад
 Ибн-Аби-р-Раджал Балуси 233
 Ибн-Аби-с-Садж 342 прим. 390
 Ибн-ал-Асир 287, 292, 293, 309, 310,
 313—316, 327—329, 331, 338, 340—
 342, 344—347, 343—350
 Ибн-Биби 245
 Ибн-Исфендиар 245, 246
 Ибн-Мискавейх 230, 283, 284, 237, 293,
 302, 329, 342, 345, 347, 348
 Ибн-Омар 62, 254
 Ибн-Савадэ 212, 217, 343 прим. 397
 Ибн-Тиктак см. Сафи ад-дин Мухаммед
 б. Али
 Ибн-Халдун 347
 Ибн-Халлиган 330, 334
 Ибн-Хордадбех 260
 Ибрахим, дед Иосифа, библ. 14, 137 (?)
 Ибрахим б. ал-Аглаб ат-Тамими 345
 прим. 418
 Ибрахим б. Масуд, султан, газневид
 43, 253, 273, 230, 300
 Иджи, род 350
- Иездан 35
 Иездегерд I, сасанид 45, 46, 279, 296,
 320 прим. 85
 Иездегерд III, сасанид 173, 232, 265,
 327, 352 прим. 495
 Иездежерд см. Иездегерд III
 Иисус Христос 173, 200, 348
 Иль-Бек, хан Туркестана 269
 Ильясиды 230
 Имад ад-дин ал-Катиб ал-Исфагани
 245
 Иностранцев К. А. 319, 321, 323, 326
 Иосиф, библ. 14, 250, 251, 266, 268
 Исаак б. Алптегин 286
 Исмаил б. Ахмед, саманид 17, 20—23,
 63, 159, 218, 219, 251, 258, 269,
 275—278, 297, 314, 315, 332 прим.
 271, 345 прим. 423 и 424, 346
 Исмаил б. Джафар ас-Садик 207, 339
 прим. 371
 Исмаил Мухьби ад-дуниа ва-д-дин см.
 Исмаил, саманид
 Исмаил б. Саад 165
 Исмаил б. Себуктегин, газневид 287
 Исмаил б. Ягути б. Давуд сельджукид
 292
 Истахри 277, 315
 Исхак б. Ибрахим 211, 225, 350 прим.
 473
- Кавад см. Кубад б. Фируз
 Кавурд, сельджукид 284
 Кадир см. ал-Кадир
 ал-Кадир биллах, аббасид 153, 157, 290
 ал-Казвини, Абу-Якъя Экарий б. Му-
 хаммед 246, 293, 294
 Казвини, Мухаммед 324, 338, 341
 Караханиды 285, 325
 Кармат 207, 340 прим. 373, 341 прим
 377 и 378, 347
 Карматуйэ см. Кармат
 Карун 200, 338, прим. 353
 Кахир, халиф 348

- Кебек, хан 323, 343
 Кей-Каус 130, 131, 253, 294
 Кей-Кубад 278
 Кей-Хосров 173, 185, 264
 Кирсиф 182, 183, 264, 294, 336
 Кисра-Бахрам 278
 Кристенсен А. (Christensen A) 249, 295, 296, 323, 337, 333
 Кубад *см.* Кубад б. Фяруз
 Кубад б. Фяруз, царь, сасанид 24, 34, 190—204, 272, 273, 317, 318, 338
 Кубэк *см.* Лавик
 Кулаковский Ю. А. 325
 ал-Кундури *см.* Абу-Наср Кундури, вазир
 Кутис, кесарь 281
- Лавик 119, 120, 328 *прим.* 207
 Лукман, мудрец 62, 254, 266
- Мавлана-заде 287
 Маджд ад-даула *см.* Абу-Талиб Рустам
 Маджд ал-мульк, Абу-л Фазл Ас'ад б. Мухаммед 7, 258, 308, 310, 313 *прим.* 7
 Маздак 10, 35, 190—206, 210, 220, 222, 229, 245, 246, 264, 272, 295, 296, 298, 301—303, 336, 337 *прим.* 343, 338
 Мазнар Гябр 228, 265, 350
 Макан б. Каки 342 *прим.* 390
 Макил 225
 Малик-шах, б. Махмуд Абду-л-Фатх 7, 159, 173, 241, 242, 244, 247, 268, 291, 292, 300, 307—310, 313 *прим.* 3, 330
 Мамун, халиф аббасид 63, 139, 143, 146, 185, 224, 225, 260, 251, 264, 289, 330, 349
 Манат, идол 331
 Мансур абу-Джафар, халиф аббасид 205, 206, 280, 338, 339
 ал-Мансур *см.* Мансур, халиф
 Мансур б. Нух, саманид 114—117, 286, 328, 329
- Мансур Чагани 344 *прим.* 410
 Марзаниды 222
 Мардавидж б. Зияр Джили 210, 342 *прим.* 393
 Марков А. 291, 292
 Маркс К. 241
 Масуд *см.* Масуд б. Махмуд
 Масуд б. Махмуд, султан газневид 151, 162, 233, 265, 271, 282, 287, 308, 313, 332, 352
 Масуди 351
 Махди *см.* Абу-л-Касим Мухаммед б. ал-Хасан
 Махди, халиф аббасид 224, 349 *прим.* 459
 Махди *см.* Обейдаллах б. ал-Хусейн, фатимид
 Махди Фяруз *см.* Фяруз, сын Фатимы
 Махмуд Гази, султан газневид 47, 48, 50, 63, 66, 69—72, 74, 87—90, 107, 111, 122, 123, 151, 153, 154, 157—159, 162, 169, 170, 173, 230, 231, 233, 253, 254—256, 258, 262, 263, 265, 267, 270, 271, 280—291, 293, 303, 320, 323, 332, 352
 Махмуд б. Себуктегин *см.* Махмуд Гази
 Де'Мейнар (Barbier de Meynard) 337
 Мерван 174
 Минучиhr 173
 Михр Нарсэ 279, 334 *прим.* 317
 Моисей, библ. 136, 151, 173, 191, 200, 262, 266, 289, 290, 331, 338, 348
 Муавиа, халиф омейяд 132, 259, 330
 Муaid ад-даула, бовейхид 293, 332
 Муaid ал-Мульк б. Низам ал-Мульк 313
 Мубарик (Мубарак) 207, 208, 340 *прим.* 373
 Муваффах, аббасид 220, 346
 Муиз ад-дуниа ва-л-дин, титул *см.* Малик-шах
 Муизви, поэт 292, 304
 Мукаддаси 277, 332, 337
 Муканна *см.* Муканна Мервези

- Муканна Мервези 223, 265, 301, 302, 343, 346, 349 прим. 454
 ал-Муктади би-амриллах, халиф аббасид 159, 291
 Муктадир, халиф аббасид 221, 347
 Муса б. Джафар ал-Казим, шиитский имам 203, 339 прим. 371; 341 прим. 378
 Мутазид биллахи, халиф 246, 281, 285, 347
 ал-Мутамид аллиллахи Ахмед, халиф аббасид 18
 Мутамид, халиф аббасид 220
 Мутасим, халиф аббасид 51, 58, 59, 63, 220, 225—228, 246, 265, 281, 282, 321 прим. 106, 347, 349
 Мутаххар 351
 Мухаммед, пророк 7, 28, 62, 143, 172, 173, 189, 220, 229, 263, 266, 273, 329—331, 336, 337, 348
 Мухаммед *см.* Мухаммед Магриби
 Мухаммед б. Абдаллах б. Меймун 344 прим. 412, 345 прим. 415
 Мухаммед Алави Буркаи *см.* Али б. Мухаммед Буркаи
 Мухаммед Араби, сипах-салар 47, 280
 Мухаммед б. Ахмед б. Абдаллах б. Меймун 217, 334 прим. 414, 345 прим. 415
 Мухаммед б. Ахмед Нахшаби 212, 213, 217, 273, 276, 295, 297, 301, 302, 303, 342, 343, 344 прим. 409
 Мухаммед б. Башир 315
 Мухаммед б. Джафар ас-Садик 339 прим. 371
 Мухаммед б. Зейд 345
 Мухаммед б. Исмаил б. Джафар ас-Садик 207, 339 прим. 371, 340 прим. 372
 Мухаммед б. Малик-шах 11, 244, 292, 300, 308—310, 314 прим. 11, 353
 Мухаммед б. Хамид ат-Тай 225, 349 прим. 465, 350
 Мухаммед б. Харсум 218, 219, 345 прим. 423
 Мухаммед Закария 208, 341 прим. 379
 Мухаммед Ибрахим 284
 Мухаммед Магриби, каллиграф 236, 244, 245, 309, 310
 Мухаммед Мустафа *см.* Мухаммед, пророк
 Мухаммед Насих *см.* Мухаммед Магриби
 Мухаммед Нахшаби *см.* Мухаммед б. Ахмед Нахшаби
 Мухаммед Низам ад-дин 246, 249, 278, 279, 281, 282, 284, 285, 288—290, 293—295, 303
 Мухаммед Рази *см.* Мухаммед Араби, сипах-салар
 Мухаммед Харави *см.* Абу-Али Мухаммед б. Харун
 Мушаттаб, хаджэ 164, 165, 333 прим. 289
 ан-Насафи *см.* Мухаммед Нахшаби
 Наср *см.* Наср б. Ахмед
 Наср б. Ахмед, саманид 114, 212—216, 219, 286, 332 прим. 271, 342, 344 прим. 408
 Наср-и-Ахмед *см.* Наср б. Ахмед
 Наср-и-Хосров 284
 Наср Хаджи 327 прим. 190
 Наср ал-Хареджи *см.* Наср Хаджи
 Нахшаби *см.* Мухаммед б. Ахмед Нахшаби
 Нёльдеке Т. (Nöldeke Th.) 243, 249, 276, 284, 286, 290, 293—295, 300, 314, 315, 318, 320, 322
 Нершахи 314, 316, 320, 321, 326, 329, 338, 343, 345, 346, 349
 Низам ал-Мулэк, вазир 7, 8, 10, 102—104, 142, 158, 173, 242, 244—250, 266, 276, 280, 281, 285, 292, 294, 299, 300, 301, 302, 304, 305—311, 313—315, 334, 353
 Низами Гянджеви 278, 279, 294, 317
 Низам-и-Аруда Самарканди 304

- Нух б. Наср, саманид 113, 114, 215, 216, 270, 286, 328, 329, 332 прим. 271, 344 прим. 408
- Нуширван, Нуширван Справедливый, см. Хосров I Ануширван
- Обейд Хейфи 205
- Обейдаллах б. ал-Хусейн, фатимид 217, 218, 221, 223, 297, 345 прим. 416, 348 прим. 446
- Окба б. Амир 164, 333 прим. 295
- Омар, второй праведный халиф 62, 149, 150, 164, 165, 171, 172, 182, 186, 232, 251, 261, 263—265, 273, 289, 331
- Омар б. Абд ал-Азиз, халиф омейяд 63, 233, 255, 266, 282, 322 прим. 122
- Омар ал-Хаттаб см. Омар, второй праведный халиф
- Омейяды 330
- Осман, третий праведный халиф 165
- д'Оссон (D'Ohsson) 291
- Отби 285, 289—291, 293, 327
- Парвиз см. Хосров II Парвиз
- Патканов К. 291
- Перч В. (Pertsch W.) 245, 313
- Пиран б. Висэ 173, 181
- Пири 236
- Раванди 289, 305, 310, 313, 314, 320
- Раверти (Raverty) 277, 327, 328
- ар-Рази, Ахмед 343
- Рази, халиф аббасид 223, 348
- Раст Равиш 25, 27, 28, 30, 31, 252, 269, 279
- Рафи б. Харсум 345 прим. 423
- Рашид см. Харун ар-Рашид
- Рашид ад-Дин 332 прим. 267
- Рашид Хаджи 151, 271, 290
- Рашид Чачи см. Рашид Хаджи
- Рихтер Г. (Richter G.) 285, 303
- Розен В. Р. 314—318, 330, 345
- Рустам б. ал Хусейн 344 прим. 413
- Рустем 173, 180, 181
- Рье Ш. (Rieu Ch.) 245, 248, 311, 313
- Саад б. Ваккас 171, 172, 263, 334 прим. 314
- Саалиби 278
- Саад б. ал-Хусейн см. Обейдаллах б. ал-Хусейн
- Саади 304
- Савадэ см. Иби-Савадэ
- Садакэ б. Али Садакэ см. Зурейк б. Али б. Садакэ
- де'Сазы С. (de'Sasy S.) 333, 339, 340, 351
- Саид см. Обейдаллах б. ал-Хусейн
- Сам 173
- Саманиды 96, 110, 115—117, 121, 123, 139, 158, 173, 260, 262, 267, 280, 286, 287, 314, 324, 330, 332 прим. 271
- Санан Газневи, поэт 275
- Санджар 309
- Сар-Шир 342 прим. 392 и 393
- Сасан 206
- Сасаниды 182, 260, 263, 267, 320, 322, 330, 335, 352
- Сафи ад-дин Мухаммед б. Али б. Табатаб 246
- Саффариды 267, 275, 277
- Сахиб-Аббад, Кафи ал-куфат 158, 168—170, 173
- Сахиб-Исмаил б. Аббад см. Сахиб-Аббад
- Сахиб Кафи см. Сахиб-аббад
- Себуктегин 50, 111, 112, 117—119, 121—123, 258, 286—288, 291, 292, 327
- Сейд б. Ал-Хусейн см. Махди, халиф
- Сейд Обейдаллах см. Обейдаллах б. ал-Хусейн
- Сельджуки 7, 72, 241, 267, 322
- Сиавуш б. Кей-Каус 180, 181, 263, 294,

- Симеон, биба. 173
 де'Слен (Mac Guckin de 'Slane) 315, 352
 Сократ 296
 Соломон, сын Давида, биба. 173, 174
 Спрзведливый эмир саманид см. Ахмед б. Исмаил саманид
 Судаба 180, 181, 263, 294
 Сулейман 173
 Сулейман б. Абд ал-Малик, халиф омейяд 173—176, 178, 263, 294, 335
 Сумбад Гябр 10, 205, 206, 264, 296, 297, 301, 302, 333 прим. 362, 339 прим. 368
 Суруш 195, 201, 337 прим. 349
 Суфиан б. Убайда 162, 393 прим. 292
 Суфиан Саури 62, 254, 322 прим. 118
 Табари 273, 275, 278, 279, 295—299, 302, 315, 318, 320, 322, 338, 339, 345, 346, 349, 350
 Тадж ад-дин ибн Дараст ал-Фариси см. Тадж ал-мульк
 Тадж ал-мульк, мустауфи 7, 308, 310, 313 прим. 6
 Танухи 231
 Тахир ибн-Лейс 277
 Тахир ибн-ал-Хусейн 303
 Тахириды 320
 Тизенгаузен В. Г. 291, 298
 Тогрул-бек султан сельджукид 135, 162, 173, 241, 260, 293, 306, 330
 Томарра М. 293
 Туган 118, 119
 Тулун 213
 Туркан-хатун, жена Малик-шаха 310, 313
 Умара б. Хамза 46, 253, 279
 Умейя 174
 Ум-Сальма 165, 333 прим. 300
 Унсур 234
 Фазл, бармакид 335 прим. 320
 Фазл б. Сахль б. Абдаллах, вазир 139, 260, 330
 Фаиз ал-Хасан Фаизи (Faiz ul-Hasan Faizi) 249
 Фархад 182, 263, 294
 Фатима, дочь Абу-Муслима 351
 Фатима, дочь Мухаммеда 165, 329
 Фатимиды 301, 347, 417
 Фахр ад-дауль Абу-л-Хасан Али, бо-вейхид 163, 169, 170, 173, 263, 293, 332
 Феофил, император 232
 Фирдауси 273, 279, 294
 Фируз, сасанид 197, 278, 318
 Фируз, сын Фатимы, дочери Абу-Муслима 229, 351
 Фирус-Харун см. Фируз, сын Фатимы
 Флейшер (Fleischer) 335
 Фузейл б. Иаз 51, 254, 321 прим. 104
 Хаджи Хальфа 247, 248, 302, 307
 Халаф 208—210, 342 прим. 339
 Халид, бармакид 335 прим. 320
 Халладж ал-Кутн 341 прим. 383
 ал-Хальвани 344 прим. 413
 Хальхали, Абд ар-Рахман 243, 250
 Хаман 136
 Хамдан б. ал-Аш'ас см. Кармат
 Хамдан-Кармат см. Кармат
 Ханьков Н. 351
 Харун см. Фируз-Харун
 Харун ал-Харун ар-Рашид
 Харун ал-Хариджи 341
 Харун ар-Рашид, халиф аббасид 63, 148, 149, 205, 207, 224, 261, 288, 294, 296, 298, 301, 321, 335, 340
 Хасан б. Али ал-Утруш 342 прим. 390
 Хасан Басри 62, 254, 322 прим. 120
 Хатим Таи 137, 260, 330 прим. 234
 Хафса, дочь Омара, жена пророка Мухаммеда 182, 263, 336 прим. 331
 Хашим б. Абд-Манаср 330
 Хашим б. Хаким Муканна из Мерва см. Муканна Мервези
 Хидал б. Мухассин 321
 Хиндушах б. Санджар 246, 281

- Хордадбех *см.* Абу-л-Касим Обейдаллах
Хордэ-Руз 173
- Хосров I Ануширван, сасанид 10, 34,
35—43, 63, 139, 173, 186, 190, 193—
204, 253, 260, 264, 269, 272—274,
279, 285, 288, 303, 317, 331, 333
- Хосров II Парвиз, сасанид 75, 76, 138,
182, 256, 260, 263, 270, 284, 285,
294, 303, 322 прим. 138
- Христос *см.* Иисус Христос
- Хурмуз 279
- Куррамэ, дочь Фадэ, жена Маздака
29, 205, 301
- Хусейн б. Абдаллах Меймун 348
- Хусейн б. Али б. Абу-Талиб 182, 259,
329
- Хусейн б. Али Мервези 209, 212, 301,
342
- Хусейн Малик 213, 343 прим. 402, 344
прим. 410
- Ц**амбаур (Zambaur) 292, 313, 330, 334
- Ч**агры-бек-Давуд 271
- Ш**амс ал-Куфат, Ахмед б. Хасан Мей-
манди, вазир 50, 159, 173, 231, 254,
265, 281, 305, 306, 303, 332 прим. 276
- Шамс ал-Мульк, Наср б. Ибрахим, ка-
раханид 103, 104, 257, 285, 286
- Шараф ал-Мульк, мустауфи 7, 308, 310,
313 прим. 5
- Шарвин б. Вардаванди 210
- Шахристани 294, 337—340, 349, 350,
352
- Шефер Ш. (Schefer Ch.) 243, 246, 248—
250, 279, 289, 291, 292, 304, 313—
315, 322, 325, 327, 328, 330, 332,
333, 335, 336, 349, 353
- Шир-Барик 119
- Ширин 182, 263, 294
- Шмидт А. Э. 350
- Э**двардс Э. (Edwards E.) 249
- Энгельс Ф. 241
- д'Эрбело 247, 232
- Ю**сиф 182—185, 294, 336
- Юсти (Justi) 328
- Я**куб *см.* Якуб ибн-Лейс
- Якуб ибн-Лейс, саффарид 17—20, 218,
251, 263, 275—277, 297, 298, 314,
315 прим. 24, 29, 325, 346
- Якуб Саффар *см.* Якуб ибн-Лейс
- Якут 334, 343
- ал-Ямани 302
- Яхья, бармакид 335 прим. 310
- Яхья, еретик 163, 293
- Яхья, саманид 346
- Яхья б. Аксам, кази 228, 265, 350 прим.
481
- Яхья ат-Тамими *см.* Яхья б. Аксам

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния** 167
Абэ (или **Авэ**) 163, 208, 333 прим. 285
Азербайган см. **Азербайджан**
Азербайджан 10, 36—40, 167, 210, 224, 225, 253, 265, 269, 279, 292, 319, 341, 342, 349
Александрия 149, 271
Алеппо 223
Амория 282, 350
Аму см. **Амуль**
Аму-Дарья 328
Амуьэ 113
Амуль 177, 315, 321, 323, 335
Анбар 171
Ангрен, река 343
Андалусия 189
Антакия 167
Аравия 314
Армения 167, 349
Арраджан 347, 350
Арран 334
Афганистан 237, 345, 352
Афравэ, крепость 271
Африка, Северная 297, 340, 345
Ахваз 207, 220, 280, 340, 351
Багдад 15, 17, 18, 51, 52, 53, 59, 80, 82, 144, 146, 151, 157, 160, 205, 207, 220, 223—225, 227, 236, 244, 250, 251, 268, 275—277, 281, 314—316, 332, 342, 347—349
Бадахшан 149, 271
Бактрия 336
Баласагун 167, 214, 217, 343 прим. 406
Балур 271
Балх 21, 117, 120, 121, 156, 157, 174, 180, 181, 327—329, 335, 344
Бамнан 116
Бардсир, крепость 284
Басит 171
Басра 171, 208, 217, 220, 223, 265, 280, 298, 341, 349
Бахрейн 10, 220, 221, 223, 265, 298, 324, 347, 349
Бейт ал-Муккадас см. **Иерусалим**
Белуджистан 328
Бербер 167
Биджапур 120, 329
Бикапур см. **Биджапур**
Буст см. **Кала-и-Бист**
Бухара 17, 20, 113—115, 117, 212, 213, 270, 230, 320, 327, 328, 343—345
Газна 48, 74, 119—121, 154, 156, 157, 223, 233, 253, 270, 280, 349
Газнин см. **Газна**
Ганафэ см. **Джаннаба**
Гарджистан (**Гарчистан**) 209, 218, 265, 345
Герат 75, 141, 209, 218, 219, 289, 297, 301, 345
Гилян 271
Гирэ 224, 228, 349 прим. 400
Гуджераг 329

- Гузганан 327
 Гульбун, селение 208
 Гур 209, 218, 219, 265, 297, 301
 Гурган 223, 224, 288, 298, 301
- Д**
 Дамаск 174, 176
 Дастэ 224
 Дейлем 78, 210, 345
 Деир ал-Акул 315
 Деир-Гячин 66, 68, 70, 322 прим. 128
 Деир-Джисс см. Деир-Гячин
 Дербенд 271
 Джаннаба 347
 Джейхун 21, 113, 117, 212, 315, 323
 Джуи-Муллан 219, 345 прим. 428
 Джунд-и-Шапур 277, 315
 Джурджан (Мухаммера) 277, 345, 349
 Динавер 350
 Дихистан 277
- Е**
 Европа 247, 341
 Египет 136, 170, 236, 237, 249, 264, 413
- Ж**
 Жасеп 271
- З**
 Завул 263
 Завулистан 119, 122, 268, 329
 Зандава, селение 326
- Й**
 Йезд 63
- И**
 Имен 189, 344, 345
 Иерусалим 149, 167, 334
 Илак 213, 343 прим. 402; 351
 Индия 67, 87, 116, 117, 120, 122, 123, 153, 167, 181, 237, 326
 Ирак 10, 17—20, 40, 50, 66, 67, 72, 153, 158, 167, 205, 207, 218, 222, 264, 269, 297, 301, 314, 325, 327, 331, 332, 334, 341, 345
 Иран 181, 282, 283, 314, 315, 318, 319, 331, 336, 337, 341, 347, 348
- Исфаган 10, 69, 70, 82, 85, 165, 189, 206, 210, 222—225, 228, 233, 244, 250, 265, 273, 295, 293, 299, 301, 309, 310, 331, 345, 349, 351
 Исфиджаб (Сафеджаб) 271
- К**
 Кабул 119, 263
 Казвин 225
 Кала-и-Бист 231, 277, 290, 327, 352 прим. 493
 Капулэ 224
 Каредж 349
 Карни (или Карни), селение 275, 277
 Карши см. Нахшаб
 Каспийское море 318
 Кашан 206, 341, 349
 Кашгар 149, 154, 155, 167, 271, 332
 Кашемир 272
 Керман 66, 68—70, 280, 282, 283, 326
 Китай (Хотай) 154, 155, 233, 324
 Константинополь 59, 281, 282, 350
 Кувал, город 195, 337 прим. 348
 Кул (Koul) см. Кувал
 Кум 203, 341, 349
 Кумис 339
 Куфа 149, 171, 208, 223, 271, 341, 344, 349
 Кух 225, 350 прим. 471
 Кухистан 10, 17, 20, 205, 207, 208, 225, 264, 297, 331, 341
 Кухистан-Иракский 341 прим. 377
- Л**
 Лякса 10, 220, 222, 223, 265, 293, 349
- М**
 Мавераннахр 17, 102, 116, 117, 120, 167, 212, 217, 223, 264, 265, 297, 325, 342, 349
 Магриб 10, 167, 217, 221—223, 233, 265, 344
 Маданн 37, 205, 253, 273
 Мазандеран 208, 334
 Махдиэ 19, 20, 251, 314, 315
 Мачин 167

- Медина 80, 149, 165, 207
 Мейманэ 209
 Мекка 80, 220, 222, 265, 271, 274, 347, 348
 Мерв 21, 271, 344, 352
 Мерверуд, город 151, 209, 219, 262
 Месопотамия 301, 302
 Мосул 341
 Мургаб 345
- Наин**, округ 284
 Насаф *см.* Нахшаб
 Нахраван, предместье 263
 Нахшаб 212, 343 прим. 398
 Нимруз 115, 116, 120, 123, 153, 167, 328, прим. 209
 Нашибуйэ *см.* Фишабуйэ
 Нишанур 21, 49, 74, 113, 114, 176, 205, 255, 264, 271, 296, 344
 Ноубахар 174
- Оболла** 321
- Палестина** 241
 Парс *см.* Фарс
 Персидский залив 283, 324
 Персия 319
- Рей** 68, 69, 163, 205, 206, 208—212, 223, 224, 256, 263, 282, 283, 293, 296, 302, 314, 331, 334, 338, 339, 341, 345, 346, 349
 Рум 59, 75, 80, 167, 181, 225, 227, 228, 265, 281, 282, 284, 235
- Савад** 171
 Савэ, город 333 прим. 285
 Саганиан 343 прим. 399
 Саламиэ 217, 344
 Самарканд 50, 103, 104, 115, 135, 154—157, 212, 260, 325, 330, 331, 344, 345, 351
 Себзевар 349
- Серахе 75, 114, 119
 Сиджилмасэ 228, 343
 Синай, гора 136
 Синд 167
 Сирия 10, 167, 189, 209, 217, 218, 223, 241, 265, 301, 341, 352
 Систан 17, 181, 231, 251, 268, 277, 284, 322, 328
 Сога 351
 Средняя Азия 241, 286, 321, 323, 343, 350, 351
 Сумнат 50, 68, 123, 153
 Сыр-Дарья 343 прим. 402
- Табарек**, гора 168, 263, 293, 334 прим. 309
 Табаристан 108, 176, 205, 208, 210, 224, 228, 331, 335, 339, 341, 342, 349
 Талекан 209
 Тармидаин 224
 Термез 117, 157
 Тигр 59, 60, 272
 Тохаристан 327—329, 343
 Туркестан 112, 115, 121, 135, 167, 181, 250, 262, 269, 277
 Туркестан Афганский 345
- Узгенд** 260, 330
 Урмия, гора 245
 Усрушана 350
- Фабик** 224
 Фарс 40, 107, 167, 195, 199, 200, 206, 225, 269, 272, 280, 326, 336, 345, 350, 351
 Фергана 333
 Фишабуйэ 208, 341 прим. 380
- Хамадан** 224, 331, 339
 Хата *см.* Кытай
 Химс 233, 266, 352
 Хиндустан 50

- Хорасан 10, 17—20, 40, 49, 67, 111,
114—117, 119—121, 123, 153, 159,
167, 169, 205, 207, 209, 212, 213,
217, 222, 224, 225, 233, 254, 264,
268, 269, 271, 280, 286, 297, 298,
306, 314, 320, 321, 325, 327—329,
332, 334, 341, 342, 349
- Хорезм 115, 116, 149, 210, 230, 231, 271,
331, 332
- Хотан 155
- Хузистан 10, 19, 171, 206, 220, 251, 265,
298, 346
- Хульм 117
- Хурре см. Гире
- Хутталян 117
- Ч**арджуй 328
- Чин 154, 223
- Чин и Мачен 167, 181
- Ш**ахристанэ 225
- Шаш 351
- Шираз 337, 348
- Эдесса 352
- Ю**зкенд 135, 155

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрэ** 230, 265, 352 прим. 491
Авеста см. **Зенд-Авеста**
Адаб 156, 174, 310
Аджам 16, 44, 172—174, 181, 192, 197, 251, 253, 279, 295, 314 прим. 20
Аджами 196, 314 прим. 20
Айаты 165
Айван 175, 195
Ал-хуррамия 296
Амал 316 прим. 45
Амид, амиды 61, 127, 158, 160, 233, 320, 331, 332
Амил 8, 24, 26, 43, 49, 74, 94, 106, 140, 160, 161, 167, 170—173, 205, 233, 235, 252, 253, 255, 261, 263, 316 прим. 45; 324, 334 прим. 313
Анван 111, 326 прим. 186; 327
Ариз 162, 212, 325, 332 прим. 280
Аркауниан 300
Атабек 242
Аташкадэ 174
Афтабэ 79, 81, 84—86, 323, прим. 144
- Баб** 306
Бар-салар 70, 322 прим. 132
Батвинты 10, 67, 163, 165, 189, 207, 209, 210, 212, 217, 220, 223, 224, 229, 264, 265, 273, 297, 301, 302, 314 прим. 10, 316 прим. 47, 336 прим. 339, 349 прим. 458
Бейт-ал-мал 24, 61, 63, 64, 331 прим. 252
- Белуджи** 66, 68—70, 72, 255, 282—284
Берат 231
Бистагани 106, 287, 325 прим. 177
Буркаиты 223, 419 прим. 458
- Вазир** 8, 23, 24, 103, 127, 159, 160, 171, 173, 174, 262, 263, 305, 306, 316
Вакиль 9, 93, 257, 324 прим. 155, 343 прим. 402
Вақф 149, 174
Висак 325 прим. 177
Висак-баши 111, 327 прим. 183
- Гази** 80, 149
Галийэ 349 прим. 456
Гелы 210
Гепарды 21, 315 прим. 33
Гулям, гулямы 8, 24, 25, 38—40, 51, 58, 72, 75, 77, 79, 100, 102, 109—112, 117, 120—122, 125, 126, 130, 132, 142, 154, 155, 159, 177, 203, 215, 219, 227, 231, 256, 258, 259, 270, 277, 286, 316, 321, 326, 327, 337, 339
Гулямы дворца 109, 110, 258, 286, 287, 325, 326
- Гябр** 162, 168, 171, 174, 190, 196, 205, 206, 222, 339
Гяз 88, 203, 317
- Дабир** 31, 67, 156, 162, 163, 166, 169, 171, 212, 219, 262, 316, 317 прим. 59

- Даи 268
 Дарай 111, 326 прим. 185
 Дастар 321 прим. 111
 Дейлемцы 67, 107, 108, 164, 210, 223
 Джаз 176
 Джаннабиты 223, 349 прим. 458
 Джуббэ 170, 321 прим. 111
 Джулаб 169, 214
 Диба 56, 89, 170, 203, 321 прим. 111
 Дивы 174, 196
 Динар 19, 23, 40, 85
   " магрибский 84
   " нишапурский 75, 90
   " халифский 51, 56
 Дирхем 19, 23, 87, 139, 219, 277
 Дихкан 152, 213, 331 прим. 260; 333
   прим. 284; 243
 Дихканство 317 прим. 50
 Дих-худа 163, 293, 333 прим. 284
Е
 Евангелие 222
 Ездан 318 прим. 70
З
 Заим 29, 317 прим. 54
 Занданичи 326 прим. 181
 Зенд-Авеста 190, 191—194, 337 прим.
   347 и 349
 Зинданиджи 110
 Зинджи 301, 341 прим. 378
 Зиндики 67
 Зякят 67, 209, 218, 228
И
 Иагма 300
 Изэд 318 прим. 70
 Икта 9, 34, 92, 105, 106, 108, 140, 257,
   318 прим. 66; 325 прим. 176
 Иктадар 318 прим. 66
 Иммамэ 321 прим. 111
 Исмаилизм 273, 339, 340 прим. 373; 342
   прим. 390
 Исмаилиты 223, 251, 263, 309, 339 прим.
   371
 Исмаилиты-асасины 242
 Ишраф 64, 322 прим. 125
К
 Кааба 206, 221
 Каба 50, 111, 233, 327 прим. 188
 Кадариты 165, 333 прим. 299
 Кадхуда 29, 162, 219, 319 прим. 79
 Казий 8, 44, 46, 49, 54, 79, 80, 82, 83,
   153
 Калем 168, 172, 207
 Караван-салар 70, 322 прим. 132
 Караджур 111, 326 прим. 183; 327 прим.
   188
 Карматы 10, 162, 207—209, 213, 214,
   218—220, 223, 264, 297, 298, 301,
   302, 336, 347—349
 Карматы-исмаилиты 276, 309, 340 прим.
   373
 Катиб ал-джунд 316 прим. 48
 Катиб ал-харадж 316 прим. 48
 Кибла 191, 206
 Коран 47, 61, 62, 101, 144, 156, 209,
   221, 222, 236, 261, 315
 Куджи 66, 68—70, 72, 255, 282—284
 Кулах 50, 167, 334 прим. 305
 Кунья 272, 333
 Куррабэ 85
 Курси 203, 341 прим. 376
 Кухандиз 344 прим. 408
 Куч 300
М
 Мадахгуй 309
 Маджлис 30, 317 прим. 57
 Маздакиты 200, 205, 206, 217, 218, 297,
   302, 336, 351
 Ман 21, 38, 87
 Махди 208, 209, 222
 Михраджан 44, 253, 279, 319 прим. 82
 Мубад, мубады 40, 45, 180, 191—200,
   272, 294, 337, 338
 Мубад-мубадов 45, 190, 320 прим. 84
 Мубайизэ 223, 349
 Мубарикиты 208, 223, 340, 349 прим.
   458
 Мувада'ат 306—308, 310
 Мукаддам 339 прим. 366

- Мукармат 207
 Мукта 8, 34, 35, 43, 67, 78, 140, 158,
 252, 262, 318 прим. 66, 324
 Мунши 317 прим. 59
 Мустауфи 160, 322, 343 прим. 401
 Мутазилизм 283
 Мутакаллим 212
 Мутасарриф 31, 162, 170, 171, 173, 317
 прим. 59
 Муфрад, муфрады 9, 99, 257, 324 прим.
 160
 Мухаккак 348 прим. 326
 Мухаммирэ 223, 349
 Мужтасиб 8, 44, 47—49, 168, 171, 253,
 280, 320 прим. 83
 Мушаббихиты 205, 338 прим. 363
 Мушриф 8, 33, 64, 252, 255, 318 прим.
 64; 322
- На**
 Надим 9, 37, 47, 94—96, 102, 104, 127,
 129, 143, 146, 173, 175, 213, 217, 257
 Надимство 94
 Накиб 91, 99, 256, 270, 287
 Нард 95, 168
 Наубат 143, 331 прим. 249
 Науруз 45, 253, 279, 319 прим. 82
- Н**
 Нэри 174, 181
- Р**
 Равандиты 223, 349 прим. 458
 Раис 8, 29, 49, 205, 213, 233, 271, 317
 прим. 53, 320, 343
 Рафизит, рафизиты 103, 104, 162—166,
 188, 205, 206, 263, 317, 333, 336, 347
 Рахиб 197, 337 прим. 344
 Рибат 66, 68, 105, 322 прим. 128
 Руста см. Рустак
 Рустак 277, 323 прим. 146
- С**
 Сабат 67
 Садакат ал-мамлакат 316 прим. 48
 Садакэ 26, 32, 316 прим. 48
 Сандиты 223, 349 прим. 458
 Салар 163, 167, 280
- Сарханг 29
 Сауканд 306
 Сахиб-барид 65, 255, 322 прим. 126
 Сахиб-хабар 8, 65, 66, 73, 322 прим. 126
 Сахиб-харадж 213, 343 прим. 401
 Сахиб-харас 289
 Сбирь 29, 146, 317 прим. 52
 Сипах-салар 36, 37, 47, 76, 94, 101, 102,
 127, 153, 195, 206, 213—216, 253,
 254, 262, 280, 320 прим. 91; 343
 прим. 403
 Сипах-саларство 111, 114
 Сулган 50, 62, 135, 281
 Сумбадиты 339 прим. 369
 Сунна 61, 209, 213, 315
 Сунниты 63, 218
 Сутудан 168
 Суфии 78, 256, 280, 321
- Т**
 Тайласан 218 прим. 420
 Талими (галимиты) 223, 349 прим. 457
 Таргу 154, 300, 334 прим. 267
 Тасарруф 171, 172, 334 прим. 313
 Тауки 306
 Тора 191, 222, 337 прим. 344
 Туграи 160, 332 прим. 280
 Туркмены 109, 112, 258
 Тюрок, тюрки 46—48, 51, 57, 58, 60,
 107, 109, 111, 120, 147, 153, 154,
 159, 162, 163, 213, 219
 Тюркское войско 67, 70
 Тюркский язык 62
- У**
 Улемы 159, 167
 Урду 300
- Ф**
 Фараон 136, 137, 200, 260
 Фарраш, фарраши 38, 40, 87, 88, 144,
 169, 170, 203, 233
 Фарраш-ханэ 87, 214
 Фарсанг 26, 68, 69, 91, 156
 Фетва 157, 210, 332 прим. 269
 Фикх 350 прим. 486

- Хадж** 67, 79, 80, 151, 222, 228
Хаджиб, хаджибы 37, 40, 41, 111, 168, 169, 175, 212, 219, 273, 274, 321 прим. 115; 327 прим. 191
Хаджиб великий 39, 40, 86, 317, 321 прим. 115; 331 прим. 262
Хаджиб ворот 58, 59, 153, 321 прим. 115
Хаджиб двора 128, 321 прим. 115
Хаджиб хаджибов 31, 317, 321 прим. 115
Хаджэ 147, 153, 331 прим. 262
Хаджэ-и-бозорг 331 прим. 262
Хақан 154—156
Халаджи 112, 327 прим. 193
Халафиты 209, 223
Халькэ 315 прим. 36
Ханифиты 67, 173, 333
Харадж 13, 27, 67, 343 прим. 401
Харвар 69, 71, 75
Хариджиты 165, 336, 338
Хатиб 8, 44, 47, 253
Хашар 203, 338 прим. 356
Хашимит 138, 260, 288, 330 прим. 235
Хейль-баши 111, 321 прим. 115
Хорезм-шах 230, 231, 352 прим. 490
Худаиган 318 прим. 70
Хурмузд 313 прим. 70
- Хуррамдинцы (или хуррамиты)** 10, 188, 204—206, 224—229, 265, 298, 336 прим. 338, 339, 349
- Чауш, чауши** 333 прим. 287
Чикили 104, 135, 325 прим. 173; 330 прим. 232
Човган 95, 102, 325 прим. 167
Чубдар 9
- Шабанкарэ** 107, 108
Шариат 8, 11, 60, 61, 147, 196, 208, 210, 222, 223
Шафигский толк 102
Шафигиты 71, 103, 173, 206, 268
Шахин-лах 314
Шахристан 233, 352 прим. 497
Шинты 163, 209, 211, 213, 263, 335, 333, 342
Шихнэ 8, 34, 49, 318 прим. 67; 320
- Эмир-и-хаджиб** 110, 143
Эмир-и-харас 9, 143—146, 261, 331 прим. 248
Эмирство (гулямов) 111
- Юабан** 315 прим. 34

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДЕКС
(АРАБСКИЙ АЛФАВИТ)

- 350 прим. 486 ابحاث
317 прим. 61 آزاد مرد
318 прим. 73 از دور قیاسی
316 прим. 41; 325 прим. 175 ارتفاع
318 прим. 66 اقطاع
331 прим. 248 امیر جوس
341 прим. 381 اهل بیت
316, 317 прим. 50 بازاری
316 прим. 50 بازارگان
319 прим. 75 برده
318 прим. 72 (или бирз игор) бирزгор
319 прим. 75 بنده
319 прим. 75 بندگی
323 прим. 148 بیاع
325 прим. 177 بیستگانی
پیشگانی см. بیستگانی
334 прим. 305 تاج
333 прим. 352 تخمه
332 прим. 267 ترقو (ترغو)
334 прим. 313 تصرفات
349 прим. 457 تعلیمیة
318 прим. 64 جاسوس
323 прим. 141 جعل
331 прим. 250 چویدار
321 прим. 115 حاجب
321 прим. 115 حاجب الباب
321 прим. 115 حاجب بزرگ
321 прим. 115 حاجب درگاه
329 прим. 211 حال
338 прим. 356 حشر
350 прим. 486 حلال
350 прим. 486 حمة الاحکام
324 прим. 155 خاصی
317 прим. 59 خدایگان
316 прим. 47 خلیفه
343 прим. 407 خوان یغما
323 прим. 151 خیش خانه
326 прим. 185 ناراشی
319 прим. 74 دانک
331 прим. 255 دیوار بست
319 прим. 75 درم خریدہ
321 прим. 111 دستار
320 прим. 101 دعوت
321 прим. 111 (или دیباج) دیبا
320 прим. 88 دیوان محتسب
323 прим. 146 دوستائی
324 прим. 153 روندگان
317 прим. 53 رئیس
317 прим. 54 زعیم
328 прим. 206 شمار (شعر)
336 прим. 326 شبستان
318 прим. 67 شحنة

- 322 прим. 126 صاحب بردید
 343 прим. 403 صاحب جیش
 322 прим. 126 صاحب خبر
 319 прим. 74 (ед. чис. صنیعہ) صنیاع
 332 прим. 267 طرغو
 332 прим. 280 طغرا
 345 прим. 420 طیلسان
 316 прим. 45 — عامل
 352 прим. 491 عبوہ
 314 прим. 20 عجم
 314 прим. 20 عجمی
 319 прим. 74 عقار
 314 прим. 13 عقل
 316 прим. 45 عمل
 326 прим. 186 عنوان
 317 прим. 52 عوانان
 328 прим. 200 عهد
 314 прим. 16 عین الکمال = چشم بد
 349 прим. 456 عالیة
 326 прим. 183 قراجور
 321 прим. 111 قصب
 334 прим. 305 کلاه
 319 прим. 79 کدخدا
 321 прим. 109 کورپاس
 331 прим. 257 کلیمی
 316 прим. 38 گنج نامه
 350 прим. 486 مباح
 320 прим. 84 میدان مید
 317 прим. 59 متصرف
 342 прим. 396 متکلم
 317 прим. 57 مجلس
 342 прим. 396 محقق
 318 прим. 74 مستغل
 318 прим. 64 مشرف
 339 прим. 366 مفدّم
 340 прим. 373 مقرومط
 323 прим. 150 مقرومه
 318 прим. 74 ملک
 318 прим. 74 ملک مستغل
 331 прим. 249 نویت

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СИАСЕТ-НАМЭ (перевод)	7
Глава первая. <i>О делах людей и времени; хвала владыке мира Гуас ад-дуниа ва-д-дин, да святится тайна его!</i>	11
Глава вторая. <i>О благодарности государей за благодеякия всевышнего</i>	14
Глава третья. <i>О разборе государем обид, правосудности и упражнении в добром житии</i>	16
Глава четвертая. <i>Об амилях, о постоянном разузнавании дел вазиров и чулямов</i>	24
Глава пятая. <i>О мукта, о разузнавании, как они обращаются с народом</i>	34
Глава шестая. <i>О казиях, хатибах, мухтасибе и успешности их дел</i>	44
Глава седьмая. <i>О разузнавании о делах амиля, казия, шихнэ, раиса и условиях управления</i>	49
Глава восьмая. <i>О разузнавании и осведомлении о делах веры шариата и тому подобном</i>	61
Глава девятая. <i>О мушифах и достатке их</i>	64
Глава десятая. <i>О сахиб-хабарах и о совершении мероприятий по делу царства</i>	65
Глава одиннадцатая. <i>О почтении к приказам его величества — да возвеличит его бог — и указам, что пишут со двора</i>	74
Глава двенадцатая. <i>О посылке чулямов со двора по важным делам</i>	77
Глава тринадцатая. <i>О посылке лазутчиков и о мероприятиях ко благу государства и народа</i>	78
Глава четырнадцатая. <i>О постоянном рассылании скороходов и птиц</i>	91
Глава пятнадцатая. <i>О проявлении внимания к приказам в опьянении и в трезвом состоянии</i>	92

	Стр.
Глава шестнадцатая. <i>О приближенном вакиле и успешности его дела . .</i>	93
Глава семнадцатая. <i>О надимах, о приближенных и о порядке их дел . .</i>	94
Глава восемнадцатая. <i>О совещаниях государя о делах сучеными и мудрецами . . . . .</i>	97
Глава девятнадцатая. <i>О муфридах, об их содержании, снаряжении, порядке дел и обстоятельствах . . . . .</i>	99
Глава двадцатая. <i>О распорядке в отношении оружия, украшенного драгоценными камнями, во время государева приема . . . . .</i>	100
Глава двадцать первая. <i>Относительно послов и их дела . . . . .</i>	101
Глава двадцать вторая. <i>О заготовлении фуража на остановках . . .</i>	105
Глава двадцать третья. <i>О ясности в имущественном состоянии всего войска . . . . .</i>	106
Глава двадцать четвертая. <i>О содержании войска всякого рода . . . . .</i>	107
Глава двадцать пятая. <i>О пребывании заложников и содержании войска разных племен при дворе . . . . .</i>	108
Глава двадцать шестая. <i>О необходимости иметь на службе туркмен на положении зулямов, тюрок и тому подобных . . . . .</i>	109
Глава двадцать седьмая. <i>О неутруждении рабов во время службы и распорядке их дел . . . . .</i>	110
Глава двадцать восьмая. <i>Относительно государевых приемов для приближенных и для всех . . . . .</i>	124
Глава двадцать девятая. <i>О распорядке собрания для винопития и правилах его . . . . .</i>	126
Глава тридцатая. <i>О порядке стояния рабов во время службы . . . . .</i>	128
Глава тридцать первая. <i>О нуждах и требованиях войска, о службе свиты .</i>	129
Глава тридцать вторая. <i>Об устройстве убранства, оружия и снаряжения, боевого и походного . . . . .</i>	130
Глава тридцать третья. <i>О выговорах высокопоставленным в случае ошибок и проступков . . . . .</i>	131
Глава тридцать четвертая. <i>Относительно дела стражей часовых и привратников . . . . .</i>	134
Глава тридцать пятая. <i>О добром устройстве стола и распорядке его у государя . . . . .</i>	135
Глава тридцать шестая. <i>О вознаграждении достойных слуг и рабов .</i>	138

	Стр.
Глава тридцать седьмая. <i>О мерах предосторожности по отношению кикта и мукта и делах народа . . . . .</i>	140
Глава тридцать восьмая. <i>О неторопливости государя в делах государств . . . . .</i>	141
Глава тридцать девятая. <i>Об эмир-и-харас, лихтерах и об орудиях наказания . . . . .</i>	143
Глава сороковая. <i>О милостях государя к божьему люду и о следовании правилам во всяком деле и обычае . . . . .</i>	147
Глава сорок первая. <i>О значении титулов . . . . .</i>	153
Глава сорок вторая. <i>О том, чтобы не приказывать двух должностей одному человеку, а приказывать таковые не имеющим дела, не оставлять их обездоленными, о предоставлении их людям с чистой верой, достойным, а маловерам и плоховедам должностей не давать, от себя удалять . . . . .</i>	161
Глава сорок третья. <i>Относительно женщин; о соблюдении чинов и глав войска и начальствующих . . . . .</i>	179
Глава сорок четвертая. <i>О выявлении дел еретиков, являющихся врагами царя и ислама . . . . .</i>	188
Глава сорок пятая. <i>О появлении Мездака, его вероучении, как произошло его убиение Нуширваном Справедливым . . . . .</i>	190
Глава сорок шестая. <i>О выступлении Сумбада Тябра из Нишапура в Рей против мусульман и его смута . . . . .</i>	205
Глава сорок седьмая. <i>О появлении карматов и батинитов в Кухистане, Ираке и Хорасане . . . . .</i>	207
Глава сорок восьмая. <i>О выступлении батанитов в Хорасане и Мавераннахре . . . . .</i>	212
Глава сорок девятая. <i>О сохранности казнохранилища, о соблюдении правил и порядка в нем . . . . .</i>	230
Глава пятидесятая. <i>О даче ответов, о проведении дел челобитников и свершении правосудия . . . . .</i>	232
Глава пятьдесят первая. <i>О наблюдении за отчетностью владения и порядке и способе ее . . . . .</i>	235

ПРИЛОЖЕНИЯ

	Стр.
Послесловие	241
Введение в изучение памятника	244
Примечания	313
Список условных сокращений	354
Именной указатель	356
Предметный указатель	370

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. М. Гогоутдинов.*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова.*
Корректор *Т. В. Кудрявцева.*
Художник *И. Ф. Рерберг.*

*

РИСО АН СССР № 3661. А-12991. Изд. № 2117.
Тип. заказ № 1493. Подп. к печ. 3/ХІІ 1949 г.
Формат бумаги 70X92¹/₁₆. Печ. л. 233³/₄ Уч. издат.
л. 20,25. Тираж 5000. Цена 17 руб.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, Вас. Остр., 9-я линия, д. 12.

